

63 V
B 748

ISSN 0042-8779

ИВАН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

12

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории
ВКП(б)» 3

СТАТЬИ

- Р.Х. Симонян — Страны Балтии и распад СССР
(о некоторых мифах и стереотипах массового со-
знания) 27
- В.В. Каминский — Русские генштабисты в 1917—1920
годах. Итоги изучения 40

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Б. Головкин — Князь Роман Мстиславич 52

ВОСПОМИНАНИЯ

- С.Н. Глобачева — Прелюдия происходящих в мире со-
бытий 71

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Шляпников — За хлебом и нефтью 94

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- М.А. Фельдман** — Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929—1941 годы) 120

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.А. Щербаков** — К истории создания самолета ИЛ-2 ... 133
- Р.Ш. Кудашев** — Записки переводчика 136
- А.А. Орлов** — «Спаситель отечества» Роман Медокс — узник двух императоров 145
- Б.В. Петелин** — Был ли план объединения Германии? .. 149

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Н.Н. Болховитинов, С.И. Жук** — Марксистские и лево-радикальные тенденции в современной историографии США 154
- М.Е. Ерин, Г.Н. Канинская** — А.Б. Соколов. Введение в современную западную историографию 159
- А.А. Иголкин** — С.С. Хромов. Леонид Красин. Незвестные страницы биографии. 1920—1926 161
- С.В. Дамберг, В.Е. Семенов** — Л.Б. Брусиловская. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля 163
- В.С. Кузнецов** — Исторические записки 165

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- Ф.А. Селезнев** — О переговорах П.А. Столыпина с кадетами в апреле-июне 1907 года 167
- А.И. Миллер** — Несколько возражений М.В. Дмитриеву 168
- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2002 году 170

И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)»

№ 6. Сталин. Правка §§ 5 и 6 главы 4,
- май—июнь 1938 года ¹

²рабочих крупной промышленности, преобладала мелкая и кустарная промышленность, много было торговых заведений и связанного с ними «торгового пролетариата» (приказчиков и т.д.). Классовые противоречия не были здесь так резко очерчены, как, например, в Баку и других крупных промышленных центрах.

По своей природе мелкий собственник, кустарь неспособен к дружной, организованной борьбе против крупной буржуазии. Мелкий собственник распылен, ему трудно организовать, его связывает чувство собственности, надежда как-нибудь «выйти в люди», приспособиться к существующему строю. Наличие большого количества мелкой буржуазии и рабочих мелкой промышленности, где классовые противоречия между рабочими и хозяевами не были так остры, — все это явилось питательной почвой для соглашателей-меньшевиков.

В Баку наличие крупной промышленности, большого количества рабочих в ней, резко выраженные классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом являлись питательной почвой для большевизма. Резко классовая позиция большевиков находила живой отклик среди бакинских рабочих.

Руководимая товарищем Сталиным бакинская партийная организация без перерыва существовала в годы реакции, и, несмотря на репрессии, царское правительство не смогло нанести ей сокрушительный удар. Бакинская организация принимала во всех проявлениях рабочего движения самое активное участие, она была массовой партийной организацией в полном смысле этого слова.

Борьба товарища Сталина в Закавказье за ленинскую линию имела большое, общепартийное значение. Партийные организации Закавказья, в первую очередь Бакинский комитет, оказывали Ленину поддержку в его борьбе с меньшевиками-ликвидаторами (в том числе троцкистами), с «отзовистами» и примиренцами.

В своих исторических статьях — «Письмах с Кавказа» и в ряде выступлений товарищ Сталин вскрывал предательство грузинских меньшевиков и разоблачал на их примере сущность общероссийского ликвидаторства.>

<6> 5 Пражская партийная² конференция в 1912 год<a>у <i> Оформление⁴ большевиков в самостоятельную социал-демократическую рабочую партию.

⁵[Чтобы в условиях столыпинской реакции успешно собирать силы рабочего класса для нового революционного подъема, пролетарская партия должна была очиститься от *предателей*, от оппортунистов, от меньшевиков-ликвидаторов. <от примиренцев с ними.>

Мы <уже> видели, как проявляли себя меньшевики в революции 1905 года, как они разбивали силы рабочего класса своей оппортунистической, соглашательской политикой. В период реакции еще более заметной стала тяга меньшевиков к кадетоам, их стремление отойти от программы партии. Меньшевики отказались от <всех> революционных задач и лозунгов *партии*. Они хотели примирить рабочий класс со <временным торжеством контрреволюции> *столыпинским режимом*. Меньшевики предлагали уничтожить, ликвидировать нелегальную революционную пролетарскую партию. Вместо нее они хотели создать легальную «столыпинскую рабочую партию», которая была бы <безопасна> *приемлема* для царского правительства <i>и буржуазии</i>, которая и не помышляла бы о революции. *Так окончательно скатились меньшевики в яму предательства партии и рабочего класса.*]

Очевидно <Все яснее становилось>, что⁶ <что> дальнейшее <формальное> пребывание большевиков *формально* в одной <социал-демократической> партии с меньшевиками ⁷*становилось невозможным*⁵.

Находясь в одной партии с меньшевиками, большевики так или иначе брали на себя моральную ответственность за поведение меньшевиков. Но брать на себя моральную ответственность за открытое предательство меньшевиков становилось уже невыносимым, если большевики не хотели сами стать изменниками партии и рабочего класса. Единство с меньшевиками в рамках одной партии перерастало, таким образом, в измену рабочему классу и его партии. Необходимо было поэтому фактический разрыв с меньшевиками довести до конца, довести до формально-организационного разрыва с ними и изгнать из партии меньшевиков.⁷

Только на этом пути можно было воссоздать революционную партию пролетариата с единой программой, с единой тактикой⁸ и организационным планом⁹.⁹ Только на этом пути можно было установить действительное (а не только формальное) единство партии, разрушенное меньшевиками.¹⁰

Эту <почетную> задачу должна была выполнить VI общепартийная конференция¹¹ в Праге (Пражская конференция), созванная большевиками.¹²

¹³*Но это не все¹¹. Формальный разрыв с меньшевиками и оформление большевиков в отдельную партию представляли, конечно, очень важную политическую¹⁴ задачу. Но перед большевиками стояла еще¹⁵ другая, более важная, задача. Задача состояла не только в том, чтобы порвать с меньшевиками и оформиться в отдельную партию¹⁵, а, прежде всего, в том, чтобы, порвав с меньшевиками, создать новую партию, создать <новый тип> партию¹⁶ нового типа¹⁶, отличную¹⁷ от обычных социал-демократических партий Запада¹⁸.*

Воюя¹⁹ против большевиков, все¹⁵ меньшевики, ¹⁶без различия¹⁶ ²⁰оттенков, <брали образцы> от ¹⁶Аксельрода и ¹⁶Мартынова²¹ до Мартова и Троцкого, — <брали образцы из практики> ¹⁶неизменно пользовались оружием, взятым из арсенала¹⁶ западно-европейских социал-демократов. Они хотели иметь в России такую же партию, как, скажем, немецкая или французская социал-демократическая партия. Они потому и воевали²² с большевиками, что чуяли в них что-то новое, необычное, отличное от социал-демократии Запада.

А что [из себя] представляли тогда социал-демократические партии Запада? Смесь, мешанину из¹⁵ марксистских и оппортунистических элементов, из¹⁵ друзей и <врагов> противников¹⁵ революции, из¹⁵ сторонников и противников <пролетариата> партийности — с постепенным идейным <подчине> примирением первых с последними, с постепенным фактическим подчинением первых последним. Примирение с оппортунистами, с изменниками революции, — ради чего, спрашивали большевики западно-европейских марксистов²³. Ради «мира в

партии», ради «единства» — отвечали большевикам. ²⁴Единства с кем? С оппортунистами²⁴.

Большевики не могли не видеть, что после смерти Энгельса западно-европейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии «социальных реформ», а ¹⁶каждая из этих¹⁶ ²⁵партий, как организация, ²⁶уже превратилась²⁶ из руководящей силы в придаток ¹⁶своей собственной¹⁶ парламентской <социал-демократической> группы. ⁹Большевики не могли не знать, что от такой партии не поздоруются пролетариату, что такая партия не способна повести рабочий класс на революцию²⁷, что пролетариату нужна не такая партия, а другая, новая, ¹⁶настоящая марксистская партия¹⁶, ²⁸которая бы²⁹ была непри²⁸миримой в отношении оппортунистов, ³⁰революционной в отношении буржуазии, ¹⁶которая бы²⁹ была крепко сплочена и¹⁶ монолитна, ²⁸которая была бы партией социальной революции, партией диктатуры пролетариата.¹⁰ Большевики хотели иметь³¹ именно такую <партию>, новую партию. И большевики строили, готовили такую партию. Вся история борьбы с «экономистами», меньшевиками, троцкистами, отзовистами, идеалистами всех мастей вплоть до эмпириокритиков, — была историей подготовки такой именно партии. Большевики хотели создать новую, большевицкую партию, способную быть образцом для всех, кто ³²хотели имели³² иметь настоящую революционную марксистскую партию. Большевики готовили такую партию уже со времен старой «Искры»³³. Основную и решающую роль сыграли в этой подготовительной работе такие труды Ленина, как «Что делать?», «Две тактики [в демократической революции]» и т.д.²⁸ Книга Ленина «Что делать?» была идеологической подготовкой такой партии. [Другая¹⁵] Книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад» была организационной подготовкой такой партии. [Третья¹⁵] Книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была политической подготовкой такой партии. <Книга> Наконец, книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была теоретической подготовкой такой партии¹⁵. ⁹Можно с уверенностью сказать, что ¹⁶никогда еще в <мире> истории¹⁶ ни одна политическая группа <в мире> не была <еще> так основательно подготовлена к тому, чтобы оформиться в [новую¹⁵] партию, как большевицкая группа.⁹ При таких условиях оформление большевиков в партию представляло вполне готовое и назревшее дело.

Задача VI партийной конференции состояла в том, чтобы увенчать уже готовое дело актом ¹⁶изгнания меньшевиков и¹⁶ оформления ³⁴новой партии, партии большевиков³⁴. ¹³

<В изнурительной борьбе с меньшевиками-ликвидаторами большевики подготовили созыв>¹⁰ VI Всероссийская<ой> партийная<ой> конференция<и, которая> состоялась в Праге в январе 1912 года.

Большую работу по подготовке Пражской конференции провел тов³⁵. Орджоникидзе, который объехал ряд организаций и делал доклад на конференции о деятельности организационной комиссии по ее созыву.³⁶ Тов<ариш> Сталин целиком поддержал линию Ленина на разрыв с ликвидаторами. По поручению Ленина тов<ариш> Сталин провел огромную работу в России по созыву общепартийной Пражской конференции. В начале июля 1911 года тов<ариш> Сталин совершил третий побег из ссылки и приехал в Петербург. Тов<ариш> Сталин в Петербурге организует и направляет борьбу против ликвидаторов-меньшевиков и троцкистов, сплачивает и укрепляет большевицкую<ие> организацию<и> Петербурга. Летом 1911 года тов<ариш> Сталин приезжает<л> в Баку и Тифлис для организации борьбы за созыв Всероссийской общепартийной конференции. Но в сентябре 1911 года он <товарищ Сталин> был арестован в Петербурге и сослан в ссылку³⁷ <(четвертая ссылка)>, и поэтому <он> не мог присутствовать³⁸ на Пражской конференции.

<Пражской конференции суждено было сыграть исключительно важную роль в истории нашей партии, воссоздать пролетарскую партию под руководством большевиков на основе полного организационного разрыва с меньшевиками и <полного> изгнания из партии оппортунистов.>

Свыше 20 партийных³⁹ организаций было представлено на этой конференции. <имевшей> Она имела поэтому формально значение съезда партии.

<На конференцию были приглашены представители меньшевистского центра с правом участия в прениях на конференции, чтобы дать им возможность⁴⁰ защитить свою платформу перед лицом конференции и выступить против платформы большевиков. Но меньшевики отказались присутствовать на конференции.>

В извещении о конференции, сообщавшем о восстановлении разрушенного центрального аппарата партии, о создании ЦК партии, говорилось о том, что годы реакции являются самыми тяжелыми годами для партии с тех пор, как российская социал-демократия сложилась, как определенная организация. Несмотря на все гонения, на тяжелые удары извне, на измену и шатания оппортунистов *внутри*⁴¹ партии, партия пролетариата сохранила свое знамя и свою организацию.

«Уцелело не только знамя российской социал-демократии, ее программа, ее революционные заветы, уцелела ее организация, которую могли подрывать и ослаблять, но не могли снести дотла никакие преследования. <Пролетариат необходим в капиталистическом обществе, ибо оно не в состоянии держаться, не увеличивая численность пролетариев, не повышая их сплоченность и способность к отпору>» — говорилось в извещении конференции, <дышавшем несокрушимой верой в массы>.

Конференция отметила первые признаки нового подъема рабочего движения в России и оживление партийной работы.

По докладам с мест конференция констатировала, что «всюду на местах ведется среди социал-демократических рабочих энергичная работа по укреплению местных нелегальных с.-д. организаций и групп».

Конференция отметила, что на местах всюду признано важнейшее правило большевистской тактики в период отступления — сочетание нелегальной работы с легальной в различных легальных рабочих обществах и союзах.

<На VI (Пражской) конференции были разрешены важнейшие организационные вопросы.>

Пражская конференция выбрала большевистский Центральный Комитет партии. В состав этого ЦК вошли Ленин, Сталин, Орджоникидзе, Свердлов, Спандарьян и другие. Товарищи Сталин и Свердлов были избраны в ЦК заочно, так как они находились в ссылке. В числе кандидатов ЦК был избран тов. Калинин.

Был создан практический центр для руководства <всей> революционной работой в России (Русское бюро ЦК) во главе с тов<арищем> Сталиным. В Русское бюро ЦК вошли, кроме тов<арища> Сталина, товарищи Я. Свердлов, С. Спандарьян, С. Орджоникидзе, М. Калинин.

<Как руководитель Русского бюро ЦК товарищ Сталин, который вскоре после конференции бежал из ссылки, объезжал важнейшие районы России, строил большевистскую партию, организовал «Правду», руководил думской фракцией. Товарищ Сталин непосредственно направлял по указаниям Ленина работу большевистской партии в период нового подъема рабочего движения.>

Пражская конференция подвела итог всей предшествующей борьбе *большевиков*⁴² за очищение и укрепление пролетарской партии^{42, 36}

[Большевики уже в 1903 году, на II съезде РСДРП, выделились как самостоятельное политическое течение, как фракция или группа и вели линию на *изоляция*⁴³ оппортунистов<ам>. В революции 1905—1907 годов большевики выступили со своей особой, революционной тактикой, <резко> отличной от *оппортунистической* соглашательской тактики меньшевиков, <не хотевших доводить революцию до конца>. Но до Пражской конференции большевики, сохраняя свою особую партийную организацию в виде фракции и вели борьбу против меньшевизма в рамках формально общей, объединенной с меньшевиками партии.³⁶

Большевики использовали это формальное объединение для разоблачения меньшевиков, для отрыва от меньшевиков обманутых ими рабочих, для

<разгрома> *изоляция* меньшевизма. На V Лондонском съезде РСДРП (1907 год), который был созван, как съезд объединенной партии, победила революционная линия большевиков.³⁶

После V съезда, в годы реакции, меньшевики все больше скатывались на путь измены революции. Надо было покончить со всякими остатками формального объединения с меньшевиками, ⁴⁴*чтобы создать наконец революционную партию пролетариата*^{44, 45}

Поэтому Пражская конференция изгнала из партии меньшевиков <-ликвидаторов> и оформила самостоятельное существование большевистской партии с большевистским Центральным комитетом во главе, объединив <ла> *пролетарские*⁴⁶ организации по всей стране в единую пролетарскую партию.

<В этом основной смысл и историческое значение Пражской конференции, заменившей собою съезд партии.¹⁰ Отныне борьба со всеми <небольшевистскими> <оппортунистическими> течениями в значительной степени облегчилась и организационно.>]

⁴⁷Разгромив идейно и организационно меньшевиков <-ликвидаторов>, изгнав их из партии, большевики сохранили за собой старое знамя партии — РСДРП. Поэтому партия большевиков до 1918 года продолжала называться Российской социал-демократической рабочей партией *с добавлением* <но> в скобках <добавлялось> — «большевиков».

Ленин писал Горькому об итогах Пражской конференции в начале 1912 года:

«Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами» (Ленин, т. XXIX, стр. 19).

<«Известно, говорил товарищ Сталин,>¹⁰ Оценивая⁴⁸ значение Пражской конференции, *т*⁴⁹. *Сталин говорит*, — что ⁹«эта конференция имела величайшее значение в истории нашей партии, ибо она положила между между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию» (Стенотчет XV съезда ВКП(б), стр. 361—362).

После изгнания <ликвидаторов-> меньшевиков <из пролетарской партии, после> и оформления большевиков в самостоятельную партию партия большевиков *стала крепче и сильнее* <еще больше укрепились>. ⁵⁰Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов⁵⁰ — в этом *один*<на> из *лозунгов*⁵¹ большевистской партии, как партии нового типа, принципиально отличной от реформистских⁵² партий II Интернационала. Партии II Интернационала, называя себя на словах марксистскими, на деле терпели в своей среде противников марксизма, открытых оппортунистов [в своей среде], *и дали им разложить*⁵³ II Интернационал. Большевики⁵⁴ вели принципиальную⁵⁵

РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 23—26. Фотокопия типографского текста (макета с правкой); л. 19—22. Фотокопия рукописи.

Автограф — фиолетовыми чернилами, черным и зеленым карандашами.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 134—137 (окончательная редакция).

Примечания

1. Текст представляет собой листы макета (с. 99—102) с окончанием 5-го параграфа 4-й главы «Краткого курса», после которого начинается 6-й параграф главы. Сталин перечеркнул, видимо, весь параграф, посвященный партийным организациям в Закавказье. Таким образом, 6-й параграф стал пятым. На с. 99, 101 сталинская пагинация листов: 9, 10. Сталинский текст написан как на полях страниц макета, так и поверх типографского текста и на отдельных листах из блокнота (сначала карандашом, а потом поверх карандаша — чернилами).
2. Предыдущий текст параграфа находится на листах, отсутствующих в деле.
3. Поверх написано: партийная. Далее над строкой вписано одно слово, которое затем зачеркнуто.
4. О из о

5-5. *Текст в окончательном варианте дан в другой редакции, вероятно, самим Сталиным:* «Борьба с ликвидаторами и отзовистами, равно как борьба с троцкистами, поставила перед большевиками насущную задачу — сплотить воедино всех большевиков и оформить их в самостоятельную большевистскую партию. Это было настоятельно необходимо не только для того, чтобы покончить с оппортунистическими течениями в партии, раскалывавшими рабочий класс. Это необходимо было сделать еще для того, чтобы довести до конца дело собирания сил рабочего класса и подготовить рабочий класс к новому революционному подъему.

Но чтобы выполнить эту задачу, необходимо было прежде всего очистить партию от оппортунистов, от меньшевиков.

Теперь уже никто из большевиков не сомневался в том, что дальнейшее пребывание большевиков в одной партии с меньшевиками — стало невыносимым. Предательское поведение меньшевиков в период столыпинской реакции, их попытки ликвидировать пролетарскую партию и организовать новую, реформистскую партию — сделали неизбежным разрыв с ними» (см.: Краткий курс, с. 134).

6. *Поверх написано:* становилось.

7-7. *Поверх написано:* только вредно делу революции. Дальнейшее формальное пребывание в одной партии с меньшевиками теряло смысл потому что, среди партийных рабочих меньшевики-ликвидаторы были уже достаточно разоблачены. У ликвидаторов почти не было сторонников в нелегальных социал-демократических партийных организациях в России.

А чтобы разбить меньшевик-ликвидаторов в беспартийных рабочих организациях — уцелевших профсоюзах, кооперативах, больничных и страховых кассах и т.д., надо было довести раскол с ними до конца, выгнать их из пролетарской партии.

Раскол с меньшевиками надо было довести до конца и потому, что наличие формально объединенной организации (общий ЦК партии) давало возможность меньшевикам (в том числе троцкистам) и примиренцам устраивать волокиту и саботаж при наведении нового партийного совещания, любого революционного мероприятия.

8-8. *В окончательной редакции:* с единой классово-организацией (с. 134).

9. *В окончательной редакции следующее предложение начиналось с новой строки.*

10. *Далее знак абзаца.*

11-11. *В окончательной редакции:* подготавливавшаяся большевиками. Но эта задача составляла лишь одну сторону дела.

12. *Далее сталинская вставка:* Е Е Е

13-13. *Данный фрагмент написан Сталиным на листах блокнота (с отдельной пагинацией страниц от 1 до 4) карандашом. Над текстом вписано фиолетовыми чернилами:* Е Е Е Вставка

14. *Написано поверх другого слова.*

15. *Над строкой.*

16-16. *Над строкой.*

17. *ый исправлено на ую*

18. *Далее в окончательной редакции:* свободную от оппортунистических элементов, способную повести пролетариат на борьбу за власть.

19. *В окончательной редакции:* борясь.

20. *Перед этим зачеркнуто одно слово, возможно: всех.*

21. *Далее несколько слов густо зачеркнуто.*

22. *В окончательной редакции:* боролись.

23. *В окончательной редакции:* социал-демократов.

24-24. *В окончательной редакции:* Единства с кем, с оппортунистами? Да, отвечали они, с оппортунистами. Ясно было, что такие партии не могут быть революционными партиями.

25. *Перед этим одно слово зачеркнуто.*

26-26. *Поверх написано:* стала превращаться.

27. *Далее в окончательной редакции:* Большевики не могли не знать,

28-28. *Текст написан чернилами поверх текста, написанного карандашом. Поэтому первоначальный текст почти не читаем.*

29. *В окончательной редакции:* бы после была.

30. *В окончательной редакции перед этим:* и.

31. *Далее в окончательной редакции:* у себя.

32-32. *В окончательной редакции вместо этого:* хотел.

33. *Далее несколько слов зачеркнуто. Вместо них в окончательной редакции:* 'Они готовили ее упорно, настойчиво, несмотря ни на что.

- 34-34. *Чернилами поверх карандаша: большевиков в партию.*
35. *Поверх написано: Серго.*
36. *Далее стрелка к другому абзацу.*
37. *Поверх написано: Вологодскую губернию.*
38. *В окончательной редакции: участвовать.*
39. *Поверх написано: большевистских.*
40. *Далее одно слово не читается.*
41. *Поверх написано: изнутри.*
- 42-42. *В окончательной редакции: с оппортунизмом и постановила изгнать из партии меньшевиков.*
43. *В тексте одно слово замазано.*
- 44-44. *Поверх написано: тем более что подавляющее большинство рабочих, в нелегальных партийных организациях твердо шло за большевиками.*
45. *Далее текст зачеркнут, читается только конец фразы: единство партии.*
46. *Поверх написано: большевистские.*
47. *В окончательной редакции перед этим идет другой текст: Пражская конференция, изгнав меньшевиков из партии, оформила самостоятельное существование большевистской партии.*
48. *О из о.*
49. *В окончательной редакции: тов.*
- 50-50. *Подчеркнуто Сталиным.*
51. *Поверх написано: особенностей.*
52. *Вместо этого в окончательном тексте: социал-демократических.*
53. *Далее в окончательной редакции: погубить.*
54. *Далее в окончательной редакции: наоборот,*
55. *Вместо этого в окончательной редакции: непримиримую. Текст на странице обрывается. В окончательной редакции далее: борьбу с оппортунистами, очищали пролетарскую партию от скверны оппортунизма и добились того, что создали партию нового типа, партию ленинскую, партию, завосвавшую потом диктатуру пролетариата.*

№ 7. Сталин. Фрагмент § 6, правка § 8 и кратких выводов к главе 7¹

Фрагмент § 6 главы 7.

²*когда империалистическая война была еще в разгаре, когда главные буржуазные государства были расколоты на два враждебных лагеря, когда они, будучи заняты войной друг с другом и ослабляя друг друга, не имели возможности серьезно вмешаться в «русские дела» и активно выступить против Октябрьской революции. Несомненно, что это обстоятельство значительно облегчило победу Октябрьской социалистической революции.*

Правка § 8 главы 7.

³*ценам⁴. Они (кулаки. — М.З.) хотели при помощи голода заставить Советское государство отказаться от проведения социалистических мероприятий. Партия поставила задачу — разгромить контрреволюционное кулачество. Для ⁵организации бедноты и успешной борьбы⁵ с кулачеством, располагавшим излишками хлеба, был организован поход рабочих в деревню.*

«Товарищи-рабочие! — писал Ленин — Помните, что положение революции критическое. Помните, что спасти ⁶революцию можете только вы, — больше некому.⁷

Десятки тысяч отборных, передовых, преданных социализму рабочих, неспособных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков, спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов, — вот что необходимо» (Ленин, т. XXIII, стр. 25)⁶.

«Борьба за хлеб — это борьба за социализм», — говорил Ленин, и под этим лозунгом шла организация рабочих для похода в деревню. Был издан ряд декретов, устанавливающих продовольственную диктатуру и предоставляющих органам наркомпродов чрезвычайные полномочия для ⁸закупки хлеба по твердым ценам⁸.

Декретом 11 июня 1918 года были созданы ⁹комитеты бедноты⁹ (комбеды). Комбеды сыграли большую роль в борьбе с кулачеством, в деле перерас-

предела конфискованных земель и распределения хозяйственного инвентаря, в *заготовке*¹⁰ продовольственных излишков у кулаков, <и> [*а также*] в деле снабжения продовольствием рабочих центров и Красной армии. 50 миллионов гектаров кулацкой земли перешло в руки бедноты и середняков. Была конфискована у кулачества значительная часть средств производства *в пользу бедноты*.

Организация комитетов бедноты являлась дальнейшим этапом в развертывании социалистической революции в деревне. Комбеды являлись опорными пунктами диктатуры пролетариата в деревне. Через комбеды в значительной степени шло формирование кадров Красной армии из крестьянского населения.

Поход пролетариев в деревню и организация комитетов бедноты упрочили Советскую власть в деревне и имели огромное политическое значение для завоевания крестьянина-середняка на сторону Советской власти.

К концу 1918 года, когда комбеды выполнили свои задачи, они прекратили свое существование, *слившись с Советами в деревне*.

4 июля 1918 года открылся V съезд Советов [на котором подавляющее большинство делегатов были большевики]. «На съезде ожесточенную борьбу против Ленина, в защиту кулаков развернули «левые» эсеры.¹¹ Они требовали прекращения борьбы с кулачеством ¹²*и отказа от*¹² *посылки рабочих*¹³ продовольственных отрядов¹³ *в деревню*. <В особенности отличались истерическими выступлениями «левая» эсерка Спиридонова и Карелин. «Левый» эсер Камков предложил послать приветствие воинским частям, нарушавшим революционную дисциплину.>

Когда «левые» эсеры убедились, что их линия встречает *твердый*<ое> *отпор*¹⁴ со стороны большинства съезда, они организовали *мятеж*¹⁵ в Москве, захватили Трехсвятительский переулок и оттуда начали было артиллерийский обстрел Кремля. Однако, в течение нескольких часов эта «лево»-эсеровская авантюра была подавлена *большевиками*¹⁶. В ряде пунктов страны местные организации «левых» эсеров также пытались восстать, но повсюду эта авантюра была быстро ликвидирована.¹⁷

Как установлено *теперь* процессом антисоветского «правотроцкистского блока» [*в 1938 году*], мятеж «левых» эсеров был поднят с ведома и согласия Бухарина и Троцкого и являлся частью общего плана контрреволюционного заговора бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров *против Советской власти*.

В то же самое время «левый» эсер Блюмкин, впоследствии <тайный> агент Троцкого, забрался в германское посольство и, с целью вызвать¹⁸ [новую] войну с *Германией*, убил <графа> Мирбаха — германского посла в *Москве*. Но Советскому¹⁹ правительству удалось предотвратить войну и сорвать провокацию контрреволюционеров.

²⁰*На V*²⁰ съезде Советов *была принята*²¹ Конституция²² РСФСР, <в разработке которой принимал активнейшее участие товарищ Сталин> — *первая советская Конституция*.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

²³На протяжении восьми месяцев от февраля до октября 1917 года партия большевиков выполняет труднейшую задачу: она завоевывает большинство в рабочем классе, <в армии и флоте> в Советах, *она* привлекает на сторону социалистической революции миллионы крестьян. Она вырывает эти массы из-под влияния мелкобуржуазных партий (эсеров, меньшевиков, ²⁴анархосиндикалистов и пр.²⁴), она шаг за шагом разоблачает политику этих партий, направленную против *интересов* трудящихся. Партия большевиков развертывает огромную политическую работу на фронте и в тылу, подготавливая массы к Октябрьской социалистической революции.

Решающие моменты в истории партии этого периода: приезд Ленина из эмиграции <и Сталина из ссылки>, Апрельские тезисы Ленина, Апрельская конференция партии и VI съезд партии. В ²⁵*решениях партии рабочий класс*²⁵ черпает силу и уверенность в победе, находит ответ на важнейшие вопросы борьбы²⁶. Апрельская конференция направляет партию на борьбу²³ за пере-

ход от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. VI съезд нацеливает партию на вооруженное восстание против буржуазии и ее Временного правительства.

[Мелкобуржуазные] Соглашательские партии эсеров и меньшевиков, анархо-синдикалисты²⁷ и прочие некоммунистические партии <в рабочем классе> завершают²⁸ свое развитие: все они становятся²⁹ <контрреволюционными> буржуазными партиями уже перед Октябрьской революцией, ³⁰[а³¹ в последствии превращаются³² в агентов иностранных <разведок> буржуазных правительств]³⁰. Партия большевиков одна руководит борьбою масс за ³³свержение буржуазии и установление власти Советов³³.

Одновременно с тем большевики <партия> разбивают³⁴ попытки капитулянтов [и штрейкбрехеров]³⁵ — Зиновьева, Каменева, Рыкова, [изменников —] Бухарина, Троцкого, Пятакова <и других, которые были выразителями внутри партии меньшевистского мелкобуржуазного> ³⁶свернуть партию³⁶ с пути социалистической революции <или оттянуть момент революции. Уже в этот период этих врагов большевизма, несмотря на «оттенки» их взглядов, роднит неверие в победу социалистической пролетарской революции.

Партия под руководством Ленина и Сталина успешно организует рабочих и трудящихся крестьян для свержения власти буржуазии и помещиков¹⁷. Возглавляемый³⁷ партией большевиков <рабочие>, ³⁸рабочий класс³⁸, при поддержке ³⁹солдат и матросов [крестьян], свергает власть буржуазии, устанавливает власть Советов, учреждает новый тип государства³⁹ — социалистическое советское государство, — <уничтожают> отменяет помещичью собственность на землю, передает землю на⁴⁰ пользование крестьянству⁴¹, ⁴²находит⁴³ выход из войны⁴², [заключает] — мир [с немцами], получает необходимую передышку и создает, таким образом, условия для подступа⁴⁴ социалистического строительства.

Октябрьская⁴⁵ социалистическая революция <в СССР> <свергла вла> разбила капитализм, отняла у буржуазии <и помещиков> средства производства и превратила⁴⁶ фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки ⁴⁷в собственность⁴⁷ всего народа, в общественную собственность.

<Социалистическая революция⁴⁸ освободила нашу страну от зависимого полуколониального положения, разорвав тайные договоры с империалистами, выведя страну из империалистической войны, отменив кабальные иностранные займы, проведя национализацию предприятий, <которые принадлежали> принадлежавших иностранным капиталистам.⁴⁹

Социалистическая революция впервые в человеческой истории создала и укрепила власть трудящихся, диктатуру пролетариата в огромной стране. Она воплотила в жизнь новый тип государства — государство советов рабочих и крестьянских депутатов, советов депутатов трудящихся.

Октябрьская социалистическая революция положила начало международной социалистической революции пролетариата.>

Она установила диктатуру пролетариата и передала руководство огромным<ой страной> государством рабочему классу, сделав его, таким образом, господствующим классом.

Тем самым Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру пролетарских революций.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 27—29.

Фотокопия типографского текста с рукописной правкой (макет).

Автограф — фиолетовыми чернилами и красным карандашом.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 205, 212—214 (окончательная редакция).

Примечания

1. Часть макета с окончанием восьмого параграфа главы VII (с. 175—177) содержит многочисленные сталинские зачеркивания и вставки на полях, поверх текста и внизу страницы. Рукописный фрагмент, написанный внизу 175 и 176 страниц ма-

кета, относится к параграфу 6. Начало этой части текста находится на других, не выявленных в РГАСПИ страницах. Видимо, вся заключительная часть шестого параграфа 7-й главы написана Сталиным. На с. 175 и 177 макета сталинская нагиная страница; 18 и 19.

2. Начало фразы: 5. Октябрьская революция началась в такой момент,
3. С этого слова начинается 175-я страница макета. Начало фразы: Кулаки, борясь с пролетарским государством, отказывались продавать государству хлеб по твердым.
4. Поверх написано: цене.
- 5-5. Поверх написано: борьбы с контрреволюцией, для сплочения бедноты в борьбе.
- 6-6. На полях текст отчеркнут и написано снизу вверх: взятки.
7. Стрелка к началу следующего абзаца. В окончательной редакции текст дан без разбивки на абзацы.
- 8-8. Поверх написано: борьбы с кулачеством.
- 9-9. Подчеркнуто Сталиным.
10. Поверх написано: реквизиции.
- 11-11. В окончательной редакции предложение дано с иным порядком слов.
- 12-12. Поверх написано: Они выступали против.
- 13-13. В окончательной редакции: продотрядов.
14. Поверх написано: сопротивление.
15. Поверх написано: восстание.
16. Поверх написано: и «лсвые» эсеры бежали из Москвы.
17. Далее вставлен знак абзаца.
18. В окончательной редакции: спровоцировать.
19. С из с.
20. Поверх написано V.
21. та написано поверх л.
22. я написано поверх ю.
- 23-23. На полях первоначально было что-то написано красным карандашом, а потом зачеркнуто фиолетовыми чернилами.
- 24-24. В окончательной редакции: анархистов.
- 25-25. Поверх написано: выступлениях Ленина и Сталина, в их руководстве партия.
26. В окончательной редакции: революции.
27. В окончательной редакции: анархисты.
28. за написано поверх до.
29. новятся написано поверх ли.
- 30-30. В окончательной редакции: отстаивающими целость и сохранность капиталистического строя.
31. а из и.
32. щаются написано поверх тились.
- 33-33. Поверх написано: диктатуру пролетариата, за социалистическую революцию.
34. ют написано поверх ет.
35. В окончательной редакции далее: внутри партии.
- 36-36. Поверх написано: влияния, свернуть ес.
37. й написано поверх е.
- 38-38. Поверх написано: рабочие В окончательной редакции далее: в союзе с крестьянской беднотой,
- 39-39. Поверх написано: трудящихся крестьян, совершают Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая открыла новую эпоху всемирной истории.
40. В окончательной редакции: в.
41. В окончательной редакции далее: национализирует все земли в стране, экспроприрует капиталистов.
- 42-42. Вписано позднее над строкой.
43. В окончательной редакции: завоевывает.
44. подступа читается приблизительно. В окончательной редакции: развертывания.
45. Поверх написано: Победоносная.
46. ла написано поверх в.
- 47-47. Поверх написано: во всепародное достояние.
48. Вписан знак абзаца и вставлено: Она.
49. Интересно, что данный тезис, взятый из письма Сталина членам политбюро «О статье Энгельса «О внешней политике русского царизма»» (1934), был исключен Сталиным из «Краткого курса».

<Глава VIII. Партия большевиков в период гражданской войны
(1918—1920 годы)

1. Международный империализм и Советская республика. 1918 год.

Выполнение ленинского хозяйственного плана летом 1918 года было сорвано гражданской войной. Войну начали международные империалисты в союзе с русскими помещиками и буржуазией, при активной поддержке со стороны контрреволюционных буржуазных партий эсеров, меньшевиков, анархистов, бундовцев, петлюровцев, грузинских меньшевиков, мусаватистов, дашнаков и прочих буржуазных националистических партий. Передышка кончилась.

Еще весной 1918 года германские войска заняли Украину, куда их призывали украинские буржуазные националисты (Украинская рада, петлюровцы). Вместо Рады немцы вскоре поставили у власти гетмана Скоропадского — крупного помещика, бывшего царского генерала. Украина была превращена в немецкую колонию, откуда немцы спешно вывозили скот, хлеб и другие продукты. Украинские рабочие и крестьяне подвергались тяжелому гнету со стороны иноземных завоевателей и на зверства германских империалистов отвечали массовыми восстаниями. В то же время германский империализм задушил пролетарскую революцию в Финляндии. Немецкие войска стояли недалеко от Петрограда.

Наряду с германскими капиталистами на Советскую Россию набросились империалисты Англии, Франции и других стран Антанты. Они помогали белогвардейцам деньгами, снаряжением, оружием. Империалисты посылали в нашу страну войска, чтобы свергнуть советскую власть, превратить Россию в колонию, разделить ее на части. Гражданская война была войной против иноземного нашествия, против порабощения нашей родины империалистическими государствами, войной за свободу и независимость нашей родины. Большевицкая партия подняла народные массы на отечественную войну против иностранных захватчиков и угнетателей.²

Международный империализм был руководителем российской контрреволюции, вдохновителем ее планов борьбы с советской властью, организатором ее войны против пролетарской диктатуры. Гражданская война представляла собой, таким образом, не только борьбу пролетарской диктатуры против внутренней контрреволюции, против помещиков и буржуазии, — она являлась в то же время³

РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 30. Типографский текст (макет).

Примечания

1. *Фрагмент представляет собой лист макета с разделом, который не был включен в окончательную редакцию текста. Название главы повторяет заголовок, предложенный Сталиным в письме авторам учебника по истории ВКП(б) (1937 года). Однако в итоге в заголовок были внесены некоторые добавления, которые коснулись также заголовка первого параграфа: «Партия большевиков в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 годы). 1. Начало иностранной военной интервенции. Первый период гражданской войны».*
2. *Последнее предложение на полях отчеркнуто.*
3. *На этом текст на странице 178 макета обрывается.*

№ 9. Сталин. Провка § 4 главы 9, сентябрь 1938 года ¹

4. Борьба с трудностями восстановления народного хозяйства. Усиление активности троцкистов в связи с болезнью Ленина. Новая дискуссия в партии. Поражение троцкистов. Смерть Ленина. Ленинский призыв. XIII съезд партии.

Первые же годы <несколько лет> борьбы за восстановление народного хозяйства привели к значительным успехам. К 1924 году подъем наблюдался

во всех областях. Посевная площадь с 1921 года *значительно*² увеличилась, — крестьянское хозяйство все более укреплялось. Росла и развивалась социалистическая промышленность. Значительно вырос численно рабочий класс. Выросла заработная плата. Жить рабочим и крестьянам стало легче и лучше, чем в 1920—1921 годах. <Поднялась их политическая активность.>

Но все еще давали себя знать результаты *еще не ликвидированной* разрухи. Промышленность еще отставала от довоенного уровня, *ее рост значительно отставал от роста потребности страны*. К концу 1923 года насчитывалось около миллиона безработных, <Уничтожить безработицу можно было только дальнейшим подъемом народного хозяйства.> — *медленный рост народного хозяйства не давал возможности рассосать безработицу. Торговля развивалась с перебоями ввиду чрезмерно высоких цен на городские изделия, навязанных стране нэпманами и нэпманскими элементами в наших торговых организациях. В связи с этим <Неустойчив был> советский рубль стал сильно колебаться, ценность его падала. Все это тормозило улучшение положения рабочих и крестьян.*

К осени 1923 года *несколько обострились* хозяйственные трудности <значительно обострились> *ввиду нарушения советской политики цен нашими³ промышленными и торговыми органами*. Налицо было резкое расхождение между ценами на промышленные товары и продукты сельского хозяйства. Цены на хлеб были низкие, а на промышленные товары — непомерно высокие. В промышленности были высокие наклад⁴

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 32. Машинопись с правкой простым карандашом.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 252 (чистовой вариант).

Примечания

1. К данному документу имеется сопроводительная записка члена редколлегии «Правды» Л. Ровинского А.Н. Поскребышеву от 13 декабря 1938 года. Он сообщал, что высылает полученные для ориентировки документы, и добавил: «Возвращаю также оставшуюся у меня стр. 426 оригинала Краткого курса истории ВКП(б) (в набор сдана была копия)» (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 31).
2. Над зачеркнутым: значительно.
3. Вписано позднее.
4. Текст на странице обрывается. Далее следует: ные расходы, и это удорожало товары.

№ 10. Вставка Сталина в § 2 главы 10, март—апрель 1938 года ¹

При этом партия опиралась на² известные³ указания Ленина <о роли> насчет⁴ перехода от мелких крестьянских хозяйств к крупному, артельному, коллективному хозяйству в земледелии:

- а) «Мелким хозяйством из нужды не выйти» (Ленин, т. XXIV, стр. 540).
- б) «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель» (т. XX, стр. 417).
- в) «Если крестьянское⁵
- г)⁶

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 30. Рукопись простым карандашом; л. 29. Машинопись.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 274—275 (окончательный вариант).

Примечания

1. Среди россыпи материалов по подготовке «Краткого курса» сохранился листок сталинских заметок к главе X, посвященной индустриализации, именно ко второму разделу главы, в котором речь шла о курсе на коллективизацию. Сталин добавил в машинописный вариант главы (вероятно, в марте—апреле 1938 г.) обоснование коллективизации. В машинописном варианте этого фрагмента добавлены цитаты в пункте «в» и пункте «г».

2. *Далее слово написано над словом и оба зачеркнуты.*
3. *В окончательной редакции: следующие.*
4. *В окончательной редакции далее: необходимости.*
5. *В машинописи и книге далее: хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, организовало общественное, крупное земледельческое хозяйство» (т. XXVI, стр. 299).*
6. *В машинописном варианте (и книге) приводится следующая цитата: «Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущество общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу» (т. XXIV, стр. 579).*

№ 11. Сталин. Фрагменты и правка §§ 1 и 2 главы 11¹ (Фрагмент § 1 главы 11)

²зма в Германии в 1933 году.

Анализируя события в Германии, тов. Сталин говорит³:

⁴«Победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления...»⁵.⁶ Свою внутреннюю политику германские фашисты ознакомили поджогом рейхстага, зверским подавлением рабочего класса, уничтожением [его] организаций⁷, уничтожением буржуазно-демократических свобод. Свою внешнюю политику⁸ — выходом из Лиги Наций и открытой подготовкой к войне за⁶ пересмотр границ европейских государств в пользу Германии, [за захват чужих территорий].⁶ Таким образом, благодаря германским фашистам, в центре Европы образовался второй очаг войны.⁸ Понятно, что СССР не мог пройти мимо такого серьезного факта. И он стал зорко следить за ходом событий на Западе, укрепляя обороноспособность страны на ее западных границах.

2. От политики ограничения кулацких элементов к политике ликвидации кулачества, ²как класса. Борьба с искривлениями политики партии в колхозном движении.² Наступление против капиталистических элементов по всему фронту. XVI съезд партии.

Массовое вступление <миллионов бедняков и> середняков¹⁰ в колхозы, развернувшееся в 1929/30 годах, явилось результатом всей предыдущей работы партии и правительства¹¹. Рост социалистической индустрии, начавшей массовую выработку тракторов и машин для сельского хозяйства; решительная борьба с кулачеством во время хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 годов; рост сельскохозяйственной кооперации, которая постепенно приучала крестьянина к коллективному хозяйству; хороший опыт первых колхозов и совхозов, — все это подготовило переход <к сплошной> к *сплошной* коллективизации, ¹²переход к вступлению¹² в колхозы целыми селами, районами, округами.

<Большую роль в переходе крестьянства на колхозный путь сыграли также совхозы. В крупные совхозы ездили тысячи крестьян посмотреть, как работают тракторы, как идет уборка хлеба машинами. Здесь они наглядно убеждались в преимуществах крупного машинного земледелия, для перехода к которому надо было объединяться в колхозы.>

¹³Переход к сплошной коллективизации происходил не в порядке простого и мирного вступления в колхозы основных масс крестьянства, а в порядке массовой борьбы крестьян против кулачества. Сплошная коллективизация означала

переход всех земель в районе села в руки колхоза, но значительная часть этих земель находилась в руках кулаков, — поэтому крестьяне сгоняли кулаков с земли, раскулачивали их, отбирали скот, машины и требовали от Советской власти ареста и выселения кулаков.¹⁴ Сплошная коллективизация означала, таким образом, ликвидацию кулачества, [как класса].¹⁴ Это была политика ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации.¹³

«речи на конференции аграрников-марксистов (27 декабря 1929 года) выдвинул лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

«...Колхозное движение, — говорил товарищ Сталин, — принявшее характер мощной, нарастающей антикулацкой лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 299).>

К этому времени в СССР уже имелась достаточная материальная база для того, чтобы <ударить по> *покончить с кулачеством*<у>, сломить его сопротивление, ликвидировать его, как класс, и заменить его производством производством колхозов и совхозов.

Еще в 1927 году кулаки производили более 600 миллионов пудов хлеба¹⁵ и вывозили на рынок в порядке внедеревенского обмена около 130 миллионов пудов.¹⁵ Колхозы же и совхозы могли дать в 1927 году только 35 миллионов пудов товарного хлеба.¹⁶

В 1929 году, благодаря твердому курсу большевистской партии на развитие совхозов и колхозов и успехам социалистической индустриализации¹⁷, колхозы и совхозы выросли в серьезную силу. Уже в этом году колхозы и совхозы производили не менее 400 миллионов пудов хлеба, ¹⁸а товарного хлеба они¹⁸ давали уже больше 130 миллионов пудов, то есть больше, чем кулаки в 1927 году. А в 1930 году колхозы и совхозы должны были <по плану> [*навверняка*] дать¹⁹ товарного хлеба около²⁰ 400 миллионов пудов, то есть несравненно больше, чем давало кулачество в 1927 году.

²¹Передвижка²² сил в экономике страны, [передвижка классовых сил],²³ наличие материальной базы, необходимой для того, чтобы заменить кулацкое хлебное производство производством колхозов и совхозов, дали возможность большевистской партии перейти от политики ограничения <эксплуаторских тенденций> кулачества к новой политике, к²⁴ ликвидации кулачества, как класса, *на основе сплошной коллективизации.*

²⁵<Лозунг ликвидации кулачества как класса, выдвинутый товарищем Сталиным на основе ленинской теории классовой борьбы в переходный период, означал вместе с тем новую ступень в развитии этой теории. Лозунг ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации указывал путь уничтожения последнего оплота капиталистической эксплуатации в нашей стране. Этот лозунг сыграл решающую роль в победе колхозного строя.

В своем выступлении «К вопросам аграрной политики в СССР» товарищ Сталин подверг сокрушительной критике ряд антимарксистских, буржуазных, правооппортунистических теорий, пытавшихся затормозить социалистическое переустройство деревни. Среди других антимарксистских теорий товарищ Сталин разоблачил правооппортунистическую теорию «самотека» в социалистическом строительстве, показал, что «социалистический город должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 304).

Товарищ Сталин подчеркнул, что в СССР имеется такая²⁶>

²⁷До 1929 года ²⁸Советская власть²⁸ <партия> проводила политику ограничения кулачества. ²⁸Советская власть²⁸ <она> обкладывала кулака повышенным налогом, требовала от него продажи хлеба государству по твердым ценам, ограничивала до известных размеров размеры кулацкого земледельческого ²⁸законом об аренде земли²⁸ и ²⁹кулацкое хозяйство²⁹ законом <об аренде земли> о применении

наемного труда в единоличном крестьянском хозяйстве. Но она ³⁰ не вела еще политики ликвидации ³⁰ кулачества, ибо законы об аренде земли и найме труда допускали существование кулачества, а запрещение раскулачивания давало на этот счет известную гарантию. Такая политика вела к тому, что задерживался рост кулачества, вытеснялись и разорялись отдельные слои кулачества, не выдержавшие этих ограничений. Но она не уничтожала хозяйственных основ кулачества, как класса, она не вела к ликвидации кулачества. Это была политика ограничения, а не уничтожения ³¹ кулачества. Она была необходима до известного времени, пока колхозы и совхозы были еще слабы и не могли заменить кулацкое хлебное производство своим собственным производством.

В конце ³² 1929 года ³³, Советская власть сделала крутой ³² поворот от такой политики. Она перешла к политике ²⁸ ликвидации, к политике ²⁸ уничтожения ³⁴ ²⁸ кулачества, как класса ²⁸. Она отменила законы об аренде земли и найме труда, ²⁸ лишив ³⁵ кулачество ³⁶ земли и ³⁷ работников ²⁸. Она сняла запрет с раскулачивания. Она разрешила крестьянам конфисковать ³⁸ ²⁸ у кулачества ²⁸ скот, машины и другой инвентарь в пользу колхозов. Кулачество было экспроприровано. ²⁸ Оно было экспроприровано ²⁸ так же, как в 1918 году были экспропрированы капиталисты в области промышленности, с той, однако, разницей, что [орудия и] средства производства кулачества ³⁹ перешли ⁴⁰ не в руки государства ³⁹, а в руки ⁴¹ объединенных ³² крестьян, в руки колхозов.

<Это была революция ⁴² строя > ⁴⁶ Это был глубочайший ³² революционный переворот, скачок из одного ⁴³ качественного состояния ⁴⁴ в ⁴⁵ совершено другое ⁴⁵ качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года. ⁴⁶ Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти, ²⁸ при прямой ²⁸ поддержке снизу ⁴⁷ революционным движением ⁴⁷ миллионных масс крестьян; ⁴⁸ [за колхозы,] против кула<чества>цкой кабалы ³². ⁴⁹

Она ⁵⁰ одним ударом разрешила три коренных вопроса <построения социалистического общества в СССР> ²⁸ социалистического строительства: ²⁸

а) Она ликвидировала самый многочисленный эксплуататорский класс ²⁸ в нашей стране ²⁸, класс кулаков, оплот реставрации капитализма;

б) Она перевела с пути единоличного хозяйства, рождающего ⁵¹ капиталистические элементы ⁵¹, на путь общественного, колхозного, социалистического хозяйства самый многочисленный трудящийся класс в нашей стране, класс крестьян;

в) Она дала Советской власти социалистическую базу в самой обширной, ⁵² ³² самой ⁵² необходимой, ²⁸ но и в самой отсталой ²⁸ области народного хозяйства — в сельском хозяйстве.

Тем самым были уничтожены ⁵³ внутри страны последние источники реставрации капитализма и ²⁸ вместе с тем ²⁸ были созданы новые, решающие ³² условия, необходимые ³² для построения [полного] социалистического общества ⁵⁴.

Обосновывая политику ликвидации кулачества, как класса, и отмечая результаты массового движения крестьян за сплошную коллективизацию, т. Сталин ⁵⁵ писал в ⁵⁵ 1929 году:

«Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими, как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы ⁵⁶ коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 296) ²⁷. ⁵⁷

РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 37—38. Фотокопия типографского текста с рукописной правкой (макет); л. 31—36. Фотокопия рукописи.

Автограф — простым карандашом, фиолетовыми чернилами и красным карандашом.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 289—292 (окончательная редакция).

Примечания

1. *Данный документ является фотокопией двух страниц макета (с.261—262), на с. 261 сталинская пагинация: 2. Сталинский текст написан поверх типографского текста и на полях страницы. Фрагмент параграфа 2 написан Сталиным на листах блокнота.*
2. *Начало этой фразы в окончательной редакции:* Таковы были условия, определившие получение власти германскими фашистами в 1933 году.
3. *В окончательной редакции далее:* в своем отчетном докладе на XVII съезде партий.
- 4-4. *Поверх текста макета написано (начало фразы на страницах, которых нет в РГАСПИ):* рились, но с рабочим классом никогда. Во время прошлых революций кулаки не раз восстанавливали в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов.
Ликвидация кулачества как класса означала укрепление позиции рабоче-крестьянского государства при возрастающей угрозе военного нападения со стороны капиталистического окружения. Известно, что кулачество в период гражданской войны не давало хлеба городам и красной армии, помогало белогвардейцам и интервентам, поднимая восстания против советской власти и организуя банды. В случае новой интервенции кулачество, если бы у него были оставлены средства производства и запасы хлеба, безусловно использовало бы всю свою классовую силу не только для повторения хлебной забастовки, но и для других контрреволюционных выступлений против советской власти.
5. *В окончательной редакции далее:* (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 545).
6. *Далее знак абзаца. В окончательной редакции следующий текст начинается с новой строки.*
7. *В окончательной редакции далее:* рабочего класса.
8. *В окончательной редакции далее:* насильственный.
- 9-9. *Поверх написано: Переход к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.*
10. *В окончательной редакции:* крестьян.
11. *Поверх написано:* Советского государства.
- 12-12. *В окончательной редакции:* вступление крестьян.
- 13-13. *Поверх написано:* После XV съезда (1926 год) большевистская партия провела большую работу по развертыванию колхозного движения. Колхозам была оказана огромная помощь кредитами и машинами. Были организованы машинно-тракторные станции (МТС), которые стали обрабатывать тракторами колхозные поля, наглядно показывая крестьянам преимущества колхозного строя. Уже к середине 1928 года коллективизация стала охватывать целые районы, особенно в областях и краях, производящих зерновые культуры. В конце 1929 года мощное колхозное движение охватило миллионы крестьянских хозяйств, создалось новое соотношение классовых сил в стране.
В колхозы пошел середняк.
На основе этого великого перелома, который выразился в решительном повороте середняцких масс на колхозный путь, в повороте к социализму, товарищ Сталин в своей исторической.
14. *В окончательной редакции следующее предложение составляет отдельный абзац.*
- 15-15. *В окончательной редакции:* из коих товарного хлеба давали около 130 миллионов пудов.
16. *Далее стрелка к новому абзацу. В окончательной редакции абзац снят.*
17. *В окончательной редакции:* индустрии. *Далее в окончательной редакции:* снабжавшей деревню тракторами и сельхозмашинами,
- 18-18. *В окончательной редакции:* из коих товарного хлеба.
19. *В окончательной редакции далее:* и действительно дали.
20. *В окончательной редакции:* более.
21. *В окончательной редакции перед этим:* Таким образом,
22. *В окончательной редакции далее:* классовых.
23. *В окончательной редакции далее:* и.
24. *В окончательной редакции далее:* политике.
25. *Перед абзацем Сталин поставил знак вставки: Е*
26. *На этом текст страницы макета обрывается.*
- 27-27. *Текст рукописной вставки карандашом на отдельных страницах из блокнота. Страницы листов пронумерованы от 1 до 6. Перед текстом чернилами: Е вставка.*
- 28-28. *Над строкой.*
- 29-29. *В окончательной редакции:* ограничивала размеры кулацкого хозяйства.

- 30-30. *Над зачеркнутым текстом, не поддающимся прочтению.*
 31. *В окончательной редакции: ликвидации.*
 32. *Над строкой.*
 33. *а из у.*
 34. *Далее зачеркнуто несколько слов, среди которых читается: класса кулаков на.*
 35. *В окончательной редакции далее: , таким образом,*
 36. *В окончательной редакции далее: и.*
 37. *В окончательной редакции далее: наемных.*
 38. *Поверх: экспроприировать.*
 39-39. *Написано поверх иного текста, который не поддается прочтению.*
 40. *В окончательной редакции далее: на этот раз.*
 41. *Далее одно слово зачеркнуто.*
 42. *Дальше несколько слов прочитать трудно, так как они зачеркнуты.*
 43. *В окончательной редакции: старого.*
 44. *В окончательной редакции далее: общества.*
 45-45. *В окончательной редакции: новое.*
 46. *В окончательной редакции далее текст с новой строки.*
 47-47. *В окончательной редакции: со стороны.*
 48. *В окончательной редакции далее: боровшихся.*
 49. *В окончательной редакции далее: за свободную колхозную жизнь.*
 50. *В окончательной редакции далее: , эта революция,*
 51-51. *В окончательной редакции: капитализм.*
 52-52. *В окончательной редакции: и жизненно.*
 53-53. *Написано чернилами поверх карандаша. Карандашный текст не читается.*
 54. *В окончательной редакции: народного хозяйства.*
 55-55. *Написано поверх другого текста.*
 56. *Далее одно слово зачеркнуто.*
 57. *Далее страница перечеркнута.*

**№ 12. Сталин. Фрагмент и правка § 1 главы 12,
август—сентябрь 1938 года ¹**

²тер. Но³ это не мешает ей быть жестокой и грубо-захватнической, разыгрывающейся на спине мало защищенных народов Абиссинии, Испании, Китая, <Австрии>.

⁴Было бы неправильно объяснять такой однобокий характер войны военной или экономической слабостью «демократических» государств. «Демократические» государства, конечно, сильнее фашистских государств. Однобокий характер развертывающейся мировой войны объясняется отсутствием единого фронта «демократических» государств против фашистских держав. Так называемые «демократические» государства, конечно, не одобряют⁵ «крайностей» фашистских государств и боятся усиления последних. Но они еще больше боятся <усиления> рабочего движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии, считая, что фашизм является «хорошим противоядием» против всех этих «опасных» движений. Поэтому правящие круги «демократических» государств, особенно же⁶, — правящие консервативные круги Англии ограничиваются политикой уговаривания зарвавшихся фашистских заправил — «не доводить дело до крайности», давая им одновременно понять, что они «вполне понимают» и сочувствуют в основном их реакционно-полицейской политике против рабочего и национально-освободительного движения. Правящие круги Англии держатся здесь приблизительно такой же политики, какой держались при царизме русские либерально-монархические буржуа⁷, которые, боясь «крайностей» царской политики, еще больше боялись⁸ народа⁸ и перешли ввиду этого на политику уговаривания царя, — следовательно, на политику сговора с царем против народа. Как известно, либерально-монархическая буржуазия России жестоко поплатилась за такую двойственную политику. Надо полагать, что правящие круги Англии⁹ тоже получают <причитающееся им> ¹⁰свое историческое¹⁰ возмездие <за их двойственную политику. История объективна и она всегда возд>⁴.

Понятно, что СССР, ¹⁰видя такой оборот международных дел,¹⁰ не мог пройти мимо этих грозных событий. Всякая, даже небольшая война, начатая агрессорами, представляет опасность для миролюбивых стран, а вторая им-

периалистическая война, так «незаметно» подкрадываясь к народам и охватившая более полмиллиарда населения, — тем более не может не быть серьезнейшей опасностью для всех народов и, в первую очередь, для СССР.¹¹ Поэтому наша страна, проводя свою мирную политику, развернула вместе с тем дальнейшее усиление обороноспособности наших границ и боевой готовности Красной армии и Красного флота. В конце 1934 года СССР вступил в Лигу Наций, зная, что, несмотря на ее слабость, она все же может послужить местом разоблачения агрессоров и некоторым, хотя и слабым, инструментом мира, тормозящим развязывание войны. СССР считал, что в такое время не следует пренебрегать даже такой слабой международной организацией, как Лига Наций. В мае 1935 года был заключен договор между Францией и СССР о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно с этим такой же договор был заключен с Чехословакией. В марте 1936 года СССР заключил с Монгольской Народной Республикой договор о взаимной помощи. В августе 1937 года был заключен договор о взаимном ненападении между СССР и Китайской республикой.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 33—33об.

Машинопись и рукопись простым карандашом.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 319—320 (окончательный вариант).

Примечания

1. Текст представляет собой отдельную машинописную страницу (с номером 541) из последнего варианта «Краткого курса», расславившегося членам Политбюро в сентябре 1938 года. На полях и на обороте страницы Сталин написал добавления карандашом.
2. С этого начинается текст на странице. Начало фразы: Война эта имеет, как видно, довольно странный и однобокий харак
3. Н из н.
- 4-4. Рукописная вставка на полях и на обороте страницы.
5. Далее одно слово зачеркнуто.
6. Над строкой.
7. а из азн.
8. Далее несколько слов Сталиным тщательно зачеркнуты.
9. В окончательном варианте далее: и их друзья во Франции и США.
- 10-10. Над строкой.
11. В окончательном варианте далее: Об этом красноречиво говорит создание «антикоммунистического блока» между Германией, Италией и Японией.

№ 13. Указания Сталина к разделу «Заключение», апрель 1938 года ¹

1) ²Все неком. партии в рабочем классе — эсеры, меньшевики, анархо-синдикалисты и пр. — стали контррев. буржуазными партиями уже перед окт. революцией и впоследствии превратились в агентов иностр. разведок.²

2) ³все⁴ оппозиционные течения внутри нашей партии <преврат> — троцкисты, <леваки>, правые (Бухарин—Рыков), «леваки» (Ломинадзе, Шацкий), «раб. оппоз.» (Шляпник, Медведев и др.), «демок. централисты» (Сапронов), националисты всех мастей и республик СССР, — стали в ходе борьбы стали врагами народа и агентами (шпионами) иностр. разведок³.

3) Как это вышло:

а) Эти течения оппозиции⁵ во⁵

б) Потом, будучи разбиты идеологически и потеряв почву в рабочем классе, обратились за помощью к империалистам и стали наемными шпионами их разведок.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 26—28. Рукопись простым карандашом.

Примечания

1. На сопроводительном документе значится: «Указания товарища Сталина по истории ВКП(б). (Раздел «Заключение» — «Краткого курса истории ВКПб»). Апрель 1938 г.» (там же, л. 25). Текст документа представляет собой скрепленные скрепкой страницы из блокнота с карандашными записями.
- 2-2. Этот тезис развит и почти дословно изложен в третьем пункте «Заключения». См.: Краткий курс, с. 343.
- 3-3. Этот тезис развит и почти дословно изложен в четвертом пункте «Заключения». См.: Краткий курс, с. 344.
4. Далее одно слово зачеркнуто.
5. Читается нечетко.
6. Далее одно (два?) слово не расшифровано.

№ 14. Указания Сталина к пункту 4 «Заключения», апрель 1938 года ¹

XII глава.

I.

Заключение.

К пункту 4².

1) Концовка: «Ленинизм есть дальнейшее развитие марксизм в новой³ <условиях общественного развития общества, в условиях империализма и > исторической обстановке, в обстановке империализма и пролет. революции» (или что-нибудь в этом роде).

2) о примиренцах пункт 3 разделить их.

- РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 39. Фотокопия рукописи (автограф — черным, зеленым и красным карандашами).

Примечания

1. Текст написан на чистом листе бумаги и является, видимо, указанием авторскому коллективу о написании заключения. Сталинская мысль была развита и изложена в о втором пункте заключения, в то время как о внутренних врагах партии говорилось в 3 и 4 пунктах. В окончательной редакции сталинское указание приобрело такую форму: «И именно потому, что Ленин и ленинцы двинули вперед марксистскую теорию, ленинизм является дальнейшим развитием марксизма, марксизмом в новых условиях классовой борьбы пролетариата, марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций, марксизмом эпохи победы социализма на одной шестой части земли» (История ВКП(б). Краткий курс, с. 342).
2. Написано наискосок, снизу вверх.
3. ой из их.

№ 15. Правка Сталиным пункта 2 раздела «Заключение», август — сентябрь 1938 года ¹

I. Правка Сталиным первого варианта 2-го пункта «Заключения»

²дельные ее положения и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям.³ Овладеть марксистско-ленинской теорией вовсе не значит — заучить все ее формулы и выводы и цепляться за каждую букву этих формул и выводов. Чтобы овладеть марксистско-ленинской теорией, нужно, прежде всего, научиться различать между ее буквой и сущностью.³ Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить существо⁴ этой теории и научиться пользоваться *этой* теорией при решении⁵ практических вопросов революционного движения <не> в различных условиях классовой борьбы пролетариата.³ Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь развивать ее и двигать вперед, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устарев-

шими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке.

Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию.⁶

⁷<В семидесятых годах XIX столетия после Парижской коммуны Маркс и Энгельс пришли к выводу, что парламентарная> *До второй русской революции (февраль 1917 г.) марксисты всех стран исходили из того, что парламентарная демократическая республика является наиболее целесообразной* <вполне подходящей> формой политической организации общества в период перехода<ный> от капитализма к социализму. *Правда, Маркс указывал в свое время, что не парламентарная республика, а политическая организация <общества> типа Парижской коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата. Но, во-первых, это указание Маркса не получило дальнейшего развития в трудах Маркса* ⁸*и было предано забвению*⁸. *Во-вторых авторитетное заявление Энгельса в его критике проекта Эрфуртской программы (1891 г.) о том, что «демократическая республика... является...»*⁹ *специфической формой для диктатуры пролетариата», не оставляло сомнения, что марксисты продолжают*¹⁰ *считать*¹¹ *демократическую республику политической формой <осуществления> для диктатуры пролетариата. Это положение стало потом руководящим началом для всех марксистов, в том числе и для Ленина. Однако, русская революция 1905 года и, особенно, революция в феврале 1917 года выдвинула новую форму политической организации общества — Советы рабочих и крестьянских депутатов. На основании изучения опыта двух революций в России Ленин, исходя из теории марксизма, пришел к выводу, что наилучшей политической формой <проведения> диктатуры пролетарской <революции> является не парламентарная демократическая республика, а республика Советов, <что республика Советов является высшей формой политической организации общества, переживающего переходный период от капитализма к социализму>. На этом основании Ленин в апреле 1917 года,*¹² *в период перехода от буржуазной революции к социалистической, выставил лозунг организации республики Советов, как лучшей политической формы диктатуры пролетариата. Оппортунисты всех стран стали цепляться за парламентарную республику, обвиняя Ленина в отходе от марксизма, в разрушении демократии. Но настоящим марксистом, овладевшим теорией марксизма, был, конечно, Ленин, а не оппортунисты, ибо Ленин двигал вперед марксистскую теорию, обогащая ее новым опытом, а оппортунисты тянули ее назад, превращали одно из ее положений в догму.*

Что было бы с партией, с нашей революцией, с марксизмом, если бы Ленин спасовал перед буквой марксизма и не решился заменить одно из старых положений марксизма, новым положением о республике Советов, соответствующим новой исторической обстановке? Партия блуждала бы в потемках, Советы были бы дезорганизованы, мы не имели бы Советской власти, марксистская теория потерпела бы серьезный урон. Проиграл бы пролетариат, выиграла бы враги пролетариата.⁷

Изучая доимпериалистический капитализм, Энгельс и Маркс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной, отдельно взятой, стране, что она может победить лишь при одновременном ударе во всех или в большинстве цивилизованных стран. Это было в середине XIX столетия. Этот вывод стал потом руководящим положением для всех марксистов. Однако, к началу XX столетия капитализм доимпериалистический перерос в капитализм империалистический, капитализм восходящий превратился в капитализм умирающий. На основании изучения империалистического капитализма Ленин, исходя из марксистской теории, пришел к выводу, что старая формула Энгельса и Маркса уже не соответствует новой исторической обстановке, что социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой, стране. Оппортунисты всех стран стали цепляться за старую формулу Энгельса и Маркса, обвиняя Ленина в отходе от марксизма. Но настоящим марксистом, овладевшим теорией марксизма, был, конечно, Ленин, а не оппортунисты, ибо Ленин двигал вперед марксист-

стскую теорию, обогащая ее новым опытом, а оппортунисты тянули ее назад, превращали ее в мушкетера.

Что было бы с партией, с нашей революцией, с марксизмом, если бы Ленин спасовал перед буквой марксизма, если бы у него не хватило теоретического мужества откинуть один<но> из старых <положений> *выводов* марксизма, заменив его новым <положением> *выводом* о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране, *соответствующим новой исторической обстановке?* Партия блуждала бы в потемках, пролетарская революция лишилась бы руководства, марксистская теория начала бы хиреть. Проиграл бы пролетариат, выиграла бы враги пролетариата.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 36—38. Машинопись с правкой карандашом.

Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 339—341 (окончательный вариант).

Примечания

1. Публикуемый фрагмент является частью 2-го пункта заключения. Сохранилось два варианта данного фрагмента. Первый (с. 575—577 — ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 36—37об., 38), с многочисленными сталинскими поправками и вставками, и второй, положенный в основу окончательного варианта (с. 574—576 — ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 41—43), только отредактированный Сталиным.
2. С этого начинается текст на с. 575 третьего варианта «Заключения». Начало фразы: Понятно, что в своем развитии она не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, а от
3. Далее вставлен знак абзаца.
4. Подчеркнуто карандашом волнистой линией.
5. Далее над строкой машинописного текста идет строчка рукописного, которая потом тщательно зачеркнута Сталиным.
6. Далее знак вставки и запись: Е см. стр. 576.
- 7-7. Перед этим абзацем (машинописная с. 576) Сталинская вставка: Е Далее идет текст со с. 576—577.
- 8-8. Позднейшая вставка на левом поле.
9. Далее одно слово зачеркнуто.
10. Над строкой.
11. ть из ют.
12. Далее несколько слов зачеркнуто.

II. Правка Сталиным второго варианта 2-го пункта «Заключения»

Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем.

Только партия, овладевшая <передовой> марксистско-ленинской теорией, может двигаться вперед уверенно и вести рабочий класс вперед.

И, наоборот, партия, не овладевшая <передовой> марксистско-ленинской теорией, вынуждена бродить ощупью, терять уверенность в своих действиях, не способна вести вперед рабочий класс.

Может показаться, что овладеть марксистско-ленинской теорией — значит добросовестно заучить отдельные выводы и положения, имеющиеся в произведениях Маркса — Энгельса — Ленина, научиться во время цитировать их и успокоиться на этом, надеясь, что заученные выводы и положения пригодятся для любой обстановки, на все случаи жизни. Но такой подход к марксистско-ленинской теории является совершенно неправильным. Марксистско-ленинскую теорию нельзя рассматривать, как собрание догматов, как катехизис, как символ веры, а самих марксистов, — как буквоедов и начетчиков. Марксистско-ленинская теория есть наука о развитии общества, наука о рабочем движении, наука о пролетарской революции, наука о строительстве коммунистического общества. Она, как наука, не стоит и не может

стоять на одном месте, — она развивается и совершенствуется. Понятно, что в своем развитии она не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, а отдельные ее положения и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям.

Овладеть марксистско-ленинской теорией вовсе не значит — заучить все ее формулы и выводы и цепляться за каждую букву этих формул и выводов. Чтобы овладеть марксистско-ленинской теорией, нужно, прежде всего, научиться различать между ее буквой и сущностью.

Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить существо этой теории и научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов революционного движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата.

Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь 'развивать ее и двигать вперед', не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке.

Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию.

До второй русской революции (февраль 1917 г.) марксисты всех стран исходили из того, что парламентарная демократическая республика является наиболее целесообразной формой политической организации общества в период перехода от капитализма к социализму.

Правда, Маркс указывал <в свое время> *в 70-х годах*, что² <не парламентарная республика, а> *не парламентарная республика, а* политическая организация типа Парижской коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата. Но, <во-первых,> *к сожалению*, это указание Маркса не получило дальнейшего развития в трудах Маркса и было предано забвению. <Во-вторых> *Кроме того*, авторитетное заявление Энгельса в его критике проекта Эрфуртской программы <(1891 г.)> *в 1891 году* о том, что «демократическая республика... является... специфической формой для диктатуры пролетариата», не оставляло сомнения, что марксисты продолжают считать ³«демократическую республику» политической формой для диктатуры пролетариата. ³<Это положение>³ *Это положение Энгельса* стало потом руководящим началом для всех марксистов, в том числе и для Ленина. Однако, русская революция 1905 года и, особенно, революция в феврале 1917 года выдвинула новую форму политической организации общества — Советы рабочих и крестьянских депутатов. На основании изучения опыта двух революций в России Ленин, исходя из теории марксизма, пришел к выводу, что наилучшей политической формой диктатуры пролетариата является не парламентарная демократическая республика, а республика Советов. На этом основании Ленин в апреле 1917 года, в период перехода от буржуазной революции к социалистической, вы<ставил>*двинул* лозунг организации республики Советов, как лучшей политической формы диктатуры пролетариата. Оппортунисты всех стран стали цепляться за парламентарную республику, обвиняя Ленина в отходе от марксизма, в разрушении демократии. Но настоящим марксистом, овладевшим теорией марксизма, был, конечно, Ленин, а не оппортунисты, ибо Ленин двигал вперед марксистскую теорию, обогащая ее новым опытом, а оппортунисты тянули ее назад, превращали одно из ее положений в догму.

Что было бы с партией, с нашей революцией, с марксизмом, если бы Ленин спасовал перед буквой марксизма и не решился заменить одно из старых положений марксизма, *сформулированное Энгельсом*, новым положением о республике Советов, соответствующим новой исторической обстановке? Партия блуждала бы в потемках, Советы были бы дезорганизованы, мы не имели бы Советской власти, марксистская теория потерпела бы серьезный урон. Проиграл бы пролетариат, выиграла бы враги пролетариата.

Изучая доимпериалистический капитализм, Энгельс и Маркс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной, отдельно взятой, стране, что она может победить лишь при одновременном ударе во всех или в большинстве цивилизованных стран. Это было в середине XIX столетия. Этот вывод стал потом руководящим положением для всех марксистов. Однако, к началу XX столетия капитализм доимпериалистический перерос в капитализм империалистический, капитализм восходящий превратился в капитализм умиравший. На основании изучения империалистического капитализма Ленин, исходя из марксист⁹

РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5300, л. 41—43. Фотокопия машинописи с рукописной правкой карандашом (автограф — черным карандашом).
Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 339—341. (окончательный вариант).

Примечания

- 1-1. Подчеркнуто карандашом волнистой линией.
2. Далее рукописная вставка над строкой зачеркнута.
- 3-3. Над этими словами рукописная вставка над строкой зачеркнута.
4. На этом текст обрывается, продолжение текста на следующей странице, которой нет в РГАСПИ. Продолжение фразы: ской теории, пришел к выводу, что старая формула Энгельса и Маркса уже не соответствует новой исторической обстановке, что социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой, стране.

№ 16. Сталин. Вставка между пунктами 2 и 3 «Заключения», сентябрь 1938 года ¹

²Маркс и Энгельс никогда не считали отдельные положения и выводы, высказанные ими ³<на основе исторического материализма>³ в то или иное время, <абсолютными истинами на основании марксистской теории> абсолютными и неизменными⁴ истинами. Они настаивали на правильности, на научности самой⁴ теории марксизма, ибо эта теория является, <действительно> ⁵без сомнения⁵, единственно правильной теорией общественного развития. Но они считали вместе с тем, что отдельные положения и выводы, сделанные ими⁴ на основе этой теории ⁵могут ⁶с течением времени⁶ устареть, следовательно⁵ могут и должны изменяться в зависимости от изменения исторической обстановки, в зависимости от развития капитализма, ⁵в зависимости⁵ от развития пролетариата и его организации, в зависимости от ⁵развития⁵ классовой борьбы пролетариата и ⁵обогащения <опыта> пролетарской партии, новым опытом революционного движения.⁷ ⁸Иначе и не могло быть, ибо Маркс и Энгельс были людьми⁸ ⁹науки, двигавшими вперед науку⁹.

«Манифест ком. партии» является, как известно, одним из самых лучших произведений Маркса и Энгельса. Его считали Маркс и Энгельс «теоретической и практической программой» <коммунистической партии. Можно подумать, в середине XIX столетия> ⁵«Союза коммунистов»,⁵ ¹⁰международной организации рабочих в середине XIX века¹⁰. Иные могут подумать, что <все> положения⁵ и выводы⁵ «Манифеста» являются незыблемыми и неизменными ⁵истинами, пригодными для всех времен⁵. Но Маркс и Энгельс <смотрели> держались на этот счет другого мнения¹¹. <Они счи> Спустя 25 лет после выхода в свет «Манифеста», Маркс и Энгельс нашли, что⁴ ряд положений⁵ и выводов⁵ «Манифеста» устарели, что⁴ следовало бы их заменить новыми положениями и выводами на основе нового опыта в новой обстановке классовой борьбы пролетариата.

Цитата.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 39—41. Рукопись простым карандашом.

Примечания

1. На машинописной странице «Заключения», которое рассылалось членам политбюро (с. 580), между пунктами 2 и 3, Сталин сделал пометку вставки: Е Е, которую написал на трех листах бумаги из блокнота (без нумерации). По-видимому, это был отклик на предложение Ярославского написать в «Заключении» о роли Ленина и Сталина в развитии марксизма. Этот текст не вошел в состав «Заключения» и не был опубликован.
2. Перед текстом вставка: Е Е вставка
- 3-3. Позднейшая вставка над строкой.
4. Над строкой.
- 5-5. Над строкой.
- 6-6. Позднейшая вставка на левом поле страницы.
7. Далее вставлен знак абзаца.
- 8-8. Позднейшая вставка в текст.
- 9-9. Вставка на верхнем поле страницы.
- 10-10. Вставка над строкой чернилами.
11. Написано поверх другого слова.

№ 17. Правка Сталиным пункта 5 «Заключения», сентябрь 1938 года ¹

5) История партии учит, далее, что <рабочий класс> партия не может <двигаться успешно вперед, если его партийная организация,> выполнить своей роли руководителя рабочего класса, если она, увлекшись успехами, начинает зазна<е>ваться, если она перестан<н>ет замечать недостатки своей работы, <перестанет критически относиться к своим ошибкам и недостаткам, во-время не исправит свои ошибки и недостатки> если она боится признать свои ошибки, боится вовремя исправить их открыто и честно.

Партия непобедима, если она <во-время умеет вскрыть ошибки и недостатки работы своих организаций и отдельных членов партии, найти корень этих ошибок и недостатков и быстро их исправить> не боится критики и самокритики, если она не замазывает ошибок и недостатков своей работы, если она учит и воспитывает <свои>² кадры на ³ошибках партийной³ работы, если она умеет <быстро> во время⁴ исправлять свои ошибки⁴.

Партия погибает, если она скрывает свои ошибки, затушевывает большие вопросы, прикрывает свои недочеты фальшивым парадом благополучия, не терпит критики и самокритики, проникается чувством самодовольства, отдается чувству самовлюбленности и начинает почитать на лаврах.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1217, л. 34—34об.
Опубл.: История ВКП(б). Краткий курс, с. 345.

Примечания

1. Документ представляет собой правку Сталина по машинописи на последнем листе отзыва (вероятно, Поспелова), присланного на XII главу и Заключение «Краткого курса». В начале страницы продолжение замечаний Поспелова: После стр. (здесь Сталин зачеркнул номер страницы и вписал: 583) предлагаю вставить:
2. Написано на левом поле.
- 3-3. Вписано поверх иного текста.
- 4-4. Над строкой.

Страны Балтии и распад СССР (о некоторых мифах и стереотипах массового сознания)

Р.Х. Симонян

Понятие «страны Балтии» достаточно условное. И Латвия, и Литва, и Эстония — это государства, обладающие собственными характерными особенностями, часто весьма существенными. Так, Латвия и Эстония не имели сколько-нибудь значительного опыта собственной государственности, кроме короткого двадцатилетнего периода, так называемых буржуазных республик, с 1920 по 1940 годы. В то время как Литва (Великое княжество Литовское — ВКЛ) в течение веков была одним из могущественных государств Европы. Конфессиональные различия отделяют католиков литовцев от соседей лютеран, языковые различия связаны с тем, что латыши и литовцы входят в балтийскую, а эстонцы в финно-угорскую группу. Латвия и Эстония, земли которых уже в начале XIII в. были завоеваны рыцарями Тевтонского ордена, испытали значительное влияние немецкой культуры, и, следовательно, давно были включены в западноевропейский тип развития. Литва же находилась больше под воздействием своих славянских соседей — Польши и России. В течение нескольких веков в ВКЛ древнеславянский язык являлся официальным государственным языком, все основополагающие документы ВКЛ написаны на этом языке. Что не удивительно, так как в ее состав входило немало славянских земель, по территории превышающих собственно литовские земли.

В то время как Латвия и Эстония — традиционно морские страны, где рыболовство всегда было одним из важнейших занятий населения, Литва таких традиций не имеет. Она только благодаря итогам второй мировой войны к моменту вхождения в Советский Союз получила выход к морю. Литва всегда была, в отличие от своих соседей, преимущественно аграрной страной. И сегодня в структуре внутреннего валового продукта (ВВП) удельный вес продукции сельскохозяйственного производства в Литве существенно выше, чем у соседей, также как и доля занятых в этой сфере. В условиях СССР это было выгодно. Руководители Литовской ССР сумели создать в Москве образ промышленно слаборазвитой республики ¹. А это обстоятельство тогда давало весомые преимущества в получении капиталовложений для развития народного хозяйства. Таким образом, Литве больше других стран Балтии досталось материальных благ от советской власти ².

Симонян Ренальд Хикарович — кандидат философских наук, руководитель Российско-Балтийского Центра Института социологии РАН.

Но наиболее ценное национальное качество литовцев, по их собственному мнению, проявилось в том, что они в отличие от своих соседей сумели резко ограничить приток иммигрантов из других регионов СССР. Ключевую роль в этом сыграло известное постановление Совета Министров Литовской ССР 1956 г. «О развитии малых городов республики», которое значительно ограничивало в ней объемы строительства объектов союзного значения и, соответственно, притока лимитчиков. В Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Шауляе, Паневежисе крупных предприятий немного, промышленность развивали в таких городах как Утена, Рокишкис, Йонава, Укмерге, Мариямполь, Алитус, Мажейкяй и др., где было достаточно и своих рабочих рук. Поэтому Литва оставалась одной из самых этнически однородных республик СССР. Благодаря гибкой политике своих руководителей, к моменту распада СССР в августе 1991 г. литовцы составляли в своей республике 81,6% населения. Это решительно отличало ее от Эстонии (эстонцев — 63,5%) и тем более от Латвии, где доля латышей среди жителей едва превышала половину (51,8%). Именно это обстоятельство во многом определило тональность их взаимоотношений с Россией после обретения суверенитета. Если Литва легко смогла предоставить возможность всем проживающим на ее территории получить гражданство (так называемый «нулевой вариант»), то Эстония и в еще большей мере Латвия установили для нетитульных этносов жесткие правовые ограничения. Все это помогает понять, почему латыши, литовцы и эстонцы по-разному оценивают экономическую ситуацию в прошлом, во времена СССР, и в настоящем³.

Балтийским народам свойственна особенно глубокая привязанность к своей земле, что давало повод в советские времена с легкой иронией квалифицировать это качество термином «хуторяне». При этом самыми оседлыми среди народов Балтии, безусловно, являются эстонцы. Эстонские общины за рубежом — большая редкость. Да и возникли они в большинстве случаев в силу чрезвычайных обстоятельств — после второй мировой войны, в результате вынужденной эмиграции противников советского режима, многие из которых воевали на стороне Германии, и всех тех, кто опасался повторения сталинских репрессий.

Для эстонца родной дом («Kodumaa») это — часть самого себя, то есть одна из базовых ценностей, в содержании которой отражается глубокая привязанность человека к родному очагу, родине, памяти предков. Чувство органического единения его со своей землей так велико, что разорвать эту связь для него слишком большое испытание. Поэтому он с большим удивлением и настороженностью воспринимал появление на своей земле огромной армии пришельцев, с легкостью покидающих земли своих отцов. Море как естественная преграда ограничивает миграционный запал. С другой стороны, море является источником жизнеобеспечивающего промысла, что также удерживает приморские народы от миграции. Поэтому в отличие от славян, которые в случае истощения земель, могли легко перебраться на новые, часто более плодородные, народы Балтии вынуждены были научиться выживать на своих малоплодородных, болотистых землях. Это, естественно, вырабатывало психологические механизмы глубокой привязанности к территории проживания и соответствующее национальное мировосприятие.

Особенности в национальной психологии трех балтийских народов во многом определили те различия в политике, которую в советское время они проводили по отношению к центру. Если эстонцы держали себя несколько отстраненно, демонстрируя, с одной стороны, предельную лояльность, а с другой, не проявляя особой заинтересованности в признании центра, то для латышей такое признание было приоритетной ценностью. Латвийское руководство всегда проявляло максимум инициативы и исполнительности, чтобы добиться расположения Москвы, и это старание соответственно вознаграждалось. В состав политбюро ЦК КПСС латыши входили постоянно (А. Пельше, Б. Пуго), а Рига официально считалась столицей Прибалтики. Можно привести очень характерный пример, подчеркивающий отличие Латвии от

соседей. В этой республике, по данным переписи 1989 г., среди русских было в два раза больше работников управленческого аппарата (6,4%), чем среди латышей (3,0%).

Если удельный вес членов партии среди эстонцев был наименьший в Прибалтике (эстонцы шли туда неохотно, приходилось снижать требования к вступающим), то среди латышей, наоборот, наибольший. И при всем том эстонцам очень многое позволялось. Если в СССР Прибалтика была регионом, где давление идеологического прессы ощущалось меньше всего, то Эстония среди своих соседей обладала в этом смысле еще и дополнительными преимуществами, поэтому советская власть здесь на обыденном уровне была наименее ощутимой. Так, только в Эстонии у члена партии родители могли проживать в Англии, а сам он мог их периодически навещать. Здесь же к 50-летию Октябрьской революции в государственном художественном музее в Кадриорге можно было устроить выставку Р. Фалька, полузапретного в то время художника. В журнале «Коммунист Эстонии» еще в 1970-е годы печатались диссидентские статьи, правда, при этом редактор мог поинтересоваться у автора, не будет ли у того возражений, если статья будет опубликована только в эстонском варианте («Eesti kommunist»), а в русском ее не будет. В Тартуском университете впервые в СССР в 1967 г. были прочитаны ленинградским профессором В. Ядовым, а затем и изданы лекции по социологии. В Эстонии в конце 1960-х годов опальный к тому времени А. Солженицын писал свой знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ». И. Бродский после ссылки в 1976 г. приезжал в Эстонию, где у него было несколько публичных выступлений.

В советское время в Прибалтике был самый высокий уровень жизни населения, а Эстония была самой благополучной, несколько опережая по среднему душевому объему потребления Литву, и еще больше Латвию. Маленькая, ухоженная Эстония была витриной советской власти, а витриной этой республики был знаменитый рыболовецкий колхоз имени Кирова — единственная производственная организация в СССР, где еще в 1970-е годы был внедрен настоящий хозрасчет. Сюда привозили многочисленных иностранных гостей, чтобы наглядно продемонстрировать преимущества социалистического строя.

Что же касается литовцев, то они осуществляли самую гибкую и самую продуктивную тактику взаимоотношений с союзным центром. Руководители этой республики не очень ревниво заботились о продвижении на высшие должности в Москве, но старались соблюдать тот уровень близости и теплоты, который был принят в отношениях между «братскими» республиками и центром. Последнее удавалось им легче еще и потому, что литовцы в силу исторических причин психологически очень близкая к славянам нация. Они лучше понимают русских, чем латыши и эстонцы. Литовцы более эмоциональны, более изобретательны и, свойственный балтийским народам немецкий педантизм, не так настойчиво проявляется у них в повседневном общении. В то время как сельский уклад, например, жителей Литвы и Белоруссии практически неразличим.

Литовцы отличаются также и наибольшей воинственностью, они гораздо успешнее других народов Балтии противостояли рыцарям Тевтонского Ордена. После окончания второй мировой войны литовские партизаны («зеленые братья») дольше других — до середины 1950-х годов сопротивлялись Советской Армии. То, что литовцы умеют постоять за свои интересы показала реакция населения Литвы осенью 1999 г. на заключение пресловутой сделки правительства консерваторов с американской компанией «Вильямс» в связи с приватизацией нефтеперерабатывающего комплекса «Мажейкяй нафта». Возмущение откровенно политической, прозападной, и экономически крайне невыгодной сделкой собралось перед зданием Сейма Литвы 70-тысячную демонстрацию протеста. Прибывшие со всех концов республики митингующие заполнили всю площадь перед парламентом и бурно выражали свой гнев. В итоге эта одиозная сделка очень дорого обошлась консерваторам. На

состоявшихся через несколько месяцев парламентских выборах правящая до того консервативная партия потерпела сокрушительное поражение, получив всего 9 (!) мест из 141.

В рамках СССР Латвия, Литва и Эстония всегда воспринимались как единое целое — «Прибалтика», которая в массовом сознании советских людей являлась одновременно и форпостом западной цивилизации, и наиболее благополучным регионом, и местом престижного отдыха, и примером рационально организованного быта.

В экономическом плане Прибалтика отличалась диверсифицированной производственной структурой: хорошо развитое сельское хозяйство, собственная энергетика, многоотраслевая промышленность, хорошо оснащенные порты, плотная сеть коммуникаций, а главное, самый высокий уровень жизни населения по сравнению с другими республиками СССР. На фоне советских стандартов промышленности, строительства и сельского хозяйства Прибалтика смотрелась очень хорошо — и по качеству продукции, и по производительности труда, и по общей культуре производства. Товары и услуги, произведенные в Прибалтике, распределяемые по всесоюзным плановым разрядкам, всегда пользовались повышенным спросом на внутреннем рынке. Конечно, это все отставало от мировых стандартов, но было в СССР добротной стартовой площадкой для быстрого движения вперед. Союзное руководство в определенных направлениях сумело использовать это обстоятельство. Во-первых, за счет более высокой эффективности капиталовложений здесь можно было быстрее получить прибыль. Поэтому экономически целесообразнее было именно здесь размещать новые производственные мощности, они значительно раньше осваивались, чем в других регионах Союза. Именно по этой причине эти республики получали преимущества в системе советского фондового распределения удобрений, сельскохозяйственной техники, топлива, кормового зерна, закупленного за рубежом, скота элитных пород и т.п. Все это приносило немедленную отдачу в виде самой высокой урожайности, рекордных надоев молока, а, главное, сохранности конечной продукции. Во-вторых, Прибалтика в советский период была идеальным и бесценным полигоном для проведения экономических экспериментов, опробования новых методов управления хозяйственным механизмом и внедрения различных инноваций. Трудовой персонал этих республик к концу 1980-х годов свыкся с ролью своеобразного «опытного производства» в народном хозяйстве огромной страны, а руководство этих республик — с ролью руководителей экспериментальной базы и ответственных исполнителей по осуществлению экспериментов. К началу перестройки в Прибалтике аккумулировался огромный инновационный потенциал.

Впрочем, существуют и более глубокие факторы, объединяющие эти народы в особое этнокультурное сообщество. То, что их роднит, связано, главным образом, с историческими судьбами последних трех-четырёх веков. Это обычная участь региона, расположенного или между большими государствами, или на границе цивилизаций. Население таких территорий обладает определенным набором тех качеств, которые необходимы в первую очередь для выживания. В числе этих свойств много тех, что заметно отличают их от русских. Они менее открыты, и, соответственно, не так душевны и откровенны, в их поступках доминирует не эмоциональное, а рациональное начало, не размахистость, а сдержанность, осторожность. Общинность и соборность здесь явно уступают индивидуальности. Но, помимо дисциплинированности, бережливости и аккуратности, внимания к деталям, мелочам, главное, что отличает их от русских — они не так политически доверчивы и наивны. Трудно вообразить себе здесь даже самого «темного» крестьянина, который смог бы проголосовать на выборах в парламент своей страны за ту или иную партию только потому, что ее усиленно навязывали в средствах массовой информации. Здоровый скептицизм, который даже не всегда присущ индивидуальному сознанию высокообразованного русского интеллигента, составляет важнейший элемент массового сознания всех слоев и социальных групп

народов Балтии. Качество, без которого невозможно сохранение любой популяции, а уж тем более немногочисленной.

Общим объединяющим свойством народов Балтии является также их глубокое уважение к знанию, культуре, образованию. Интеллигенция всегда пользовалась здесь огромным уважением. Почтительное и бережное отношение к образованным соотечественникам резко отличает эти народы от россиян.

Но наиболее важным психологическим свойством, выделившим балтийские народы из других народов СССР, является преобладание в их менталитете западноевропейских ценностей. Воздействие феодального права и этики Средневековой Европы, привитой немецкими завоевателями за семь веков их владычества, резко отличало народы этих трех республик от других народов СССР, в том числе и от русского. Это различие проявляется во многом, но прежде всего в отношении к таким ценностям как законопослушность, договоренность, обязательство. В общей системе ценностей этих народов они являются базовыми. Другими словами, уважение к закону, к договору, к официальному документу у представителей этих народов заложено в генах. Эти качества были эффективно использованы большевиками во время гражданской войны. У руководителей советского правительства не было более надежных воинских подразделений, чем латышские. Многие отечественные и зарубежные историки считают, что без «красных латышских стрелков» большевики не смогли бы удержать власть. Представители балтийских народов иногда становились жертвами собственной педантичной аккуратности в выполнении своих обязанностей. Так, по рассказам бывших узников сталинских лагерей, латыши и эстонцы, в отличие от своих солагерников были излишне добросовестны. На предложение товарищей по несчастью сделать «перекур», пока нет надзирателя («вертухая»), ответ обычно был один: а как же норма? Норму они выполняли почти всегда, но зато значительно чаще других обитателей ГУЛАГа погибали там от истощения.

Именно это качество, наряду с организованностью и высокими требованиями к быту, создавало этим народам репутацию «советских европейцев» в глазах остального населения Советского Союза. А они со своей стороны воспринимали представителей других национальностей, в том числе и русских, как людей часто «необязательных», «незаконнослушных».

Общим является и то, что национальные психологии народов Балтии — это психологии малых народов. В отношениях между людьми это часто порождает недоразумения, конфликты. Так, в ответ на раздававшиеся в годы перестройки упреки балтийских народов, обращенные к русским по поводу сталинских репрессий 1940 и послевоенных лет, выдвигался следующий аргумент: ваши жалобы неосновательны, ибо у нас в России было уничтожено населения неизмеримо больше, чем в странах Балтии. Подобная логика утешения убедительно иллюстрирует различие представлений большого и малого народов. Что кажется кощунственным и чудовищным малому народу, большой в лице своих руководителей использует в качестве удачно найденного и неопровержимого довода.

Точно так же воспринимались наивные заверения высших русских партийных функционеров в Балтии во время демократических преобразований, что они обязательно выучили бы местный язык, если бы знали, что все так серьезно обернется. То, что для русского высокопоставленного чиновника (а это высказывание принадлежит одному из секретарей райкома партии Таллинна) является формой запоздалого, но искреннего извинения, представителю малой нации кажется циничным и оскорбительным.

Для представителей малых этносов характерны различные механизмы самозащиты популяции, в том числе и более глубокая национальная самоидентификация, чем у представителей больших народов. Коммунистическая идеология, направленная на реализацию тезиса о конечном слиянии наций и народов в одну единую «историческую общность», наиболее разрушительно прошла по национальным традициям русского этноса. Это проявилось уже в самом начале демократических перемен в СССР. Удачно найденное назва-

ние этих процессов в Прибалтике — «поющая революция» — связано с тем, что митинги и демонстрации титульных народов больше походили на певческие праздники. Латыши, литовцы и эстонцы располагали огромным репертуаром своих национальных песен, тексты и мелодии которых с детства были глубоко усвоены каждым. Представители русской общины также пытались петь на своих митингах. Но быстро выяснялось, что своих национальных песен, кроме разве что «Катюши», у русских нет, а если и есть, то мало кто их помнит. Со стороны этот контраст производил сильное и тягостное впечатление. Возможно, это означало и то, что у русских было много коллективизма, но очень мало национальной солидарности. Так или иначе, но по уровню консолидированности титульные народы Балтии значительно превосходили русских.

Что же касается певческих праздников, которые регулярно проводились в этих республиках, то они оказались мощным сплачивающим и организующим фактором в последующих демократических процессах. Помимо красочного зрелища и общенародного праздника, они способствовали выработке навыков солидарного гражданского поведения. Участники, которых было от 25 до 40 тысяч — хоровые коллективы, представляющие все региональные, профессиональные и возрастные организации, заранее четко знали свои места на певческом поле, и поэтому размещение огромной массы людей занимало не более 15—20 минут. А 80—100 тысяч зрителей каким-то образом умудрялись в течение нескольких часов пребывания на довольно ограниченной территории, не повредить цветников и кустарников, не оставить после себя мусора, не создать трудностей для городского транспорта, не говоря уже о каких-то случаях даже самого мелкого хулиганства. Но главное заключалось в содержательной части праздника. Представители идеологических отделов ЦК КПСС и ЦК компартий республик, инспектирующие все эти мероприятия, внимательно следили за репертуаром, и удовлетворенные тем, что исполнялись песни, прославляющие Ленина, партию, коммунизм, советскую власть и все прочее, что требовал тогдашний партийный ритуал, менее бдительно относились к последующему репертуару. А вот там уже были песни о своей стране, о народе, который веками жил на этой земле, о его непростой судьбе, о его самобытности и уважении к себе, к своим традициям и любви к собственной земле и т.д., что, собственно, и составляло наиболее ценную часть певческого праздника, и что эмоционально воздействовало на всех, поднимая национальное самосознание. Таким образом, певческие праздники в странах Балтии, помимо того, что они были грандиозными культурными мероприятиями, что вызывало большое удовлетворение партийных органов, были еще и отличной школой гражданской социализации населения, что проходило мимо внимания партийных функционеров.

Общие проблемы выживания в условиях постоянных изменений политической конфигурации в этой части Европы, общие задачи сопротивления более могущественным захватчикам (шведам, датчанам, полякам, немцам, русским) определенным образом сплотили эти народы, заставили их руководителей действовать в экстремальных ситуациях сообща. Что и было в полной мере продемонстрировано в период движения за суверенитет сначала экономический, а затем и политический в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

В качестве примера можно напомнить итоги исторического голосования осенью 1989 г. на II Съезде народных депутатов СССР по вопросу о 6-й статье Конституции СССР, утверждающей монополию коммунистической партии на власть, и отвергающей даже само понятие какого-либо оппонента. Среди участвовавших в поименном голосовании из 37 членов литовской делегации за отмену этой статьи голосовало 36 человек, т.е. 97,3%, в эстонской делегации 32 из 36 (88,9%), в латвийской 32 из 40 (80%). Далее следовали Армения — 20 из 33 (60,8%), Россия — 319 из 588 (54,2%), Грузия — 34 из 63 (54%), Белоруссия — 28 из 55 (50,1%), Молдавия — 16 из 34 (47,1%), Украина 73 из 164 (44,5%), Киргизия — 11 из 40 (27,5%), Казахстан — 12 из 70 (17,1%),

Азербайджан — 5 из 46 (10,7%), Таджикистан — 4 из 41 (9,8%), Туркменистан — 3 из 33 (9,1%) и Узбекистан — 1 из 77 (1,3%)⁴. Приведенные цифры наглядно отражают территориальное распределение демократического потенциала советского государства. По существу, так выглядела карта политической зрелости (или гражданского самосознания) населения Советского Союза накануне его распада. Вот почему Съезды народных депутатов сыграли роль своеобразного катализатора в развитии сепаратистских настроений. Делегаты от прибалтийских республик, для которых представление об азиатской части страны было в известной мере книжным, абстрактным, теперь смогли увидеть ее во всей суровой реальности.

В составе российской делегации против отмены статьи голосовали делегаты от центральных черноземных областей, Нижнего Поволжья, то есть тех самых областей, которые спустя несколько лет образуют так называемый «красный пояс» в новой демократической России. Здесь же необходимо подчеркнуть, что решающей в исходе голосования, отменившего пресловутую 6-ю статью Конституции СССР, оказалась позиция именно российской делегации. Будучи самой многочисленной, она по существу и обеспечила юридическое оформление конца тоталитарного режима. Но для массового сознания советских людей этот факт отошел на второй план, он не сохранился в их исторической памяти. Его затмил другой, более яркий и запоминающийся. Это — сплоченное и парламентски грамотное поведение делегатов Прибалтики.

В деятельности на Съездах полностью проявился их национальный менталитет. Комплектование делегаций было продумано со всей тщательностью. При их формировании исходили из того, что, будучи одними из самых малочисленных делегаций, прибалты не будут иметь возможность часто выступать на пленарных заседаниях. Поэтому основной акцент для них должен быть сделан на работу в комитетах и комиссиях. Учитывая это, в состав делегации были подобраны те, которые по своим профессиональным, деловым и человеческим качествам могли бы там эффективно работать. Особое внимание обращалось на общую культуру, ораторские способности, контактность, умение убеждать, внешние данные.

Вместе с народными депутатами от Москвы и Ленинграда прибалтийские парламентарии на заседаниях, транслировавшихся по телевидению на всю страну, задавали тон. Они активно проявляли себя и в работе межрегиональной депутатской группы — первой демократической парламентской оппозиции в СССР. Эстонский академик В. Пальм вошел в состав руководящего органа этого объединения.

Активная парламентская деятельность депутатов из стран Балтии, а, главное, солидарность населения трех прибалтийских республик, создали в общественном мнении распространенный и устойчивый миф о них как главных виновниках распада Советского Союза. Этот миф лег на почву общественного признания некоторой искусственности этих республик в составе Союза, ощущения их определенной чужеродности в большой и многонациональной социалистической семье. Но, что самое главное, этот миф оказался мощным отрицательным фоном, на котором российскими чиновниками осуществлялась практика отношений с Прибалтийскими республиками все последующие годы после распада СССР. Но, как известно, общественные предрассудки всегда служили оправданием неэффективных действий политиков. Массовые протестные демонстрации в Советском Союзе начались отнюдь не в Прибалтике. И требования политической независимости, то есть выхода из состава СССР, в Прибалтике не выдвигались, (они появились гораздо позже, как результат многократного превышения критической массы ошибок тогдашнего союзного руководства)⁵. А были в условиях углубляющегося экономического кризиса вполне оправданные требования децентрализации народнохозяйственного управления. Предложения о внедрении республиканского хозрасчета, то есть элементов рыночной экономики, исходили из, ставшего тогда уже для всех абсолютно очевидным, тупика жесткого централизован-

ного планирования и регламентирования, эти требования вытекали из самой логики эволюционного развития государства. Командная система организации и управления народным хозяйством полностью выработала свой ресурс и стала гигантским тормозом развития экономики. В условиях федеративного государства выход был абсолютно однозначен: децентрализовать управление, делегировать часть полномочий на места, что было важнейшим и необходимым условием сохранения страны (а ведь именно это, в конце концов, и было сделано в России в 1992 г.). Осознание того, что никакого другого варианта сохранения Союза нет, было характерно не только для мыслящей части общества, но и для самых широких масс. Эти настроения решительных перемен тогда доминировали в обществе.

По инициативе Прибалтийских республик в ноябре 1988 г. в Верховном Совете СССР была создана комиссия по распределению прав и полномочий между Центром и республиками («комиссия Таразевича»⁶), в которой и была высказана идея нового союзного договора⁷. Настойчивость делегатов Балтии в необходимости подписания такого договора имела под собой юридически безупречное основание: эти республики не подписывали в 1922 г. декларацию о создании СССР, а факт их инкорпорации к тому времени был уже официально признан союзным руководством.

Таким образом, к началу 1989 г. в СССР сложилась необычайно благоприятная социально-политическая ситуация и для перехода к рынку, и для развития государственного федерализма. Подписание нового Союзного Договора, на чем настаивали тогда республики Прибалтики; позволило бы не только перейти к осуществлению назревших политических и экономических реформ, но и сохранить единое государство.

В общественном сознании советских людей, в том числе и народов Балтии, в то время господствовала уверенность в политической мощи Союза ССР, в несокрушимости великого государства. Конечно же, в массовом сознании балтийских народов, а тем более, национал-радикальных политиков, всегда присутствовала мечта о национальной независимости, но они понимали, что это было слишком далеко от реальности. Подобные национальные чаяния — распространенное явление у малых народов.

Практическая реализация мечты прибалтийских народов начала вырисовываться лишь через год, к середине 1990 г., когда стали уж совсем очевидными многочисленные и стратегические, и тактические, и оперативные провалы советского руководства в проведении как внешней, так и внутренней политики, когда в полной мере обнаружилась его полная некомпетентность, постоянное и катастрофическое отставание от развивающихся процессов⁸. Позже, спустя много лет, в научной литературе и публицистике станут появляться многочисленные материалы о том, что страна была обречена, что ее невозможно было реформировать, распад был предопределен и т.д., и т.п. Но все эти объяснения были сделаны постфактум, вдогонку произошедшим событиям. В подобного рода рассуждениях заволашевающую роль играет свойственное человеческой природе гипнотическое давление факта уже свершившегося события. Что детерминируется по незамысловатой, но по-своему очень убедительной схеме — если это случилось, то, следовательно, и должно было случиться. Кроме того, по прошествии нескольких лет любое событие покрывается патиной времени, постепенно окостеневая в исторической памяти людей, еще больше усиливая в общественном сознании эффект своей неотвратимости. А уж через десять—пятнадцать лет трудно даже представить, что могло быть иначе.

Но тогда, в начале 1989 г. в СССР никто, включая даже самых авторитетных и непримиримых критиков советского режима и в самом Союзе, и за его пределами, и предположить не мог, что система может рухнуть в одночасье. Если история как поступательный процесс действительно не знает сослагательного наклонения, то изучающий ее обществовед должен при анализе конкретной исторической ситуации рассматривать все возможные варианты развития событий, оценивать вероятность того или иного сценария

социально-политической драмы и сознавать, что в истории не обязательно осуществляются лишь более вероятные альтернативы. Что и произошло, например, в 1917 году.

Никакой фатальной предопределенности развала СССР не было (если и было что-то фатальное, то это профессиональные качества руководителей страны). Признание такой предопределенности означает, по существу, полное отрицание какой-либо роли личности в истории, что, разумеется, является абсурдом. Союзное руководство, начиная с 1987 г. постоянно отставало от стремительно развивающихся социально-политических процессов, плелось в хвосте событий, упускало инициативу. Стиль его работы в три-четыре года, предшествующих распаду СССР — это выжидательное бездействие. Даже ближайший соратник М.С. Горбачева, главный идеолог перестройки, А.Н. Яковлев спустя несколько месяцев после распада СССР с горечью признал: «К сожалению, М.С. Горбачев не занял в этой борьбе определенной позиции. Он балансировал... Это сыграло печальную роль»⁹.

Создающее логический комфорт убеждение в том, что колесо истории движется в полном соответствии с общественными законами и закономерностями, не что иное, как наследие примитивно понятого марксизма-ленинизма в массовом сознании. Как показал XX век, колесо истории больше «виляет» из стороны в сторону, останавливается и катит назад, что еще раз убеждает нас, что общественная жизнь неизмеримо богаче любой созданной людьми теории.

Объективно существовали различные направления развития событий. И одна из самых реальных возможностей эффективно воспрепятствовать центробежным тенденциям заключалась в скорейшем подписании нового Союзного Договора. Но это нужно было сделать в конце 1988 — начале 1989 г., но никак не позже мая 1989 г., далее наступал политический цейтнот. В конце мая ситуация была уже не столь благоприятной, так как началась работа Съезда народных депутатов с полной телетрансляцией, что очень сильно изменило настроение в стране, и особенно, в республиках Прибалтики. Тем не менее, один из лидеров эстонского «Народного фронта», упоминавшийся выше академик В. Пальм даже 15 июня 1989 г. в печатном органе «Народного фронта» — газете «Тартуский курьер» в статье «К единству многообразия» аргументировал необходимость сохранения Союза, но при этом считал, что «для того, чтобы сохранить СССР, он должен быть реорганизован».

Какие же очевидные выгоды вытекали из этого Договора?

Во-первых, поставив свою подпись под этим документом, руководители республик тем самым легитимировали бы свое нахождение в составе Советского Союза. Что автоматически повлекло бы за собой изменение позиций Запада, никогда не признававшего законным включение их в состав СССР в 1940 году. Так был бы закрыт самый болевой, самый уязвимый вопрос государственного устройства СССР.

Во-вторых, ведь это была инициатива республик Прибалтики. Они его нам сами предлагали. Это был «их Договор», что было и для тогдашнего политического руководства Прибалтийских республик, и для Центра выигрышным тактическим моментом.

В-третьих, подписав такой документ и передав вопросы хозяйственной сферы, культуры и образования, в ведение республик (то есть то, на чем и настаивали представители Прибалтийских республик в комиссии Таразевича), союзное руководство сняло бы напряжение внутри этих республик, выбило бы козыри из рук местных национал-экстремистов, резко снизило бы «давление улицы». Тезис «Мы накормим и вас, и вашу армию, только не мешайте нам хозяйствовать!» был в то время одним из самых популярных в балтийских республиках. Ведь набившие оскомину анекдотические примеры жесткого и мелочного планирования и регламентирования, вроде распоряжения министра мясной и молочной промышленности СССР (теперь это кажется совершенно невероятным, но было даже и такое министерство, да еще к тому же общесоюзное) «Об ассортименте сливков, производимых в Эс-

тении, и установлении нормативов содержания в них жиров», переполняли даже страницы центральных партийных газет. Этим государственным актом Москва запрещала Эстонию производить сливки жирностью свыше 25%, что лишало население готовить традиционное здесь лакомство — взбитые сливки (для этого требовались 35%-ые). Именно такие политические курьезы способны, если пользоваться революционной терминологией, «вызвать негодование масс»¹⁰.

В-четвертых, появилась бы реальная возможность оправдать ожидания населения и начать, наконец, практически, а не на словах (за три с половиной года люди уже устали от бесконечных разговоров о реформе), осуществление назревших хозяйственных реформ, причем в наиболее подготовленном для этой цели регионе страны.

Тогдашние руководители Союза эту возможность не использовали. Они или не владели достоверной и полной информацией о происходящих в стране социальных процессах, или попросту оказались политически несостоятельными. Отказ же от заключения Договора резко обострил социальную ситуацию в Прибалтийских республиках, усилил позиции и высоко вознес авторитет ультранационалистических политиков и экстремистов, и в итоге спровоцировал взрыв сепаратистских устремлений. Отказ от Договора, по существу, перечеркнул возможность компромисса между Центром и республиками, что во многом и предопределило судьбу Союза. Возник непомерно большой, трагический разрыв между макро- и средой, между политической верхушкой (Центром) и населением республик, что актуализировало их единственную в этих условиях солидарность — этническую и придало ей огромную силу¹¹.

При этом Центр всячески углублял этот разрыв. Так, в конце августа 1989 г. в центральных газетах было опубликовано Заявление ЦК КПСС «О положении в республиках Советской Прибалтики», выдержанное в стиле и фразеологии времен застоя, в котором негативные оценки были выданы всем политическим силам Прибалтики скопом, без различия: и правительствам, и партийному руководству трех республик, и лидерам народных движений, и общественным организациям самого различного толка¹².

Этот документ, подготовленный в Москве без какого-либо согласования с республиканскими партийными руководителями, воспринятый демократической частью советского общества как рецидив сталинизма, вызвал всеобщее возмущение в Прибалтике. Даже сам Горбачев признает, что это постановление «привело к результатам, противоположным задуманному» и приводит слова В. Вяляса, первого секретаря ЦК КП Эстонии, который в телефонном разговоре заявил, что эстонцы весьма болезненно восприняли тональность документа, многие в знак протеста стали сдавать партбилеты. «В Эстонии, — сказал он — за исключением экстремистов никогда не ставился вопрос о выходе из Союза»¹³.

Партийные руководители республик Прибалтики в отличие от союзного руководства находились в очень деликатной политической ситуации и прекрасно понимали, что они обречены, если не сумеют подтвердить свой национальный характер. Но Центр, видимо, плохо представлял ситуацию в Прибалтике и ее динамику, а также расстановку сил на политической арене этих республик. Вместо того, чтобы использовать авторитет и интеллектуальный потенциал партийных руководителей республик Прибалтики, особенно таких как В. Вяляс и А. Бразаускас, Центр своими неумелыми заявлениями, действиями и бездействием не только создавал им препятствия в борьбе с национал-радикалами — партией консерваторов во главе с В. Ландсбергисом, но по существу дискредитировал их в глазах населения. Уже к концу 1989 г. Ландсбергис по своему влиянию на массы обошел Бразаускаса, и к власти в Литве фактически пришел «Саюдис», который на выборах в Верховный Совет Литовской ССР в марте 1990 г. получил решающее большинство. А ночью 11 марта депутаты приняли акт о выходе Литвы из состава СССР¹⁴.

Месяц спустя газета Народного фронта Эстонии «Тартуский курьер» оценивая это событие писала: «Был ли путь отделения от СССР единственно возможным путем развития событий и был ли основным виновником движения по такому пути прибалтийский радикализм? Думается, что нет. Важную роль здесь сыграл устойчивый консерватизм центральной бюрократии и ряда других ориентирующихся на нее сил. Именно эти силы по существу и потопили ту самую идею «обновленной» федерации, за которую они сегодня выступают»¹⁵.

Таким образом, парадокс заключается в том, что, вопреки сложившимся в общественном сознании представлениям, именно Прибалтийские республики предлагали реальный способ сохранения Союза, а центральная власть, наоборот, сделала все, чтобы его разрушить. Только спустя два с половиной года руководители Союза осознали, наконец, свою ошибку и попытались ее исправить, выразив горячее желание подписать новый Договор, но было уже слишком поздно. В стране к тому времени кардинально изменилась обстановка, в общественном сознании произошли качественные перемены, и, кроме того, уже успела оформиться и созреть новая, более активная политическая верхушка, агрессивно претендующая на власть. Впоследствии известный эстонский экономист, один из лидеров Народного Фронта Эстонии, М. Бронштейн написал, что «никакая сила не развалила бы Советский Союз, если бы этого не захотела российская элита»¹⁶.

Понимание того, что время договориться ими упущено, привело руководителей Союза к совершению еще более грубых ошибок. Они прибегли к примитивному силовому давлению — 13 января 1991 г. в столицу Литвы г. Вильнюс были введены войска. Причем танки направили в самую провинциальную и самую удаленную от штаба Прибалтийского военного округа столицу республики, имеющей к тому же наименьший удельный вес промышленных рабочих, наименьшую долю русского населения, и, наконец, народ которой отличается от других народов Балтии наибольшей пассивностью.

Руководители Союза, видимо, даже не подозревали о существовании особенностей характера народа, идущих от его национального темперамента. В исторической памяти литовцев сохранились также события, связанные с польским восстанием против царизма в 1863 г. и имена его руководителей — К. Калиновского и А. Мацкявичуса. Литовцы к тому же в силу и географической близости и своего менталитета глубже других усвоили идеи и практику польской «Солидарности». Кроме того, в Литве, как и в Польше, авторитет католической церкви, в отличие от маловлиятельной лютеранской у соседей, всегда являлся постоянным катализатором антикоммунистических настроений. Политический резонанс, вызванный событиями 13 января 1991 г., еще больше накалил обстановку, а, главное, снизил до критического уровня и без того невысокий авторитет союзного руководства¹⁷. Теперь все, что исходило из Центра, вызывало немедленное и повсеместное неприятие во всех социальных слоях населения Союза.

Демократически настроенная часть общества в вильнюсских событиях почувствовала угрозу начатым преобразованиям, танки на улицах Вильнюса были восприняты как предупреждение о грядущей диктатуре, как репетиция возможного переворота в Москве. Лозунг «За нашу и вашу свободу!», возникший еще в 60-х годах XIX в. во времена польских событий и поддержанный русскими интеллигентами, оказался снова востребованным. Реакция российской общественности на вильнюсские события оказалась для власти совершенно неожиданной.

В свою очередь, более консервативная его часть усмотрела в вильнюсских событиях еще одно свидетельство неспособности руководителей государства управлять ситуацией. И те, и другие окончательно убедились при этом в слабости, беспомощности власти. Последнее явилось и причиной, и поводом для августовского путча, воспользовавшись которым Латвия и Эстония, так же как и Украина, объявили о выходе из состава СССР.

Справедливости ради, необходимо подчеркнуть следующий важный момент. Русские, будучи доминирующим народом Союза, нигде не чувствовали себя национально ущемленными. И наиболее ярко проявилось это в голосовании русского населения по вопросу о независимости тех бывших республик, которые считались благополучнее России. А в Советском Союзе по уровню потребления Российской Федерацию опережали почти все союзные республики, за исключением двух среднеазиатских.

Русское население Прибалтики (как и Украины) в подавляющем большинстве (70—75%) проголосовало за независимость от России, полагая, что выгоднее жить в комфортной Прибалтике (или сытой Украине), чем в бедной Российской Федерации. Подобный выбор немыслим для народа, остро ощущающего проблему своей национальной идентичности и готового идти на материальные жертвы из патриотических побуждений (например, голосование словаков, проживающих в Чехии). Для изменения взглядов этих русских потребовалось, чтобы они почувствовали себя национально ущемленными или просчитавшимися, и оказавшимися в более бедной стране (Крым, Украина). При этом значительно активнее других наших соотечественников за независимость республик Прибалтики голосовали именно те русские, которые имели там наименьший стаж проживания («поздние мигранты»).

Вот в такой социально-психологической атмосфере начался процесс межгосударственных отношений новой демократической России с независимыми странами Балтии. При этом в общественном сознании россиян к этому времени окончательно сформировалось, как уже указывалось, стабильное представление о странах Балтии как виновниках распада СССР (тем более что они и первыми вышли из него). А у руководителей России появилась, а затем стала постоянно усиливаться ревность к быстрым экономическим успехам соседей. Эти негативные чувства обострялись осознанием многочисленных просчетов, которые были допущены ими в торопливо и неквалифицированно проведенной процедуре признания новых государств. Указы о независимости Латвии и Эстонии были подписаны российским президентом 24 августа 1991 г., то есть менее чем через трое суток после путча. Шелка и крайний непрофессионализм привели к острейшим проблемам и с выводом войск, и с демаркацией границ, и со многими другими. А главное — с гражданским статусом русского населения.

Примечания

1. Такой же тактики придерживается Литва и в отношениях с Евросоюзом. В отличие от Латвии и Эстонии, подчеркивающих свои успехи в социально-экономическом развитии, Литва их преуменьшает, за что уже получает замечания от чиновников ЕС.
2. В том числе и территориальных. В результате подписания секретных протоколов «пакта Риббентропа—Молотова» в 1939 г. Литва получила более 30% своей территории. 10 октября 1939 г. Литва получает принадлежавший Польше г. Вильно и Виленский край. 5 августа 1940 г. Верховный Совет СССР принимает закон о передаче Литовской ССР нескольких районов Белорусской ССР. 10 января 1941 г. СССР выкупает у Германии и передает Литовской ССР Сувалкский выступ. В январе 1945 г. по решению Верховного Главнокомандования освобожденный немецкий порт Мемель (Клайпеда) был передан под административное управление Литвы.
3. Baltic Media in Transition. Tartu University Press. 2002, p. 279.
4. Стенограммы заседаний II Съезда народных депутатов СССР. Т. 3. М. 1989, с. 49.
5. Даже наиболее радикальное в Прибалтике движение за перестройку в Литве «Саюдис», созданное 23 октября 1988 г., не ставило этот вопрос. Это признает и сам М.С. Горбачев. (См. ГОРБАЧЕВ М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М. 1995, с. 509.)
6. Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР Г.С. Таразевич — тогдашний Председатель Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета СССР.
7. В октябре 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял несколько документов, вошедших в противоречие с Конституцией СССР, на что последовала соответствующая реакция

из Москвы. В этой связи среди депутатов Верховного Совета Эстонской ССР возникла идея нового Союзного Договора.

8. Спустя шесть лет М.С. Горбачев вынужден будет признать это в своих воспоминаниях (Жизнь и реформы. Кн. 1, раздел «Прибалтика и другие»): «Запоздалые разъяснения...» (с. 513); «Но ведь и с оппозицией надо взаимодействовать. Однако тянули с этим в расчете: может быть, сгинут, исчезнут как дурной сон?»; «Партия проморгала этот начальный этап» (с. 514); «Пауза была слишком велика»; «Наши не всегда удачные шаги и хроническое запаздывание усложняли обстановку» (с. 517); «Но недаром в народе говорят: «Дорого яичко ко Христову дню». При всей ценности принятых на Пленуме решений они сильно запоздали. Это была расплата за старые подходы, увлечения коллегиальностью, по большей части мнимой. Подготовку затянули, потеряли драгоценное время» (с. 518).
9. ЯКОВЛЕВ А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М. 1992, с. 151.
10. В передовой статье, опубликованной в № 5 за апрель 1989 г. газеты «Согласие» — печатном органе «Саюдиса» — К. Яскелявичус писал, что «необходимо во взаимоотношениях республик отказаться от сталинских взглядов на экономику СССР, на деле, а не на словах вернуться к ленинскому пониманию государственного устройства. Следует, наконец, осознать, что единство и сила СССР — в силе республик. Такая модель взаимоотношений является, на мой взгляд, единственной реальной альтернативой, позволяющей не только сохранить, но и упрочить политическую платформу государственного устройства СССР». Подобные же взгляды высказывал один из активистов Народного фронта Латвии экономист, профессор Латвийского университета Э. Зелгалвис месяц спустя, защищая тезис о необходимости в рамках Союза функционирования республиканской экономики. (Atmoda, № 21, 1989).
11. «Перестройка мало что сделала по организации и сплочению своей социальной базы. Более того, когда такие силы стали появляться самопроизвольно, они были встречены с недоверием, недовольством, как разрушители предначертанной сверху стратегии». — ЯКОВЛЕВ А.Н. Ук. соч., с. 159. Уже к концу лета 1989 г. по приглашению местных лидеров из Прибалтики стали приезжать для обмена опытом по созданию народных фронтов волонтеры в Баку и Тбилиси.
12. Правда, 27.VIII. 1989.
13. ГОРБАЧЕВ М.С. Ук. соч. Кн. 1, с. 517.
14. Разумеется, в тот момент во многом это был демонстративный жест. В своих воспоминаниях Горбачев пишет, что уже 4 мая 1990 г. литовские руководители выразили готовность начать переговоры с Центром, а Декларация независимости Литвы могла, по их мнению, рассматриваться Союзом как акт в значительной степени символический. Было подчеркнуто, что Литва не будет возражать против интерпретации этого акта, согласно которой речь идет о статусе республики как «ассоциированного члена обновленного Союза ССР». ГОРБАЧЕВ М.С. Ук. соч. Кн. 1, с. 524.
15. Тартуский курьер, № 2 (9). IV. 1990, с. 6.
16. Молодежь Эстонии, 9. I. 2002, с. 9.
17. Союзное руководство 13 января 1991 г. сделало Ландсбергиса на несколько лет самым популярным политиком Литвы. Даже Горбачев, описывая январские события в Вильнюсе признал, что «теперь Ландсбергис в глазах литовцев будет выглядеть героем». ГОРБАЧЕВ М.С. Ук. соч. Кн. 1, с. 507.

Русские генштабисты в 1917—1920 годах. Итоги изучения

В.В. Каминский

В течение первого года советской власти на службе у нового режима состояло 679 выпускников Николаевской академии Генерального штаба — интеллектуально и профессионально наиболее подготовленных представителей почти 300-тысячного (на осень 1917 года) офицерского корпуса русской армии. К началу XX в. эта академия пользовалась наибольшим престижем, окончившие ее офицеры получали универсальное военное образование, им было гарантировано сравнительно быстрое продвижение по службе ¹. К началу первой мировой войны чины Генерального штаба (всего — 1500-1600 человек ²), составляя не более 0,5% численности русского офицерского корпуса, практически управляли русской армией.

Освобождение от присяги императору, сопровождавшееся отменой чинов и званий, предопределило политическое размежевание офицерских масс. Разгон большевиками Учредительного собрания (6 января 1918 г.) и подписание Брестского мира (3 марта 1918 г.) углубили социальный раскол в обществе и вызвали гражданскую войну. Среди прочих категорий русского офицерского корпуса революционное насилие 1917—1918 гг. «задело» чинов Генерального штаба в наименьшей степени. Зато участие генштабистов в строительстве вооруженных формирований противоборствующих сторон было поистине выдающимся. Так что фразу Деникина о том, что «вся сила, вся организация и красных и белых армий покоилась исключительно на личности старого русского офицера» ³, можно отнести прежде всего на счет офицеров Генерального штаба. По разные стороны фронта нередко оказывались даже родные братья — выпускники Академии. Генерал-майор Николай Семенович Махров (1904 г. выпуска) 10 апреля 1918 г. добровольно поступил в РККА и продолжал служить в ней всю гражданскую войну, тогда как Василий (выпуск 1914 г.) и Петр (1907 г. выпуска) Махровы служили в деникинских Вооруженных силах Юга России ⁴. Полковник Виктор Иванович Моторный (1908 г. выпуска) с 24 мая по 28 ноября 1918 г. занимал должность начальника отдела Оргупра большевистского Всероглавштаба, а его брат Владимир (1912 г. выпуска) значился на 24 февраля 1919 г. в армии Колчака начальником штаба Саратовского фронта. Такие примеры — отнюдь не исключение ⁵.

Обострение обстановки весной—летом 1918 г. в условиях окончательного распада старой армии обусловило необходимость формирования в проти-

Каминский Валерий Владимирович — магистр искусств, Университет им. Бен-Гуриона в Негеве (Израиль).

воборствующих лагерях новых боеспособных частей. Эта сложнейшая работа выявила острый недостаток опытного командного состава как у красных, так и у белых; недостаток этот не был преодолен и к середине 1919 года ⁶.

В тех условиях важен был уже сам факт обучения того или иного офицера в Академии Генерального штаба. Даже лица, находившиеся лишь на положении слушателей старшего или младшего курсов, могли рассчитывать на получение высокой должности как у белых (например, у Колчака наряду с выпускниками Академии до 1917 г. далеко «продвинулись» курсанты и выпускники 1917—1918 гг.) ⁷, так и в РККА ⁸. Лица Генерального штаба в РККА в 1918 г. оказались в особом положении.

С учреждением в марте 1918 г. Высшего военного совета военным руководителем его был назначен Генерального штаба генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич. В апреле 1918 г. появились первые губернские военкоматы, военруками которых были назначены исключительно офицеры старого Генерального штаба ⁹. В начале мая 1918 г. был создан Всероглавштаб, имевший в своем составе Всероссийскую коллегия по формированию Красной армии, Главное управление Генерального штаба, Главный штаб, Главный комиссариат военно-учебных заведений. Подавляющее большинство сотрудников этих заведений были опять же офицеры Генерального штаба. К июлю в составе отрядов и частей «Завесы», сдерживавшей продвижение германских войск, были сформированы отряды — прообразы будущих дивизий РККА. Возглавили эти отряды главным образом генштабисты. В штабах Западного и Северного участков Завесы на всех основных должностях состояли выпускники Академии Генерального штаба (всего — 201 человек). Когда осенью 1918 г. с образованием Реввоенсовета Республики его Полевой штаб и Управление делами вобрала в себя все основные управленческие структуры РККА, «ключевые» должности там также заняли «лица Генерального штаба» ¹⁰.

Декретом от 29 июля 1918 г. Совнарком положил начало политике мобилизации бывших офицеров в РККА. Вплоть до конца 1918 г. эта политика проводилась жестко; но «лиц Генерального штаба» большевистские мобилизации фактически обошли стороной: методы привлечения их на службу в РККА отличались в то время значительной «мягкостью». Большевики представили своих комиссаров к командирам из числа бывших офицеров для контроля за их деятельностью, однако характер их сотрудничества с «лицами Генерального штаба», по крайней мере в 1918 г., нередко зависел от личных взаимоотношений. В условиях развязанного по всей стране террора, который начался задолго до официального объявления его 5 сентября 1918 г., офицерство в списке жертв ЧК стояло на одном из первых мест, но отношение и этого органа к «лицам Генерального штаба», находившимся на службе в РККА, отличалось неожиданной мягкостью.

К концу 1918 г., с завершением формирования властных структур в белом движении, сложилось количественное и качественное превосходство «лиц Генерального штаба» в РККА по сравнению с «белым» лагерем на Юге и Востоке (точных данных по Северо-Западной армии Н.Н. Юденича нет). В РККА на различных этапах 1918 г. служило 679 генштабистов, или 42-45% от всей численности корпуса Генерального штаба. Такая цифра превышала количество «генштабистов», служивших у Колчака (по данным на 24 февраля 1919 г. — 289 человек), в 2,3 раза. В армиях Деникина едва ли могло быть больше 100 выпускников и слушателей Академии 1917—1918 гг., поскольку основная их часть оказалась в «белом» лагере на востоке России вследствие эвакуации Академии в Казань летом 1918 года. Всего за время гражданской войны у Деникина служило 206 штаб-офицеров и генералов Генерального штаба. Считая вместе с выпускниками 1917—1918 гг., Деникин за весь период гражданской войны мог располагать не более чем 300 офицерами Генерального штаба, что уступало количеству генштабистов, находившихся в РККА в 1918 г., почти в 2,3 раза ¹¹. Даже если объединить количество выпускников Академии, находившихся у Колчака, Деникина и Юденича (всего примерно 648), то и тогда, за всю гражданскую войну в «белом» лагере генштабистов

было не больше, чем в РККА. Однако подобного объединения «белых» сил не было достигнуто; к тому же армия Юденича начала активизироваться только в 1919 году.

Себе на службу большевики поставили лучшую по качеству часть генштабистов — у них оказалось больше офицеров, закончивших Академию до 1914 г. включительно и имевших опыт штабной работы. Если сосчитать вместе генштабистов (генералов и штаб-офицеров) довоенных выпусков, которые находились у Колчака и Деникина за весь период гражданской войны, то окажется, что в РККА только в 1918 г. таковых насчитывалось в 1,6 раза больше.

Историки-эмигранты, среди которых были и выпускники Академии Генерального штаба, первыми на Западе сделали попытки понять роль офицерского корпуса в русских событиях 1917—1920 годов¹².

Комплекс вопросов, связанных со строительством РККА в 1918—1920 гг. рассматривался и в советской литературе. При этом ряд изданий 1920-х годов, например, «Гражданская война» под редакцией А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана (1928 г.), выгодно отличался от более поздних советских работ как информативностью, так и свободой от «историко-партийного» подхода, который больше напоминал отражение господствующей в обществе идеологии, нежели направление какой-то научной «школы»¹³. Тем не менее в советской литературе 1970—1980-х годов встречались работы, богатые фактическим материалом¹⁴. Так или иначе, распад СССР в 1991 г. сыграл злую шутку с немалой частью российской историографии: не успев избавиться от историко-партийных навыков, многие историки принялись за предвзятое восхваление «белого» движения. Такая апологетика проявляет себя при исследовании как его социальных структур, так и судеб конкретных участников, заставляя, как правило, отдавать предпочтение «белым» мемуарам в ущерб анализу документов¹⁵.

Предпринимаемые в последние годы попытки взглянуть на события 1917—1920 гг. с учетом комплексного воздействия всех факторов социального развития, без предвзятости, свойственной партийной политизации или «белой» апологетике, свидетельствуют о зарождении нового подхода в российской историографии¹⁶.

Западные исследования 1960—1990-х годов можно разделить на две группы: «левые» и «правые». «Левые», приверженцы неомарксистского «классового» понимания революционных событий (одним из первых по этому пути пошел Л. Хеймсон), преувеличивают фактор роста политической активности городского пролетариата и симпатии русских рабочих и солдат к большевикам в момент Октябрьского переворота, рассматривая большевистское правление как «пролетарское», то есть якобы выражавшее интересы рабочих, а исход гражданской войны объясняют широкой социальной поддержкой большевиков и потому считают победу красных «исторически закономерной». Фактически, «левый» подход в западной историографии обосновывал легитимность большевистского режима, оправдывая тем самым не только путч 25—26 октября 1917 г., но и последующую политику государственного террора и развязывания гражданской войны¹⁷. После распада СССР, в условиях кризиса всей советской системы ценностей, приверженцы подобного подхода оказались перед необходимостью пересмотра своих концепций.

«Правый» подход оказался более жизнестойким. Во многом его обоснование связано с работой Л. Шапино, доказывавшего, что вплоть до августовского корниловского мятежа партия большевиков не пользовалась политическим влиянием. В 1970—1990-х годах сторонники такого подхода объясняли Октябрьский переворот не авторитетом большевиков среди рабочих и солдатских масс, а стихийной левой радикализацией этих масс вследствие неспособности Временного правительства решить наиболее насущные вопросы (мир, земля). Некоторые из западных ученых — сторонников «правого» подхода считают Ленина и большевиков прямыми виновниками развязывания массового террора и гражданской войны¹⁸. При всей условности разделения западной историографии 1960—1990-х годов на «левых» и «правых», выделить третье,

«нейтральное» направление затруднительно, поскольку практически все историки, писавшие в эти годы о русской гражданской войне, так или иначе склонялись в своих оценках «влево» либо «вправо».

В исследование социальных проблем русского офицерства существенный вклад внесли советские и российские историки¹⁹. Положение офицеров Генерального штаба в условиях разложения армии в 1917 г. затронуто в трудах М. Френкина и А. Уайлдмена, особенно в статье последнего, посвященной восприятию генштабистами корниловского выступления²⁰. Общая проблема восприятия русским офицерством в целом, и офицерами Генерального штаба в частности, факта большевистского переворота, а затем большевистского режима частично освещена в статьях Д. Джоунса и в книге М. Майзеля²¹.

Проблему размежевания кадрового офицерства в гражданской войне поставил в свое время публицист-эмигрант А.С. Белоруссов (в статье «Красное офицерство», 1919 г.). По социальным настроениям он разделил все офицерство на три группы: «В первой, весьма малочисленной, были “стоящие на советской платформе” — коммунисты искренние, или “октябрьские”, ...настолько скомпрометированные своим близким участием в кровавой работе большевиков, что вне советского строя им выхода не было. Во второй — столь же малочисленной — так называемые контрреволюционеры, невзирая на необычайный гнет, сыск и террор советской власти, работавшие активно против нее. Работа эта проявлялась в разрозненных вспышках, восстаниях, покушениях, в переходе на сторону “белых армий”... эти факты имели... эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий. Наконец, третья группа, наиболее многочисленная, брошенная в ряды Красной армии голодом, страхом, принуждением, разделила общую судьбу русской интеллигенции, обратившейся в “спецов”. Страдающие морально или беспечные, нуждающиеся или берущие от жизни все что можно, они слились в одну массу лояльных советских работников»²².

Такая классификация, несмотря на очевидный бело-апологетический подход автора, имеет веские основания, отражая далеко не единообразное восприятие событий различными категориями офицерства. Вопросы, связанные с политическим размежеванием офицерства, рассмотрены и в работах ряда современных историков²³.

Военно-политическая деятельность офицеров белых армий, включая и генштабистов, продолжает привлекать внимание. Однако работы, авторы которых стремятся охватить широкий спектр проблем, как в событийном, так и в географическом плане (Юг, Восток, Север), имеют преимущественно обзорный характер²⁴. Большей глубиной анализа отличаются те исследования, в которых внимание сосредоточено на более ограниченных аспектах проблематики. Таковы работа П. Кенеза о событиях на Юге России, книги Дж. Смита и П. Флеминга о Колчаке, а также исследования ряда российских историков, которые содержат интересный материал как о социальных настроениях офицерства, служившего в белых частях на Юге и Востоке, так и о количественном составе корпуса офицеров Генерального штаба в «белом» лагере в различных регионах России²⁵.

Проблема привлечения на службу в Красную армию русских офицеров вообще и офицеров Генерального штаба в частности, освещалась еще в трудах белой эмиграции²⁶. В упомянутой статье Белоруссова отмечено, что русское офицерство «поставило Красной армии множество своих членов, и не только прапорщиков запаса, которые были увлечены потоком революции или были с самого начала ее активными деятелями, но генералов, полковников и т.д., составивших свое положение при старом режиме, служивших ему верой и правдой»²⁷. В современных западных исследованиях также рассматриваются особенности службы генштабистов в РККА в 1918—1920 годах. Как подчеркивает Модзли, проблеме их привлечения в РККА большевики уделяли повышенное внимание. Дж. Эриксон отмечает роль офицеров Генерального штаба в формировании РККА и в подготовке командного состава боль-

шевистских вооруженных сил²⁸. Существенный вклад в конкретное изучение этого вопроса внесли советские и российские историки²⁹.

Проблему взаимоотношений командного состава РККА с политическими структурами большевистского режима рассматривает Т. Колтон³⁰. В последние годы опубликованы статьи, монографии, защищены диссертации о деятельности большевистских карательных органов, прежде всего ВЧК. В плане сравнительного анализа деятельности карательных структур у красных и у белых рассматривается А.Л. Литвиным и В.Г. Бортневским³¹.

В последние годы проявляется стремление раскрыть на основе архивных документов взаимоотношения офицерства белых армий с административно-политическими и идеологическими институтами. Создан ряд научных биографий офицеров (в том числе и генштабистов) из различных политических лагерей 1917—1920 годов³².

При всей широте и разнообразии проблем, рассматриваемых историографией, права С. Рапп, указывающая, что «гражданская война остается малоизученной, и лишь немногие историки изучали политическую оппозицию большевикам в этот период»³³. К тому же в освещении социальной роли русского офицерства современная литература не только изобилует «белыми пятнами», но и обнаруживает склонность к мифотворчеству. В существующих исследованиях лишь от случая к случаю затрагиваются вопросы, связанные с судьбой офицеров в 1917—1920 гг. вообще и с социальными настроениями генштабистов в особенности. Историки, как правило, ограничиваются изучением военно-политической деятельности вождей белого движения. Настроенная же той части офицерства, которая на различных этапах гражданской войны перешла на службу к большевикам, чаще остаются за рамками исследования.

В трудах об организации и деятельности Красной армии проблема службы «лиц Генерального штаба» в РККА представлена лишь постольку, поскольку это каким-то образом связано либо с ходом боевых операций, либо с военной деятельностью партии большевиков. В тех работах, где эта проблема все-таки рассматривается, освещение ее по разным причинам остается неудовлетворительным. Майзель внес существенный вклад в разработку проблемы социальных настроений генштабистов в 1917 году. Но хронологически его работа ограничена началом 1918 года. Значительный вклад в изучение проблемы внесли в 1960-х — конце 1980-х годов А.А. Буравченков, С.А. Федюкин, А.И. Иовлев, А.Г. Кавтарадзе, Л.М. Спирин. Кавтарадзе впервые в историографии составил «Список лиц Генерального штаба» (всего 474 человека), которые в 1918—1920 гг. находились на службе в РККА³⁴. В этот список, однако, не вошли 227 выпускников Академии, которые в 1918 г. служили у красных, но потом оставили службу из-за ареста ЧК, перехода во враждебный лагерь или по другим причинам (болезнь и пр.).

Слабая сторона современной историографии о службе в РККА офицеров «добольшевистского» Генерального штаба выражается, во-первых, в создании устойчивых мифов относительно мотивации их службы в РККА, во-вторых, в неадекватном отображении тех методов, с помощью которых большевики удерживали генштабистов на своей службе.

В историографии представлено несколько объяснений их службы в РККА. Согласно одному из них, офицеры служили большевистскому режиму, следуя главным образом своему пониманию патриотического долга. «Патриотический» мотив выдвигали еще эмигрантские исследователи. Из рассуждений генштабиста генерал-майора С.А. Щетихина можно понять, что на первом этапе существования РККА, до лета 1918 г., хотя офицеры Генерального штаба верили «в близкое падение новой власти», тем не менее «присутствие врага на фронте, необходимость планомерно провести мобилизацию и спасти огромные запасы оружия и боевых припасов — все это удерживало наиболее сознательное офицерство на местах». Далее автор говорит о «патриотических побуждениях» именно генштабистов: «Около 35% офицеров Генерального штаба у большевиков служило не за страх, а за совесть — по долгу защиты

родины и создания для родины армии»³⁵. Миф о «патриотическом долге» был поддержан как красными мемуаристами, так и рядом современных российских ученых. М.Д. Бонч-Бруевич в мемуарах утверждал, что именно «общий долг перед родиной, подвергшейся подлому германскому нападению», заставил офицеров пойти на службу в РККА. Некоторые современные историки в качестве «основной причины сотрудничества кадров военной интеллигенции с Советской властью» также называют «сильные патриотические чувства к Родине, стремление сохранить Россию как великую державу, отстаивать ее независимость», «в период возобновления наступательных действий германских войск»³⁶.

Несостоятельность «патриотизма» как отличительного мотива перехода генштабистов в РККА в 1918 г. раскрыта в работе Майзеля, где доказано, что «патриотический» мотив может истолковываться слишком субъективно, чтобы с его помощью объяснять приход генштабистов на службу в РККА. И белые и красные генштабисты самих себя считали «патриотами», а своих противников из противоположного лагеря — «предателями». В документальных же источниках (многие десятки писем, ходатайств, рапортов и телеграмм 1918 г.), в которых отражены взаимоотношения большевистского военного руководства с выпускниками Академии, с величайшим трудом можно разглядеть какую-либо «патриотическую мотивацию»³⁷.

«Лица Генерального штаба» служили в РККА в основном из профессиональных соображений. Эту концепцию обосновывает Майзель, который полагает, что «военный опыт и преданность военному делу... часто выдвигались как основание решения вступить в Красную Армию». Офицеры «добольшевистского» Генерального штаба, столь верившие в железные законы военной науки, «могли поэтому применять эти законы на основе изменившегося общественного и политического порядка. Тем самым они надеялись найти себе подобающее, по их мнению, место в новой, послереволюционной России». Теорию «профессионального долга» как определяющего фактора лояльной службы в РККА офицеров вообще и «генштабистов» в частности поддерживает и Р. Пайпс³⁸.

Положение о профессионализме как основном мотиве перехода 701 генштабиста в РККА представляется не вполне отвечающим тем настроениям, которые господствовали в среде выпускников Академии к весне 1918 года. Конечно, фактор профессионализма не может быть полностью отвергнут при анализе их поведения, поскольку одним из важнейших условий своей службы в РККА специалисты Генерального штаба в 1918 г. как раз выдвигали восстановление своего статуса — получение в новой армии «должности по Генеральному штабу». Все дело в том, однако, что восстановление собственного служебного положения в новой армии волновало выпускников Академии далеко не только (зачастую и не столько) как возможность профессионального продвижения, но прежде всего как средство разрешения многочисленных «социально-бытовых проблем», как-то: получение более высоких окладов и более удобных должностей, обеспечение собственного здоровья и социального благополучия для себя и своих семей.

Распространен также взгляд, что генштабисты, находившиеся на службе в РККА, всячески стремились уклониться от службы во фронтовых штабах, поскольку не желали участвовать в «братоубийственной» гражданской войне. Из такого представления нередко следует утверждение, что, даже находясь на службе у большевиков, многие «лица Генерального штаба» (например, генералы А.П. Архангельский, Н.Н. Стогов, полковник Л. Носович и др.) стремились устраиваться в большевистские тыловые управления, с тем чтобы там вести антибольшевистскую «подпольную борьбу», а при удобном случае бежать³⁹. Для подобных выводов, однако, нет серьезных оснований.

Во-первых, утверждение о каком-то стремлении «лиц Генерального штаба» укрыться в тыловых штабах, чтобы избежать непосредственного участия в гражданской войне, выдает непонимание предназначения службы Генерального штаба как таковой. Дело в том, что задача Академии как раз и

заключалась в подготовке штабных, а не строевых кадров армии. Офицеры Генерального штаба, как правило, «несли службу в штабах соединений, военных округов и крепостей», а также в качестве военных агентов за рубежом ⁴⁰.

Во-вторых, тот или иной выпускник Академии, даже находясь на службе в тылу, а не в боевых частях РККА, так или иначе участвовал в обеспечении победы большевиков. Например, 22 преподавателя Академии Генерального штаба вплоть до середины июля 1918 г. обучали в Академии командный состав для армии большевиков ⁴¹.

В-третьих, тайные «связи» офицеров, находившихся в 1918 г. на службе в РККА, с белыми, например, с Добровольческой армией Деникина, в значительной мере преувеличены: вообще какие-либо контакты между отдельными районами страны в условиях острого транспортного кризиса 1917—1918 гг. чрезвычайно усложнились.

В-четвертых, едва ли верно объяснять случаи перехода генштабистов в белый лагерь из РККА прежде всего политическими (антибольшевистскими) соображениями. Напротив, есть признаки того, что, по крайней мере в 1918 г., такие переходы были обусловлены именно социально-бытовыми мотивами ⁴². Кавтарадзе полагает, что «окончившие ускоренные курсы и затем причисленные к Генеральному штабу (выпуски 1917—1918 гг. — *В.К.*) правильнее, чем старые генштабисты, понимали задачу, поставленную Советской властью перед комсоставом старой армии по созданию новой РККА. Поэтому не случайно, что многие из этих молодых генштабистов затем честно елужили в РККА, занимая в ней высшие командные и штабные должности» ⁴³.

Подобные попытки доказать наличие «пробольшевистской» мотивации службы в РККА у выпускников 1917—1918 гг. неубедительны. В 1918 г. из 437 штаб-офицеров и генералов, закончивших Академию до 1917 г., на службе в РККА находилось на 267 человек больше, чем обер-офицеров (170 человек). Вообще, нет оснований говорить о каких-либо пробольшевистских симпатиях у «лиц Генерального штаба», находившихся на службе в РККА на протяжении 1918 года. Если бы такие симпатии имели место, то одним из их существенных признаков стало бы раннее (октябрь 1917 — 1918 г.) членство таких лиц в РКП(б) или по крайней мере стремление вступить в партию большевиков. Между тем в изученных автором документах не встречается даже намек на какие-либо подобные попытки. Среди 679 «лиц Генерального штаба», служивших большевикам в 1918 г., кроме полковника М.С. Свечникова, не было ни одного, кто вступил бы в партию большевиков в 1917—1918 годах. Всего же партийными оказались только полковник А.В. Косматов (но с апреля 1919 г.), капитан А.И. Корк (с 6 мая 1927 г.), полковник С.С. Каменев (с 1930 г.), капитан С.А. Пугачев (с 1934 г.) ⁴⁴. При этом нет признаков того, чтобы большевики не позволяли бывшим офицерам вступать в РКП(б). Например, среди офицеров военного времени (не причисленных к Генеральному штабу) было как раз немало большевиков.

Миф о трагическом положении старого офицерства вообще и генштабистов в частности на службе у большевиков заключается в том, что офицеры служили в РККА главным образом по принуждению, состоя под надзором большевистских комиссаров, в условиях системы заложничества и под угрозой ареста и расстрела со стороны ЧК. Отсюда делается вывод, что положение «лиц Генерального штаба» в РККА якобы было весьма тяжелым. Этот миф зародился в среде эмиграции. Еще Белоруссов писал, что «наиболее многочисленную группу» старого офицерства «загнал» в ряды РККА не только голод, но также «страх и принуждение». В 1930-е годы эмигрант Щепихин заявил, что большевики «удерживали в рамках лояльности под неустанным бдительным надзором старое кадровое офицерство». Зайцов утверждал, что «создание политического контроля над командным составом в лице института военных комиссаров позволило советской власти довольно широко использовать специалистов в виде офицерского состава старой армии».

В этом вопросе эстафету у эмигрантских авторов перехватили некоторые современные ученые. О «трагизме людей, вынужденных защищать чуж-

дую им власть, к тому же под контролем и присмотром не доверявших им политических комиссаров» пишет Е.Г. Гимпельсон. Большинство из них, по его мнению, «с колебаниями и переживаниями вступали на службу Красной Армии... под угрозой репрессий». В.В. Конорев полагает, что «аресты, обыски, конфискации имущества, практика заложничества и расстрелы офицеров отвернули от советской власти даже тех, кто поначалу относился к ней нейтрально и значительно сократили число тех, кто уже готов был служить ей добровольно». С.В. Леонов считает, что большевикам удалось привлечь бывших офицеров на службу в РККА «главным образом при помощи массированного насилия», и если бы не такая система насилия, «могла рухнуть вся Красная Армия». По мнению Пайпса, «к октябрю 1918 г. не менее 8 тыс. бывших офицеров содержались в тюрьмах в качестве заложников политики красного террора»⁴⁵.

Сомнения относительно трактовки страха как основного фактора верной службы бывших генштабистов в РККА у историков все же возникают. Еще в 1944 г. Д. Федотов-Уайт назвал «страх» «очень узким объяснением поступков тех бывших офицеров старой армии, которые приняли командные посты в Красной Армии». Делаются попытки выдвинуть концепции, отличные от «патриотизма» и «профессионализма». Пайпс косвенным образом признал, что офицерам старой армии в РККА «нужны были оклады и статус, ограждающий их от преследования». О. Файджес, объясняя поведение офицеров, выразился еще яснее: «Самым обычным мотивом была просто нужда найти работу: на стороне Советов привлекало офицеров стремление к собственному спасению, а не желание выдвинуться. Большинство из них потеряло свои военные пенсии, являвшиеся для них часто единственным средством существования, и им, таким образом, приходилось гораздо труднее, чем представителям прочих низвергнутых классов старой России»⁴⁶. Замечания, подобные приведенным высказываниям Пайпса и Файджеса, не являются результатом специального исследования проблем, связанных со службой в РККА офицеров «добольшевистского» Генерального штаба, но представляются наиболее близкими к истине.

В силу крайней нужды в «специалистах Генерального штаба», способных создать боеспособную регулярную армию, большевики на протяжении 1918 г. позволили этим специалистам практически полностью восстановить свой служебный и материальный статус. В таких условиях отношение большевиков к «лицам Генерального штаба», привлекаемым на службу в РККА, в частности, в определении их внутреннего статуса в этой армии, выглядело значительно более мягким по сравнению с отношением тех же большевиков к другим категориям офицерства, даже служившим в РККА, но не имевшим отношения к Генеральному штабу. Такая «мягкость» большевистского режима проявилась в следующем:

1. Генштабистам в РККА были обеспечены большевиками значительно более выгодные, чем другим категориям состава РККА, материальные и служебные условия, им облегчалось решение социально-бытовых проблем;

2. Взаимоотношения «лиц Генерального штаба» с большевистскими комиссарами в РККА в 1918 г. определялись скорее личными взаимоотношениями между ними, нежели официальным статусом комиссара как «соглядатая», приставляемого к командирам для контроля;

3. Террор ЧК, жестокий применительно к бывшему офицерству в целом, особенно по отношению к не состоявшим на службе в РККА, в отношении генштабистов, находившихся на службе в РККА, оказался на деле весьма ограниченным: за весь 1918 г. едва ли было арестовано 30 выпускников Академии (из 679 — 4,4%), причем многих из них быстро освободили.

4. С лета 1918 г. большевики проводили одну за другой мобилизации бывших офицеров на службу в РККА (первая мобилизация была объявлена 29 июля 1918 г.), однако офицеры Генерального штаба в 1918 г. под действие таких мобилизаций фактически не попали.

Известная «мягкость» большевистских властей по отношению к «лицам

Генерального штаба» и высокая «материально-бытовая» мотивация этих специалистов привели к тому, что, во-первых, генштабисты к концу 1918 г. фактически заняли ведущие служебные должности не только в штабах действующей армии, но и во всей структуре военного управления большевистских вооруженных сил. В этом отношении можно сказать, что для 679 «специалистов Генерального штаба» 1918 год стал годом успешной служебной «адаптации» в РККА. Во-вторых, большевики, несмотря на крайне несовершенную систему учета и регистрации, к концу 1918 г. сумели привлечь к себе на службу значительно больше «лиц Генерального штаба», чем это удалось руководителям белого движения. В итоге, фактор количественного и качественного превосходства генштабистов, служивших в РККА на различных этапах 1918 г., в значительной степени обеспечил большевикам победу в гражданской войне 1918—1920 годов.

Примечания

1. ДЕНИКИН А.И. Путь русского офицера. Париж. 1953, с. 86—90, 99, 118; САМОЙЛО А.А. Две жизни. Л. 1963, с. 64—65, 74—77, 85; ШАПОШНИКОВ Б.М. Воспоминания. М. 1982, с. 121, 126—130, 137—159; FULLER W.C. Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, N.J. 1985, p. 13, 15, 32—36; BUSHNELL J. The Tsarist Officer Corps, 1881—1914. — American Historical Review, vol. 86 (October 1981), p.762; КЕҢЕЗ P. Russian Officer Corps Before the Revolution. — Russian Review, vol. 31, № 3 (July, 1972), p. 227; RAY O.A. Imperial Russian Army Officer. — Political Science Quarterly, № 76 (1961).
2. У разных авторов эта цифра (на осень — конец 1917 г.), колеблется от 1350 человек (Л.М. Спирын), 1494—1454 (А.Г. Кавтарадзе) вплоть до 1600 человек (Г.Х. Эйхе) (СПИРИН Л.М. В.И. Ленин и создание советских военных кадров. — Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1965, № 4, с. 12; КАВТАРАДЗЕ А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М. 1988, с. 186; ЭЙХЕ Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М. 1961, с. 292). Различие оценок численности офицеров Генерального штаба к концу 1917 г. может также зависеть от учета или неучета еще около 250 обер-офицеров, закончивших к этому времени ускоренные курсы Академии. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 33892, оп. 1, д.11, л. 1—5об.
3. ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М. 1991, с. 369.
4. РГВА, ф. 40895, оп. 1, д. 170383, 170386; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (составлен по данным к 1 марта 1923 года). М. 1923, с. 143; Список Генерального штаба (исправлен по 3 января 1917 г., с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг. 1917, с. 97, 147; РУТЫЧ Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М. 1997, с. 152—155.
5. Список Генерального штаба (исправлен по 3-е января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.) (Список Генерального штаба). Пг. 1917, с. 49, 106, 122; Известия Народного комиссариата по военным делам, № 76. 30.VII.1918; РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 97, 51об., 54, 55; ф. 33892, оп. 1, д. 39, л. 61; РУТЫЧ Н. Ук. соч., с. 152—155, 217—218, 237.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 109, д. 41, л. 6—6об.; ЗВЯГИН С.П. Сибирь в период гражданской войны. Кемерово. 1995, с. 80.
7. РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 39, л. 56—59об.; Список Генерального штаба, с. 73—153; Приказы армии и флоту о военных чинах сухопутного ведомства, март—октябрь 1917 г.). Б.м. и г. (Военный отдел Российской государственной библиотеки).
8. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 97, л. 55; ф. 40895, оп. 1, д. 2378; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Сб. док. Т. 1. М. 1971, с. 783; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (составлен по данным к 1 марта 1923 г.) [М. 1923], с. 4, 125; The Trotsky Papers, 1917—1922. Vol. 1. Mouton and Co. 1964, p. 111; Приказы РВСР, №№ 20, 39, 57.
9. РГВА, ф. 3, оп. 1, д. 51, л. 96; Известия народного комиссариата по военным делам, № 17, 18.V.1918.
10. Подсчитано автором по следующим материалам: РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 37, л.1—7об.; д. 39, л. 56—61об.; РУТЫЧ Н. Ук. соч.; Боевые расписания белых армий. — Белая Гвардия, 1997, № 1, с. 72—94; Боевой состав ВСЮР на 5 октября 1919 г. — Там же, 1998, № 2, с. 69—96.
11. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 203—206, 208—209, 259—262.
12. БАИОВ. Генеральный штаб во время гражданской войны. — Часовой, 1932, № 84, с. 3—4;

- ГОЛОВИН Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж. 1939; ЗАЙЦОВ А. 1918 год. Париж. 1934; ВЕРНАДСКИЙ Г. Ленин — красный диктатор. М. 1998; МЕЛЬГУНОВ С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1. Белград. 1930; ЕГО ЖЕ. Как большевики захватили власть. Париж. 1953; ЕГО ЖЕ. Красный террор в России. Нью-Йорк. 1979; РУТЫЧ Н. Ук. соч.
13. Гражданская война 1918—1921 гг. Т. 1. М. 1928; БОЛДЫРЕВ В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск. 1926, с. 505—532 (примечания); СКЕРСКИЙ К.В. Красная Армия в освещении современников, белых и иностранцев 1918—1924 гг. М.-Л. 1926.
 14. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М. 1986; ЗАЙОНЧОВСКИЙ П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М. 1973; ЕГО ЖЕ. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881—1903). — ВИЖ, 1971, № 8; ЕГО ЖЕ. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной. — Вопросы истории, 1981, № 4; КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч.
 15. ВОЛКОВ С.В. Русский офицерский корпус. М. 1993; ГАНИН А.В. Белые генералы. М. 1998; КЛАВИНГ В.В. Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции 1917—1923 гг. СПб. 1998; КОНСТАНТИНОВ С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург. 1997; ЦВЕТКОВ В.Ж. Петр Николаевич Врангель. — Вопросы истории, 1997, № 7; ЧЕРКАСОВ-ГЕОРГИЕВСКИЙ В. Генерал Деникин. Смоленск. 1999; ШАМБАРОВ В. Белогвардейщина. М. 1999; БОРТНЕВСКИЙ В.Г. Избр. труды. СПб. 1999; ЕГО ЖЕ. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны. — Отечественная история, 1995, № 5.
 16. БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. М. 1997; ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. Советские управленцы 1917—1920 гг. М. 1998; ФЕДЮК В.П. Белое движение на юге России 1917—1920 гг. Докт. дис. Ярославль. 1995; ЛАРЬКОВ Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Томск. 1995; ЛЕОНОВ С.В. Рождение советской империи. М. 1997; ЛИВШИЦ И.И. О роли кадровых офицеров в гражданской войне. — Вопросы истории, 1993, № 6; МОЛОДЦЫГИН М.А. Красная Армия: рождение и становление. 1917—1920. М. 1997; РАТЬКОВСКИЙ И.С. ВЧК и политика Красного террора в Советской России в 1918 г. Канд. дис. СПб. 1995; ШИЛОВСКИЙ М.В. Размежевание офицеров русской армии на востоке страны в 1917—1919 гг. В кн.: Актуальные вопросы гуманитарных наук. Новосибирск. 1999; ВОЙНОВ В.М. Офицерский корпус белых армий на Востоке страны. — Отечественная история, 1994, № 6.
 17. FITZPATRICK Sh. The Russian Revolution 1917—1932. Oxford University Press. 1984; HAIMSON L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917. — Slavic Review, 1964, Vol. 23 (December); 1965, vol. 24 (March); EJUSDEM. Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia. — Ibid., 1988, Vol. 47, № 1; MANDEL D. Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. N.Y. 1984; RABINOVICH A. Bolsheviks Come to Power (the Revolution of 1917 in Petrograd). N.Y. 1976); ROSENBERG W.G. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton, N.J. 1974; SMITH S.A. Red Petrograd: Revolution in the Factories. Cambridge. 1983.
 18. BROVKIN V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton. 1994; EJUSDEM. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы. — Вопросы истории, 1994, № 5; KEEP J. Lenin's Time Budget. In: Revolution in Russia. Cambridge. 1992; KENEZ P. Civil War in South Russia, 1918. Berkely & Los Angeles. 1971; EJUSDEM. Civil War in South Russia. 1919—1920. University of California Press. 1977; LEGGETT G. The ЧК: Lenin's Political Police. Oxford. 1981; MAWDSLEY E. The Russian Civil War. Boston. 1987; PIPES R. The Russian Revolution (1899—1919). N.Y. 1991; ПАЙПС Р. Россия при большевиках. М. 1997; SWAIN G. The Origins of The Russian Civil War. N.Y. 1996; WILDMAN A.K. The End of the Russian Imperial Army. Vols. 1—2. Princeton, N.J. 1980, 1987.
 19. ЗАЙОНЧОВСКИЙ П.А. Указанные соч.; МАШКИН Н.А. Высшая военная школа Российской империи в XIX — начале XX в. М. 1997; МОРОЗОВ С.Д. Военное образование в России. — ВИЖ, 1998, № 5; ОБРАЗЦОВ И.В. Российские офицеры. — Там же, 1994, № 2-3.
 20. ФРЕНКИН М. Русская армия и революция, 1917—1918. Мюнхен. 1978; WILDMAN A.K. Op. cit.; EJUSDEM. Officers of the General Staff and Kornilov movement. In: Revolution in Russia.
 21. JONES D.R. The Officers and the October Revolution. — Slavic Studies, 1976, Vol. 28; EJUSDEM. The Officers and the Soviets, 1917—1920. — Soviet Armed Forces Review, 1. S.a.; MAYZEL M. Generals and Revolutionaries. Osnabrück. 1979.
 22. Цит. по: СКЕРСКИЙ К.В. Ук. соч., с. 41—42.
 23. ВОЙНОВ В.М. Ук. соч., с. 51—64; ЛАРЬКОВ Н.С. Ук. соч.; ЛИВШИЦ И.И. Ук. соч.; ШИЛОВСКИЙ М.В. Ук. соч.
 24. BRADLEY J.F.N. Civil War in Russia 1917—1920. Lnd.-Sydney. 1975; CHAMBERLIN W.H. The Russian Revolution. Vol. 2. N.Y. 1965; FOOTMAN D. Civil War in Russia. Westport, Con. 1961; LUCKETT R. The White Generals. N.Y. 1972; MAWDSLEY E. The Russian Civil War. Boston. 1987; PIPES R. The Russian Revolution.; ЕГО ЖЕ. Россия при большевиках.

25. FLEMING C. The Fate of Admiral Kolchak. Lnd. 1963; KENEZ P. Civil War in South Russia. Vols. 1—2. Berkely & Los Angeles. 1971, 1977; SMELE J.D. Civil War in Siberia. Cambridge. 1996; ВОЙНОВ В.М. Интеллигенция Урала в годы революции и гражданской войны. Канд. дис. М. 1991; ЕГО ЖЕ. Офицерский корпус белых армий; КОНСТАНТИНОВ С.И. Ук. соч.; ШИЛОВСКИЙ М.В. Ук. соч.; ФЕДЮК В.П. Ук. соч.
26. БАИОВ. Ук. соч.; ГОРЯИНОВ И. Офицеры Генштаба в великой войне и в русской смуте. — Часовой, 1979, № 620; ЗАЙЦОВ А. Ук. соч., с. 177—187.
27. Цит. по: СКЕРСКИЙ К.В. Ук. соч., с. 40—41.
28. BENVENUTI F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918—1922. Cambridge. 1988; ERICKSON J. The Origins of the Red Army. In: Revolutionary Russia. Cambridge, Mass. 1968; EJUSDEM. Soviet High Command (A Military-Political History 1918—1941). Lnd. 1962, p. 32; FEDOTOFF-WHITE D. The Growth of The Red Army. Princeton. 1944; FIGES O. The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920. — Past and Present, 1990, № 129; MAWDSLEY E. Op. cit.; SEATON A.& J. The Soviet Army. N.Y. 1988.
29. ЕГОРОВ Е.Д. Создание и деятельность войск завесы в 1918 г. Канд. дис. М. 1989; ИОВЛЕВ А.М. Разработка и осуществление ленинской политики в отношении специалистов старой армии (1917—1920 гг.). — Вопросы истории КПСС. 1968, № 4; ФЕДЮКИН С.А. Об использовании военных специалистов в Красной Армии. — ВИЖ, 1962, № 6; ЕГО ЖЕ. Советская власть и буржуазные специалисты. М. 1965.
30. COLTON T.J. Commissars, Commanders, and Civilian Authority. Cambridge, Mass. 1979; EJUSDEM. Military Councils and Military Politics in the Russian Civil War. — Cambridge Slavonic Papers, 1976, Vol. 18, № 1 (March).
31. ЛИТВИН А. Красный и белый террор в России (1918—1922). Казань. 1995; РАСКАЗОВ Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941 гг.). Уфа. 1994; РАТЬКОВСКИЙ И.С. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Превентивная политика ВЧК в 1918 г. В кн.: Политический сыск в России. СПб. 1997; РОЖКОВ А.Ю. Политический контроль в Красной Армии. Там же; LEGGETT G. Op. cit.; PATTERSON M.J. Moscow Chekists during the Civil War, 1917—1927. Simon Fraser University. 1991; BORTNEVSKII D.G. White Administration and White Terror. — Russian Review, 1993, Vol. 52 (July); ЕГО ЖЕ. Белая разведка и контрразведка.
32. KENEZ P. The Ideology of the White Movement. — Soviet Studies, 1980, Vol. 32 (January); LAZARSKY C. White Propaganda Efforts in the South during the Russian Civil War. — Slavonic and East-European Review, 1992, vol. 70 (October); RUPP S.Z. The anti-Bolshevik opposition in 1917. Stanford University, 1992. Ph.D. diss.; SMITH S.B. The Party of Socialists-revolutionaries in the Russian Civil War. Ph.D. diss. Harvard University. 1995; HERETZ L. The Psychology of the White Movement. In: The Revolution and the Civil Wars). New Haven and Lnd. 1997; KENEZ P. A.I. Denikin. — The Russian Review, 1974, vol. 33; SWAIN G. Russia's Garibaldi: The Revolutionary Life of Mikhail Artemevich Muraviev. — Revolutionary Russia, 1998, Vol. 11 (December); ДРОКОВ С.В. Александр Васильевич Колчак. — Вопросы истории, 1991, № 3; ПАПАКИН П.В. Павел Петрович Скоропадский. — Там же, 1997, № 9; ЦВЕТКОВ В.Ж. Петр Николаевич Врангель. Там же, № 7; ЖУРАВСКАЯ И.Л. Полковник К.И. Рябцев. — Отечественная история, 1998, № 4; ТРУКАН Г.А. Верховный правитель России. — Там же, 1999, № 6.
33. RUPP S.Z. Conflict and Crippled Compromise. — Russian Review, 1997, № 56 (April), p. 249.
34. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 236—258. И до Кавтарадзе учеными делались попытки, хотя и в меньших количественных масштабах, биографической систематизации корпуса Генерального штаба РККА 1918—1920 гг. (Директивы командования фронтов, примечания, с. 761—784; The Trotsky Papers 1917—1922, p. 98—99, 110—111, 119, 140—141, 167, 212—213, 248, 364, 398, 542, 596, 607, 772—773.)
35. ЩЕПИХИН С.А. Под стягом Учредительного собрания. В кн.: Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Изд. Общества участников Волжского движения. 1930, с. 179.
36. БОНЧ-БРУЕВИЧ М.Д. Вся власть Советам. М. 1964, с. 258, 285—286; ВОИНОВ В.М. Интеллигенция Урала, с. 132; КОНОРЕВ В.В. Решение задачи обеспечения Красной Армии командным составом в период ее строительства. В кн.: Опыт и уроки развития российской армии. СПб. 1996, с. 96.
37. MAYZEL M. Op. cit., p. 221—223. См. напр.: РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 247, 253, 263; ф. 3, оп. 1, д. 36, 42, 51, 53, 57, 71, 92; ф. 4, оп. 3, д. 1609; ф. 11, оп. 4, д. 29, л. 115, 116; оп. 5, д. 90, 97, 122; оп. 6, д. 96, 107, 115, 125, 132, 133, 134; РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 406, л. 151—151об.
38. MAYZEL M. Op. cit., p. 222—223, 225; PIPES R. The Russian Revolution, p. 609.
39. См. напр.: РУТЫЧ Н. Ук. соч., с. 33—35, 230—231; СОФИНОВ П.Г. Очерки по истории ВЧК. М. 1960, с. 83, 126.
40. Николаевская Академия Генерального штаба. СПб. 1904, с. 3; ПОЛОВЦОВ А. Дни затмения. М. 1999, примеч., с. 224; РГВА, ф. 1, оп. 5, д. 97, л. 60—62об.; оп. 6, д. 91, л. 16—19об., 23—24об. Обязательный строевой ценз командования ротой (не более 1-2 лет) служил для выпускников Академии своеобразным «трамплином» для штабной карьеры. См.: ДЕНИ-

- КИН А.И. Путь русского офицера, с. 127; САМОЙЛО А.А. Ук. соч., с. 77; Постижение военного искусства. — Российский военный сборник, т. 15. М. 1999, с. 657; ШАПОШНИКОВ Б.М. Ук. соч., с. 166, 178. Не случайно в строевых частях их называли «моментами».
41. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 90, 11, 66—69, 119—120; ф. 33892, оп. 1, д. 4, л. 177об., 178об., 398—400об., 489; д. 88, 89.
42. ВАЦЕТИС И.И. Гражданская война. 1918 год. В кн.: Память. Исторический сб. Вып. 2. М. 1977; Paris. 1979, с. 49.
43. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 71—72.
44. РГВА, ф. 40895, оп. 1, д. 127872, 127874, 130705—130707, 221868, 221871; СУВЕНИРОВ О.Ф. Трагедия РККА, 1937—1938. М. 1998, с. 373—442, 375, 379. В числе прочих документов автором изучено 210 учетных и служебных карточек «лиц Генерального штаба», служивших в РККА в 1918 году (РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 122, л. 450, 453; оп. 6, д. 107, л. 131, 389—392, 396; д. 133, л. 48об.; ф. 40895, оп. 1, д. 2210—30346).
45. ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. Ук. соч., с. 113; КОНОРЕВ В.В. Ук. соч., с. 97; ЛЕОНОВ С.В. Ук. соч., с. 239, 274; СКЕРСКИЙ К.В. Ук. соч., с. 41; ЩЕПИХИН С.А. Ук. соч., с. 178; ЗАЙЦОВ А. Ук. соч., с. 182; ПАЙПС Р. Ук. соч., с. 66.
46. FEDOTOFF-WHITE D. The Growth of the Red Army, p. 68; ПАЙПС Р. Ук. соч., с. 66; FIGES O. A People's Tragedy. Pimlico edition. 1996, p. 591.

Князь Роман Мстиславич

А.Б. Головко

800 лет назад в столице Галицкого княжества произошло на первый взгляд заурядное событие. Вместо умершего князя Владимира Ярославича из династии Рюриковичей на местный трон сел князь соседней Волыни Роман Мстиславич, родственник Владимира и, естественно, также отдаленный потомок легендарного Рюрика. Периодическое перемещение князей из одного княжества в другое было довольно обычным для Руси делом и происходило по определенным, устоявшимся в правящем княжеском доме правилам, либо являлось результатом междукняжеских войн, каковых в то бурное время было множество. Все попытки выяснить закономерности этого «кругооборота князей на Руси», до сих пор не увенчались успехом ¹.

Последовавшие в Галиче события показали, что появление Романа нельзя рассматривать лишь как пример такого «князеобращения», поскольку князь Роман Мстиславич не только сохранил свои позиции на Волыни, но и вскоре фактически приобрел влияние на Киев. Как властитель объединенного Галицко-Волынского княжества, территория которого охватывала большую часть южнорусских земель, Роман правил чуть более пяти лет. Однако деяния его отразились на политической жизни Восточной Европы, восточнославянского мира в то время, когда старое Древнерусское государство фактически перестало существовать, а на смену ему пришли вначале не очень устойчивые образования, которым суждено было стать основой для новых, по сути, государств ². В официальной идеологии Руси через несколько десятилетий после смерти Романа утвердилось представление о нем как о правителе идеальном — наряду с Владимиром Святым и Владимиром Мономахом. Легенды о нем получили распространение не только у восточных славян, но и у поляков, литовцев, половцев. Князь Роман воспринимался как борец против княжеских междоусобиц и боярских бунтов, за единение древнерусских земель, защитник восточнославянской земли от поползновений агрессивных соседей, прежде всего кочевников. О деятельности Романа Мстиславича знали в Германии, Византии и Франции.

Тем не менее, многое в его жизни остается тайной за семью печатями. Источники не дают ответа на вопрос о месте и обстоятельствах рождения, детстве князя Романа, правлении его на Волыни в 80-х годах XII века. (Не сохранились и его изображения.) Немало загадок в истории борьбы Романа Мстиславича за овладение Галичем, его взаимоотношений с киевским кня-

Головко Александр Борисович — кандидат исторических наук. Украина.

зем Рюриком Ростиславичем и суздальским князем Всеволодом Юрьевичем, с Польшей, Венгрией, половцами, прибалтийскими племенами.

Все предки Романа Мстиславича по мужской линии в то или иное время княжили в Киеве: Владимир Святославич в 980—1015, Ярослав Владимирович в 1017—1054, Всеволод Ярославич в 1078—1093, Владимир Всеволодович Мономах в 1113—1125, Мстислав Владимирович в 1125—1132, Изяслав Мстиславич в 1147—1152, Мстислав Изяславич в 1167—1170 годах. Дед и отец Романа выдержали тяжелую борьбу за трон в столице Руси с серьезными соперниками — суздальскими и черниговскими владетелями.

По женской линии предками Романа были польские монархи Мешко I (960—992 гг.), Болеслав I Храбрый (992—1025 гг.), Мешко II (1025—1032 гг.), Казимир I (1038—1058 гг.), Болеслав II Смелый (1058—1079 гг.), Владислав-Герман (1079—1102 гг.), Болеслав III Кривоустый (1102—1138 гг.). Все эти князья были великими князьями, или князьями-принцепсами в Польше. Мать князя Романа Агнесса родилась в 1137 или 1138 г. от второго брака Болеслава III — с Саломеей, чешской княжной, и жизнь ее с младенческого возраста была связана с большой политикой и дворцовыми интригами. В 1141 г. в Легнице — замке Саломеи, в то время уже вдовы Болеслава III, собрались ее сыновья, Болеслав, Мешко и Генрих, обсудить вопрос о тактике борьбы с тогдашним великим польским князем-принцепсом Владиславом II (родившимся от первого брака Болеслава III с русской княжной Звениславой). В ходе тайной встречи ее участники, чтобы укрепить свои позиции, приняли решение выдать замуж трехлетнюю Агнессу за кого-то из русских князей — представителей рода Мстиславичей, потомков старшего сына Владимира Мономаха. Этот брак тогда не состоялся. В начале 1150-х годов четырнадцатилетняя Агнесса все же вышла замуж за русского князя.

Вопрос о времени бракосочетания Агнессы и Мстислава — представителя волынских Мстиславичей, о дате и месте рождения князя Романа решается лишь с известной долей условности. Путем сопоставления свидетельств русских летописей и польских хроник можно прийти к выводу, что брак Мстислава и Агнессы был заключен приблизительно в 1152 году. Вероятно, в 1153 г. в Переяславле-Южном у княжеской четы родился князь Роман. Позже у них появилось еще два сына — Владимир и Всеволод. Что касается Святослава, то на основании прямых указаний польской хроники Винцентия Кадлубка и других, косвенных данных, можно заключить, что тот был незаконнорожденным сыном Мстислава³.

Женитьба Изяслава на польской княжне по обычаям тех времен относилась к событиям высокой дипломатии: правивший в то время в Польше князь Болеслав Кудрявый и отец Мстислава Изяслав, занявший в 1147 г. киевский стол, хотели использовать династический союз против своих внутривосточных противников. Болеслав боролся против свергнутого с краковского трона старшего брата Владислава, которому в это время активно помогали немецкие магнаты во главе с королем Конрадом III. Изяслав враждовал с князем суздальским Юрием Владимировичем Долгоруким и черниговским князем Святославом Ольговичем.

В то время Суздальское княжество имело сильное войско, используемое князем Юрием для распространения своего влияния в крае и покорения местного угро-финского населения. Кормление многочисленных дружин за счет собираемой дани позволяло создать относительно крепкую военную организацию. Суздальские князья стремились не только к верховенству на Руси (за что князь Юрий получил свое весьма колоритное прозвище), но и к полной идейно-политической независимости своей земли от Киева.

Серьезный соперник киевскому князю появился на западе Руси в лице Володимирка Володаревича. Этот князь в начале 1140-х годов объединил под своей властью Перемышльское, Теревольское и Звенигородское княжества, вследствие чего образовалось государственное объединение со столицей в Галиче. Князь Галичины старался укрепить свои владения, расширить их на юго-восток по течению реки Днестр (за счет так называемого

Понизовья); от него исходила угроза владениям семьи Мстислава Изяславича на Волыни.

Детство Романа Мстиславича совпало с периодом, когда, после смерти деда Изяслава Мстиславича, у его наследника Мстислава возникли серьезные проблемы. Первенец Изяслава и Агнессы родился в небольшом пограничном Переяславле, однако вскоре после этого семья была вынуждена покинуть город и отправиться на Волынь. На этом неприятности у князя Мстислава не закончились.

Уже весной 1155 г., захватив Киев, Юрий Долгорукий послал войско к волынскому городку Пересопнице, откуда Мстислав также был изгнан. Это был не локальный конфликт из-за второстепенного городка на речке Горынь. Юрий сразу же вступил в союз с новым галицким князем Ярославом Владимировичем, добиваясь, чтобы тот предпринял поход к главному центру владений Мстислава — столице восточной Волыни Луцку.

Таким образом, новый киевский князь стремился лишиться своего соперника всех владений. Лишь угроза нападения половцев заставила Юрия вернуться в Киев. Однако галицкий князь Ярослав оставался очень опасным для волинских князей — Мстислава и его брата Ярослава. Оставив брата в том же 1155 г. в Луцке, Мстислав отправился в Польшу⁴, в поисках помощи у родственников.

Вероятно вместе с князем в Польшу приехала и его жена Агнесса с сыном Романом. В хронике краковского епископа Винцентия сообщается, что князь Роман «с колыбели» воспитывался в Польше⁵. И это было связано не только с происхождением Агнессы (из рода Пястов), но и со сложным политическим положением отца Романа Мстислава Изяславича, которому на протяжении нескольких лет пришлось бороться за то, чтобы сохранить в своих руках родовые владения на Волыни. Есть основания полагать, что в Польше родился в этом или на следующий год Владимир, а еще через год-два Всеволод. Очевидно, что в это время Агнесса в основном пребывала в Польше, лишь временами навещая Русь, и только после того, как ее сыновья подросли, окончательно возвратилась к мужу. Дети же и потом оставались в Польше, где обучались в школе при каком-то монастыре. Надо полагать, что Роман и его братья Владимир и Всеволод получили хорошее для того времени образование.

Как писал С. Томашивский, «Роман провел значительную часть своей молодости в Польше и Германии, что не могло не повлиять на политическое мировоззрение и духовную культуру потомка такого высокоталантливого рода, как Мстиславичи»⁶. Утверждение о пребывании Романа в Германии не подтверждено источниками и должно восприниматься лишь как гипотеза. Но такое предположение не противоречит устоявшимся в польском дворе правилам и традициям, когда подрастающие представители великокняжеских семей получали образование в Германии.

В некрологе монастыря бенедиктинцев в Эрфурте сохранилась запись под 1205 г. о смерти некоего князя Романа, который пожертвовал монахам крупную сумму в 30 марок. Сопоставление этой даты с точно известной датой гибели князя Романа Мстиславича под Завихостом 19 июня 1205 г. показывает, что монастырский документ зафиксировал кончину именно Романа Мстиславича⁷. Однако остается до сих пор загадкой: почему князь Роман передал столь щедрый дар эрфуртским монахам? По-видимому, именно потому, что он обучался в бенедиктинском монастыре в юные годы. Тесные семейные связи с польским княжеским домом, знание польского языка, обычаев, традиций, воспитание по традиционной для католического мира системе делали Романа своим человеком в среде польских князей и магнатов. Это сыграло важную роль в дальнейшей его жизни.

Отец Романа, Мстислав, был, по оценке Б.Д. Грекова, «человек энергичный и упорный, любитель книг и одаренный, неустрашимый полководец»⁸. Эти черты отца, во многом, перешли и на его сыновей. В середине 1160-х годов его положение на Руси окрепло, и он начал борьбу за киевский

престол. К этому времени Мстислав Изяславич наладил союзнические отношения с галицким князем Ярославом, а в 1167 г. обратился за военной помощью и к польским князьям ⁹.

Когда Мстислав стал киевским князем, сыну его было уже около четырнадцати лет. В ту беспокойную пору детство в княжеских семьях заканчивалось рано. (В своем «Поучении» прапрадед Романа Владимир Мономах писал, что он «тружал, пули дея и ловы с 13 лет».) В первой половине 1167 г. Роман Мстиславич вернувшись из Польши на Русь вместе с польским отрядом, который помог Мстиславу Изяславичу и Ярославу Владимировичу завоевать Киев. Во второй половине 1167 г. жители Новгорода Великого пригласили к себе на княжение старшего сына нового киевского князя ¹⁰.

Новгородская земля играла важную роль в соперничестве княжеских кланов, боровшихся за верховенство на Руси, и князя, которые властвовали в Киеве, постоянно стремились взять под свою опеку и Новгородскую землю. Сложными были отношения Новгородского государства с Ростово-Суздальской (Владимиристо-Суздальской) Русью по причине соперничества из-за северных земель и пограничных споров. Поэтому ставленник суздальских князей появлялся на столе в Новгороде лишь под сильным давлением со стороны восточного соседа и при любом подходящем случае бояре показывали ему дорогу из города. И все же князь в Новгороде отнюдь не был лишь наемным военачальником ¹¹. Хотя власть князя в Новгороде не передавалась по наследству, только он выполнял главные военные, судебные и дипломатические функции.

Весной 1167 г. в Новгороде посадником стал могущественный боярин Якун. Приверженцы нового посадника враждебно относились к суздальскому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому, который фактически создал — вместе со смоленским и полоцким князьями — антиновгородскую коалицию. Якун и его соратники обратились к киевскому князю Мстиславу Изяславичу с просьбой прислать к ним молодого князя Романа. Роман прибыл в Новгород на Пасху 14 апреля 1168 года. Несмотря на молодость, он сразу же нашел общий язык с боярской верхушкой. Ему поручались ответственные дела. В частности, молодой князь провел несколько важных для новгородцев военных походов против враждебных соседей. В конце весны 1168 г. вместе с союзниками псковичами новгородцы разорили предместья Полоцка, через несколько недель, уже летом, подвергся нападению смоленский город Торопец.

Приглашая Романа к себе, новгородцы надеялись на поддержку киевского князя. Однако Мстислав Изяславич не смог оказать сыну существенную военную помощь, и Роману пришлось рассчитывать главным образом на собственные силы новгородцев и небольшой отряд вольнян, который прибыл в северный город вместе с князем. Зимой 1168—1169 гг. к северорусской коалиции Андрея Боголюбского присоединились все соперники киевского князя Мстислава на юге, прежде всего черниговские Ольговичи. В начале 1169 г. новгородцы предприняли новые походы: новгородский полк во главе с воеводой Даньславом Лазутичем встретился в Волоцком крае с суздальским полком и нанес ему поражение. Но в скором времени положение Новгорода стало резко ухудшаться. В марте 1169 г. Мстислав Изяславич потерял Киев, где князем стал сын суздальского князя Андрея Мстислав.

Угроза нависла над Новгородом, и, видя эту опасность, Якун и Роман начали спешно укреплять стены города ¹². Зимой 1169—1170 гг. в новгородские земли вторглась рать суздальцев, смолян, торопчан, муромцев, полочан, рязанцев во главе с новым киевским князем Мстиславом Андреевичем. «И пришедшу в землю их, — пишет суздальский летописец, — и много зла створиша, села вся взяша и пожгоша, и люди по селам исекоша, а жены и дети, именья и скот поимаша» ¹³.

Вскоре город был осажден, и казалось, судьба его предрешена. Боевые действия под Новгородом, впрочем, продолжались недолго, однако развязка их оказалась абсолютно неожиданной. На четвертый день осады из города вышел отряд князя Романа, который нанес превосходящим силам врага со-

крушительное поражение. Произошло это 25 февраля 1170 года. Летопись отмечает, что суздальские воины, захваченные в плен новгородцами, были вынуждены платить за освобождение большой выкуп. Поветрие среди лошадей, голод и мороз заставили суздальцев и их союзников увести свои рати с новгородской территории.

Стягивание значительных сил соперников на север и победа новгородцев над суздальской коалицией даже позволили отцу Романа, Мстиславу, на непродолжительное время вернуться в Киев. Тем не менее, преимущество в борьбе за господство на Руси было на стороне суздальского князя Андрея. Не имея достаточной поддержки в Киеве, Мстислав вскоре снова, на этот раз уже навсегда, покинул город на Днестре и вернулся на Волынь.

Теперь ничто не мешало Андрею Юрьевичу снова сосредоточить внимание на последнем очаге сопротивления своей власти — Новгороде. Однако до нового ратного столкновения дело не дошло. Урок, полученный суздальцами под стенами Новгорода от Романа и Якуна, был слишком ощутимым. Для борьбы с соперником Андрей суздальский применил торговую блокаду. Перекрыв дороги, суздальцы лишили противника подвоза продовольствия, что сразу привело к резкому росту дороговизны в городе. «Бысть дороговь Новгороде, — пишет новгородский книгоучей, — и купляху кадь ржи по 4 гривна, а хлеб по ногате, а мед по 10 кун по».

Популярность и Якуна и Романа среди горожан резко упала, и Роман покинул Новгород, тем более, что в это время на Волыни умирает его отец и остро встал вопрос о будущем родовых владений. Непродолжительная, но богатая драматическими событиями новгородская эпопея многому научила Романа. За сравнительно короткое время княжения в Новгороде он не только добился значительных успехов на севере Руси, но и серьезно повлиял на общую обстановку на Руси.

Незадолго до смерти Мстислава Изяславича произошло событие, которое сильно повлияло на положение на Волыни и вообще в южной Руси и на дальнейшую деятельность Романа. Братья Мстислав и Ярослав Изяславичи, чтобы не допустить на будущее раздоров между волынскими Мстиславичами, договорились, что после смерти одного из братьев второй будет опекать своих племянников («не подозревати волости под детми его») ¹⁴. Их договоренность являлась естественным развитием военно-политического союза, который давал им силы на протяжении 1150—1160-х годов бороться за Киев. Мстислав в этой борьбе использовал потенциал Волыни, где властвовал его союзник, фактически соправитель, Ярослав. Перед смертью Мстислав сидел во Владимире-Волынском, а его брат правил в Луцке. Соглашение братьев гарантировало сыновьям Мстислава Изяславича сохранение родительских владений и одновременно давало Ярославу Изяславичу влиять на племянников, властвовать фактически во всей Волыни, а также позволяло, не теряя времени на решение внутренних дел в крае, продолжать борьбу за гегемонию в Южной Руси.

В начале 70-х годов XII в. уделы Мстиславичей в Западной Волыни распределялись следующим образом: в Белзе сидел Всеволод, в Берестье — Владимир (этот князь умер в конце 1170 года), в Червене — Святослав, во Владимир пришел Роман. О владениях в это время сыновей князя Ярослава Ингваря, Всеволода, Мстислава, Изяслава ничего неизвестно, тем не менее, вероятно и они имели в управлении столы (под патронатом отца) в Восточной Волыни. Дорогичинская волость принадлежала двоюродному брату Мстиславичей и Ярославичей — Васильку Ярополковичу, внуку Изяслава Мстиславича ¹⁵. Тогда же начинается соперничество между сыновьями Мстислава Изяславича, которое переросло в открытую борьбу, продолжавшуюся с перерывами на протяжении всего десятилетия. К сожалению, ее перипетии прослеживаются фрагментарно.

Лапидарные сведения источников позволяют дать лишь краткие характеристики Роману и его братьям. Роман Мстиславич, показавший в самом начале политической карьеры свои незаурядные полководческие способнос-

ти, часто предпочитал прибегать не к оружию, а к дипломатии. Его старший брат Святослав был достаточно энергичным князем, однако, на его жизнь и политическое поведение сильно повлияло то, что он был незаконнорожденным: в его действиях присутствовал элемент авантюризма и коварства. То, что князя в начале 1180-х годов отравили жители Берестья, где Святослав был правителем, наверняка не было случайностью. Заговор подданных против своего князя и его убийство в то жестокое время было все же скорее экстраординарным, а не типичным случаем. Самый молодой из князей Мстиславичей Всеволод чем-то по характеру напоминал Романа, однако в своих действиях больше полагался все-таки на меч, а не на дипломатию. Ему были присущи чрезмерная амбициозность и преувеличение собственных возможностей.

На вторую половину 70-х — первую половину 80-х годов XII в. приходится апогей удельной раздробленности Волыни. В этой земле тогда (после смерти Ярослава, где-то в 1175 г.) не было главного князя¹⁶. Роман начинает достаточно активно добиваться позиции лидера на Волыни. Характерно, что ему легче было поддерживать добрые отношения с двоюродными, чем с родными братьями. Прежде всего не сложилась дружба Романа со сводным братом Святославом. Еще в начале 1170-х годов этот старший среди Мстиславичей князь попытался стать главным волыньским князем, для чего хотел использовать бунт против галицкого князя Ярослава Владимировича, поднятый его сыном Владимиром. В конце 1170-х годов червенский князь Святослав Мстиславич вновь выдвинул свои претензии на верховенство в крае, захватил после смерти Василька Ярополковича Берестье, а также покорил Бужск. Это не могло не вызывать беспокойства прежде всего у белзского князя Всеволода, поскольку расширение владений червенского князя угрожало Белзскому княжеству. Завершающую фазу конфликта между потомками Мстислава Изяславича изложил польский хронист при описании событий в Берестье в начале 80-х годов XII века. Это описание проливает свет на очень важный период жизни Романа Мстиславича. Винцентий пишет об экспансионистских планах своего сеньора краковского князя Казимира II, который «некоторые провинции России приказал захватить: Перемышль с городами, которые ему принадлежат, Владимир со всем княжеством, Берестье с населением, что к нему относится, а также Дорогичин со всем, что ему принадлежит».

Последующие события покажут, что данное известие засвидетельствовало реальную программу Казимира, которую тот хотел реализовать и далеко не только дипломатическим путем. В этом перечне названы три волыньские и одно галицкое удельные княжества, территория которых будет привлекать внимание малопольской верхушки и в более позднее время. В этих планах, кстати, проявляется стремление Кракова взять под контроль весь западно-бужский торговый путь. В 1182 г. Казимир осуществляет нападение на Берестье, чтобы возвратиться туда Святослава, которого свергло местное население. Польский хронист пишет, что Казимир решил оказать помощь князю, от которого отказалась мать и братья и против которого взбунтовались подданные. Последние, по мнению Винцентия, «не хотели допустить, чтобы незаконнорожденный главенствовал над другими князьями». События, описанные хронистом, безусловно, касались не только небольшого Берестья, а фактически всей Западной Волыни, поскольку Святослав претендовал на главенство над этим регионом. В Западной Волыни нашлись силы, которые выступили против малопольского властителя и его союзника. Возглавил их белзский князь Всеволод Мстиславич. Кадлубек пишет, что после того, как поляки осадили Берестье, «на помощь городу подходит Всеволод, князь Белза, со всеми князьями владимирскими, с галицкими (воинами), с отборными наемными войсками, с тысячами партов (половцев. — А.Г.)»¹⁷.

Во Владимире в то время сидел Роман Мстиславич, о чем расскажет и сам Кадлубек, тем не менее едва ли под «владимирскими князьями» следует понимать лишь князя из указанного города. Скорее речь шла о «Владими-

рии», то есть обо всей Волыни, группа князей которой поддержала белзского князя и его галицких союзников. Участие последних, вполне возможно, свидетельствовало о реальности посягательств Малой Польши на Перемышльскую землю. Сам князь Роман, судя по польской хронике, от военной конфронтации с поляками уклонился и выжидал дальнейшего развития событий. Эта тактика принесла князю желаемый результат. Польскому войску во главе с воеводой Николаем удалось отбить нападение волынян и, преодолев упорное сопротивление берестян, взять город. В Бересте на троне вновь сел Святослав, однако вскоре горожане его отравили. О дальнейших событиях Винцентий сообщает: «Провинцию погибшего Казимир, рассчитывая на покорность, отдает брату умершего (то есть Святослава. — А.Г.) князю Володимирии Роману»¹⁸.

Ставя Романа на берестейский стол, Казимир надеялся получить послушного вассала. Но уже последующие события показали беспочвенность этих расчетов¹⁹. Заняв важный в стратегическом отношении хорошо укрепленный город-крепость на реке Мохнач, Роман Мстиславич фактически стал главным князем Западной Волыни, поскольку избавился от опасного соперника — старшего брата Святослава и перехватил инициативу у энергичного младшего брата — Всеволода. С последним отношения, правда, и в дальнейшем в полной мере не нормализовались, однако владея Владимиром, Бужском, Червеном и Берестьем князь Роман мог уже не уделять много внимания внутривластическим вопросам на Волыни. Контроль над Берестьем Роман использовал для укрепления своих позиций в бассейне Западного Буга, который входил в зону интересов как Малопольского, так и Мазовецкого княжеств соседней Польши.

В пользу вывода о возрастании политического веса князя Романа свидетельствует тот факт, что в 1184 г. во время очередного конфликта с галицким князем Ярославом Владимировичем сын Ярослава Владимир за помощью обращается уже к Роману Мстиславичу. Но и здесь Роман показал свою осторожность и рассудительность, отказав в помощи молодому княжичу. Летопись объясняет этот шаг Мстиславича тем, что он опасался ответных действий галицкого князя. Однако тогда Роман Мстиславич строил далеко идущие планы вмешательства в дела соседнего богатого княжества и совсем не хотел помогать возможному (после смерти Ярослава), претенденту на трон в Галичине.

Отказав в поддержке Владимиру Ярославичу, Роман сумел не испортить с ним личных отношений, о чем свидетельствует более позднее установление матримониальных отношений между их детьми. Владимир, после длительных мытарств, нашел приют в Путивле у шурина — князя Игоря Святославича, будущего героя «Слова о полку Игореве». Здесь на Черниговщине Владимир пробыл два года, пока в очередной раз не помирился с отцом — Ярославом Осмомыслом.

В литературе неоднократно обращалось внимание на строки «Слова о полку Игореве», где речь идет о князе Романе: «А ты, буй Романи, и Мстиславе! Храбрая мысль носить вашу умь на дело. Высоко плаваеши на дело въ буести, яко соколь на ветрехъ ширяся, хотя птицю въ буйстве одолети. Суть бо у ваю железны паробци подъ шелома латиньскими. Тъми тресну земля, и многы страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужныи»²⁰.

Автор «Слова о полку Игореве» пересчитывает всех «земельных» (то есть относительно суверенных) князей Руси, которые так или иначе взаимодействовали с половецкой степью²¹. Роман Мстиславич в середине 1180-х годов еще не был выдающимся политическим деятелем Руси, но уже не считался второстепенным князем, о чем свидетельствует текст памятника древнерусской литературы.

Присоединение Берестья к Владимирскому княжеству открыло дорогу Роману к установлению контроля над важным бужским торговым путем. В 1190-х годах Роман будет вести борьбу за овладение средним течением За-

падного Буга. Но эти шаги были бы невозможны без предыдущего контроля над бассейном верховья этой реки. И здесь мы сошлемся на более позднюю летописную статью (под 1215 г.), где перечисляются города-крепости на Волыни и подчеркивается, что это «вся Украина» («и прия (Даниил, сын Романа. — А.Г.) Берестий, и Угровеск, и Столп, Комов, и всю Украину»²²).

Контекст летописной информации свидетельствует, что речь здесь идет о недавно включенной в состав Волыни территории Забужья, где шел процесс «окняжения», «огосударствления» волынской властью. Кажется, эти города, кроме Берестья, возникли как раз во времена Романа Мстиславича²³, и сразу стали играть значительную роль и как оборонительная линия на границе с Польшей, и как плацдарм для постепенной экспансии Волыни на север.

Смерть в октябре 1187 г. галицкого князя Ярослава Владимировича раздула пламя гражданской войны в Галичине, искры от которого разлетелись по всей южной Руси, разжигая костры новых княжеских усобиц. Накануне смерти Ярослав предпринял попытку по-своему решить вопрос о престолонаследнике. В Галиче состоялся съезд наиболее могущественных бояр, где его участники согласились на передачу галицкого стола внебрачному сыну Ярослава Олегу, а Владимиру был предоставлен лишь Перемышль. Все участники собрания были вынуждены совершить крестное целование на верность княжеской воле. Решения съезда имели катастрофические последствия для Юго-Западной Руси, поскольку в ходе конфликта, который вскоре разгорелся, погибли сыновья Владимира, а тот, даже добившись престола, не сумел передать его легитимному наследнику. В Галичине в то время образовалось несколько группировок, которые ориентировались на различных политических деятелей. Среди них меньше всего приверженцев имел как раз Олег, вскоре сброшенный с престола. Однако появление законного (по княжескому праву) наследника — Владимира — на галицком столе еще больше расшатало, а не стабилизировало ситуацию. К Галичине начинают проявлять внимание немало южнорусских князей, и одно из первых мест в этом политическом соревновании сразу же занял волынский князь Роман Мстиславич.

Князь Роман, безусловно, понимал, что он не имеет оснований для открытого противостояния здесь новому галицкому князю. Летопись сообщает, что после занятия галицкого стола Владимиром Роман решил отдать дочь Феодору замуж за сына государя соседнего княжества Василька Владимировича. Этот брак в дальнейшем давал Мстиславичу дополнительные козыри в его претензиях на Галич. Одновременно, по словам древнерусского летописца, «Роман же слашет без опаса к мужемь Галичькым, подтыкая их на князя своего, да быша выгнале из отчины своего, а самого быша прияли на княжение»²⁴.

Активно ищет волынский князь себе союзников и за границами Галичины, хотя, ясно, что это было сложной задачей. Богатый Галич привлекал внимание многих князей, которые мешали реализации намерений и устремлений волынского князя. Союзником Романа в галицких делах стал его дядя по матери краковский князь Казимир II, у которого с самого начала княжения Владимира Ярославича в подкарпатском крае не сложились нормальные отношения с галицким государем.

В 1188 г. Владимир был в результате заговора изгнан из Галича и после изгнания отправился в Венгрию с женой, двумя сыновьями и военным отрядом. Как считает Н. Баумгартен, это были упомянутые выше старшие сыновья галицкого князя-изгнанника Василько и Владимир²⁵.

Перед изгнанием у Василька бояре забрали жену Феодору и отправили ее к отцу Роману Мстиславичу во Владимир. Безусловно, это произошло по договоренности с волынским князем, поскольку эти бояре были его приверженцами. В дальнейшем в источниках мы не встретим больше упоминаний о сыновьях Владимира Ярославича, что дало основание Баумгартену предположить их смерть в Венгрии. Изгнав Владимира, бояре — сторонники Романа — пригласили волынского князя в Галич. Накануне отъезда Роман передал Владимиру-Волынский брату Всеволоду. «Роман же даде брату Всеволод

Володимерь, откуда и крст к нему целова: боле мы того не надобе Володимерь». Однако, едва ли здесь речь шла о простом отказе Романа от родовых владений. Это выглядит довольно легкомысленно для такого серьезного политика. Скорее всего, речь шла о стремлении Романа создать новое междукняжеское содружество (вроде упомянутого выше соглашения его отца Мстислава и дяди Ярослава в 70-х годах XII в.). Один из братьев боролся за укрепление позиций в новом владении, а другой должен был защищать общие вотчинные земли. Это означало, что в случае успеха Романа в Галиче, он фактически не только становился князем-сувереном над галицкими, но и оставался им над волынскими землями. Но на этот раз, как покажут последующие события, этой системе не суждено было быть реализованной, что, в известной мере, было следствием переоценки Романом собственных сил и неблагоприятным для него стечением обстоятельств. Отъезд в Галич, отказ от Владимира не привели к серьезным потерям Романом позиций на Волыни. «И веха Роман в Галичь и сядет в Галичи княжа», — пишет летопись о вокняжении князя Романа ²⁶, но в скором времени правление Романа Мстиславича в прикарпатском городе завершилось. К новому галицкому князю дошли известия, что за Карпатами венгерский князь организует военную экспедицию на Русь: король Бела III, разузнав от Владимира Ярославича о событиях на Руси, решил реализовать свои давние планы относительно Галичины.

Не имея реальной возможности противостоять венгерскому войску, Роман вместе со своими сторонниками оставляет Галич, отправившись на Вольтынь. Но здесь Романа ждал еще один удар. Ворота родного города были перед ним закрыты, поскольку Всеволод не хотел отдавать брату Владимир. В таких условиях Роман, который, как нам представляется, надеялся найти дома силы для борьбы с венграми, был вынужден думать о другом — возвращении утраченных на Волыни позиций. Отказ Всеволода идти на такой компромисс поставил Романа Мстиславича в затруднительное положение: терялась стратегическая инициатива в Галиции, затягивалось время, каждая неудача отталкивала от него приверженцев. И здесь, даже в достаточно сложной ситуации, Роман демонстрирует свои незаурядные дипломатические способности. Не сумев войти в соглашение с одним дядей в Кракове, он, используя соперничество между польскими князьями, обращается ко второму — великопольскому Мешко — в Познань. Когда помощь последнего не дала результата, Роман обращается к тестю Рюрику, который был соправителем представителя черниговской династии Святослава Всеволодовича в Киеве. Рюрик передает Роману город Торческ и предоставляет войско для возвращения Владимира ²⁷. Всеволод покидает Белз, и на Волыни восстанавливается статус-кво. Уступка Всеволода, во многом, объясняется достаточно большой военной силой и политическим авторитетом тестя Романа.

Возвращение в 1189 г. в Галич законного наследника Владимира Ярославича вынудило Романа на время забыть о планах завоевания Галича. Очевидно, князь трезво оценил свои возможности и на определенное время отказался от своих политических планов в Прикарпатье. Поэтому в начале 90-х годов XII в. Роман Мстиславич сосредоточивает свое внимание на укреплении собственных позиций на Волыни, где ему удалось восстановить нормальные отношения с амбициозным младшим братом — белзским князем Всеволодом, а также упрочить контакты с малопольским двором.

В своей польской дипломатии волынские князья широко использовали своих союзников — польских магнатов. В своем отношении к Польше Роман учитывал конфликты между представителями правящей элиты этого государства. Это примирение оказалось своевременным. В 1191 г., воспользовавшись отсутствием Казимира в Кракове, местные вельможи во главе с Генрихом Кетличем помогли Мешко III и его сыну Болеславу захватить Краков. На помощь приверженцам Казимира II пришли волынские дружины во главе с владимирским князем Романом и белзским князем Всеволодом. Знаменательно, что польской хронист, который очень тенденциозно (в пользу,

конечно, князя Казимира) описывает события, вынужден признать, что только благодаря этой поддержке Казимиру удалось изгнать Мешко из Кракова и разбить мятежников ²⁸.

Ян Длугош под 1191 г. сообщает, что в преддверии выступления краковских магнатов Казимир был на Руси, где выступил третейским судьей между Романом и Всеволодом, которые спорили из-за границ между своими владениями ²⁹. Это свидетельствует тем более важно, что фиксирует еще одну сторону достаточно сложных взаимоотношений между волынскими властителями. События 1191 г. содействовали укреплению тесных связей Малой Польши и Волыни.

1194 г. стал знаменательным для политической жизни как Руси, так и Польши. И прежде всего это было связано со смертью в Киеве Святослава Всеволодовича, а в Кракове Казимира II Справедливого. Определенный «вакуум» власти, который возник в стольных городах обеих стран, создавал фундамент как для новых междоусобиц, так и перспективу для усиления политических позиций иных князей, в том числе и, как оказалось, в первую очередь для суздальского Всеволода Юрьевича и волынского Романа Мстиславича.

После смерти Святослава главным князем в Киеве стал Рюрик. Опыт управления «Русской землей» вместе со Святославом показывал Рюрику, что для создания стабильной княжеской власти в столице новому князю необходимо было найти себе соправителей и в Киеве, и в Киевской земле. Поэтому весной 1195 г. Рюрик приглашает в Киев своего брата — смоленского князя Давыда Ростиславича. Мы не знаем содержания договоренности между новыми дуумвирами, но, достоверно, что разговор между ними шел о соправителях киевским «причастием» — волостями в Киевской («Русской») земле. Кроме Ростислава Рюриковича, который сидел в Белгороде, таким властителем стал Роман Мстиславич. Ему были переданы города Торческ (которым Роман недолго владел в конце 1180-х гг.), Треполь, Корсунь, Богуслав, Канев. Все эти города входили в «Торческую волость» (где проживали «черные клобуки») — славяно-тюркский район на юге Киевщины в Поросье. «Черные клобуки» постоянно выполняли разные военные функции, охраняли южную границу Руси, активно участвовали в походах восточнославянских властителей против половцев, были участниками междукняжеских войн на Руси. Усиление на юге Руси Рюрика и его родственников вызывало недовольство суздальского князя Всеволода Юрьевича, который со времени возвращения в Галич Владимира Ярославича стремился диктовать свою волю южнорусским властителям, раздувая между ними вражду. Летом 1195 г. Всеволод заявил о своих претензиях на старейшинство среди Рюриковичей и стал требовать от Рюрика передачи ему владений Романа ³⁰.

Этим, кроме того, что Всеволод фактически стремился стать также соправителем Рюрика, он добивался реализации иных важных целей, а именно устранение опасного конкурента — Романа — из «Русской земли» и параллельно создавал почву для возникновения конфликта зятя с тестем, между которыми раньше было очень тесное взаимодействие ³¹.

Мотивы действий суздальского князя не были загадкой для Рюрика. Тот предложил суздальскому князю иную волость, тем не менее северный властитель решительно отказался и даже стал грозить Рюрику войной. Рюрику Ростиславичу пришлось вступить в переговоры с зятем, посоветовать тому взять иное владение в «Русской земле». Узнав от посла киевского князя о затруднительном положении родственника, Роман Мстиславич согласился с предложением Рюрика. Но вскоре Всеволод Юрьевич прибег к очередной интриге, которая вызвала крайнее негодование у князя Романа. Получив среди иных владений Романа Мстиславича Торческ, Всеволод передал его сыну Рюрика, зятю суздальского князя — Ростиславу (последний состоял в браке с дочерью Всеволода Анастасии). Киевский князь стремился доказать свою непричастность к этой многоходовой интриге. Однако Роман решил, что эти действия совершены против него по договоренности Рюрика и Всеволода, оскорбился на теста и отказался принимать от киевского князя иную во-

лость. Таким образом, план суздальского князя усилить свое влияние на юге Руси и поссорить между собою наиболее сильных местных князей удался.

В ответ на это Роман собирает во Владимир-Волынском боярский совет, на котором обсуждается вопрос о борьбе с Рюриком Ростиславичем. После этого волынский князь посылает в Чернигов послов, которые предложили от имени волынского князя местному властителю — главе клана Ольговичей — Ярославу Всеволодовичу стать киевским князем³². Среди союзников Романа были и двоюродные братья Ярослава Игорь и Всеволод.

Политический конфликт Романа с Рюриком перерос в родственную драму. Согласно сообщению суздальской летописи, Роман решил развестись с женой Предслагою Рюриковной. О разрыве волынского князя с Предславой пишет и польский хронист Винцентий Кадлубек³³.

Узнав о переговорах Романа с черниговскими князьями и не рассчитывая на собственные силы, Рюрик Ростиславич обращается за поддержкой в Суздаль. Одновременно киевский князь отсылает во Владимир-Волынский крестные грамоты, что означало разрыв его отношений с Романом. Ощущая реальную опасность для себя, князь Роман в конце августа — в начале сентября 1195 г. отправляется в Краков, где сидели его двоюродные по матери братья — малолетние сыновья Казимира Справедливого — Лешко и Конрад. Князь Роман предложил своим малопольским союзникам выступить вместе против своего «обидчика» — Рюрика, однако выяснилось, что помощь, и причем экстренную, следовало оказывать Казимировичам. Кракову в который уже раз угрожал Мешко Старый³⁴.

В начале сентября 1195 г. в Малую Польшу вступило волынское войско во главе с Романом. Помощь краковским князьям для Романа была важной, учитывая перспективу дальнейшей борьбы с соперниками на Руси, а главное имея в виду усиление влияния на Польшу. Последнее обстоятельство имело особое значение, прежде всего, для укрепления позиций Волыни в Забужье. 13 сентября 1195 г. возле городка Енджеков в 80 километрах севернее Кракова на берегу речки Мозгава состоялась отчаянная, жестокая битва между войсками великопольского князя Мешко и его соперников Лешко, Конрада и Романа Мстиславича. С военной точки зрения ни одной из сторон в битве на Мозгаве не удалось доказать свое преимущество, но в политическом плане ее результаты были положительными как для потомков Казимира II, которые укрепили свои позиции в Малой Польше³⁵, так и для Романа, который усилил свое влияние на Краков. Это дало ему возможность продолжать борьбу как в южнорусском регионе, так и в забужском ареале.

Вернувшись домой, Роман узнал, что зерна войны, брошенные им, дали первые всходы: черниговские Ольговичи начали войну с Рюриком Ростиславичем. Однако сам Роман из-за больших потерь волынского войска в Польше не мог воевать с Рюриком и его сторонниками. Поэтому Роман Мстиславич обратился к киевскому князю и митрополиту Никифору с предложением подписать мирное соглашение. Переговоры между князьями (вероятно, поздней осенью 1195 г.) завершились удачно. Более того, Роман снова получил «причастие» в «Русской земле» (городок Полонный и половину Торческой волости)³⁶. Эти земли, вероятно, принадлежали князю Роману Мстиславичу до самой его смерти, что объясняет причину помощи «черных клобуков» Роману в 1202 г. во время похода князя на Киев.

Всю зиму и весну 1196 г. военные действия вели, в основном, черниговские Ольговичи со сторонниками Рюрика. Роман укреплял свои позиции на Волыни, удельные князья которой как на западе, так и на востоке попадают вновь в зависимость от Романа Мстиславича. В 1195 г. вместо умершего Всеволода в Белзе князем становится его сын Александр, который был сторонником Романа и помогал ему в борьбе³⁷.

Осенью 1196 г., ровно через год по возвращении из Польши Роман вновь вступает в войну, которая шла в Среднем Поднепровье. Его войско напало на земли смоленского князя Давыда Ростиславича и на владения Ростислава Рюриковича в Киевской земле. Готовясь к очередному походу против Оль-

говичей, Рюрик Ростиславич для того, чтобы обеспечить себе тылы, подстрекает на выступление против Романа Мстиславича галицкого князя Владимира Ярославича и своего племянника властителя небольшого Трипольского удельного княжества (в Киевской земле) Мстислава Мстиславича, который позднее получит прозвище Удатного. Личность последнего достаточно интересна как вообще в истории Руси, так, в частности, и в жизни семьи волынского князя Романа, поскольку значительно позднее сын его Даниил вступит в брак с дочерью Мстислава Анной и продолжительное время будет поддерживать достаточно непростые контакты с тестем, который в 10-х — 20-х годах XIII в. будет галицким князем. Приверженцы Рюрика нанесли два жестоких удара по владениям Романа: Владимир с Мстиславом опустошили Перемышльскую волость, а Ростислав Рюрикович — волость Романа Мстиславича вокруг Каменца-Волынского. Отметим, что разорение волынских волостей князя не было значительным, а сам князь чувствовал себя столь уверенно, что зимой 1196—1197 гг. даже не побоялся оставить Волынь и осуществить крупномасштабную военную акцию против прусских ятвягов ³⁸.

Следующий 1198 г. прошел, вероятно, относительно спокойно для Романа. Н.Ф. Котляр, на основании анализа хроники Никиты Хониата, делает вывод, что как раз в это время Роман осуществил поход против половцев. Этот поход имел, по мнению византийского хрониста, огромное значение для Византии, поскольку перед этим Константинополю угрожали орды кочевников ³⁹. Непосредственно в летописях этого времени не встречается сведений об этом эпизоде из жизни волынского князя. Мы можем предположить, что поход на юг был осуществлен Романом из его владений в Южной Киевщине и направлен против приднепровских половцев.

В последние годы XII в. Роман вступил во второй брак. О происхождении новой супруги князя Анны в литературе можно найти ряд предположений и версий. В частности, Баумгартен считал, что ею была Анна — дочь византийского императора Исаака II или Алексея III. Польский исследователь Х. Граля, «подкорректировав» византийскую версию происхождения второй жены Романа, высказался в пользу того, что волынский князь вступил в брак с Марией из магнатского рода Каматерасов. Котляр выдвинул оригинальное предположение о происхождении второй жены Романа из родовитого волынского боярства ⁴⁰. В 1201 и 1203 гг. в княжеской семье родились два сына: Даниил и Василько. Сама же супруга Романа, после смерти мужа в 1205 г., немало сделала для продолжения его дела.

В конце XII в. после смерти Владимира Ярославича в Галич прибыл на княжение волынский князь Роман Мстиславич. К сожалению, древнерусские летописи не содержат данных ни о времени, ни об обстоятельствах этого события. Дата ее — 1199 г. — упоминается лишь в поздней Густынской летописи. Тем не менее, начиная с трудов М.С. Грушевского, который специально рассмотрел хронологию начала княжения Романа в Галиче, как раз эта дата принята специалистами ⁴¹.

Об обстоятельствах второго занятия Романом галицкого престола подробную информацию содержит хроника Винцентия Кадлубка, хотя и в этом случае в очередной раз необходимо напомнить о значительной предубежденности краковского хрониста относительно Руси. «В это время умер князь Галиции Владимир, который не оставил после себе наследников. Поэтому русские князья, кто с помощью силы, а другие благодаря хитрости, а некоторые обоими способами, стремятся занять освободившееся княжество». В рассказе Винцентия среди этих претендентов Роман лишь упоминается. Хронист отмечает, что из-за недостатка собственных сил он обратился за помощью в Краков, где местный князь Лешко одобрительно отреагировал на желание Романа сесть в Галиче. Во время переговоров, по версии польского автора, Роман обещал признать себя наместником малопольского властителя в Галичине. И в этой информации, и в дальнейшем рассказе Кадлубек стремится доказать целесообразность действий краковского монарха по отношению к

волынскому князю, подчеркивает большой триумф, который имели польские воины в результате похода на Галич ⁴².

К сожалению, в историографии, в которой давно признается тенденциозность информации Кадлубка о Руси, как раз под влиянием его произведения существует представление о враждебных отношениях между новым галицким князем и боярством края. Безусловно, у Романа в Галичине было немало политических соперников. Тем не менее еще со времен его первой попытки сесть в этом крае и здесь среди местного боярства у него было немало приверженцев. Немало галичан, по сообщению летописи, покинуло тогда Галич вместе с Романом и нашло приют в его владениях. Как раз они вместе с волянянами в дальнейшем будут опорой в походах Романа в начале XIII в., а позднее, несмотря на противодействие иных боярских лагерей, ориентировавшихся на других политических лидеров, окажут поддержку его сыновьям Даниилу и Васильку. Присоединению Галича способствовала и выгодная для Романа ситуация в Венгрии, где после смерти Белы III (1196 г.) началась война между его сыновьями Эмериком и Андреем. Позднее Роман заключит тесный союз с последним. Это открыло для обоих союзников возможность в довольно благоприятных условиях решать собственные проблемы. В частности, позволило Андрею в 1205 г. стать венгерским королем ⁴³.

Завоевание Галича было очень важной вехой в жизни и деятельности Романа, но, осуществив свою давнюю мечту, князь Роман Мстиславич не собирался останавливаться на достигнутом. Об этом периоде жизни Романа Винцентий в свойственном ему духе пишет: «Построив на несчастьи других свое счастье, он за короткое время достиг много, поскольку стал полновластным властителем почти над всеми русскими землями и князьями» ⁴⁴. Эта запись (последняя в хронике о Романе!) очевидно появилась под влиянием сообщений о деятельности Романа на Киевщине уже в начале XIII в. и являлась определенным преувеличением хрониста.

Последний период жизни Романа Мстиславича охватывает всего шесть лет, но эти годы во многом способствовали тому, что князь вошел в историю как выдающийся государственный деятель и политик. Присоединение богатого, мощного Галицкого княжества к владениям князя Романа привело к росту мощи этого княжества и политического авторитета правителя. Однако параллельно это же присоединение привело к возникновению новых многочисленных проблем и вопросов, вставших перед ним и его администрацией. Прежде всего, занятие Галича в 1199 г. вызывало большое недовольство у многих древнерусских князей, которые не один год мечтали завладеть богатой юго-западной землей Руси. Особенно это относится к наиболее сильному тогда князю Руси Всеволоду Юрьевичу суздальскому, который после смерти Владимира Ярославича утратил часть подвластных ему вассальных земель на юге восточнославянского мира. Огромную для себя опасность в лице галицко-волынского князя усматривал и киевский князь Рюрик Ростиславич. Бывший тесть Романа не терял надежды на то, что ему удастся усилить свое влияние в прикарпатском регионе Руси. Занятие Галича Романом вызывало недовольство у недавних его союзников — Ольговичей, которые находились в тесных родственных отношениях с умершим Владимиром Ярославичем и естественно считали именно себя законными наследниками галицкого стола.

Под 1202 г. в Суздальской летописи сообщается: «Вста Рюрик на Романа и приведет к себе Олговичев в Кыев, хотя пойти к Галичю на Романа. И упереди Роман, скопя полкы Галичьские и Володимерьские и въеха в Русскую землю». По нашему мнению, войну Рюрика и Романа нужно датировать 1201 г. Новый галицкий князь тщательно готовился к выступлению. В частности, он наладил дружественные контакты с жителями столицы и других городов «Русской земли», «черными клобуками». Есть сведения, что в 1200 г. в Константинополе находилось посольство галицкого князя, которое заключило с Византией союзное соглашение ⁴⁵. Сам поход Романа на Киев был полной неожиданностью для Рюрика, который не был готов к отражению нападения.

Когда Роман подошел к Киеву, перед городом к его полкам присоединились «черные клобуки», а жители города открыли «ворота Подольския в Копыреве конци». Преимущество приверженцев Романа было столь ощутимым, что вскоре Рюрик и Ольговичи вынуждены были вступить в переговоры с галицким князем. В результате заключения соглашения Рюрик должен был покинуть Киев и уехать в Овруч, а Ольговичи возвратиться домой. Заслуживает особого внимания последняя фраза летописи о событиях 1201 г. «И посади Всеволод Ингваря Ярославовича в Кыеве»⁴⁶. Участие Всеволода в решении судьбы Киева объясняется большим политическим и военным авторитетом суздальского князя, в частности, на юге Руси. Накануне, в 1199 г. Всеволод значительно укрепил свои позиции, посадив в Переяславле-Южном сына Ярослава, а в Новгороде — Святослава. Но приглашение Всеволода к переговорам о судьбах киевского стола было свидетельством не слабости, а большого таланта Романа как политика. Роман понимал, что Всеволод не может быть надежным политическим партнером, но в тех условиях с ним нужно было считаться, искать приемлемый компромисс.

Почему Роман сам не захотел сесть в Кыеве? Здесь, видимо, было несколько причин. Во-первых, Роману нужно было еще решить вопросы укрепления позиций в Галиче, во-вторых, сама практика политической жизни второй половины XII в. предостерегала сильных князей-суверенов от попыток занять самостоятельно стол в Кыеве. Появление Романа в Кыеве в тот момент едва ли привело бы к усилению его позиций в городе на Днепре, а врагов ему добавило.

В летописной констатации о вокняжении Ингваря в Кыеве на первом месте указывается князь Всеволод, тем не менее не нужно забывать, что и в данном случае мы имеем место с благосклонным не к галицкому, а суздальскому князю источником, автор которого преувеличивает роль северного властителя. Главное: появление удельного волынского князя, двоюродного брата в столице Руси это четкий ответ, чьей он был креатурой.

Б.А. Рыбаков считал, что Роману Мстиславичу удалось создать большое и мощное княжество, которое он сравнивал со «Священной Римской империей» Фридриха Барбароссы. Соглашаясь с таким сравнением, заметим, что и то, и другое государственные образования не были в достаточной мере политически консолидированными. Создав крупное государство, Роману предстояло решить немало сложнейших проблем, возникающих в различных регионах, среди которых больше всего хлопот приносили Галичина и Киевщина. В первой он больше применял тактику «кну́та» в отношении своих соперников из боярского окружения. На Киевщине же, напротив, он настойчиво стремился укрепить союз с силами, оказавшими ему помощь во время штурма Кыева в 1201 году.

В свою очередь, союзники Романа требовали от него реализации их собственных намерений, в первую очередь активной антиполовецкой политики. Половецкие ханы в то время активизировали свою политику относительно южнорусских земель. Роман же являлся достаточно удобной фигурой для населения Киевщины, поскольку не был, в отличие от многих иных князей, связан политическими или династическими связями с властителями «степи». Борьба с половцами имела особое значение для Романа Мстиславича: она была ему важна не только в связи с его киевской, а и с галицкой политикой. О походе Романа Мстиславича против половцев зимой 1201—1202 г. суздальский летописец сообщает лаконично, но достаточно содержательно: «Тое же зимы ходи Роман князь на Половци и взя веже Половечские и приведе полона много и душ хрстьянских множество отполони от них». Есть все основания полагать, что Роман в 1201—1202 гг. нанес удар по днепровским «вежам», которые находились в низинах Днепра, в так называемом Лукоморье. Поход Романа объективно был очень важным для нормализации ситуации на южной границе, поскольку создавались условия для прекращения разрушительных нападений кочевников. Тем не менее, новые княжеские междоусобицы вскоре поставили крест на результатах акции Романа. «Взят

быс Киев Рюриком и Ольговичи и всего Половецкою землею и створися велико зло в Русстеи земли, якого же зла не было от крещения над Киевом», с драматизмом рассказывает о событиях суздальский летописец. Нападавшие разорили нижнюю и верхнюю часть города, половцы захватили большое количество пленных. Во время нападения на Киев, которое имело место в январе 1203 г., Романа в городе не было. Его наместнику Ингварю Ярославичу удалось спастись из разоренного города бегством. Сам инициатор страшного разорения столицы Рюрик Ростиславич, боясь мщения Романа, возвратился в Овруч, оставив в Киеве свой гарнизон. И в это время Роман еще раз продемонстрировал свои большие способности как политика и дипломата. Через месяц после событий в Киеве галицкий князь прибыл в Овруч и заключил с Рюриком соглашение. Согласно этому договору, Рюрик отказался от союза с половцами и Ольговичами, а Роман согласился на возвращение бывшего тестя в Киев. Гарантом соглашения, согласно Суздальской летописи, стал Всеволод⁴⁷.

Английский историк Дж. Феннел считает, что рассматриваемое соглашение свидетельствует о слабости Романа, ибо «реальная власть, как и ранее, находилась в руках князя Суздальской земли»⁴⁸. По нашему мнению, в данном случае историк дает упрощенную оценку овручским переговорам. Перед Романом стояла очень сложная проблема: ликвидировать альянс Рюрика с Ольговичами и половцами. Боевые действия против них, что и показала практика 90-х годов XII в., едва ли дали бы быстрый и надлежащий результат, привели бы к новому ослаблению южнорусских земель, сделало бы их легким объектом для нападений кочевников.

В том же 1203 г. в Суздаль пришло посольство от Романа с предложением к Всеволоду содействовать восстановлению мирных отношений между галицко-волинским и черниговскими князьями. Спустя некоторое время такое соглашение было заключено. Умелая дипломатия Романа привела к созданию большой коалиции русских князей против половцев. Летопись упоминает, кроме Романа, Рюрика Ростиславича, переяславльского князя Ярослава, сына Всеволода, племянников Рюрика Мстиславичей. Поход завершился большой победой. «И взяша Рускии князи полону много, и стала и заяша и возвратиша во свояси с полною многим». Этим походом Роман осуществил свое стратегическое намерение — расколоть, поссорить и ослабить своих соперников. Возможно, это почувствовали Ольговичи, которые не приняли участия в войне с половцами. Умелая политика галицкого князя способствовала укреплению его отношений с давними союзниками — киевским населением и «черными клобуками», которые стояли четко на антиполовецких позициях и враждебно относились к Рюрику. Роману удалось найти себе новых союзников среди удельных князей и бояр, которые получили от руководителя похода различные дары и владения («ту было мироположение в волостех, кто како терпел за Рускую землю»). Поэтому не вызывает удивления, что на обратном пути из степи в Треполье между Романом и Рюриком произошел конфликт. «Роман ем Рюрика и посла в Киев и постриже в чернци и жену его и дщерь». Сыновей Рюрика Ростислава и Владимира Роман захватил в заложники и отправил в Галич. Эти события на юге, усиление политического веса Романа не могли не вызвать негативной реакции у Всеволода Юрьевича, который стал требовать освобождения Рюриковичей, среди которых был зять суздальского князя. «Роман послуша великого князя и зятя его пусти, и быс князь Киевский, и брат его пусти»⁴⁹.

По нашему мнению, по инициативе Романа Мстиславича на юге Руси сложилась новая политическая система, которую можно условно назвать системой «коллективного патроната», когда два мощнейших властителя Руси, не претендуя лично на киевский стол, договорились об общем над ним контроле. Такая система свидетельствовала, с одной стороны, о значительном ослаблении княжеской власти в Киеве, а, с другой, об огромном авторитете города в политической жизни Восточной Европы. Для Романа такая система открывала значительные возможности для сохранения достигнутых полити-

ческих результатов на востоке, в частности, возможности для прекращения межкняжеских усобиц в Южной Руси. Важным свидетельством последнего тезиса было то, что в конце 1204 г., согласно летописи, «целоваша крст Ольговичи к великому князю Всеволоду, и к его сынам, и к Романови, и возвратишася восвоюси»⁵⁰.

Роман Мстиславич пошел на уступки Всеволоду Юрьевичу, посадив в Киеве зятя последнего — Ростислава. Понимая определенную нестабильность своего положения в Галиче, беспокоясь о судьбе своих потомков (напомним, в 1201 г. от второго брака с Анной у Романа родился сын Даниил, а в 1203 г. — Василько), галицкий князь стремился к созданию новой системы замещения княжеских столов на Руси, которая бы способствовала прекращению борьбы между князьями, в том числе пресекала бы необоснованные претензии многочисленных династов на Галич и Киев.

В труде В.Н.Татищева содержится очень важная информация, что после упомянутых выше событий князь Роман, желая прекратить усобицы и создать условия для стабильной защиты южнорусских границ от половцев, предложил создать «добрый порядок» государственного строя Руси. Этот порядок, прежде всего, сводился к тому, чтобы шесть наиболее мощных князей Руси (суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский) избирали киевского князя как главного властителя Руси⁵¹.

В свое время М.С. Грушевский, рассмотрев сообщения Татищева, счел их поздней подделкой. Однако, отношение к нему современной историографии значительно изменилось. Так, Рыбаков высказался в пользу достоверности проекта Романа. Позднее Котляр и П.П. Толочко, проанализировав более тщательно труд историка XVIII в., высказались еще более категорично в пользу реальности проекта «добраго порядка» Романа, привели новые аргументы в пользу древнего происхождения памятника, который использовал Татищев⁵².

Факты из истории Южной Руси, биографии Романа начала XIII в., как нам представляется, дают дополнительные аргументы в пользу такой точки зрения. Система «добраго порядка» полностью соответствует конкретной деятельности галицкого князя. Она реально учитывала расклад политических сил. Появление в проекте среди князей-избирателей рязанского и полоцкого князей было значительной уступкой галицко-волынскому властителю Романа суздальскому князю, гарантировало ему половину голосов при выборах киевского князя. Новый порядок замещения киевского стола почти не оставлял Роману Мстиславичу надежд стать киевским князем, но гарантировал его семье в будущем наследственные права на галицкий трон, создавал условия для преодоления возможной конфронтации с суздальскими властителями. Отсутствие в списке князей-«избирателей» волынского князя дает основание считать, что это княжество в системе «добраго порядка» становилось составной частью единого галицко-волынского государственного комплекса. В проекте Романа содержались и очень интересные идеи относительно ограничения возможности дробления небольших удельных княжеств.

В 1205 г. внимание Романа в очередной раз привлекла Польша. Летом указанного года галицкий князь осуществил поход против малопольского князя Лешко Белого и его брата мазовецкого князя Конрада, в ходе которого Роман Мстиславич погиб.

К этому времени князь Роман использовал все свои возможности по реализации своих политических намерений в Приднестровье. Ситуация, которая сложилась здесь после событий 1203—1204 гг., едва ли устраивала князя, однако продолжение в этом районе активного противостояния создавало перед Романом перспективу продолжительной и, в значительной степени, бесперспективной войны.

У Волыни и Малой Польши в то время был район взаимных претензий, а именно бассейн Западного Буга и в, определенной мере, Ятвягия. Роман после смерти дяди Казимира длительное время поддерживал его малолетних сыновей Лешко и Конрада. Но в феврале 1203 г. ситуация в Польше корен-

ным образом изменяется: в Познани умирает главный соперник краковского князя Лешко Белого Мешко Старый, и малопольский властитель реально стал претендовать на право быть князем-сеньором, то есть верховным князем всей Польши. Естественно, в таких условиях влиять на ситуацию в Польше Роману становилось сложнее. К тому же, Казимировичи не только превращались в самостоятельные политические фигуры, но и в перспективе рано или поздно должны были вспомнить о восточной политике отца, о которой говорилось выше.

Непосредственные обстоятельства похода галицко-волинского войска в Польшу, гибели Романа Мстиславича 19 июня 1205 г. остаются в определенной мере малоизученными. В популярной литературе существует версия, что князь погиб во время охоты, когда оторвался от своей дружины и попал в засаду польского отряда⁵³. Однако эта версия базируется на недостоверных свидетельствах позднесредневековых памятников.

Значительно больше распространено мнение, что князь погиб во время большой битвы между малопольскими и галицко-волинскими полками на берегу Вислы недалеко от польского города Завихост⁵⁴. В историографии XX в. достаточно популярна версия, что поход в Польшу был частью большой акции Романа, стремившегося вмешаться в конфликт между двумя германскими группировками — Гогенштауфенами и Вельфами⁵⁵. Таким образом, масштабы европейской политики Романа (в особенности если к ним прибавить ее «византийские компоненты»⁵⁶) приобретают весьма значительный размах, хотя сразу отметим, что в контексте рассмотренных фактов из биографии Романа такие представления о его деятельности выглядят совсем нереальными.

Эта историографическая традиция базируется на основании сообщения французской хроники Альбрика (середина XIII в.), который рассказывает о походе Романа: «Король Руси по имени Роман от своих земель выступил, следуя через Польшу в Саксонию и, как притворный христианин, стремился разрушить храмы, но два брата Лешко и Конрад над рекой Вислой за повелением Господа его разбили и убили и всех, кто его сопровождал, или разогнали, или уничтожили»⁵⁷. Основной источник по истории Польши этих лет — хроника Винцентия Кадлубка не сохранила сведений о походе Романа Мстиславича. Исследователи считают, что краковский епископ, безусловно, знал о нем и на его трактовке отношений Руси и Польши, его отношении к восточнославянскому князю существенным образом повлияли как раз события 1205 г.⁵⁸

Обратимся к рассказу древнерусской летописи об обстоятельствах похода 1205 г.: «Иде Роман Галичский на Ляхы и взя 2 города Лядская и ставше же нему на Вислюю рекою и отъеха сам в мале дружине от полку своего. Ляхове же наехавше убиша и, дружину около его избиша, приехавше Галичане, взяша князя своего мртва, несоша в Галичь»⁵⁹.

Текст летописи прямо свидетельствует, что никакой битвы между главными силами западнорусского и малопольского войск не было, а князь погиб вследствие столкновения его небольшой дружины с польским войском. Есть основание думать, что выступление волинского войска на Малую Польшу было согласовано с великопольским князем сыном Мешко Старого Владиславом Ласконогим.

19 июня 1205 г. жизнь Романа, которому тогда было немногим больше пятидесяти лет, прервалась...

Мы не будем выдвигать предположения, что случилось бы, если бы нелепый случай не вырвал из жизни в момент наибольшего могущества нашего героя. Но необходимо все же подчеркнуть, что это трагическое событие произошло тогда, когда создавался фундамент государственного образования, которое в крайне сложных условиях постоянной экспансии со стороны Польши и Венгрии, а позже монгольского нашествия и нападений литовцев просуществовало полтора столетия. И очевидно, нет оснований напоминать, что в средние века уход из жизни легитимного монарха при отсутствии взрослого наследника неоднократно приводил многие государства, находящиеся в

совершенно иных, благоприятных условиях, к многолетним политическим кризисам и потрясениям.

Примечания

1. РАПОВ О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М. 1977, с. 206—214.
2. ГРЕКОВ И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975, с. 8—42.
3. Vincentii Chronicon. L. 4, 23. Хроника Винцентия Кадлубка приводится по изданию: Magistri Vincentii Chronicon Polonorum. — Monumenta Poloniae Historica. T. 2. Lwów, 1872, p. 193—449; BAUMGARTEN N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle. Romae. 1927. Table V, p. 22—23.
4. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку. Л. 1926—1928, стб. 345.
5. Vincentii Chronicon. L. 4, 23.
6. ТОМАШІВСЬКИЙ С. Українська історія. Старинні і середні віки. Львів. 1919, с. 85.
7. НАЗАРЕНКО А.В. Западноевропейские источники. — Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999, с. 264.
8. ГРЕКОВ Б.Д. Киевская Русь. М. 1953, с. 512.
9. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб. 1908, стб. 533.
10. Повесть временных лет. Ч. 1. М. 1950, с. 158.
11. ПСРЛ. Т. 2, стб. 543; Новгородская первая летопись старшего и младшего извода (далее — НПЛ). Л. 1950, с. 220.
12. КОТЛЯР М.Ф. Політичні взаємини Києва і Новгороду в XII ст. — Український історичний журнал, 1986, № 9, с. 19—29.
13. См.: ТОЛОЧКО П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев. 1987, с. 136—138.
14. НПЛ, с. 220, 221.
15. ПСРЛ. Т. 1, стб. 361; т. 2, стб. 559, 561—562; НПЛ, с. 220; ТАТИЩЕВ В.Н. История российской. Т. 3. М. 1963, с. 127—128; ср. WŁODARSKI B. Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego. — Kwartalnik historyczny, 1969, № 1, s. 10—11; ЩАВЕЛЕВА Н.И. Польские средневековые латиноязычные источники. М. 1990, с. 128—129.
16. В литературе отсутствует определение главного князя большого княжества-земли, хотя можно применить термин «земельный князь» в противовес князьям удельных княжеств, из которых состояла большая часть земель.
17. ПСРЛ. Т. 2, стб. 600; Vincentii Chronicon. — L. 4, 8; 4, 14.
18. Vincentii Chronicon. L. 4, 14. О. Бальцер считает, что издатель хроники О. Беловский под влиянием Великопольской хроники по собственному желанию изменил завершающую часть приведенной фразы, добавив слова «рассчитывая на покорность». См. BALZER G. Genealogia Piastów. Kraków. 1895, s. 178.
19. SMOLKA S. Mieszko Stary i jego wiek. Wyd.3. Warszawa. 1959, s. 332; RHODE G. Die Ostgrenze Polens. Bd. 1. Köln, Graz. 1955, S. 101.
20. ПСРЛ. Т. 2, стб. 634; Слово о полку Игореве. М. 1950, с. 23.
21. Б.А. Рыбаков считает, что подбор князей в «Золотом слове» Святослава Всеволодовича связан с активным их участием в борьбе со степняками, прежде всего их участием в походе против хана Кобяка 1184 года. См.: РЫБАКОВ Б.А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М. 1991, с. 117—132.
22. ПСРЛ. Т. 2, стб. 732.
23. КОТЛЯР Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX — XIII вв. Киев. 1985, с. 147.
24. ПСРЛ. Т. 2, стб. 657, 660.
25. BAUMGARTEN N. Op. cit. Table III, p. 14.
26. ПСРЛ. Т. 2, стб. 660; Vincentii Chronicon. L. 4, 15. Ср. GRABSKI A.F. Polska w opiniach obcych X — XIII w. Warszawa. 1964, s. 65.
27. ПСРЛ. Т. 2, стб. 661.
28. Vincentii Chronicon. L. 4, 16.
29. Długosza Jana Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. T. 5—6. Warszawa. 1973, s. 128.
30. ПСРЛ. Т. 2, стб. 682, 683.
31. ТОЛОЧКО П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев. 1980, с. 182 и др.; ПСРЛ. Т. 2, стб. 683.
32. ПСРЛ. Т. 2, стб. 684, 685—686.

33. ПСРЛ. Т. 1, стб. 412—413; ср. БЕРЕЖКОВ Н.Г. Хронология русского летописания. М. 1963, с. 85; *Vincentii Chronicon*. L. 4, 23.
34. ПСРЛ. Т. 2, стб. 686—687.
35. KÜRBIS V. *Komentarz*. — *Mistrza Wincentego Kronika Polska*. Warszawa. 1974, s. 215; ПАШУТО В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, с. 164.
36. ПСРЛ. Т. 2, стб. 688.
37. КОТЛЯР М.Ф. Данило Галицкий. К. 1979, с. 51—71; BAUMGARTEN N. *Op. cit.* Table IX, p. 39.
38. ПСРЛ. Т. 2, стб. 698, 726.
39. См.: КОТЛЯР М.Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р. — *Український історичний журнал*, 1965, № 1, с. 119—120.
40. BAUMGARTEN N. *Op. cit.* Table V, p. 23; table XI, p. 47; KASZDAN A. *Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries*. — *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII, p. 424; КОТЛЯР М.Ф. До питання про візантійське походження матері Данила Галицького. — *Археологія*, 1991, № 2, с. 48—58; GRALA H. *Drugie malzenstwo Romana Mscislawowicza*. — *Slavia orientalis*. 1982, № 3—4, s. 117.
41. Густинская летопись. — ПСРЛ. Т. 2. Санкт-Петербург, 1843, с. 327; ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. *Історія України-Руси*. Т. 2, с. 454; WILKIEWICZ-WAWRZYNCZYKOWA A. *Zc studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII—XIII w.* — *Atenium Wilenskie*. 1937, r. XII. № 3, s. 3—20. У Длугоша смерть Владимира датируется 1198 г. См.: *Długosza Jana Roczniki czyli Kroniki sławnego królestwa Polskiego*. T. 5—6, s. 213.
42. *Vincentii Chronicon*. L. 4, 24.
43. *История Венгрии*. Т. 1. М. 1970, с. 133, 510; ТОМАШІВСЬКИЙ С. *Ук. соч.*, с. 88—89; ПАШУТО В.Т. *Ук. соч.*, с. 183.
44. *Vincentii Chronicon*. L. 4, 24.
45. ПСРЛ. Т. 1, стб. 417; ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. *Історія України-Руси*. Т. 3. Львові. 1905, с. 9; ПАШУТО В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. М. 1950, с. 193 и др.
46. ПСРЛ. Т. 1, стб. 417, 418.
47. РЫБАКОВ Б.А. *Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* М. 1982, с. 515; ПСРЛ. Т. 1, стб. 418, 419. ПЛЕТНЕВА С.А. *Донские половцы*. — «Слово о полку Игореве» и его время. М. 1985, с. 278—279; ее же. *Половцы*. М. 1990, с. 150.
48. ФЕННЕЛ Д. *Кризис средневековой Руси. 1200—1304*. М. 1989, с. 64.
49. ПСРЛ. Т. 1, стб. 420, 421.
50. ПСРЛ. Т. 1, стб. 421.
51. ТАТИЩЕВ В.Н. *Ук. соч.* Т. 3. М. 1963, с. 169—170.
52. ГРУШЕВСКИЙ М.С. *Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия*, с. 267; РЫБАКОВ Б.А. *Древняя Русь. Сказания, былины, летописи*. М. 1963, с. 163; КОТЛЯР Н.Ф. *Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв.*, с. 120—121; ТОЛОЧКО П.П. *Ук. соч.*, с. 182—183; см. также: ВОЙТОВИЧ Л.В. *Генеалогія династії Рюриковичів*. К. 1990, с. 114.
53. РЫБАКОВ Б.А. *Древняя Русь и русские княжества XII—XIII вв.*, с. 493.
54. ENGEL J.Ch. *Geschichte von Halitsch und Vlodimir*. Wien. 1792, S. 512 и др.
55. ABRACHAM W. *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi*. Т. 1. Lwów, 1904, s. 98—99; ТОМАШІВСЬКИЙ С. *Ук. соч.*, с. 88; ЧУБАТИЙ М. *Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганях до церковної унії*. — *Записки наукового товариства імені Шевченка*. Т. 123/124. Львів. 1917, с. 10; ПАШУТО В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 193; RHODE G. *Op. cit.* Bd. 1, S. 102; НАЗАРЕНКО А.В. *Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII вв.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований*. — *Славяно-германские исследования*. Т. 1—2. М. 2000, с. 25, и др.
56. КОТЛЯР Н.Ф. *Галицко-Волынская Русь и Византия в XII—XIII вв.* — *Южная Русь и Византия*. Киев. 1991, с. 20—33.
57. *Chronica Albrici monachi Trium fontium, a monacho Novi monasterii hoiensis interpolata*. — *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*. Т. 23. Hannoverae. 1874, S. 885.
58. KÜRBIS V. *Komentarz*, s. 225; ЩАВЕЛЕНА Н.И. *Ук. соч.*, с. 139, 151.
59. ПСРЛ. Т. 1, стб. 425.

С.Н. Глобачева.

Прелюдия происходящих в мире событий

Нужно сказать, что в начале своего воцарения большевики в массе совершенно не были организованы, мало что знали и мало что понимали, это ясно было видно по их растерянности и поступкам, и поэтому еще можно было с ними так разговаривать и поступать так, как я поступала, но с каждым днем они очень быстро ознакомились с положением, крепили и начали проводить свою террористическую программу в жизнь.

Приехав с мальчиком и с пакетом на Гороховую улицу, где прежде помещалось градоначальство и жил градоначальник, в квартире которого мы часто бывали, я тщательно ко всему присматривалась. При входе в дом, прямо против входной двери, в вестибюле на вышке стоял пулемет с двумя солдатами, не спускавшими глаз со входа. Войдя в комнату докладчика, юноши лет восемнадцати, я просила доложить большевистскому комиссару города Петрограда г. Урицкому о желании моем видеть его и дала для передачи ему записку с моей настоящей фамилией, указав в ней, что я пришла по делу произведенного у нас обыска. Докладчик ушел и, вернувшись, сказал, что у товарища Урицкого заседание, которое продлится очень долго, и поэтому все могут уходить домой. Там было кроме меня человек восемь еще, и все они ушли, а я осталась, сказав, что подожду, так как заседание когда-нибудь должно же кончиться. Пришла я на Гороховую в 9 часов утра и ничего не ела весь день. Прождав до 8 часов вечера, я увидела, что докладчик собирается уходить домой, и уговорила его еще раз доложить Урицкому обо мне. Он пошел и, вернувшись, сказал, что Урицкий придет за мною, когда освободится, и ушел. Я думала, что докладчик меня обманул, но, действительно, через полчаса спустился с лестницы бывший камердинер градоначальника, который знал меня лично, и провел меня наверх.

Много было слухов в городе о массовых расстрелах каждую ночь в подвалах дома на Гороховой улице, поэтому я, ожидая свидания с Урицким и желая узнать, насколько слухи правильны, подошла к сидевшему часовому и начала его спрашивать, давно ли он здесь, сколько ему платят, правда ли, что каждую ночь здесь в подвалах расстреливают людей, и так как парень он был бесхитростный, видно, недавно из деревни, то охотно ответил мне, что здесь он находится часовым уже два месяца, жалование получает 250 рублей в месяц на своих харчах, как он выразился, про расстрелы ничего не слышал и если бы таковые были, то солдаты-часовые, которых он сменил, наверное говорили бы об этом. Было ли это так, как он рассказывал, — не знаю.

Поднявшись наверх, я увидела в столовой за столом человек 20 большевиков, большей частью молодых в военной форме «хаки», которые ужинали. Наслушавшись о том, что они всего имеют в изобилии, я с интересом рассматривала их еду. Перед каждым была поставлена небольшая тарелка с кашей, стакан чаю, два кусочка сахара возле блюдечка и небольшой кусок хлеба. Войдя в другую комнату, смежную со столовой, и увидев много людей, я спросила, кто из них Урицкий, и тогда подошел ко мне прилично одетый человек в штатском платье, европейского типа еврей, и повел меня в свой кабинет, попросив сесть. Узнав, в чем дело, сказал, что пока ему еще не доставили моих бумаг, что их, может быть, и нет еще здесь, а поэтому он сейчас не может ничего мне сказать, и чтобы я зашла дня через два-три. На это я ему ответила, что сижу здесь с раннего утра и мне так трудно было добраться до него, что вряд ли я смогу увидеть его во второй раз, а что бумаги находятся уже здесь, я знаю, так как сама сопровождала мальчика с пакетом сюда и они посланы под таким-то номером. Урицкий, записав номер, позвонил и приказал вошедшему человеку принести ему этот пакет запечатанным, не вскрывая его. Дожидаясь бумаг, я сидела и слушала доклады, которые ему делали, и, по моему мнению, он давал вполне разумные распоряжения.

Принесли пакет, и мы вместе разбирали бумаги. На мой взгляд, он их только слегка просматривал и отдавал мне, я же очень волновалась, чтобы Урицкий не прочитал некоторых бумаг со сведениями относительно работающих на них людей и старалась чуть ли не выхватывать их из рук Урицкого. Один же план, составленный мужем по просьбе квартирантов для охраны домов от сильно развившихся тогда грабежей и нападений на квартиры, он оставил у себя, сказав, что это им пригодится. Дома страшно волновались за меня, что я так долго не возвращаюсь, предполагая всякие ужасы, могущие произойти со мной. Когда я уходила от Урицкого, поблагодарив его, он мне сказал, что должен меня предупредить, что если будет второй обыск, то кончится это очень плохо.

Мучилась я над решением вопроса, знал ли он, что я жена начальника Охранного отделения, фамилию свою я от него не скрыла, а по своему положению он должен был знать, кто я такая. Удивляло меня также и то, что за все время, что я была у него, он ни разу не спросил, кто мой муж и чем он занимается, и потом его странное предупреждение — все это было тайной для меня и моего мужа, которая так и осталась неразгаданной. Ходили слухи, что Урицкий против массовых расстрелов и что в Москве расстреливают гораздо больше, чем в Петрограде при нем, но тем не менее через две или три недели после моего посещения Урицкий был убит одним молодым евреем, якобы возмущенным расстрелами офицеров. Пышные похороны устроили большевики Урицкому, и процессия с его телом под роскошным балдахином двигалась в течение нескольких часов по главным улицам Петрограда. Большевики были во всевозможных формах и несли бесчисленное количество плакатов с разными угрожающими надписями и призывами. Таких богатых похорон, я думаю, не было ни у одного царя в мире.

После смерти Урицкого началось что-то ужасное, жить стало невмоготу, каждую ночь подъезжали к домам грузовики, забирая людей на расстрел. После обыска у нас мы, боясь второго, перебрались из квартиры генерала Казнакова в квартиру одного морского офицера, уехавшего с женою и с маленьким сыном на юг. Сдал нам ее его отец с мебелью и со всеми хозяйственными приспособлениями. Потом этот морской офицер с женой и ребенком были убиты большевиками в Ялте. Фамилия его была немецкая — Шумахер, и так как немцы в то время имели большое влияние на большевиков, то эта прибитая дощечка на дверях с его немецкой фамилией спасала нас, быть может, до поры до времени от них. По той же причине, я думаю, большевики не трогали генерала Казнакова, который еще до войны был в хороших отношениях с немецким послом, назначенным после заключения мира с большевиками в Петроград. Скоро, однако, было уже опасно оставаться и в этой квартире, уже по несколько грузовиков каждую ночь подъезжали к домам и

обыскивали каждую квартиру. Я не смыкала глаз все ночи, прислушиваясь к проезжавшим грузовикам, поднимающемуся лифту: на каком этаже он остановится. Это была не жизнь, а сплошное мучение. Швейцар дома, который был и при царском режиме, ненавидел большевиков, называл мужа по-прежнему «ваше превосходительство» и предупредил меня, что если ночью придут большевики, то он даст предупредительных три звонка, и муж должен тогда спуститься по черной лестнице, а он выпустит его на улицу. Это было малым утешением, так как большевики обыкновенно шли и по парадной и по черной лестницам одновременно. Наконец, грузовики их добрались до соседних с нами домов, и медлить было нельзя, надо было что-нибудь предпринять. Решено было, что мой муж отправится к моему брату, артиллерийскому офицеру, которого комитет солдат выбрал своим начальником, но брат не захотел у них оставаться и уехал к своей семье в Гатчину.

В тот день, когда муж готовился уже уехать в Гатчину, он вдруг по какому-то предчувствию передумал и отправился только на следующий день вечером; я послала сопровождать мужа своего сына и сказала ему, чтобы он сперва сам зашел к брату узнать, все ли благополучно, а потом уже пошел за мужем, который должен был пока оставаться на станции. Сын застал жену и детей брата в отчаянии: накануне, именно когда муж, по предчувствию, отменил свою поездку туда, брата арестовали и отвезли куда-то, и он так и погиб у большевиков. Муж с сыном сейчас же вернулись из Гатчины домой, в Петроград. На следующий день, заручившись письмом от знакомых к кассирше спальных международных поездов, мы отправились за билетами, но, хотя кассирша очень хотела исполнить просьбу наших знакомых, она ничего не могла сделать, так как все билеты были уже проданы на два месяца вперед, и даже все стоячие места в коридорах. С отчаянием возвращались мы, не имея уже надежды выбраться из Петрограда, где каждый проведенный лишний день и ночь означали смерть. Когда мы проходили мимо кассира, продававшего билеты на обыкновенные поезда, меня что-то кольнуло в сердце, и я предложила мужу стать тут в очередь — это была соломинка, за которую мы, утопающие, ухватились, так как все стоявшие в очереди до нас отходили от кассы, узнав, что и тут все билеты давно проданы, но только тогда, когда кассир уже вывесил объявление, что все билеты распроданы, мы с мужем двинулись к выходу, и вдруг совершилось действительно чудо, вошла какая-то дама и громко выкрикнула «Кому нужен билет?». Мигом очутилась я около нее, заявив, что мне он нужен, и когда ее тут же окружили другие, билет был уже у меня в руках, и я за него платила деньги, не зная, куда с ним можно ехать и когда, но все равно, куда бы то ни было, но мужу надо было уехать из Петрограда. Когда же я спросила эту даму, куда этот билет годен, то, к нашей великой радости, ответ был — «в Оршу», именно туда, куда нужно было ехать мужу — на юг.

Билет был на поезд, отходящий в этот же самый день в два часа дня, времени оставалось у нас очень мало, так как было уже 11 часов утра, и мы почти бегом отправились домой, покупая по дороге кое-что из съестных припасов у продававших их на улице дам. Дома уложили немного белья и купленные припасы в маленький ручной чемоданчик, и я проводила мужа на вокзал, держась в стороне, чтобы не навлечь на него внимания своим волнением, так как швейцар нашего дома предупредил нас, что на вокзалах уже арестовывают многих уезжающих. Когда поезд отошел, я вздохнула с облегчением. У нас был уговор с мужем, что по приезде в Оршу он сейчас же пришлет условную телеграмму на имя одной знакомой старушки, а вторую — на ее же имя, когда он уже будет на другой стороне, вне досягаемости большевиков. Вечером я после многих и многих бессонных ночей крепко заснула, не страшны мне были ни грузовики, ни лифт, где он именно остановится.

На следующий день ночью пришла телеграмма из Орши, а потом и вторая, но этой последней я не очень доверяла, зная, что муж для моего успокоения мог послать ее из Орши еще не перейдя большевистской границы, что в действительности и было. Муж потом рассказывал, что он спасался от про-

верки паспортов большевиками тем, что все время переходил из одного вагона в другой, в промежутки скрываясь по уборным. Он ехал в купе с двумя дамами, и они перезнакомились, они тоже ехали на юг. Приехав в Оршу, все они остановились у железнодорожного сторожа переночевать, и утром муж попросил этих дам взять его чемоданчик и перевезти вместе со своими вещами через большевистский пропускной пункт, сам же он не рискнул переправиться этим путем, где большевики проверяли паспорта, а пошел окольной дорогой к стоящему на посту у границы часовому и сказал, что ему надо за справкой пройти на товарную станцию, которая находилась уже на другой стороне, и что он сейчас же вернется. Видя, что у мужа нет никакого багажа с собой, часовой его пропустил.

Попав на станцию, которую занимали немцы после мира с большевиками, муж подошел к немецкому офицеру, назвал себя и тот, взяв под козырек, провел его к поезду, уходящему в Киев. Я же с детьми оставалась еще два месяца в Петрограде, и во время нашего пребывания там произошло зверское убийство Царской семьи в Екатеринбурге. Сперва пошел по городу смутный слух об этом, но никто не хотел ему верить, а большевики молчали, видимо, не решаясь объявить об этом, и выжидали, как будет реагировать на этот слух население, но, когда все оставалось спокойным, они через неделю объявили, что «в ночь с 16 на 17 июля 1918 года по приговору местного совета рабочих и солдатских депутатов расстрелян был бывший царь Николай, его жена Александра Федоровна и дочери Ольга, Татьяна и Мария». О наследнике и Анастасии не было ни слова. Меня это поразило, и я обратила внимание других на это обстоятельство, но они решили, что просто по ошибке газета не напечатала этих имен тоже. Я же часто задумывалась над этим, и, когда (мы были уже в Америке) появилось сообщение о самозванке Анастасии, мне вспомнилось объявление большевиков об убийстве царской семьи.

Оставаясь в Петрограде, я постоянно наведывалась в украинский комитет, чтобы поторопить выдачу нам украинских паспортов, так как, когда муж был еще в Петрограде, он приписался с нами к образовавшемуся тогда украинскому комитету для выдачи нам украинских паспортов на основании того, что он родился в Екатеринославе, но сам он, не дождавшись этого паспорта, уехал, и я продолжала ходить в комитет, пока не получила их. Нужно было только еще взять разрешение на выезд от комиссариата внутренних дел, но я боялась, что если я явлюсь за необходимым разрешением, то меня могут задержать как заложницу, и поэтому не рискнула пойти туда, а выехала с детьми из Петрограда без этого разрешения.

Через полчаса после отхода поезда начался обход большевиков для проверки паспортов. К нам в купе вошел маленький еврей с двумя солдатами и потребовал от меня документы. Я подала ему наши украинские паспорта, он спросил, нет ли у меня еще других документов, и на мой отрицательный ответ заявил, что эти документы он мне не отдаст и я буду высажена на станции «Дно», куда поезд должен был прийти через некоторое время. Я страшно взволновалась и спросила его, кто он такой, чтобы удерживать мои документы. «Я комиссар», — ответил он. «Покажите ваши бумаги об этом», — сказала я. Он послушно вынул какую-то бумагу и передал мне, и тогда я спрятала ее за спину, сказав, что я тоже не отдам его бумаги. Он сильно растерялся и обратился к солдатам со словами: «Товарищи, да что же это такое?» Те тупо и апатично смотрели на все это и ничего ему не ответили. Я одумалась и отдала ему его бумагу и легла уснуть. Дети волновались, а я их успокаивала, уверяя что раз я могу спать, то значит все обойдется благополучно.

Поезд подошел к станции «Дно», и пассажиры, которые волновались за меня во время моих пререканий с комиссаром, разбудили меня, постучав в дверь, и посоветовали самой пойти к большевистскому коменданту, куда уже побежал с бумагами комиссар. Дождь лил как из ведра, была уже ночь, я выскочила в одном платье и побежала по направлению, где находился кабинет коменданта, как вдруг мчится ко мне навстречу этот комиссар и сует мне

мои документы в руки со словами: «Можете ехать дальше». Это была вторая загадка, как и у Урицкого, которая осталась тоже неразгаданной. В эту же ночь с нашего поезда на станции «Дно» были высажены 30 семейств, даже с маленькими детьми, и без всякого своего багажа. Мы же отправились дальше и, когда прибыли на станцию Витебск и к поезду подходили крестьянки с целыми караваемы хлеба для продажи, мы не могли понять, страшно изнуренные длительной голодовкой, что видим целые хлебы, которые продают здесь свободно и в изобилии.

Наконец мы прибыли в город Оршу, и надо было представить все имеющиеся вещи большевикам из ЧК для осмотра. Я выставила две корзины; в одной находились военные вещи моего мужа, заказанные еще до революции, которые я взяла из магазина перед отъездом с собою, это было новенькое генеральское пальто на шелковой подкладке, с погонями, и две пары высоких лакированных сапог, так как я думала, что все эти вещи пригодятся, когда кончится эта кошмарная большевистская кутерьма. Вещи эти я положила на дно, а сверху прикрыла детскими вещами и книжками. Мои знакомые были в ужасе, что я беру эти вещи, и настаивали, чтобы я хотя бы отпорол подкладку и сняла погоны, но я как-то сильно верила в мое тогдашнее везение и все повезла как было. Дети мои знали, в какой корзине находятся эти вещи, и, когда большевики подошли и потребовали, чтобы я открыла одну из них, моя дочь, волнуясь, указала на ту, в которой их не было, и тогда большевики, потребовав от меня ключи, сами открыли именно ту, в которой эти вещи находились. Запустив руку в середину, один из них вытащил сапог. «Что это?» — спросил он. «Как видите, сапог», — спокойно ответила я, и он, вытащив другой, сразу запустил руку на самое дно, где лежало пальто. Признаться, я перепугалась и по какому-то наитию вдруг закричала на них, что они перерывают мне всю корзину, которую я сама должна буду опять укладывать, а не они и что в ней только книжки и детские вещи. Очевидно, это подействовало на них, так как другой большевик, смотревший на производимый осмотр корзины, по-видимому, старший, приказал своему товарищу, чтобы он не перетряхивал так всего и уложил бы все аккуратно обратно. Закрыли корзину и вернули мне ключи, и, таким образом, я не ошиблась, и мне опять повезло.

Со станции мы отправились ночевать в находящуюся недалеко в городе еврейскую гостиницу «Серебряный якорь», но не успели мы заснуть, как раздался сильный стук в дверь с требованием открыть ее немедленно — это были большевики, которые кого-то искали, как мы узнали на следующий день. За дверьми послышался какой-то разговор, очевидно, хозяин гостиницы, сопровождавший обход, сказал им, что в этой комнате находится женщина с двумя детьми, так как не успели мы вскочить с постели, как раздался опять тот же голос и сказал: «Можете спать».

На следующий день с самого раннего утра начались мои мытарства по переходу через границу. Сперва побежала я узнавать, как можно переправиться через большевистскую границу без разрешения. Извозчики раньше брались за 3-4 тысячи рублей перевезти желающих. Таких денег у меня не было, но теперь они боялись это делать, так как всюду в поле и по дорогам были расставлены конные патрули, которые возвращали их и арестовывали вместе с пассажирами. Оставался мне один только путь — отправиться в большевистский местный комитет и объяснить, что я должна была экстренно выехать и не имела времени взять разрешение на выезд от комиссариата внутренних дел.

Придя туда, я обратилась к секретарю комитета, молодому человеку, еврею по фамилии Семкин, но он сказал мне, что без разрешения ничего сделать нельзя, и посоветовал пойти к начальнику украинского отряда, который как раз должен был перевести через большевистскую границу группу украинцев, и попросить его записать и меня в эту группу. Побежала я туда, но начальник украинского отряда не решался записать меня без письменного разрешения комитета большевиков. Что делать? Я просто теряла голову и

помчалась обратно в комитет; там в смежной комнате было много народу, и мне сказали, что рядом идет совещание комитета о немедленном закрытии границы, и никто больше не будет пропущен. Если закроют границу, подумала я, и уйдет украинский отряд, то я с детьми уже никогда не выберусь от большевиков, и я решила на отчаянный шаг. Вскочив в комнату заседания, где было 12 человек большевиков, я подбежала к секретарю Семкину и сунула ему бумагу в руки с просьбой сейчас же подписать ее, так как начальник украинского отряда готовится уходить. Семкин нерешительно повертел бумагу в руках и затем обратился к комитету с объяснением в чем дело. Тотчас же выступила одна полька-большевичка, единственная женщина, находящаяся в этом комитете (фамилию ее не помню), и требовала немедленно отправить меня обратно в Петроград. Я стояла вся бледная перед столом, за которым заседали большевики, ее требование безумно возмутило меня, и я, обратившись к ней, сказала: «Удивляюсь, вы сами женщина и можете быть такой бессердечной, чтобы требовать отправки моей с детьми обратно в Петроград, вы что ли дадите мне денег на обратный проезд туда, так как я денег не имею». После моего такого бурного выступления заговорил мужчина средних лет, доктор-еврей, как я узнала потом, по-видимому, он председательствовал и сказал, что, по его мнению, на этот раз надо пропустить меня, но написать в Петроград, чтобы таких случаев больше не было. Обрадовавшись, я обратилась опять к польке и сказала: «Как видно, мужчины гораздо лучше чем вы, женщина». После моих слов все мужчины присоединились к мнению председателя, и разрешение было мне дано. Выбежала я оттуда, и бегом отправилась к начальнику украинского отряда, и поспела как раз вовремя, так как он с украинской группой уходил, и телеги, нагруженные бедным имуществом, уже двинулись гуськом вперед. Оставался еще только один большевистский пункт осмотра вещей и людей, которых раздевали совсем, рассчитывая найти что-нибудь спрятанное на них, но, к счастью, к началу этого осмотра приехали большевики, забрали своих большевичек на какое-то празднество, а пункт велели закрыть совсем. Наконец освободившись от всех осмотров, двинулись мы пешком черепашью шагом и добрались до деревни Пустынки на берегу Днепра, где должны были дожидаться парохода, чтобы он доставил нас в город Киев.

Два дня и две ночи пробыли мы в этой деревне, большая часть людей оставалась ночевать на берегу реки при разведенных кострах, а некоторые, в том числе и я, отправлялись по хатам, чтобы хоть на лавках вздремнуть немного. Немцы-солдаты, квартировавшие в этой деревне после заключения мира с большевиками, подходили к кострам, предлагали горячее кофе и папиросы и расспрашивали про большевиков. Зажиточные же крестьяне с ужасом прислушивались к тому, что мы им рассказывали. На третий день пришло известие, что пароход не может прийти за нами, так как с обоих берегов Днепра его обстреливают большевики, и решено было идти пешком за несколько верст на товарную станцию, занимаемую немцами, и там погрузиться в вагоны. Был прекрасный осенний день, когда мы двинулись в дорогу. Наш караван — телеги медленно двигались, поскрипывая, воздух был удивительно свежий и прозрачный, шли мы лесом, и солнце освещало наш путь, проникая через верхушки деревьев, а пожелтевшие уже листья блестяли и шуршали под нашими ногами. Картина была умиротворяющая, и я в первый раз почувствовала какое-то успокоение в душе.

В пути познакомились с некоторыми симпатичными людьми, тоже из Петрограда, с которыми мы потом все время поддерживали дружеские отношения в наших последующих странствиях. Прибыв на станцию, мы расположились по вагонам третьего класса (других там не было) и таким образом добрались до города Гомеля, почти целиком населенного евреями. Грязь на мостовых была непролазная, и когда дети, я и еще одна дама сели на извозчика, то я от усталости представляла из себя какое-то безжизненное тело, толкаемое из стороны в сторону тряской коляски по ухабам; дети меня поддерживали, чтобы я не выпала при толчках, но если бы это случилось, то я

так и осталась бы лежать в этом болоте, так как не имела бы больше ни сил, ни даже желания подняться. Приехали мы в гостиницу, на этот раз под названием «Золотой якорь», я от усталости физической и моральной ничего не сознавала, бросилась на кровать одетой и так и проспала до утра, ничего не видя и не слыша, а вместо меня всем распоряжались дети и знакомая дама.

На следующий день, не задерживаясь в Гомеле, мы укатили в Киев. Поезд двигался страшно медленно, иногда часами почему-то стоял в открытом поле, провизия вся вышла, которую мы захватили с собою, и на одной из долгих остановок в поле я вышла и обходила вагоны снаружи: не найду ли немного хлеба у солдат, ехавших в теплушках. И действительно, один сердобольный солдат отрезал мне половину своего хлеба за 3 рубля, которым я поделилась с детьми и дала кусок сидящему какому-то пассажиру напротив нас, смотревшему на хлеб голодными глазами. Во время пути в Киев на одной из станций вошел в наш вагон какой-то пассажир, оказавшийся мастером на одном из заводов в Екатеринбурге. Он рассказал, что бросил завод, так как нельзя было вытерпеть всего того, что творили рабочие. Они разбивали дорогие машины, никаких распоряжений не выполняли, никого не слушались, буйствовали и пьянствовали. Он бросил все и убежал, а теперь ехал к своей семье. На мой вопрос про Царскую семью он подтвердил, что она была расстреляна, а когда я сказала, что мне показалось странным, что большевики, объявляя о расстреле царской семьи, не упомянули в числе расстрелянных Наследника и Анастасию, то он ответил, что про Анастасию он ничего не знает, а что касается Наследника, то упорно ходили слухи по городу Екатеринбургу, что он умер до расстрела Царской семьи, от потрясения, когда взорвалась бомба недалеко от окна, у которого он стоял.

Наконец после разных мытарств добрались мы до города Киева, застали мужа живым и невредимым, он уже был на службе в Департаменте полиции (Державная варта) при гетмане Скоропадском и жил у брата своего, доктора, и мы тоже временно поселились там. Когда мы приехали в Киев, наш организм был страшно истощен длительной голодовкой и мы никак не могли насытиться. Уходя из дому, в течение дня мы только и делали, что переходили из одной булочной или кондитерской в другую, съедали неимоверное количество булок, пирожных, пили кофе по несколько раз в день и все же оставались еще полуголодными. Жители Киева смотрели на нас с изумлением, видя такое количество булок и пирожных, поставленных на нашем столе, которые мы быстро уничтожали, но мы не обращали никакого внимания на их удивление — нам было не до того, так как мы знали, что сытый голодного не понимает.

На почве нашего хождения по кондитерским случались и курьезы. Так, например, расставшись, мы отправлялись порознь домой, но где-то на полпути неожиданно опять встречались в какой-нибудь булочной или кондитерской и ели, ели без конца, и это продолжалось до тех пор, пока наш организм не требовал уже такого сверхнормального питания.

Киев производил прекрасное впечатление. Замечательно красивый был огромный купеческий сад на горе с видом на реку Днепр, с большой красивой раковинной посередине, где в спокойное время по вечерам играла музыка. В Киеве была знаменитая Киево-Печерская лавра, очень чтимая православными, куда стекалось бесчисленное количество паломников со всех концов России, были также в Киеве многие красивые своеобразные здания. Во время нашего пребывания в Киеве нам пришлось увидеть ужасную картину. Как-то шла я с детьми по одной из улиц Киева, и мы увидели, что из церкви выносят четырнадцать гробов, чтобы увезти их на кладбище. В этих гробах были четырнадцать трупов молодых белых офицеров, зверски замученных большевиками. Офицеры эти стояли на бивуаке в одной маленькой деревушке, когда их ночью окружили украинские большевики и, захватив их, надругивались над ними, срезая губы, поджигая свечкой носы, вырывая глаза и отрезая уши. Жутко даже и теперь вспомнить об этом и думать, до чего только могут дойти люди-звери.

Пробыв некоторое время у брата мужа, мы перебрались в гостиницу Гладынюк, и хотя белые занимали еще Киев, но мы жили как на вулкане, ежедневно ожидая прорыва фронта белых и прихода украинских большевиков. И действительно, вскоре после нашего переселения в гостиницу, вошли в Киев, после упорного боя с белыми, петлюровцы, то есть те же большевико-украинцы под предводительством Петлюры, их вожака, бывшего сельского учителя. Входили они очень торжественно, с музыкой, но были встречены белыми, остававшимися в городе, пулеметным огнем.

Мы стояли как раз на улице при вступлении большевиков и вбежали в какие-то ворота, когда началась стрельба, которая длилась недолго, так как белые должны были отступить и покинуть город. Как-то, вернувшись домой в первые дни прихода петлюровцев, к мужу подошел хозяин гостиницы и посоветовал ему скрыться, так как в этот день пришли уже большевики в гостиницу, арестовали двух полковников и увели их с собою на расстрел. Муж вечером же отправился к брату, а я должна была с детьми оставаться пока в гостинице. Я пошла провожать мужа и, возвращаясь поздно ночью в гостиницу, невольно остановилась, пораженная необычайным видом, открывшимся перед моими глазами. Всюду по дороге, по которой я шла, горели огромные костры и стояли освещенные огнем солдаты-большевики, греясь около них и поставив ружья в козлы; большое зарево пожара далеко распространилось по небу, и все время разрывались снаряды над вокзалом, разрушая его, немного же поодаль от зарева на чистом темно-синем небе мириады звезд и полная луна спокойно освещали землю, на которой проливалось столько невинной крови. Контраст был непередаваемый, и я несколько времени, потрясенная этой картиной, не сознавала даже опасности от разрывающихся недалеко снарядов, но, наконец, отправилась дальше в поисках какой-нибудь пищи для детей, а так как в гостинице ничего съестного не было и с приходом Петлюры все магазины сразу закрылись, то мне пришлось довольно долго побродить по улицам, пока я не наткнулась на какую-то лавчонку, еще открытую в такое позднее время, и, купив колбасы и хлеба, вернулась домой. Поужинав принесенными мною припасами, мы легли спать.

Поздно ночью раздался громкий стук с требованием открыть двери. Сын, спавший в первой комнате, накинув пальто, открыл ее. В дверях стоял, весь бледный, управляющий гостиницы, два офицера и несколько солдат с ружьями. Офицеры вошли в первую комнату, а солдаты оставались стоять в дверях; я с дочерью спала в другой комнате с альковом. «Где генерал?» — спросил один из них. Лежа; не вставая с постели, я ответила, что он уехал по делам, но куда — не знаю, а на вопрос, когда муж вернется, сказала, что недели через две-три. Тогда офицер, одетый в украинскую форму и с косичкой на черепе, на ломаном украинском языке (очевидно это был русский, заделавшийся украинцем) сказал, что за мужем они придут, когда он вернется, а мне приказал немедленно очистить комнаты, так как они нужны для штаба Петлюры. Была ночь, и меня так возмутила наглость этого офицера, что я вскочила с постели, накинув на себя пеньюар и туфли на босу ногу, и выбежала к ним. Проходя мимо зеркала и увидев себя в таком виде, я невольно горько улыбнулась. Горячо спорила я с ними, доказывая, что не могу же я выбрасываться ночью на улицу вместе с детьми и вещами. Офицер в русской форме стал уговаривать украинского, чтобы он не настаивал на немедленном освобождении помещения, но тот ломался, упрямялся и, наконец, уступив, «милостиво» разрешил нам остаться до утра. Конечно мы уже не могли уснуть всю ночь, и, как только большевики ушли, я побежала вниз, в контору, посмотреть, как нас записали в гостинице, то есть откуда мы прибыли, так как я боялась, что если поместили адрес брата мужа, где мы жили до переезда в гостиницу, то большевики могут отправиться туда и арестовать моего мужа. Но отмечены мы были в книге как приехавшие из Петрограда. Утром я отправилась к мужу и рассказала все как было. Решено было, что мы переберемся в Слободку — это поселок Черниговской губернии на другом берегу Днепра с маленькими отдельными домиками среди садов — и поселимся в

одном из них, где жил приятель брата мужа — инженер со старушкой матерью, бежавшие во время войны от немцев из Варшавы.

Приняв такое решение, я вернулась в гостиницу и вместе с детьми начала укладывать вещи. Около 12 часов дня подъехал военный грузовик, и к нам явился маленький украинский офицер, молодой, веселый и довольно вежливый. Он очень извинялся, что мы должны очистить комнату, но что штабу Петлюры некуда деваться, и, выразив свое сожаление, что так быстро нам надо уходить, приказал вносить вещи штаба. Вносили без конца огромные ящики, но все они были наполнены только шампанским, вином и водкой, и сам этот офицер уже был навеселе, когда явился к нам. Пришлось перебираться нам опять.

Уложив вещи, мы нагрузили их на извозчика, и сын отправился с ними на наше новое местожительство — поселок Слободку, где ждал нашего прихода. Началась снова наша кошмарная жизнь. Из Слободки мне с детьми нужно было каждый день отправляться в Киев, так как дети там учились, не желая пропускать учебное время, — куда бы мы ни прибывали, они, хотя и временно, посещали гимназии. Приходилось переходить из Слободки пешком длинный мост через Днепр и потом ехать паровозом с вагончиками по узкоколейке до Киева, по дороге к которому мы всегда видели лежащие на земле трупы людей. Уходя из дома, мы с трепетом возвращались домой — в ужасе, что, быть может, в наше отсутствие мужа арестовали и увели. Муж никогда не выходил, так как всюду ходили большевистские патрули, останавливая прохожих, проверяли документы и многих арестовывали. Наша жизнь в Слободке была довольно тяжелая, всем приходилось спать на полу на тюфяках, набитых соломой, так как кроватей не было, и только я одна пользовалась привилегией и спала на походной кровати. Старушка-хозяйка варила нам кофе по утрам и, жалея нас, топила печку в нашей комнате, чтобы мы, вернувшись, могли согреться, так как было уже холодно и снег лежал на дворе, а теплого у нас ничего не было. Обед мы брали у одной женщины, которая жила в одном из домиков напротив и сравнительно за очень малую плату кормила нас прекрасно. Она давала нам обед из трех блюд: первое суп, на второе или гуся, утку или курицу, или жаркое и сладкое.

Дети, возвращаясь из гимназии, ходили за обедом, и когда приносили его, то расставляли блюда на двух стульях, которые только и были у нас в комнате; стола у нас не было, и наши хозяева не могли нам дать его, так как и у них, беженцев из Польши, никакой почти мебели не было и, таким образом, нам приходилось обедать или стоя, или сидя, кто мог поместиться на походной кровати. Видя такое полное довольствие всего, а главное припасов, в Киеве, мы часто грустно подумывали о том, что и здесь большевики скоро сделают свое пагубное дело, разрушат совсем так хорошо налаженную жизнь людей и начнется голод, нищета и расстрелы, как в Петрограде, что, действительно, произошло в очень короткий срок после вступления большевиков в Киев.

Однажды, возвращаясь домой в Слободку, я шла с детьми по одной из главных улиц Киева, и мы увидели стоявшую толпу мужчин, а навстречу нам шла простая бедная торговка с корзинкой яблок в руках и громко рыдала. Я спросила ее, чего она плачет, и она нам рассказала, что шел по улице молодой человек в штатском пальто, а из-под пальто чуть виднелась его военная форма, и шедший ему навстречу вооруженный солдат, заметив это, задержал офицера и потащил его к извозчику, чтобы увезти к коменданту, а может, и пристрелить по дороге, что она находилась в стоявшей толпе и, увидев это, вцепилась в руку солдата, плакала и кричала, что офицеры такие же люди, как и все, и требовала отпустить этого молодого офицера. Солдат вырвался, грубо оттолкнул ее, и она упала, а он отвез офицера неизвестно куда. Возмущенная тем, что никто из толпы мужчин не попробовал даже вступить за офицера, которого тащил один только солдат, я обратилась к ним с упреком и заявила о своем недоумении, почему они оставались безучастными к происходящему на их глазах. «Мы не знаем, мы как будто были загипнотизированы кем-то», — ответили они.

Начались обыски и в поселке Слободка, надо было уезжать опять дальше. У нас были все те же две корзины, взятые с собой еще из Петрограда, но увезти обе было невозможно, и поэтому ночью прислуга наших хозяев вырыла глубокую яму в подвале и зарыла там корзину, которая была побольше, в которой между другими вещами находилось упомянутое уже генеральское пальто и лакированные сапоги мужа, с таким риском вывезенные мною из Петрограда. Муж ждал только удобного момента, чтобы уехать, и, воспользовавшись первой возможностью, отправился опять в Одессу, а я с детьми поехала позже.

На вокзале, когда мы уезжали, творилось что-то невообразимое, все поезда были переполнены солдатами и жителями, спасающимися от большевиков, и все крыши вагонов были усеяны людьми. Мы едва-едва нашли место в третьем классе благодаря хорошим чаевым носильщику и его расторопности. Над нами сидели солдаты, спустивши ноги перед нашими лицами, ни выйти, ни повернуться нельзя было, воздух был ужасным, и у меня до того разболелась голова, что я не могла пошевелиться, а все время по вагонам ходили разнузданные, шумливые, ругающиеся большевики-солдаты, кого-то разыскивая. При таких ужасных условиях мы все же, наконец, добрались до товарной станции Одесса, и нам нужно было пересест на телегу и пробраться еще через украинский большевистский пост, который тоже осматривал все вещи. Подошел к нашей телеге солдат и, узнав, что у нас кроме носильных вещей и детских книг в корзине ничего нет, пропустил нас без осмотра; вероятно, ему надоела вся эта процедура и просто лень была осматривать. Пока мы ехали со станции до пункта осмотра, все время слышалась стрельба и несколько пуль просвистело мимо нас, очевидно, это был бой украинских большевиков с отступающими белыми. Проехав последнюю большевистскую зону, мы очутились в свободной пока от большевиков Одессе, так как там находились белые. Нашли мужа и поселились в гостинице «Франция».

Муж уже служил в Одессе, ведая разведкой, но не долго мы прожили и здесь. Вскоре начали циркулировать слухи, что большевики, отбрасывая белых, подходят к Одессе. Хотя белые показывали чудеса храбрости, но сила солону ломит, большевиков было много на фронте, а белых было сравнительно мало. Штаб белых начал отправлять свои семьи в Варну (Болгария), и муж принес для меня и детей билеты на отправляющийся туда пароход, но я отказалась ехать, заявив, что мы или поедем все вместе, или останемся с ним.

Прошло еще немного времени в таком тревожном положении. Союзники понемногу и незаметно стали покидать Одессу, и в один прекрасный день все же неожиданно для всех было приказано садиться на французский пароход «Кавказ». Грузили как-то поспешно, места на пароход брались с бою, без всякого порядка. Погрузился на этот же пароход и генерал Шварц, начальник обороны Одессы, и архиепископ Анастасий с духовенством, и при чудной погоде мы отплыли из Одессы. Поместили нас в трюмах. Спали вповалку на нарах, покрытых какой-то неопределенно-грязного цвета травой. Я и еще одна знакомая дама не решались лечь на эти нары, противно было и жутко, так и казалось, что оттуда ползут всякие черви и насекомые, и поэтому мы просидели две ночи в столовой парохода, опершись руками об стол и дремали, но на третью ночь не выдержали, бросились в изнеможении на нары и уснули как убитые. Кормили нас всю дорогу какой-то похлебкой и фасолью.

Отплыв некоторое расстояние от Одессы, владыка Анастасий с духовенством вышли на палубу и отслужили молебен. Молились за оставшихся в Одессе, молились за всех нас, покинувших родину и плывущих навстречу неведомому будущему. Картина была торжественно грустная, с пением молитв, сверкающим солнцем и беззаботно весело кувyrкающимися вокруг парохода дельфинами. Плакали не только женщины, но и многие мужчины.

Пробыв на пароходе 12 дней, мы прибыли в Константинополь поздно вечером и бросили якорь в Босфоре. Прекрасный вид представляли освещенные огнями дома на горе, внизу белый дворец султана с мраморной тер-

расой и спускающейся лестницей к морю, силуэт мечети Ай-Софии, выступающий в темноте, и [другие] мечети с их минаретами. Сняли нас с парохода и отправили на остров Халки, находящийся в ведении французов, и большинство беженцев поместили в греческом монастыре, который находился там же, на острове, на довольно высокой горе. Там расположились по комнатам, на полу, целые семьи, отгораживаясь друг от друга простынями, но как-то все сумели приноровиться ко всему и жили как бы в цыганском таборе, только не на воздухе, а в стенах греческого монастыря. Некоторые же из приехавших сняли комнаты у греков или турок.

Мы сняли комнату у одной гречанки-вдовы с дочерью, говорившими по-французски. На вид это была опрятная комната с мебелью, покрытой белыми чехлами, но ночью происходило что-то ужасное, так как из всех щелей и из под чехол мебели вылезали какие-то своеобразные, особо длинные клопы и не давали нам покоя, а на нашу жалобу хозяйке она равнодушно советовала нам собирать их. Везде в комнатах, снятых у греков, происходило то же самое, и можно было видеть, проходя ночью по улицам, мерцание свечей и движущиеся тени русских, занятых охотой на этих клопов. На следующий день [после] нашего приезда на остров Халки я встала утром и выглянула в окно. У колодца, окутанная с головы до ног в белый балахон, стояла черная африканка с кувшином на одном плече, уже наполненным водою, перед глазами сверкало море, и мула, взобравшись на минарет мечети, громко призывал правоверных к молитве. Все это было до того красиво после всех пережитых ужасов в России, что какое-то непередаваемое чувство спокойствия охватило меня, и не хотелось отойти от окна, как бы боясь, что все это сейчас исчезнет.

Остров Халки — это один из четырех Принцевых островов, расположенных недалеко от Константинополя и сообщавшийся с ним колесными маленькими пароходами — шеркетами. Местность на острове Халки довольно гористая, покрытая лесом, и на этих островах, «на Принкипо», когда-то заседала Лига Наций. Всем нам вообще неплохо жилось на острове Халки, и французы в лице коменданта и его помощников относились хорошо, были приветливы и вежливы. Большой частью кормили всех кроликами, которых мы никогда не ели, а отдавали нашей гречанке.

Прибыли мы на остров Халки летом, и погода была удивительно хорошая. Совершались часто прогулки по острову верхом на ослах, в особенности в лунные ночи. В то время в Греции был главой правительства Венизелос, которого, очевидно, константинопольские греки очень любили, так как часто ночью, когда они ездили верхом на ослах, то громко распевали всю ночь напролет, не давая никому спать, одну и ту же песню, восхваляя Венизелоса. Нам говорили, что константинопольские греки резко отличались по натуре от тех греков, которые находились в Греции. Греки на острове Халки проявляли большую скардность и старались выжать из нас, беженцев, как можно больше денег, тогда когда бедные турки не хотели и не брали денег от некоторых беженцев, поселившихся у них, говоря, что, когда у них будет деньги, они тогда им, туркам, заплатят. Турки оказались очень симпатичными людьми, они относились с большим почтением и соболезнованием ко всем прибывшим беженцам, и в начале нашего приезда только и слышно было, как они указывали друг другу на нас и шептали «рус, рус». Они ведь впервые столкнулись в массе с мирно настроенными русскими — их прежним могучим врагом.

Самой [заметной] достопримечательностью на острове Халки был морской кадетский корпус, выстроенный на берегу моря, обнесенный высоким решетчатым железным забором. Перед корпусным зданием находился большой плац, на котором обучались морские кадеты, и всякий раз, встречая пароходики-шеркет, приходящие из Константинополя, что было для большинства живущих на острове Халки большим развлечением, мы останавливались перед железной решеткой и смотрели на маршировку и упражнения морских кадегов, одетых всегда очень чисто, в белой морской форме. Вскоре

по прибытии на остров Халки мы познакомились с директором морского корпуса, воспитанным и образованным человеком, а также со всеми морскими офицерами, говорившими по-немецки. Воюя против нас, русских, под руководством немцев, они выучились этому языку, и поэтому мы имели возможность разговаривать с ними, так как большинство прибывших русских на остров Халки были интеллигенция, говорящая тоже по-немецки. Все морские офицеры были воспитанные люди из лучших турецких семейств. Водили они нас осматривать корпус, гуляли с нами, и проявляли большое внимание, и очень интересовались всем, что происходит в России. Как-то мы, русские, гуляли целой компанией с ними, и один из них, женатый на сестре султана, объявил нам, что он находился на военном турецком корабле «Гебене», когда тот обстреливал Севастополь, и, узнав, что мы все там в то время были, сказал шутя, что если б он только знал, что мы там находимся, то конечно отдал бы приказ не стрелять, а другой молодой морской офицер, находясь в обществе русских барышень, клялся аллахом, что, узнав русских, он никогда не возьмет больше оружия против них.

Все это было очень мило и приятно было слышать и видеть такое отношение к нам — несчастным теперь беженцам. Гражданская турецкая публика тоже проявляла большое уважение и внимание к нам — русским. Приглашали в свой клуб и радовались как дети, когда мы, выучившись цифрам на турецком языке, выкликали их по-турецки, играя с ними в лото; это доставляло им громадное удовольствие, они одобрительно причмокивали, удивляясь, по-видимому, нашим проявленным способностям. Между греками, живущими на острове Халки, и турками была сильная вражда, и, когда мы хвалили турок, греки возмущались, доказывая, что мы их недостаточно знаем, и страшно их ругали.

Во время нашего пребывания на острове Халки я познакомилась с очень милой молодой еще супружеской парой, муж был турецкий морской офицер, а жена его очень симпатичная образованная англичанка, и мы часто проводили время вместе. Случился как-то на острове большой пожар, люди помчались помогать тушить его, и не обошлось без присутствия хулиганов, которые, пользуясь суматохой, начали грабить вещи. Англичанка с мужем присутствовали на этом пожаре, и она подробно мне о нем рассказывала. Турецкий полицейский, охранявший спасенные вещи, отгонял хулиганов, но не мог с ними справиться, так как они призвали еще своих товарищей на подмогу, и начался форменный грабеж, и только когда появились еще несколько полицейских, они были арестованы. Хулиганы эти оказались греками, и тогда греки, проживающие на острове Халки послали греческому патриарху телеграмму с воплем о том, что турки режут греков. Патриарх снесся сейчас же с английским командованием, и был прислан английский офицер для расследования, который расспрашивал как свидетельницу и мою знакомую англичанку и выяснил, как все дело обстояло.

Благодаря странному обычаю, существовавшему тогда в Турции, я очутилась однажды в неловком положении. Я зашла в открытую русскими кондитерскую и потребовала себе кофе. Турецкие морские офицеры ее охотно посещали и, когда я сидела за столиком и пила кофе, подошел к столу моему лакей и поставил передо мной мороженое. Я удивилась и сказала ему, что я его не заказывала, но он, обернувшись, указал мне на сидящего в конце комнаты турецкого морского офицера, с которым я не была знакома, сказав что он приказал ему отнести мне это мороженое. Возмущившись до глубины души таким поступком, который у нас в России считался бы чрезвычайно оскорбительным, я приказала лакею немедленно убрать принесенное мороженое и, не докончив своего кофе, встала и ушла. Турецкий же офицер наблюдал за всем этим с напряженным вниманием. На следующий день, встретившись с некоторыми морскими офицерами, я не успела рассказать им о случившемся со мной инциденте, как они мне сообщили, что их товарищ чувствует себя очень обиженным мною, так как у них такой обычай, что если вы хотите выразить свое глубокое уважение к кому-нибудь, то приказываете

отнести к столу даже незнакомого человека какое-нибудь угощение. Рассмеявшись, я сказала им, что в таком случае пусть они передадут ему о моем сожалении, что я не поняла его внимания, но с тех пор он избегал меня.

На острове Халки среди бежавших из России была также одна наша знакомая Велецкая, дочь которой была фрейлиной Государыни и была при ней до самого отъезда царской семьи из Царского Села. К Велецкой часто заезжали разные знакомые ей офицеры с юга России. Я с детьми однажды сидела у нее, как раз когда ее навещил один из приехавших к ней офицеров по фамилии Марков, якобы отправлявшийся к адмиралу Колчаку в Сибирь.

Мы уже собирались уходить, но Велецкая удержала нас, сказав, что сейчас вернется приезжий офицер и расскажет нам много чудес о спасении царской семьи. Конечно мы остались. Этот офицер рассказал нам, что многие офицеры, как гвардейские, так и армейские, желая спасти царскую семью, заделались большевиками и были назначены нести службу в Екатеринбурге при царской семье. Они нарочно очень грубо обращались с царской семьей, чтобы отвлечь от себя возможные подозрения большевиков. Когда они узнали, что над Государем назначен местным советом рабочих и солдатских депутатов день суда, то решили действовать и, загримировав под Государя князя Долгорукова, который остался там для этой подмены, переодели Государя и Наследника в крестьянское платье, Государыню и великих княжен одели крестьянками с платочками на головах, и ночью подъехали две телеги. В

одну из них сел Государь с Наследником, а в другую Государыня и великие княжны, и поехали по заранее назначенному направлению. Он, Марков, якобы находился в числе конвоировавших царскую семью, и когда они ехали лесом, то рано утром повстречалась им крестьянка, едущая на телеге, и Марков подъехал к ней и велел повернуть обратно, что она испуганно сейчас же и выполнила, а они двинулись дальше. Он вместе с другими офицерами довез царскую семью до известного пункта, где она была передана другим конвоирам, а они все разъехались в разные стороны, и таким способом царская семья передавалась от одного пункта до другого, где каждый раз сменялись конвоиры, чтобы никто не мог узнать конечного пункта назначения. Все вещи золотые и бриллиантовые были брошены в костер как доказательство, что царская семья погибла. Мы все отнеслись довольно скептически к его рассказу, хотя тогда еще не было произведено расследование убийства цар-

кой семьи следователем по особо важным делам Соколовым, которому было поручено адмиралом Колчаком это сделать. Когда же позже появилась книга следователя Соколова о произведенном им расследовании убийства царской семьи в Екатеринбурге, то я обратила внимание на одно место в ней, совпадавшее с рассказом этого офицера о встрече по дороге в лесу бабы в телеге, которую якобы он, Марков, заставил повернуть назад.

Кто был на самом деле этот офицер? Преданный ли Государю и царской семье человек или посланный большевиками для распространения слухов об ее спасении?

После двухмесячного пребывания на острове Халки начали приходить известия из России, что белые отбрасывают красных, то есть большевиков. Начали поговаривать о возвращении на Юг России. Многие же собирались отправиться к адмиралу Колчаку во Владивосток, в Сибирь, и союзники предназначили для этой цели пароход «Иерусалим», который должен был прийти за нами и ожидался каждый день, но почему-то его приход все оттягивался, так что многие, так и не дождавшись его, уехали не к генералу Колчаку, а к генералу Деникину на Юг России. Муж, собиравшийся с нами тоже ехать на пароходе «Иерусалим», так и не дождался его и уехал на юг, в Ростов-на-Дону. Я с детьми оставалась еще месяц на острове Халки, а потом тоже отправилась в Ростов, к мужу. Турки очень жалели, что все русские уезжают, уговаривали нас остаться, что все равно нам придется опять пережить много ужасов и вернуться в Константинополь, — и они не ошиблись.

Ростов был переполнен как гражданским населением, так и военным, когда мы приехали. Ни одной квартиры, ни одной комнаты нельзя было достать. Муж занимал крошечную комнату, в которой еле мог поместиться один человек, но мы все же ухитрились втиснуться в нее в первые дни. Потом нам отвели квартиру одного чиновника, живущего постоянно в Ростове, который уехал отдыхать к своим родственникам в Ялту. Расположились мы в его квартире довольно сносно в сравнении с другими. Муж остался в своей комнате, и только я с детьми поселилась там, так как приезд хозяина этой квартиры ожидался не ранее чем через месяц.

Однажды, когда мы спали глубоким сном и было уже два часа ночи, раздался сильный стук в двери, а потом и в окно. Мы вскочили в испуге, думая, что это большевики, а сын подошел к дверям и спросил, кто это и что кому нужно. В ответ раздался сердитый голос, который сказал, что он — приехавший хозяин, и спросил, кто мы такие, занявшие его квартиру. Не впустить хозяина квартиры было бы довольно странно, и мы попросили его немного обождать пока мы оденемся. Впустив хозяина, мы увидели, что, очевидно, рассчитывая найти свою квартиру такой, какой он ее оставил, то есть свободной, он привез с собою одного своего знакомого полковника с женою. Хозяин оказался очень милым и предупредительным человеком, просил нас не тревожиться и спать, а они, приехавшие, как-нибудь устроятся. Он поместил жену полковника в столовой на столе, а сам с полковником расположились как-то на плите в кухне. Нам было очень совестно, что мы его так стеснили, но он сказал, чтобы мы на это не обращали внимания и жили у него, пока не найдем, где устроиться, и обещал помочь нам в этом. Одно было неудобно, что, не желая его беспокоить и проходить в ванную через его комнату, мы ходили туда через двор, и так как в то время часто были сильные бури и ветер завывал, я очень боялась, чтобы дети и я не расхворались.

Так прожили мы некоторое время, пока мне с детьми не реквизировали одну комнату в большой хорошей квартире, принадлежащей директору банка города Ростова. В ней жила его вдова, ее мать старушка, младшая взрослая дочь и сын. Муж этой вдовы недавно застрелился на этой квартире, а старшая дочь после этого несчастья повесилась там же. Вдова его была пренеприятная особа и очень бестактная. Часто уже часов в 6 утра она входила в занимаемую нами комнату, разбудив нас, и разговаривала по часу по телефону о какой-то провизии. Наконец, потеряв терпение, я запротестовала, и

после этого мы почти не разговаривали друг с другом, но все же она прекратила свои утренние посещения нас.

Когда муж приехал с острова Халки в Ростов, то его назначили в Главное управление снабжения. Работа — неинтересная, монотонная и мертвая — не нравилась моему мужу, и он охотно согласился, когда ему предложили сформировать морскую контрразведку в Севастополе и в Одессе, куда он и отправился на пароходе «Николай», ухажившем из Новороссийска. Муж обещал мне написать, как только прибудет туда. Я тем временем ходила с детьми обедать в устроенную столовую для военных и гражданских чинов с семьями, так как цены в ресторанах были очень высокие и все повышались. С нетерпением ждала я письма от мужа, но оно не приходило, и знакомые, обедавшие там же, видя мое волнение, скрывали от меня полученное известие, что пароход «Николай» попал в ужасный шторм и двух человек снесло с палубы в море, но кого именно — было неизвестно. Наконец я узнала об этом и, не имея никаких еще известий от мужа и зная, что он любил во время бури прогуливаться по палубе, я так сильно встревожилась, что у меня сделалось что-то вроде сонной болезни, я все спала: приходила ли обедать, или к знакомым, или разговаривала с кем-нибудь — я не могла сдержаться себя и тут же сейчас же засыпала. Через месяц пришла военная радиотелеграмма, что муж мой выехал на военном миноносце с таким-то адмиралом (фамилию не помню) и должен такого-то числа прибыть в Ростов. Хотя я и успокоилась, но моя необъяснимая сонливость продолжалась еще долго и после приезда мужа. Как оказалось, он послал мне несколько писем, которые не дошли, что тогда постоянно случалось из-за невозможности правильных рейсов пароходов.

Муж, вернувшись в Ростов, недолго оставался там. Пошли слухи опять, что большевики надвигаются, а так как почти все белые войска были на фронте и очень мало оставалось для охраны города внутри, то начали привлекать желающих. Как-то отправилась я на Дон встретить знакомых, которые должны были прибыть на пароходе из Ялты. По дороге туда я с удивлением увидела на одной из улиц стоявшего бывшего градоначальника генерала Балка и человек тридцать стариков лет под 60 и больше, марширующих с ружьями на плечах. Я подошла к генералу Балку и спросила его, что это такое, на что он мне с улыбкой ответил, что обучает защитников города. Странная встреча произошла у меня, когда я возвращалась назад, не встретив знакомых, которые не приехали. Возвращаясь домой по берегу Дона, задумавшись, я не обратила внимания на цыганку, которая шла мне навстречу, но она остановилась, пристально посмотрела вдруг на меня и сказала: «А у тебя крест позади, о котором ты еще не знаешь». Через три дня после этого я встретила совершенно случайно полковника Генерального штаба Скворцова, женатого на сестре жены моего брата; я не знала ничего о брате с тех пор, как он был арестован большевиками в Петрограде, и спросила о нем Скворцова, и он сообщил, что брата моего большевики расстреляли. Вот это и был тот крест позади, о котором я еще не знала.

Вскоре муж, взяв меня и детей, отплыл в Севастополь, и, пробыв там несколько дней, мы отправились в Одессу, где муж сразу приступил к своей работе. Все время прибывали и проходили через Одессу белые войска с фронта, и однажды я была поражена видом одного офицера, когда мне пришлось отправиться за чем-то к заведующему тогда отделом Белого креста — полковнику Димитриеву: у дверей его канцелярии стоял офицер без фуражки, в лаптях на босу ногу, в шинели, накинутой на голое тело, бледный, изможденный, еле державшийся на ногах. Я пропустила его вперед, а когда он вышел, я вошла и первым делом спросила Димитриева, кто этот вышедший от него офицер. «Только что прибывший с фронта, — ответил он. — Обоз их с вещами и продовольствием попал к большевикам, и оставшиеся на этом фронте очутились без всего и долгое время голодные, раздетые удерживали позиции». Вот это действительно герои не от мира сего — подумала я.

В Одессе между тем шла лихорадочная работа. Когда мы прибыли в Одессу, то опять, как и первый раз, очутились в гостинице «Франция», и два-три

месяца все шло хорошо, и вести с фронта получались довольно утешительные, но вдруг союзники заматались и засуетились и сообщили мужу, что они собираются эвакуироваться. Один английский офицер, командир миноносца, предложил мужу взять меня и детей и доставить в Константинополь, но я отклонила его любезное предложение, решив всюду оставаться с мужем, так как знала, что, раз разделившись, мы, может быть, больше и не встретимся в жизни из-за этого крошечного ада. Главнокомандующий города Одессы, Новороссийской области — генерал Шиллинг, товарищ мужа по кадетскому корпусу, советовал готовиться к эвакуации, которая все же произошла неожиданно быстро, когда большевики прорвали фронт и двинулись на Одессу.

На рейде стояло много военных судов союзников, но вдруг все они снялись и ушли в море. Муж приказал всем своим подчиненным собраться вечером к пароходу «Владимир», так как утром пароход должен был уже отойти. Я оставалась в гостинице, укладывая наши немногочисленные вещи, а дочь побежала предупредить всех служивших под начальством мужа об его приказании, так как все младшие служащие куда-то разбежались и некого было послать. Муж все время совещался с генералом Шиллингом, но несколько раз прибежал в гостиницу узнать, что с нами, но я просила его не делать этого, так как большевики, скрывавшиеся в городе, начали обывателя уже гостиницы; просила я его только взять сына с собой и дочь. Сама же я велела позвать извозчика — сани, но извозчики отказывались везти офицеров, и их семейства, и даже их вещи. Прислуга гостиницы сразу тоже враждебно настроилась, и вообще в городе царил уже большевистский дух, и только благодаря номерному, который сказал извозчику, что я жена обывателя, удалось мне заполучить сани для вещей. Уложив в них вещи, я поплелась сзади саней пешком, так как хулиганы уже нападали на уезжающих и грабили увозимые вещи. Таким способом прибыла я поздно вечером к пароходу «Владимир» и застала всех уже в сборе и мужа с детьми тоже. Попав на пароход, я очень просила мужа, чтобы он больше не отправлялся в город, где шла стрельба и большевики уже расстреливали людей.

Утром прибежал мой сын, взволнованный, в каюту сообщить мне, что муж только что уехал с двумя офицерами и казначеем в город. Я страшно перепугалась, так как канонада все усиливалась и ни одного союзного корабля уже не было на рейде, один только пароход «Владимир» покачивался на волнах. Люди все были страшно возбуждены, пароход был набит людьми до отказа, на нем находилось около 11 тысяч человек. Много тифозных больных лежало на полу в зале и столовой парохода. Хаос был ужасный, так как большевики с берега стреляли по пароходу, и два полковника были убиты на палубе. К ужасу своему, я увидела, что пароход «Владимир» начинает отчаливать и комендант парохода (фамилии не помню) охрипшим уже голосом отдавал какие-то распоряжения.

В большом волнении подбежала я к нему, уговаривая его не отчаливать без моего мужа, который был послан в город с каким-то поручением от генерала Витнивицкого, начальника эшелона на этом пароходе. Комендант, надрываясь, стараясь перекричать шум и стрельбу, кричал, что пароход без генерала Глобачева не отойдет, а между тем понемногу пароход отходил от берега, освобождаясь от льда вокруг него. Все были страшно взволнованы и торопили коменданта скорее отплыть. Я побежала в каюту, где собрались все подчиненные мужа, и собиралась уже сойти с парохода вместе со своими детьми, не желая уезжать без мужа, как вдруг на палубе раздался крик, что генерал Глобачев подбежал к пароходу, корма которого была уже на некотором расстоянии от берега. Тотчас же морские офицеры контрразведки бросили мужу канат, по которому он взобрался на пароход, а также казначей и директор банка с сестрой, прибежавшие вместе с мужем.

У всех нервы были до того напряжены, что некоторые из мужчин, увидев мужа живым, заплакали. Оказалось, что начальник эшелона генерал Витнивицкий, очевидно, до того был перепуган [тем], что матросы отказывались отплыть, если им не будут заплачены деньги вперед, что забыл, что деньги

находятся уже на пароходе, и просил мужа съездить за ними в город в банк, хотя знал, что там уже орудуют большевики. Муж рассказал, что, приехав в банк с казначеем и оставив двух офицеров в автомобиле дожидаться его, муж попросил директора банка выдать казначею деньги под расписку, что тот и исполнил. Когда же они собирались уже выйти, то кругом банка стояли местные большевики, угрожая, что никого не выпустят и первому, кто покажется в дверях, пусть пулю в лоб.

Деньги пришлось оставить — за невозможностью взять их с собою — и директор банка провел их черным ходом в свою квартиру, где, накинув мужу штатское пальто поверх военного, вместе с сестрой присоединился к ним и все, выбежав на улицу через черный ход, помчались под выстрелами к пароходу пешком, так как офицеры с автомобилем, которые должны были дожидаться мужа, уехали, увидев, что банк окружен большевиками.

По дороге к пароходу лежало уже много убитых людей. Как только пароход стал отчаливать, большевики начали его обстреливать, прогремел один снаряд, а потом другой, взорвавшись недалеко от отходящего парохода. Паника на пароходе была ужасная, некоторые офицеры, не попавшие на пароход за неимением места, тут же стрелялись на берегу. Это был действительно какой-то ад. Небывалый для юга мороз и шторм свирепствовали, и казалось, будто все дьявольские силы вышли на подмогу большевикам, и даже тогда, когда мы прибыли в Севастополь, то при спуске с парохода в сильнейшей давке были задавлены насмерть два человека.

В Севастополе мы остановились в гостинице, которую не отапливали за недостатком топлива, и дети чуть не замерзли в ней, когда я вышла к знакомым достать какие-нибудь теплые вещи для них и они уснули от холода и утомления. К счастью, пришли нас навестить наши знакомые, которые с трудом разбудили их и стали отогревать. На следующий день муж ушел по делам и решил уехать в Константинополь, так как больше ему здесь нечего было делать. Нужно было только найти пароход, уходящий в Константинополь, и для этого он снесся с одним английским адмиралом для переговоров о предоставлении ему с семьей и его подчиненным, тоже с семьями, какого-нибудь парохода. Адмирал пригласил к себе мужа на корабль и отдал приказание капитану английского грузового парохода «Мерседес» взять всех указанных мужем людей, числом в 25 человек, на пароход и доставить в Константинополь. На пароходе «Мерседес» всех мужчин и женщин поместили вместе в кают-компанию, и только мне с моей дочерью предоставили отдельную маленькую каюту — как привилегию. Кормили нас хорошо, но через некоторое время капитан парохода, очевидно, желающий от нас избавиться, хотел высадить нас где-нибудь на азиатском берегу, и все время ходил к нам, и причитал, что «no more food, no more food» [«продовольствия больше нет»] у него на пароходе для нас.

Причалив к азиатскому берегу, где находилась Тузла и санитарный пункт для дезинфекции как вещей, так и людей, прибывающих из России, где свирепствовал тогда сыпной тиф, капитан парохода уговаривал нас собрать наши вещи, рассчитывая, очевидно, что, оставив нас на берегу, он сможет таким образом уйти без нас в море. Видно, заботы о нас и неудобства, сопряженные с занятием нами кают-компаний, порядочно ему надоели. Но мы не поддались на его удочку и оставили более тяжелые вещи на пароходе, зная, что приказ английского адмирала капитану «Мерседеса» был доставить нас в Константинополь. После длительного, утомительного в течение 20 дней плавания, так как «Мерседес» двигался черепашьям шагом и часто приставал то к одному берегу, то к другому, нагружая и выгружая уголь, мы сошли на турецкий берег в Тузле и были рады отмыться, наконец, от угольной пыли и с наслаждением, после долгого неупотребления ванны, принимали душ в турецкой бане, а добродушно улыбающиеся старые турчанки обмывали нас усердно и что-то рассказывали, чего мы никак не понимали. Курьезно было, но грустно для нас, потерпевших от дезинфекции людей, когда и так ограниченное количество наших вещей возвращалось нам в сильно укороченном

виде, в особенности кожаные куртки, рейтузы, пальто и оставленные в карманах перчатки превращались в какую-то одежду для детей или карликов и, конечно, совсем не годились уже для употребления.

Наконец «Мерседес» бросил якорь в море в нескольких милях от Константинополя, сообщив туда по радио о нашем прибытии, и за нами был прислан большой катер, в который мы должны были спуститься поздно вечером по веревочной лестнице, что нас, женщин, сильно пугало. Прибыв в Константинополь, муж хотел сейчас же видеть английского адмирала, но адъютант сказал ему, что адмирал ложится уже спать и примет его только утром. Пришли потом два английских офицера и не знали что с нами делать, так как мы вышли уже из катера на пристань. Один ушел куда-то и, вернувшись, сказал, что адмирал приказал нам пока отправиться обратно на пароход «Мерседес». «Это невозможно», — сказала я. «Почему?» — спросил морской офицер. «Потому что это приказание равносильно тому, чтобы мы отправились на луну». Тут они оба переглянулись и улыбнулись. «Теперь ночь, море беспокойно, мы и так очень рисковали, спускаясь с парохода в катер, и среди нас есть дети, которые не умеют даже еще хорошо ходить, и взбираться опять по лестнице ночью на пароход среди моря невыносимо», — ответила я.

После моего ответа английский офицер спросил меня, так как я одна среди нас всех могла объясняться по-английски, что мы думаем предпринять. «Ничего, — ответила я. — Будем прогуливаться по пристани до утра, пока муж не увидится с адмиралом. Тогда он ушел и, вернувшись, спросил, не согласились бы мы в таком случае переночевать на английском военном корабле, который стоял у берега. Мы, конечно, согласились, и вещи наши перенесли на склад, а мы отправились на корабль. Нас, женщин, поместили всех в каком-то зале, где приготовлены были постели, и принесли нам огромный чан с чаем, черным, как кофе, и сэндвичи. Мужчин поместили отдельно. Вообще были любезны. Переночевав, муж отправился к английскому адмиралу, и решено было всех нас отправить на остров Принкипо, который находился в их ведении. Мы очень обрадовались этому, так как знали еще по первому приезду на острова, когда мы попали на остров Халки, что англичане очень хорошо относятся и устраивают русских беженцев и хорошо их кормят.

Прибыв на катере на остров Принкипо, мы попали в первые несколько дней в какой-то дом около пристани и должны были ютиться в маленькой комнатке, которую нам уступил бывший генерал-губернатор в Сибири Пильц. Эти несколько дней, проведенные в этой комнате, были ужасные. В доме помещались почти [исключительно] люди, которые, в сущности, могли не эвакуироваться, а смело оставаться у большевиков — грубые, неопрятные, с вечной руганью на языке; они сейчас же устроили какую-то коммуны, назначая живущих там людей на уборку дома и для исполнения всяких других обязанностей. Мы этого избежали благодаря тому, что англичане очень скоро устроили нас на прекрасной даче с садом вокруг и отдельной купальней, с лестницей, спускающейся в море, где мы и купались. Кроме нас, на этой даче наверху помещалась только одна еще семья. Дача эта принадлежала богатым грекам. У англичан было все хорошо устроено, на каждой даче был выбран один из живущих там беженцев, который отправлялся ежедневно в назначенные часы в кантину [столовую. — *Ред.*] к англичанам за провизией и потом раздавал ее всем поровну по числу людей. Кормили они нас, беженцев, хорошо и в изобилии, давали мясо, сыр, варенье, масло, хлеб и даже керосин, спички и связки щепок для подтапливания.

Было устроено комендантское управление на острове Принкипо, во главе которого стоял полковник шотландского полка и куда были приглашены русские переводчицы для переговоров с русскими беженцами. Сперва свободно можно было ездить в Константинополь и даже некоторые ездили туда на работу, но потом работающие в Константинополе должны были списаться с пайка, а остальные могли ездить в город Константинополь только по

разрешению комендатуры, но она никогда этому не препятствовала. Вообще жилось у англичан хорошо, надо отдать им справедливость.

Принкипо — самый красивый остров из четырех Принцевых островов, находящихся очень недалеко друг от друга, и сообщение между ними было теми же парходиками-шеркетами, которые шли из Константинополя. Местность на Принкипо гористая, покрытая лесом, и были там чудные дорожки, на которых почти сплошь стояли прекрасные дачи, принадлежащие богатым грекам и туркам, и в них англичане разместили русских беженцев. На острове Принкипо был хороший ресторан на берегу моря, с большой террасой наверху, где каждый вечер играл хороший струнный оркестр, и ресторан этот посещался как греками, турками, так и русскими. На острове Халки были помещены тоже русские, которыми ведали французы, и, как и в первый приезд, русских кормили большей частью кроликами и фасолью и относились хорошо. На другом острове русские находились в ведении итальянцев, которые кормили их большей частью сардинками и макаронами, а остров Проти был самым маленьким, и русскими беженцами там ведали американцы, но никто как-то не хотел туда попасть, так как кормили довольно плохо, что всех удивляло, так как Америка, как всегда, должно быть, широко отпускала деньги на продовольствие. Объясняли это тем, что на поименованных выше трех островах снабжение продовольствием русских беженцев было в руках военных, тогда когда на острове Проти в руках штатских людей, которые не умели, очевидно, на отпускаемые американцами большие деньги организовать как следует снабжение продовольствием русских беженцев. Вообще же американцы оказывали колоссальную помощь русским — как американский Красный Крест, так и разные американские благотворительные учреждения, устраивая столовые бесплатного питания, снабжая неимущих беженцев продовольственными продуктами, помогая одеждой, бельем и обувью, беря на свое воспитание детей и помогая юношеству продолжать образование в средних и высших учебных заведениях в Европе. Муж недолго пробыл на острове Принкипо и раньше нас уехал в Константинополь, получив назначение начальником паспортного отдела в русском посольстве при представителе главнокомандующего белой русской армии генерале Лукомском, который был чрезвычайно порядочный, честный и умный человек, горячо любивший Россию.

Русское посольство находилось на главной улице Пера, и муж получил там три комнаты наверху, в драгоманате. Из одной комнаты вела дверь на большую террасу, где, переехав с Принкипо, я часто гуляла или сидела, наслаждаясь дивным видом на Босфор и на расположенный внизу дворец султана, который казался мне таким таинственным, когда я вспоминала все прочитанное когда-то о жизни султанов, их гаремов и обо всем, что там происходило. Знакомые нам турки обрадовались нашему приезду и, как и в первую эвакуацию, относились к нам очень хорошо и с уважением и часто приезжали навещать нас на остров Принкипо, пока мы там были, когда же мы переехали в Константинополь, то они водили нас всюду, показывая свои достопримечательности. Водили они нас и в Ай-Софию во время служения. У входа в мечеть знакомые турки, бывшие с нами, сняли башмаки и, держа их в руках, вошли туда, а мне с детьми дозволено было надеть соломенные туфли, стоявшие у входа, на наши ботинки. Служивший мулла, увидя нас, неверных, во время службы в мечети, взволновался и послал узнать, кто мы такие, но после некоторого шушуканья с сопровождавшими нас турками, когда посланный им служитель принес ему ответ, он улыбнулся и продолжал спокойно службу.

Турки показывали нам также самое старинное турецкое кладбище, которое содержалось в большом порядке. Когда надо было проходить мост через Золотой Рог, соединяющий два берега, то старые турки, стоявшие у входа и выхода с моста и собиравшие плату за переход его, никогда ничего не брали с русских беженцев. Посещали мы вместе с турками и базары внизу Галата — торговой части города, где были большие анфилады магазинов,

наполненные богатейшей парчой, золотыми и серебряными старинными чашами и изделиями. Все это купцы охотно показывали нам, несмотря на то, что знали, что мы ничего не купим у них, и даже приносили из других, задних складов магазинов какие-то особенные, богатые, вытканые золотом материи и золотые вещи и, с гордостью раскладывая их перед нами, угощали нас особо приготовленным кофе в миниатюрных чашечках, так как, по турецкому обычаю, каждого покупателя или посетителя их магазинов купцы всегда угощают своим кофе.

На свой большой праздник «байрам» турки приглашали нас на всякие увеселения и в ресторанчики, где турецкие артисты играли на каких-то дудочках и пели заунывные песни, а турки, глубокомысленно задумавшись, слушали и курили свой калиак (трубка), а потом объясняли нам содержание песен. Платить нам не позволялось, и за все платили сами турки, говоря, что мы их гости. Как-то мы выразили перед морскими офицерами желание видеть выезд султана из дворца в мечеть, что происходило по известным праздникам и присутствовать при этой церемонии позволялось немногим и только по билетам. Турецкие офицеры это нам устроили. При входе во дворец нас встретил какой-то турецкий полковник, адъютант султана, и провел нас в небольшой зал к окнам, из которых вся эта церемония выезда была видна. Подъехал открытый экипаж, запряженный белыми лошадьми, и султан вышел, окруженный всеми своими министрами, и сел в экипаж, а все министры шли пешком вокруг экипажа, и процессия эта медленно двинулась по направлению к мечети, но когда экипаж султана двигался быстрее, то все министры принуждены были бежать около него, не отставая. Этим закончился наш визит во дворец, так как ждать возвращения султана не позволялось. Кажется это был последний выезд султана из дворца в мечеть перед наступившими событиями в Турции.

Константинополь произвел на меня какое-то особенное впечатление своей красочностью, так как всюду мелькали красные фески, турчанки гуляли большей частью в черном под чадрой, гордо и неторопливо выступали красивые паши, и муллы призывали с минаретов к молитве. Константинополь (Стамбул) был разделен как бы на две части: одна — наверху, так называемая европейская часть, Пера, где находились посольства и консульства европейских государств, хорошие магазины, рестораны и сады, где играла музыка и где на открытой сцене подвизались артисты. Отправившись как-то в один такой сад, мы с грустью смотрели на выступающих там доморощенных акробатов — русских беженцев и все время дрожали за них, пока они проделывали свои трюки, боясь, что они сорвутся каждую минуту — так неуверенно они это делали; но нужда заставляла их работать и на этом поприще.

Другая часть города считалась торговой и называлась Галата. Там жили и торговали греки и турки, были банки, меняльные лавки и тому подобное. Сообщение между этими двумя частями города было или по галатской широкой длинной каменной лестнице, по бокам которой были всевозможные лавки и маленькие кафе, или по фуникулеру. Первое время нашего пребывания в Константинополе меня ошеломлял, но и нравился тот шум и гам, который царил на галатской лестнице. Турченята в своих красных фесках повсюду бегали и громко выпрашивали деньги у прохожих, торговцы выкрикивали свои товары и все это было так необычайно, что я жалела, когда союзники потребовали, чтобы этого шума и гама больше не было. Поражала меня в Константинополе добровольная пожарная команда, когда она спешила на пожар. С громким криком бежали пожарники-турки, полуголые и с босыми ногами, и несли на плечах носилки, посредине которых была миниатюрная водокачка.

Когда муж был уже при представителе главнокомандующего белой армией, генерале Лукомском, на должности начальника паспортного пропускного пункта, то есть ведал разрешением выдачи виз, контролем перевозок в Крым и информацией на Ближнем Востоке, в смысле большевистской пропаганды и их работы, то неожиданно для него был получен приказ о назначении

его на должность директора Департамента полиции при штабе главнокомандующего в Крыму. Для меня это назначение было большим ударом. После перенесенных ужасов в России и после того, как мужа чуть не оставили на произвол судьбы в Одессе у большевиков, я содрогалась при мысли, что муж должен будет ехать обратно туда. К счастью моему, генерал Лукомский написал главнокомандующему генералу Врангелю, что он просит оставить мужа при нем, что он ему необходим, так как некем будет его заменить, — и мы остались в Константинополе, и муж продолжал работать все время в контакте с союзниками, которые очень ценили его сведения и советы и никому не давали разрешения на выезд без его подписи.

Так проходило время, и начали опять появляться слухи с юга России, что большевики побеждают. Все надеялись, что все же генералу Врангелю удастся удержать хоть часть территории на юге, как вдруг пришло известие о полной эвакуации всей белой армии и флота. Грустное и потрясающее зрелище представлял собою теперь для нас Босфор, когда один за другим подходили русские военные корабли и пароходы, переполненные войсками, и становились на рейде.

Не хотелось верить, что это конец, но воевать вне России было невозможно. Муж был занят с утра до ночи. Союзники не разрешали никому сходить с кораблей на берег, и русские зависели уже от них, а не от себя. Муж посылал своих подчиненных с разрешением от союзников снять с корабля того или другого генерала и других должностных лиц. Он получал с кораблей просьбы прислать хлеба, так как многие люди уже не получали его последнее время — все, что имелось, было израсходовано в пути. Так как все подчиненные мужа были очень заняты, то я предложила самой отправиться на катере к кораблям с мешками хлеба и булок. Муж согласился и дал вестового, армянина, в подмогу. Взяв с собою свою дочь и приятельницу ее, мы, нагруженные мешками с булками, подплывали на греческом катере то к одному кораблю, то к другому, и нам сбрасывали сверху канаты с крючками, к которым мы привязывали мешки с хлебом, и их поднимали таким образом на палубу, а также мы просто бросали хлеб наверх, и солдаты ловили их руками, проявляя большую радость, так как были голодны. Лица у всех были грустные, сосредоточенные и изможденные.

Через несколько дней муж получил записку от одного из моих братьев, командира полка, что он находится на таком-то пароходе, и я отправилась на катере с разрешением снять его. Он был страшно изможден, опечален, сразу постаревший на несколько лет, и переживал ужасно тяжело разлуку с семьей. Жена его как раз приезжала к нему в лагерь на фронт на несколько дней и накануне, не зная еще об эвакуации, уехала обратно домой в Симферополь с двумя маленькими дочками. Брат, получив приказ идти с полком в Севастополь и грузиться на корабль, не мог по своей честности и сознанию долга оставить полк и проехать за семьей и послал только вестового за ними, чтобы он привез их тоже в Севастополь. Но вестовой не мог добраться до них, так как все дороги были уже запружены войсками и обозами. Брат, высадившись в Константинополе, не находил себе покоя, все искал случая, как бы вернуться в Россию, чтобы забрать свою семью, и хотел даже поплыть туда на маленькой турецкой шлюпке, но мы всячески отговаривали его от этого, доказывая, что прежде чем он доберется до своей семьи, он попадет в руки большевиков, и он остался.

Самый старший мой брат с сыном-кадетом тоже находился на одном из пароходов, который был отправлен в Румынию, но их там не приняли, и пароход со всеми людьми вернулся. Братья пробыли некоторое время в Константинополе, а потом решили уехать. Старший брат — искать свою семью, которая оставалась в Литве, а второй брат — добраться каким-нибудь образом поближе к России, чтобы, в случае возможности, вырвать свою семью оттуда. Три года он странствовал, работал не покладая рук, был он и в Польше, и в Литве, стараясь очутиться поближе к России, и, наконец, добрался до Финляндии, где поселился в доме одного инженера, у которого он работал.

Семья же его с юга России переехала в Петроград, и брат начал хлопоты о ее выезде из России и въезде в Финляндию. И хлопоты его после нескольких месяцев увенчались успехом, и он получил от жены своей телеграмму, что она с детьми выезжает. Это была идеальная пара супружества, горячо любящая друг друга. Получив телеграмму, брат возликовал, и находился в страшно возбужденном состоянии, и всю ночь не мог спать, а утром почувствовал себя плохо и умер от разрыва сердца, так и не увидев своей любимой семьи, жене же его была послана телеграмма, чтобы она не выезжала, так как без брата ей нечего было делать в Финляндии, а в Петрограде у нее оставались мать и брат, у которых она жила с детьми.

Обо всем этом сообщил нам инженер, у которого брат жил в Финляндии, и сообщил нам также, что брата похоронили с большим почетом, как георгиевского кавалера, и хоронили его вечером, так как вся фабрика хотела присутствовать на похоронах — его очень любили. Трагедия же этой семьи продолжалась и после смерти брата. Через несколько лет старшая его дочь, окончив гимназию в Петрограде, была невестой одного студента-инженера и, простудившись, умерла от скоротечной чахотки семнадцати лет как раз в день, назначенный для их венчания. Больше я не имела от семьи брата никаких известий и на все мои письма и посылаемые деньги не получала никакого ответа.

Эвакуация белой армии из Крыма на пароходах, судя по рассказам эвакуированных, происходила при самых кошмарных условиях. Главный ужас был в необычайной скученности людей, даже на сравнительно больших пароходах Добровольного флота. На некоторых число пассажиров доходило до 11 тысяч, и если к этому прибавить недостаток провизии, то будет вполне понятно, что испытывали русские беженцы в течение нескольких дней путешествия. Во время стоянки всей русской флотилии на константинопольском рейде все русские и иностранные благотворительные организации и даже частные лица развозили продукты, главным образом хлеб, голодным беженцам. Весь военный флот с командами русских моряков был отправлен во французскую колонию в Африке — Бизерту, а весь остальной торговый флот, после того как были сняты все пассажиры и весь груз, был взят французами в пользование в возмещение расходов по перевозке и содержанию русской армии и гражданских беженцев.

С приездом белой армии Константинополь ожил и наполнился военными в разных формах, и странную картину представлял Константинополь в эти дни, он точно был завоеван русскими, наводнившими все улицы города. Жизнь лихорадочно била ключом, союзники преимущественно поселяли русских военных беженцев в лагеря, казармы и общежития, которые были рассеяны по всему Константинополю, но большинство беженцев было бездомно, ходили в поисках заработка, продавали на рынках и на улицах те немногие крохи своего имущества, которые им удалось вывезти с родины, валялись по ночам на папертях мечети, ночевали в банях и тому подобное. На главной улице Пера, около русского посольства, ежедневно стояли толпы русских, продававших своих пожитки и русские деньги, уже не стоившие тогда ничего. Двор посольства и все находившиеся в здании посольства учреждения были переполнены русскими беженцами, одни приходили за паспортами, другие за пособиями и помощью, а много было и таких, которых просто тянула к себе русская территория. Среди общей массы находились и такие, которые по своим убеждениям подходили к большевикам, и неизвестно было, почему они эвакуировались. Они занимались в помещении посольства кражами, распространяли ложные слухи, что не сегодня-завтра посольство будет захвачено большевиками, всячески пугали публику красной опасностью и предлагали для охраны посольства свои услуги и услуги каких-то таинственных организаций. Все это привело к необходимости для сохранения порядка и безопасности посольства и всех его учреждений создать особую охранную команду и учредить должность коменданта, на которую генералом Врангелем был назначен генерал Чековской, для охраны же зданий был

назначен полуэскадрон конной гвардии, который охранял также и русское консульство и Николаевский военный госпиталь.

Главнокомандующий генерал Врангель имел свое пребывание на яхте «Лукулл» и только по служебным делам приезжал в посольство в Константинополь. «Лукулл» стоял на якоре в Босфоре довольно далеко от посольства. Когда же «Лукулл» погиб — благодаря умышленному или неумышленному столкновению с наскочившим на нее итальянским пароходом «Адриа», то генералу Врангелю пришлось переехать в посольство. Дознание, произведенное портовыми властями по поводу гибели «Лукулла», не выяснило истинной причины столкновения, но у всех русских сложилось убеждение, что «Лукулл» был потоплен с целью покушения на жизнь главнокомандующего генерала Врангеля по инициативе большевиков.

Недалеко от русского посольства был большой пустырь, где располагалась группа молодых студентов, и так как погода в Константинополе вообще была прекрасной, то они устроились под открытым небом, где спали и варили себе пищу, но когда стало холоднее по ночам, то они попросили моего мужа достать им палатку. Муж обратился к американцам с этой просьбой, и они прислали огромную палатку-шатер, в которой студенты все время жили, пока находились в Константинополе. По вечерам слышалось оттуда великолепное хоровое пение, грустные напевы которого, когда я находилась на террасе, слушая их, вызывали томящую тоску по родине и о прошлом.

Не имея ниоткуда материальной и моральной помощи, вся белая армия мало-помалу расплылась, а союзники были заняты уже все приближающейся угрозой со стороны Кемаль-паши. В Турции стало беспокойно, и русские люди отправлялись в Сербию и в Болгарию целыми толпами, а те, у кого были деньги, уезжали во Францию и Италию. В особенности много отправлялось в Сербию, где король Александр очень хорошо относился к русским — сербский король сам воспитывался в России в пажемском корпусе и очень любил ее. Всем русским разменивали там ничего не стоящие уже деньги русского командования на юге на сербскую валюту. Русским в Сербии жилось тогда очень хорошо, всех почти со стажем устраивали на государственную службу, а остальные находили себе всюду работу.

В Константинополе муж оставался до последней минуты на своих постах (он занимал тогда, кроме должности начальника паспортного отдела, еще должность помощника военного агента генерала Черткова). Когда же генерал Врангель со штабом и оставшейся еще в Константинополе белой армией уехали из Турции, то муж решил ехать в Америку и, покончив со службой, выехал с нами на греческом пароходе «Константинополь» в Нью-Йорк вместе со многими русскими.

Целый месяц находились мы на этом пароходе, путешествуя при ужасных условиях. Я с дочерью вместе с моей приятельницей и ее дочерью получили маленькую каютку, а всех мужчин поместили по трюмам. Кормили отвратительно, хотя все находящиеся на пароходе лица заплатили за свой проезд. К счастью погода была прекрасной, море совершенно спокойное во все время нашего плавания, иначе при шторме, при таком скоплении людей, а также при отвратительных санитарных условиях было бы что-то ужасное.

Во время плавания скоропостижно скончался русский повар на пароходе, тоже ехавший с женой и ребенком в Америку, и его тело опустили в море, что произвело на всех пассажиров удручающее впечатление. Всем было жаль расстаться с турками и Константинополем и, хотя очень многим русским в материальном отношении жилось плохо, но все почти сохранили самые лучшие воспоминания о своей жизни в Турции. Наконец наше странствие кончилось, показали статуя Свободы и небоскребы, нигде еще не виданные всеми нами. Пароход прибыл на Ellis Island и после осмотра отплыл к Нью-Йорку, куда мы прибыли 30 сентября 1923 года.

София Глобачева

За хлебом и нефтью

А.Г. Шляпников

19. Моздокский съезд

Подготовкой к Моздокскому съезду представителей организованного трудового населения Терской области занимался возникший перед тем Временный народный совет, образованный по соглашению социал-демократов-большевиков с левыми социал-революционерами.

По мысли организаторов, на съезд приглашались представители от советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, от казачьих организаций, от городских самоуправлений, горских организаций всех народностей.

Период подготовки к этому съезду был небольшой, но некоторые организации сумели к нему подготовиться и даже наметить линию поведения для своих уполномоченных. Так, военно-революционный совет Сунженской линии выработал особый наказ своим представителям, выбранным на моздокский съезд народов области. Вот этот наказ Сунженским делегатам, который можно смело принять как типичный для казаков того периода. Из него видно, какой власти они хотели, а также и то, чего они хотели от власти:

«1) Военно-революционный совет Сунженской линии находит крайне необходимым учредить твердую народную власть для приведения жизни трудового народа в порядок. Для сего нам нужно образовать временную единую трудовую народную власть в Терской области из представителей станиц, хуторов, селений, городов и крестьянских, военных и рабочих организаций, кроме племен, восставших против мирного населения и не желающих жить дружно и миролюбиво с трудовым населением.

2) Военно-революционный совет Сунженской линии находит, что все меры к прекращению грабежей и разбоев со стороны русского населения исчерпаны, в дальнейшее мирное сожительство с ингушами и чеченцами всякая надежда потеряна, потому необходимо вести с ними или общую борьбу, или же выселить ингушей и чеченцев.

3) Народная власть должна вылиться в следующую форму: станицы, селения, города, рабочие организации и войсковые части организуют советы. Из них, через представителей своих, составляется отдельский или окружной военно-революционные советы; эти последние выделяют из своей среды представителей для областного военно-революционного совета.

4) Советам предоставляется как военная, так и гражданская власть, впредь до установления общегосударственной власти.

5) Военно-революционная власть действует, пока она пользуется доверием большинства: в свою очередь, каждый гражданин и каждая организация в отдельности обязаны подчиниться этой власти.

6) Областная военно-революционная власть должна действовать одинаково справедливо и беспристрастно по отношению ко всем политическим, национальным организациям, заботясь всецело об умиротворении края.

7) Областная военно-революционная власть должна следить за периодической печатью, во избежание появления в газетах ложных и провокационных слухов; те из газет, которые будут замечены в распространении ложных и провокационных слухов, запрещать, а редакторов предавать военно-революционному суду.

8) Областной военно-революционный совет должен войти в контакт с Советом народных комиссаров и 2-м краевым съездом¹.

За председателя совета Сунженской линии С. Луценко.

Секретарь совета Грицанов».

Этот наказ говорил о войне и политическом устройстве края, но совершенно обходился волновавший иногородних и горские народности вопрос о земле. Казаки области ставили себя в земельном вопросе в такое положение, которое родило их с махровой помещичьей контрреволюцией на деле. Надеяться на всесторонний успех съезда в таких условиях было трудно.

Открытие съезда произошло 25 января, как было намечено, но первые два-три дня происходили фракционные совещания и переговоры между большевиками, социал-революционерами и меньшевиками о создании единого социалистического блока. Путем уступок большевиков — воздержаться от немедленного признания власти Совета народных комиссаров — этот блок был создан и на съезде его представители выступали согласованно. Материалов о 1-м съезде народов Терека сохранилось весьма мало. В сохранившихся у меня газетных вырезках «Известий» Грозненского совета оказался отчет о первых днях работы съезда:

«В Моздоке открылся первый Терский общеобластной съезд представителей казаков, советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, городских, слободских самоуправлений, кабардинцев, осетин и других национальностей. На съезд прибыло около 400 депутатов. Председателем съезда избран казак Моздокского отдела Дмитриенко. Товарищами председателя: Богданов, Филимонов, Тронов, Бабков. Секретарями: Сахаров, Соколов. На повестке дня вопросы войны и мира, создание областной власти и др.

Осетины и кабардинцы заявили, что они жили с русскими дружно и будут жить мирно.

Первым рассматривался внеочередной вопрос: чрезвычайное совещание о том, что в некоторых местах станицы, доведенные до отчаяния стихийными грабежами и разбоями, готовы перейти в наступление. После страстных прений съезд постановил использовать в последний раз все мирные способы ликвидации начавшейся гражданской войны, наступление отменить. На съезд пригласить все народности, населяющие область, отправить к ингушам и чеченцам делегации. Обратиться к населению с декларацией, в которой заявить, что трудовое население делает последнюю попытку покончить миром.

Съездом была получена из станицы Мариинской от войскового правительства телеграмма, подписанная Медяником, с просьбой прислать в Мариинскую членов войскового круга для создания твердой власти, принятия полномочий от войскового правительства. Войсковое правительство сложило свои полномочия.

Съезд постановил предложить бывшему войсковому правительству для дачи отчета прибыть на съезд в казачью секцию.

Казачья секция на другой день постановила предложить войсковому правительству временно нести свои обязанности. Для приема имущества войска Терского послать в Мариинскую одного представителя от каждой станицы.

На съезде идет ожесточенная борьба между течением за немедленное объявление войны и течением, предлагающим использовать все мирные способы. Особенной страстностью отличалось обсуждение наказа делегации для переговоров с чеченцами и ингушами ².

Принятый наказ заключает 9 пунктов. Для прекращения начавшейся гражданской войны съезд считает необходимым объединить все национальности в один равноправный в своих частях союз. Для разрешения всех наиболее важных вопросов съезд предлагает чеченцам и ингушам прислать своих представителей на Учредительный съезд народов области. Предварительно съезд требует: 1) Прекращения военных действий, разбоев. 2) Восстановления железной дороги, телефона, телеграфа. 3) Обеспечения безопасности работ по восстановлению новых и старых нефтяных промыслов. 4) Выдачи чеченцами и ингушами всего порочного элемента, разбойников, контрреволюционных групп, натравливающих темные массы на мирное население, для предания их народному суду. 5) Удаления с Военно-Грузинской дороги ингушских шаек и охраны. 6) Возвращения и передачи оружия и арсенала, захваченных в Ведено, Владикавказе и Хасав-Юрте.

Обмен пленными должен быть произведен после соглашения. Ответ требуется в трехдневный срок.

В состав делегации для переговоров с чеченцами и ингушами вошли казаки, осетины, кабардинцы и иногородние.

Съезду было сообщено, что во Владикавказе офицерами арестован делегат на съезд Мансуров. Съезд потребовал немедленного освобождения депутата, заявив, что не допустит посягательств на народных избранников и что все встающие на дороге народных стремлений будут уничтожены. Мансуров освобожден».

На этом съезде были полно представлены иногородние, казаки, кабардинцы, осетины и городское население Владикавказа, Грозного, Пятигорска, Георгиевска, Кисловодска. Отсутствовали горцы: ингуши, чеченцы, кумыки. Горская буржуазия сумела отвлечь трудовое население гор от заключения братского союза трудящихся для борьбы с эксплуататорами и натравило их на русских крестьян и казаков. По Сунженской линии и по Тереку у Владикавказа шли бои между ингушами, чеченцами, одной стороны, и осетинами, русскими — с другой.

Съезд разрешил вопрос о власти, но при обсуждении земельного натолкнулся на общее сопротивление казачьей части. Социалистический блок не пошел на прямой разрыв с казаками по земельному вопросу, а сманеврировал, перенеся его решение, под предлогом неподготовленности, на следующий съезд, который намечался на 15 февраля, в большем составе представителей народов области. Основной вопрос — об организации местной власти — съездом был решен, и это был крупный шаг вперед. Остальные вопросы казались делегатам более легкими, и съезд закончил свои работы, окрыленный надеждами на полное торжество трудящихся. Краткий газетный отчет так описывает последний день Моздокского съезда:

«От имени социалистического блока Киров поздравляет съезд с осуществившейся мечтой. Перед нами, говорит он, власть советов рабочих, солдат и казаков. Среди них нет князей, богатых и именитых; но среди них есть люди с качествами, которыми не отличались прежние люди власти. Здесь нет заслуженных людей, среди новых избранников есть люди, на ногах которых еще не зажили кровавые мозоли от цепей, которые они носили на каторге за свободу народа. Социалистический блок верит, что занялась новая заря над Терской областью; он верит, что новые избранники, при поддержке и доверии демократии, поведут народ по пути народных заветных стремлений, он надеется, что при поддержке народа власть спасет от анархии.

Киров снимает шляпу и шлет братский привет народным избранникам.

Депутат Буачидзе от имени временного Терского народного совета приносит глубокую благодарность за то доверие, которое съезд оказал совету. Вы чувствуете, в каком положении находится наша область, наша родина. От-

ветственность, возложенная на нас, очень велика, но не забудьте, что если мы не оправдаем возложенных на нас задач, то в этом будем виноваты не только мы, но и вы. Мы без вашей поддержки — ничто. Если наше сердце будет биться в унисон с вашими, если наши дела будут идти вместе с вашими, мы выполним наши задачи. Мы не упустим знамя народа, которое вы нам вручили. Если под тяжестью этого знамени мы упадем, то мы знаем, что на наше место придут другие, более сильные. Мы взваливаем на себя тяжелый крест; мы его должны нести на Голгофу; мы донесем его с вашей помощью. Этой помощи мы ждем от каждого из вас на улицах, в станицах, селах. Мы ждем и требуем ее от вас.

Гикало. — В этот исторический момент создания народной власти мы забыли о тех, кто в России проливает кровь за народ. Я предлагаю послать в Россию телеграмму с приветствием Совету народных комиссаров.

Фигатнер. — Предлагает в этот момент почтить память борцов, погибших за свободу народов, вставанием, пропеть похоронный гимн.

Депутаты встают с мест, обнажают головы и поют похоронный гимн.

Ставится на обсуждение предложение о посылке телеграммы.

Бутырин предлагает для сохранения единого фронта послать телеграмму не Совету народных комиссаров, а Петроградскому центральному совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющемуся высшим органом революционной демократии.

Панков предлагает послать приветственную телеграмму председателю Учредительного собрания.

Съезд постановляет послать приветственную телеграмму Центральному совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Съезд переходит к следующему вопросу — выборы организационного бюро по созыву следующего съезда. После недолгих прений избирается бюро, в состав которого между прочим от социалистов входят: Бутырин, Киров, Андреев.

Член краевого совета, приехавший из Петрограда, сообщает о положении дел в столице. Брожение ликвидировано; советская власть укрепилась; закончился 3-й съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, власть переходит к нему от народных комиссаров. В Бресте мирные переговоры близятся к концу и готовы закончиться миром. Печально дело обстоит с продовольствием, Петроград голодает. Провинция и окраины переживают те дни, что переживал Петроград в октябрьские дни.

Доклад принимается к сведению и съезд приступает к рассмотрению ряда внеочередных заявлений.

Председатель Моздокского военного совета Голов просит съезд решить, как быть Моздокскому совету: работать или нет. Голов предлагает избрать комиссию для приема от Моздокского совета всех дел.

Обсудив это заявление, съезд по предложению Мамулова постановил: все органы власти, существующие в области, должны подчиняться временному областному народному совету; этому народному совету поручается решить вопрос: сохранить ли Моздокский военный совет или передать его работу вновь организуемому военному штабу.

Депутат ст. Калиновской сообщает, что близ Старого Юрта происходило столкновение чеченцев с казаками; чеченцы хотели сделать нападение на Барятинскую; нападение было отбито. Среди казаков есть убитые и раненые.

Станица Калиновская была поражена решением съезда об отмене наступления. Пошел говор, что съезд “продался” чеченцам. Из Хасав-Юрта бегут; необходимо оказать помощь. Съезд не должен разъезжаться до тех пор, пока не будет получен ответ от мирной делегации и не решен вопрос войны и мира. Оглашается заявление представителей почтово-телеграфного ведомства Дорошевича, в котором он просит предоставить ему место на съезде с правом совещательного голоса до прибытия выборного.

Заявление это принимается единогласно.

Затем оглашается телеграмма служащих почто-развозящих корреспон-

денции на железной дороге. Служащие сообщают, что не получали за январь жалованья, и требуют принять меры к уплате такового, угрожая забастовкой. Вопрос этот передается совету народных депутатов; совету также передается ряд заявлений и ходатайств.

По предложению депутата Фигатнера съезд выражает председателю съезда благодарность за умелую энергичную работу.

Один из депутатов предлагает выразить также благодарность социалистическому блоку. Съезд отвечает аплодисментами.

Астемиров выражает от имени кабардинцев благодарность председателю, президиуму и инициатору съезда.

Депутат от осетин приветствует съезд. «Пусть помнят, что за новой народной властью стоит трудовой осетинский народ. Да не дрогнет сердце Осетии. По их кличу встанет как один человек».

Белый от имени казачьей фракции приветствует съезд, председателя, президиум, социалистический блок и все партии, объединившиеся с социалистическим блоком для блага народа.

Председатель. — Искренно благодарю собравшихся здесь за плодотворную работу. Пусть первый съезд трудовых народов займет первую страницу в истории народовластия Терской области.

Да здравствует демократическая, новая власть, которая накормит голодающих.

Депутат ст. Кисловодской заявляет, что по зову народной власти все казаки поднимутся как один и готовы в любой момент дать отпор всем посягателям на свободу. Пусть дрожат те, говорит старый казак, кто попивает нарзан в дни, когда льется братская кровь. Объединившись, мы пройдем и Чечню, и Германию, и Австрию (Аплодисменты).

Оглашается и утверждается протокол последнего заседания съезда.

Председатель объявляет первый терский областной съезд трудовых народностей закрытым».

Так в условиях племенной вражды, националистической борьбы и в гражданских боях утверждалась на Тереке власть Советов. Последнее слово казака Кисловодской станицы, преисполненное шовинизмом, показывало, чего ждали казаки от новой власти.

Выбранный съездом Народный совет Терской области сконструировался, избрав своим председателем левого социал-революционера Ю.Г. Пашковского и товарищами председателя Сомова и Е. Богданова, секретарями — Д. Бабкова и Сахарова, а управляющего делами Н. Кесаева.

Для управления делами области Народный совет организовал коллегии и назначил их председателей. Всего было создано десять коллегий: 1) Коллегия по отделу организации и охране общественного и революционного порядка. Председатель коллегии Н. Буачидзе. 2) Коллегия по продовольственному отделу. Председатель коллегии Н. Кесаев. 3) Коллегия по национальному вопросу. Председатель коллегии Бозиев. 4) Коллегия по отделу народного просвещения. Председатель коллегии Кургосов. 5) Коллегия по финансовому отделу. Председатель коллегии Е. Богданов. 6) Коллегия по отделу труда. Председатель коллегии Е. Богданов. 7) Коллегия по отделу земледелия. Председатель коллегии Грига. 8) Коллегия по отделу железнодорожного сообщения. Председатель коллегии Зейликович. 9) Коллегия по отделу почт и телеграфа. Председатель коллегии Ребриев. 10) Коллегия по отделу торговли и промышленности. Председатель коллегии Элердов.

Первым законодательным шагом Терского областного народного совета было издание декрета № 1 от 2 февраля, извещавшего все станции Владикавказской железной дороги, все военно-революционные комитеты, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городские, сельские, хуторские самоуправления, что «происходивший в Моздоке 25 января — 1 февраля Терской области съезд трудовых народностей: казаков, рабочих, солдат, крестьян, кабардинцев, осетин, балкарцев выделил орган народной власти — Терский областной народный совет, которому вручена вся полнота военной и

гражданской власти. Терский народный совет призывает всех граждан объединиться вокруг народной власти для спасения края от гражданской войны и анархии. Временным [место]пребыванием Народного совета избран г. Пятигорск.

Все административные, революционные, общественные организации обязаны немедленно выполнять все приказы и постановления Народного совета.

Всем административным отдельским и окружным организациям, военно-революционным советам предлагается регулярно представлять Терскому народному совету сводки о положении дела на местах. Железнодорожные и почтово-телеграфные служащие призываются к особенно внимательному и быстрому исполнению и передаче всех постановлений и приказов Терского народного совета ³.

Председатель Терского народного совета — Пашковский.

Секретарь Бабков».

В то же время Народным советом было выработано особое извещение о состоявшемся съезде и принятых им решениях в «духе программы Второго всероссийского съезда советов», следующего содержания: ⁴

«Происходивший в Моздоке с 25 января по 1 февраля общеобластной съезд казаков, рабочих, солдат, крестьян, кабардинцев, осетин, балкарцев объединил все трудовое население. Для ликвидации начавшейся гражданской войны и спасения края от разрастающейся анархии съезд постановил: создать объединяющий все трудовые слои населения, без различия национальностей, областной орган народной власти — Терский народный совет. В состав Совета вошли на пропорциональных началах представители всех национальностей. Чеченцам и ингушам, с которыми происходят кровавые столкновения, в Народном совете предоставлено соответствующее количество мест. Войсковое правительство Терского казачьего войска сложило полномочия.

Съездом принята декларация, в которой изложена программа разрешения главнейших вопросов: земельного, национального, рабочего в духе программы съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Над пробуждающимися народностями Терского края загорается заря новой жизни. Объединившись в одну семью, народности области шлют братский привет всей демократии России. Мы верим, что органы, выдвинутые революционной демократией, помогут стране, помогут народу прожить кошмарные тяжелые дни и завершат дела мира и объединения всех трудящихся. Сбрасывая путы Юго-Восточного союза, созданного контрреволюционными замыслами, народы Терской области становятся в ряды революционного фронта России для защиты свободы и возрождения родины.

Председатель Терского областного народного совета Пашковский.

Секретарь Д. Бабков».

Это извещение было отправлено по телеграфу в следующие организации и учреждения: Ставрополь, совету рабочих и солдатских депутатов; Екатеринодар, совету рабочих депутатов; Баку, совету рабочих и военных депутатов; Тифлис, Закавказскому комиссариату; Тифлис, краевому центру совдепов; Петроград, Центральному совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; Томск, Сибирской областной думе; Армавир, совету народных депутатов. От посылки телеграммы Совнаркому Народный совет воздержался.

Вторым декретом Народного совета была временно воспрещена распродажа казенного вина, следующим за ним третьим декретом отменялась военная цензура ⁵.

Четвертый декрет Народного совета регулировал вопросы владения оружием. Во всей области происходила жесточайшая борьба за оружие. Все старались добыть оружие, ибо до образования новой власти население аулов, станиц и хуторов решало все споры силой оружия. Вооружалась в городах и контрреволюция из осевших на Тереке кадровых офицеров, студентов и прочих элементов, обильно наполнявших хлебные районы области.

Декрет № 4 предписывал «по отделу организации и охране общественного и революционного порядка. Граждане, имеющие оружие и желающие приобрести, должны иметь разрешение на право ношения оружия. Живущим в городах разрешения выдаются городскими самоуправлениями и Советами рабочих и солдатских депутатов. Живущим в станицах, селах, хуторах и аулах разрешения выдаются станичными, аульными, хуторскими правлениями. При выдаче разрешений соответствующие организации все оружие берут на учет. Право отбирания оружия у лиц, не имеющих соответствующего разрешения, по линии железной дороги принадлежит исключительно контрольным ротам, железнодорожной милиции или должностным лицам, особо на то уполномоченным для этой цели обществами станиц, хуторов, аулов. На все отобранное оружие должностные лица должны немедленно выдавать расписку. О каждом случае отобрания оружия должно доводиться до сведения Терского народного совета. Отобрание денег, ценных вещей рассматривается как грабеж. Уличенные в отобрании денег, ценностей будут предаваться народному суду.

Военные, военно-революционные советы рабочих, солдатских депутатов обязаны следить за точным исполнением настоящих декретов.

Председатель Терского областного народного совета Пашковский.

Председатель коллегии по отделу организации и охране общественного и революционного порядка Буачидзе. Пятигорск, 6 февраля 1918 года».

Далее в хронологическом порядке следует декрет № 6 от 7 февраля о назначении К.Б. Мамулова комиссаром Терского областного народного совета по городу Владикавказу. За ним следует декрет от того же дня № 8, которым генерал Голощаков увольняется от должности командующего войсками Терской области. Декретом № 9 приостанавливалась распродажа имущества лазаретов, лечебных учреждений. Советам рабочих и солдатских депутатов и городским самоуправлениям поручалось «немедленно организовать смешанные врачебные комиссии для переосвидетельствования всех больных, содержащихся в лазаретах».

Декретом № 10 от 7 февраля вводился учет всех офицеров и юнкеров, порядок регистрации их прибытия и выбытия.

Декрет № 11 от 8 февраля был направлен против владикавказского Терско-Дагестанского правительства и гласил:

«Так называемое Терско-Дагестанское правительство, несмотря на образование народной власти, продолжает издавать свои декреты и распоряжения и тем самым идет вразрез с волей народа, ясно выраженной на Моздокском съезде. Поэтому Терский областной народный совет, исполняя волю народа, постановляет: все декреты и распоряжения, издаваемые так называемым Терско-Дагестанским правительством, исполнению не подлежат.

Виновные в нарушении этого постановления будут предаваться народному суду.

Действие настоящего декрета вводится в жизнь по телеграфу.

Пятигорск, 8 февраля.

Председатель Терского областного народного совета Пашковский.

Управляющий делами Кесаев».

Декретом № 12 упразднялась должность комиссара области, а № 13 от 8 февраля вводилась обязательная публикация всех декретов и распоряжений Терского областного народного совета в органе Пятигорского совета рабочих и солдатских депутатов «Голос».

Декретом № 14 «все грузы, запасы продовольствия, почему-либо реквизируемые станичными, сельскими обществами, военно-революционными советами, объявляются государственной собственностью и переходят в ведение и распоряжение государственной власти области — Терского областного народного совета.

Станичные, сельские правления, военно-революционные советы обязаны по получении настоящего приказа в семидневный срок представить продовольственному отделу Народного совета подробные сведения реквизи-

рованных ими грузов, предметов продовольствия, времени, места, причины реквизиции.

Все реквизированные запасы берутся на учет, расходование и распределение этих грузов и продуктов производится только для общественных или военных нужд с ведома и разрешения продовольственного отдела Терского областного народного совета.

Пятигорск. 13 февраля 1918 года.

Председатель Терского областного народного совета Пашковский.

И.д. председателя Коллегии по отделу продовольствия Элердов.

Секретарь Д. Бабков».

Декретом № 15 от 14 февраля запрещалась выдача денежных сумм банками, казначействами и кредитными учреждениями без разрешения финансового отдела совета.

В тот же день был принят декрет по отделу труда, но, видимо, ошибочно нумерованный пятым, касавшийся условий расчета рабочих и служащих при закрытии предприятий. Постановление определяло:

«Ввиду происходящего массового закрытия промышленных предприятий и надвигающейся безработицы со всеми ее ужасами Областной народной совет постановил: при расчетах рабочих и служащих вследствие прекращения производства и ликвидации предприятия предприниматели обязаны выдавать рабочим и служащим среднюю за последнюю четверть года плату за 6 месяцев вперед.

Г. Пятигорск, февраля 14 дня 1918 года.

Председатель Терского народного совета Пашковский.

Председатель коллегии отдела труда Богданов.

Управляющий делами Н. Кесаев.

Секретарь совета Д. Бабков».

Декретом № 16 «все запасы казенного спирта, находящиеся в складах и имениях, и вина удельного ведомства объявляются общегосударственной собственностью и поступают в ведение и распоряжение продовольственного отдела Терского областного народного совета».

Кроме этих декретов, принятых Народным советом после моздокского съезда до 15 февраля 1918 г., были изданы еще приказы и постановления. Приказ № 1 касался демобилизации офицеров и военных чиновников, был отдан по «военному отделу» и гласил:

«Происходящая демобилизация армии касается не только солдат, но и офицеров. Однако по селам, станицам и аулам разошлись только рядовые солдаты, казаки и всадники. Офицерство почти все живет в городах в бесплатных номерах и гостиницах, которые оплачивают для них городские самоуправления, так как ассигновок от военного ведомства самоуправления на эти нужды теперь не получают. Скудный бюджет городских самоуправлений тяжело обременяется излишним и совершенно не справедливым налогом по содержанию квартир для офицерства. Поэтому Терский областной народный совет постановил:

Освободить городские самоуправления от обязанности предоставлять офицерам и чиновникам военного ведомства квартиры.

С изданием настоящего приказа все офицеры и чиновники военного ведомства, живущие в городах, где нет частей, в которых они числятся, лишаются права пользования реквизированными для них особой городской квартирной комиссией квартирами или соответствующими квартирными деньгами от городских самоуправлений и платы.

Право на квартиры оставляется за офицерами и чиновниками выборных военных комитетов и состоящими на штатных должностях при штабах полков. В таких случаях соответствующие организации возбуждают ходатайство перед особыми городскими квартирными комиссиями, которые рассматривают и решают вопросы о предоставлении квартир каждый раз отдельно.

Пятигорск, 12 февраля 1918 года.

Председатель Терского областного народного совета Пашковский.

Секретарь Д. Бабков».

Постановлением Народного совета от 13 февраля был наложен секвестр на завод бр. Малышевых в Пятигорске «за неуплату владельцами завода рабочим заработной платы в должном размере».

Завод предложили заложить в банке, рабочим выдать деньги за три месяца вперед. Производство расплаты с рабочими, установление охраны и контроля на заводе было возложено на Пятигорский совет.

Наконец, последний приказ был отдан атаманам станиц: Стодеревской, Наурской, Ишерской, Калиновской, Николаевской, Червленной и состоял в том, что «представители Владикавказской железной дороги заявили Терскому народному совету, что по станциям железной дороги, прилегающим к станицам, задерживаются, реквизируются и просто разграбляются вагоны с продовольственными грузами, идущими в голодные губернии, Баку, Закавказье, Туркестан. Происходит бесстыдный дневной грабеж людьми, которые обеспечены продовольствием. Сотни тысяч людей обрекаются на голод. Про Терскую область в Туркестане и Закавказье, снабжающих нас хлопком, фруктами, нефтью, керосином, распространяются слухи, что население нашей области занимается мародерством. Отправители не могут больше отправлять грузов. Владикавказская дорога тоже прекращает отправку грузов, прекращается железнодорожное движение. Всем атаманам, станичным правлениям приказывается принять самые решительные меры для охраны проходящих грузов и прекращения расхищения.

Немедленно созвать станичные круги, прочесть настоящий приказ и выработать план охраны дороги и грузов. Все замеченные в разграблении грузов должны немедленно арестовываться с указанием их имен и фамилий Народному совету. Грабители будут судимы со всей строгостью законов революции, а атаманы станиц и станичные правления, не принявшие должных мер к охране грузов и дороги, будут преданы суду за бездействие власти и попустительство.

Председатель Терского областного народного совета Пашковский.

Секретарь Бабков».

На этом и закончилась основная законодательная деятельность Народного совета, избранного первым съездом в Моздоке.

20. Вопросы войны и мира на Тереке

Неорганизованность трудового горского населения содействовала «грабительской» политике верхушки князьков, помещиков и буржуазии. Награбленное у русских рабочих промыслов Грозного, у хуторских крестьян и станичных казаков имущество и скот продавалась в горах зажиточным горцам за бесценок. Абреки и присоединившаяся к ним аульская голытьба не имели ни пастбищ, ни запасов корма, а поэтому вся добыча попадала во владение буржуазии.

Миролюбивые чеченцы долгое время не могли выступать против своих абреков и поддерживавших их зажиточных элементов, так как обычаи и пред-рассудки были сильнее их. Грабили «свои», одноплеменные чужих, неверных, русских. Абречество прикрывалось еще и освободительными целями и этим путем встречало местами, особенно в отдаленных горских аулах, поддержку и вербовало людей на свою поддержку. Грабежи вели к вооруженной борьбе, вооруженные столкновения вызывали жертвы, кровопролитие. Кровь убитых горцев вызывала мщение, которому не видно было конца. Кладбища многих аулов покрывались лесом высоких шестов с флажками о неотмщенных, призывавших к мести неверным.

Долгое время все попытки местных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, партийных организаций социал-демократов-большевиков, а позднее — коммунистов, завязать непосредственные сношения с чеченской, ингушской, кумыкской массами не достигали цели. Буржуазия, князьки, богатеи и служившая им интеллигенция окружали плотным кольцом «свой» народ, как драгоценную добычу, оберегали его от пропаганды и

соблазнов «неверных» русских. Использовалось все: и старое чувство национального угнетения, и земельная нужда, и классовое чувство собственника землероба и скотовода, а также и религиозные предрассудки, и кровная месть за погибших единоверцев.

Но объяснение развития грабежей, систематических нападений на города Терека, хутора, поселения и станицы только происками горской буржуазии будет неверно. События на Северном Кавказе неразрывно связаны с борьбой за Кавказ, с борьбой в Закавказье, в Баку, которую вели там империалистические силы. Горская буржуазия сама была орудием этих сил и в то же время пользовалась ими для упрочения своего национального господства на «исторически принадлежащих» ей землях.

Описываемый нами период известен в истории нашей революции под именем периода Брестского мира, когда обессилевший четырьмя годами войны русский крестьянин и рабочий вынуждены были принять похабные условия торжествовавшего победу германского империализма со своими союзниками — Турцией и Австро-Венгрией.

Брестский мир и Советская власть были отвергнуты социал-демократами-меньшевиками Закавказья. Но, отвергнув мир, они оказались неспособными организовать сопротивление турецким войскам, а только спровоцировали их на продвижение в глубь Закавказья и вынуждены были пойти на еще худшее «похабство». Продвигаясь в Закавказье, турки «освобождали» своих единоверцев и истребляли «неверных», главным образом армян.

Турецкий империализм, ободренный легкими победами над грузинскими меньшевиками, намеревался «освободить» не столько своих единоверцев от русского «гнета», сколько нефть от русских рабочих. На Северный Кавказ, к горским народам были посланы агенты султана для пропаганды идеи создания на Кавказе мусульманского государства без русских и против них, в союзе и под покровительством Турецкой империи. Только принимая во внимание эту политику турецкого империализма и можно понять многие события, развитие которых проходило помимо, а иногда и против воли горских организаций трудящихся.

Весьма внимательно следили за усилением турецкого и германского империализма на Кавказе их военные противники, и в первую очередь один из них — английский. Нефтепромышленники Баку и Грозного были весьма тесно связаны с капиталистами Англии, последние не желали оставлять свое влияние и барыши в пользу Германии и Турции. Поэтому на пропаганду германо-турецкого империализма они ответили своей пропагандой и посылкой своей агентуры, подкрепили ее вооружением русских казаков и переправили казачьи отряды, находившиеся в Персии, в Баку, против турок и ориентировавшихся на Турцию некоторых мусульман. Работа этой капиталистической агентуры также имела свои следы и свое влияние на борьбу на Северном Кавказе.

Все отчеты мирных делегаций Владикавказского, Грозненского советов, а также военно-революционных советов Сунженской линии указывали на «безвластие», господствовавшее в Чечне в период декабря—февраля 1918 года. И в то же время военные донесения тех же районов отмечали появление крупных вооруженных сил чеченцев, ингушей, доходивших одновременно до 6000 человек. Гарнизоны русских солдат разоружались крупными силами, крепость Ведено была осаждена, как сообщали беглецы, «полчищами» чеченцев. Все это вместе взятое говорило не об отсутствии власти, а скорее наоборот — о военной централизации этой власти.

Впечатление безвластия создавалось у делегаций потому, что они сталкивались, вернее, им подставляли такие «безвластные» фигуры, которые ничего не решали. Власть же была у тех, кто двигал тысячными отрядами вооруженных людей, снабжал их боевыми средствами и продовольствием. Такая власть была налицо в Дагестане, Чечне, Ингушетии.

Весь конец декабря и весь январь происходили «мирные» переговоры то Грозного с чеченцами, то Владикавказа с ингушами, но в то же время налеты

и массовые боевые действия не прекращались. Переговоры тянулись бесконечно и в то же время забирались пленники: одних уводили в горные аулы, других сажали в городские тюрьмы.

В январе переговоры от имени Чечни вел некто, именовавший себя Диктатором Чечни, «Ахметханом Первым», горец по фамилии А. Мутушев. 6 января 1918 г. он прислал в Грозный письмо, в котором сообщал:

«В Грозненский военно-революционный комитет.

Чеченский народ призвал меня стать вновь проповедником мирных добрососедских отношений с чеченским населением Грозного и станиц. Я не могу не протестовать против насилий, с какой бы стороны они ни совершались. Все мое существо возмущается созданным обострением, созданным теми авантюристами, которые добились того, что я покинул руководство делами чеченского народа. В работе моей я был одинок, и на меня самого, как вы помните, напали подонки чеченского народа, науськиваемые теми же авантюристами. Верьте мне, моей искренности, что я против кровопролития и за добрый прочный мир. Я вчера вступил в управление чеченскими делами и организую силу, которая, я теперь верю, раздавит в 2-3 дня чеченских разбойников, мешающих мирной жизни. Помогите мне вашим ко мне доверием, я никогда никого не обманывал, дайте осуществить мой план. Нам, как и вам, нужен телеграф, и я, как и вы, хочу благополучной эвакуации веденского гарнизона. Сегодня, 6 января, я созываю совет старейшин и о результате вам сообщу. Я буду верить в мир лишь тогда, когда у меня будет организована сила раздавить смутьянов. Если в Надтеречную часть направятся чеченцы, чтобы вывезти трупы раненых и сидящих без крова чеченцев, прошу знать, что эти чеченцы идут с моего согласия только для этой цели. Не мешайте мне этим поскорее устроить мир, который, я гарантирую, постараюсь завершить в несколько дней. Прошу на эту мою последнюю просьбу по поводу уборки трупов и пр. спешно ответить и выслать ответ в Алды не позже 10-11 часов утра сегодня, чтоб я мог сделать распоряжение. Помните, что есть невинные люди, очень пригодившиеся Воздвиженским сложобанам, и ответьте тем же. В надежде, что пойдем друг друга, остаюсь Ахметхан Мутушев.

6 января, 5 часов утра».

На письмо А. Мутушева Грозненский военно-революционный совет послал ответ, в котором выразил «свое удовлетворение по поводу возвращения А. Мутушева к управлению чеченским народом и заявляет, что согласен на вывоз тел и раненых туземцев из разгромленных аулов. В свою очередь — требует беспрепятственного вывоза тел убитых казаков из станиц Ильинской, Кохановской и Воздвиженской. Чтобы во время уборки тел не возникло столкновение, военно-революционный совет оповестит о принятом решении воинские части и население станиц».

Грозненский совет снова послал делегацию, которая 7 января встретилась с чеченской делегацией. Вот что сообщалось в «Известиях» об этом свидании:

«7 января произошла новая встреча возле аула Новые Алды мирных делегаций. От чеченцев в делегации участвовали: Ахметхан Мутушев, три мульты и командир конного полка О'Рем.

О'Рем справлялся о судьбе офицеров своего полка, оставшихся в Грозном. Ему ответили, что об этом ничего неизвестно.

А. Мутушев заявил, что он назначен чеченским диктатором под названием Ахметхан Первый, что он искренно хочет мира, что в его распоряжении теперь находится для борьбы с абреками отряд в 40 000 человек, что разбой он теперь моментально раздавит. Затем он спрашивал, доверяет ли ему русское народонаселение, что если оно ему не доверяет, то он бросит работу и покинет свой пост. Он заявил, что тоже озабочен судьбой Ведено и будто бы послал уже гарнизону крепости 6 мешков муки и распорядился о посылке мяса. В заключение требовал обмена пленными. Между делегациями заключено словесное соглашение не производить никаких выступлений.

Военно-революционный совет, обсудив 7 января в вечернем заседании доклад делегации, постановил ускорить процедуру вывоза тел и раненых. Днем вывоза тел постановлено назначить 9 января. Чеченцы должны для уборки убитых и раненых на своей территории выслать отряд не более 50 чеченцев с белым флагом. Во главе отряда должен стоять выборный.

После долгих прений военно-революционный совет постановил произвести обмен всех плененных в ст. Грозненской чеченцев на всех пленных русских; по заявлению чеченцев, в Алдах находятся 13 русских пленников. У военно-революционного совета находятся сведения более чем о 30 русских пленных. Постановлено требовать выдачи всех пленных».

Ахмет Мутушев был в то время председателем Чеченского народного совещания, а студент Чуликов — его заместителем. Председатель по-восточному возвеличил себя и, называясь «социалистом», произвел себя в чеченские ханы. Его дипломатическая деятельность не давала реальных результатов. Он занимал мирные делегации перепиской и многословием в то время, когда настоящие «ханы» натравливали трудящихся — вели войну и чинили расправу над большевистски настроенными войсками гарнизонов, находившимися в Чечне и возвращавшимися домой с фронта по линии Владикавказской железной дороги.

Вслед за мирными переговорами начался и обмен пленными. 10 января состоялась церемония обмена, описанная ее участниками:

«Около 12 часов дня 10 пленных чеченцев с завязанными глазами были посажены в автомобиль, их сопровождала сотня конных вооруженных казаков, представители от военно-революционного совета и два солдата, делегированные в Ведено.

На этот раз процессии удалось благополучно миновать город и выехать к кургану (недалеко от аула Новые Алды).

В условленном месте от чеченцев были три муллы и студент И. Чуликов.

Ахметхана 1-го (А. Мутушева) среди чеченских представителей не было, он выехал в горную Чечню комплектовать отряды для беспощадного истребления абреков.

Обмен пленными состоялся быстро, чеченцы выдали 14 русских пленников, русские 10 чеченских пленников. Остальные чеченцы, оставшиеся в городе и станице, отказались ехать в аул».

Между присутствовавшими при обмене пленными, представителями Грозненского революционного военного совета и чеченцами завязалась оживленная беседа. Представители чеченских аулов вновь выразили желание жить в мире с русскими и не воевать. В беседе выяснилось, что революционное движение только еще начало проникать в глубь Чечни. Во многих аулах происходили в те дни митинги, на которых выступали ориентировавшиеся на Советскую власть и социалистически мыслявшие интеллигенты. Эти выступления вызывали в аулах большой интерес.

Подробности этой встречи так описаны «Известиями»:

«Самосознание темного народ растет: рассказывали, что чеченцы уже узнали о существовании в городах советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов; к этим организациям они также относятся сочувственно.

Русскими был задан чеченцам вопрос, не будут ли они чинить препятствий к восстановлению железнодорожного и телеграфного сообщения Грозный — Гудермес? На это чеченские делегаты ответили, что чеченский народ так же заинтересован в исправлении железнодорожного и телеграфного сообщения, как и русские, и что чеченцы преисполнены желанием восстановить добрососедские мирные отношения между Чечней и русским населением.

С своей стороны, представители Чечни требовали от русских выдачи тел убитых чеченцев в ст. Грозненской. В этом им было отказано, ибо воздвиженские трупы русских не были выданы.

Вместе с тем чеченцы просили русских делегатов выдать и остальных пленников, но ответ на этот вопрос русская делегация обещалась дать 11 января в 12 часов дня; чеченские делегаты также ходатайствовали перед рус-

скими о том, чтобы в город и станицу был допущен один из чеченцев для выяснения положения оставшихся у русских чеченцев-пленников, на этот вопрос делегация пока не дала определенного ответа.

В 4 часа дня 10 января переговоры были прерваны до возвращения делегации от военно-революционного совета в крепость Ведено.

Солдаты Хохлов и Долгинин — делегаты для поездки в крепость Ведено — остались пока в ауле Новые Алды, их взяли под свое покровительство старейшие муллы. Как только вернется А. Мутушев из горной Чечни, то он вместе с солдатами Хохловым и Долгининым отправится в Ведено.

С балкона помещения совета рабочих и военных депутатов нашими делегатами были сообщены собравшейся публике результаты переговоров с чеченцами.

Большинством граждан вести о результатах мирных переговоров встречены с чувством большого удовлетворения; правда, находились все-таки и «воинственные», которые возмущались обменом пленных, но голос «вояк» тонул в общей массе».

Заседание военно-революционного совета 8 января было посвящено вопросу о судьбе крепости Ведено. По полученным из крепости сведениям, гарнизон находился накануне полного истощения, так как продовольственные запасы все вышли и солдаты начинали уже голодать. На заседании было принято решение эвакуировать крепость и гарнизон со всем воинским имуществом. Для этой цели требовалось свыше 1000 подвод, найти которые было весьма трудно в переживаемых районом военных условиях.

Чеченские же власти сознательно затягивали мирные переговоры, надеялись взять измором крепость, чего действительно и достигли: 14 января крепость была сдана. Вот как происходила эта сдача, по рассказам солдат, докладывавших об этом исполнительному комитету Грозненского совета:

«Крепость жила на положении осажденной. Ни подвоза продовольствия, никаких сношений с внешним миром не было. На это и рассчитывали туземцы. С предложением сдаться приезжали офицеры чеченского полка, приезжал и генерал Половцев, предлагавший сдать крепость от имени Терско-Дагестанского правительства.

Солдаты держались с отчаянием, они доедали остатки продовольственных запасов и видели, как запасы эти исчезают.

Слобожане-чеченцы, жившие при крепости, уговаривали солдат не падать духом, не сдаваться, обещая вместе с ними биться против нападающих.

Последние 9 дней солдаты варили похлебку из картошки и консервов.

Приезжал А. Мутушев и сын святого Али Митаев. А. Мутушев сумел сделать так, что его пропустили в крепость. Здесь он заявил гарнизону, что крепость ему не нужна. Что он послал несколько мешков муки, но больше они ничего не получают. Если вам нужна крепость, сидите и голодайте. В это же самое время чеченцы говорили, что помощи крепости ждать неоткуда. Казаки и солдаты заняты междоусобной войной, и лучше им сдаться.

Голод, пропавшая вера в помощь, отсутствие вестей со стороны, отчаяние заставили солдат принять решение о сдаче крепости Ведено.

Крепость принимали русские офицеры. Пушки и оружие осматривал артиллерист, и солдаты ничего не могли испортить. Все оружие у них было отобрано. Были взяты все теплые вещи.

Солдат из крепости и слобожан провожал отряд чеченцев в 700 человек. Когда они отошли от крепости верст на 6, их догнал посланный из крепости с письмом коменданту крепости... [пропуск в оригинале] увезли обратно в Ведено.

Пять семей слобожан уехали с друзьями-чеченцами из крепости в их аулы».

Грозненский военно-революционный совет предполагал послать в крепость Ведено своих представителей и договорился об этом с Ахметханом Мутушевым, но поездка делегации не состоялась: Ахметхан не явился в назначенный день. Неявку он объяснил в письме от 20 января отъездом в Веде-

но на съезд. Кроме того, в письме А. Мутушев уже ставит в порядок дня переговоры о мире и земельный вопрос. Вот что писал он:

«Сообщаю вам в ответ на ваше отношение от 13 января, что я уехал в Веденский округ на съезд после того, как вы продержали меня до темноты на кургане и, выслав т. Вартазарова, обрадовав через него народ, что вы выводите наших пленных, в том числе Дени Арсанова, не исполнили своего обещания.

Уехав в Веденский округ, я считал себя обязанным ввиду интереса, проявленного вами, и некоторых тревожных слухов лично проверить, довольствуется ли гарнизон крепости и положение самой крепости. Уезжая, как сказано выше, под впечатлением неисполнения вами обещания, я считал, что обмен пленными состоится нескоро, что вы его умышленно задерживаете, и потому перестал верить в вашу делегацию в Ведено. Не забудьте, что надтеречные аулы разгромлены отрядом, шедшим под белым флагом. Только вернувшись из Ведено, я узнал, что обмен пленными состоялся, а ведь посылка делегаций в Ведено стояла в связи с обменом пленными.

Гарнизон крепости без всякого принуждения, как истинно революционный гарнизон, сдал крепость чеченскому народу.

Кто среди вас истинный социалист, тот не станет искать предлогов обострять отношений и затягивать земельный вопрос. 25 января ваши делегаты будут с нашим трудовым народом, и пусть они сами решают вопросы. Так и содержание вашей бумаги меня удивило неожиданностью, но я, как истинный социалист, не могу обострять отношений. Для того, чтобы очистить все недоразумения, прошу это письмо опубликовать. Еще заявляю, что сильное недоверие в народе вызывает ваше молчание о судьбе Дени Арсанова, а я представитель народа.

Ахметхан Мутушев. 20 января 1918 года.

P.S. К изложенному выше добавляю, что чеченский народ знает резолюцию “трудового” народа, вынесенную 12 января в ст. Червленной, в коей говорится, что не “потерпят посягательства” на землю и волю. Это ли социализм? Не будем пикироваться и предоставим трудовому народу 25 января самим разобраться в делах. А. Мутушев».

Предлагая трудовому народу самому разобраться на съезде 25 января, А. Мутушев хитрил: он ничего не сделал для того, чтобы чеченцы выбрали на съезд своих представителей, а наоборот, тянул переговоры и тем держал «свой» народ в постоянном напряжении.

Прибытие солдат бывших гарнизонов в слободе Воздвиженской и в крепости Ведено дало возможность Грозненскому военно-революционному совету организовать свою революционную силу и объединить ее с существовавшей в городе и на промыслах вооруженной рабочей дружиной.

Часть солдат пришлось отпустить по домам, а из оставшихся революционно и большевистски настроенных солдат и офицеров организовали две роты.

Организации боевой силы грозненских рабочих 23 января было посвящено специальное торжественное заседание военно-революционного совета с гарнизоном города 23 января 1918 года. С приветствием от имени военно-революционного совета выступал левый социалист-революционер Альтон, заявивший, что собравшиеся солдаты и рабочие-дружинники являются первыми, «кого я приветствую в этих стенах как истинных солдат великой революционной русской армии. Вы призваны самим народом защищать не только его экономические интересы, но и самую его жизнь. Зная вашу любовь к свободе и революции, военно-революционный совет, доверяя вам, просит и вашего доверия к себе. Военно-революционный совет шлет вам привет и низкий поклон».

На приветствие от имени солдат отвечал поручик Воронин, заверявший собрание, что «до тех пор, пока военно-революционный совет будет творить волю самого народа, солдат будет верить ему во всем».

Тот же поручик Воронин от имени офицеров своей 1-й роты и солдат 2-й

роты приветствовал [собравшихся], выражая пожелание «как братья единой революционной семьи жить и работать дружно, плечом к плечу».

Но по вопросу присоединения к этим двум ротам рабочей боевой дружины, как сообщал краткий газетный отчет об этом большом собрании, «разгораются горячие прения». К сожалению, в отчете нет ни одного слова о содержании этих «горячих прений». Лишь из коротенькой речи секретаря собрания и члена рабочей боевой дружины т. Дудникова можно догадываться, что речь шла об основном — нужно ли существование рабочей боевой дружины при наличии вооруженных солдат.

«Вас, товарищи солдаты, удивляет, что в городе Грозном создается другая армия — армия рабочего класса, — говорил т. Дудников. — Рабочая боевая дружина создана по инициативе военно-революционного совета. Конструкция дружины тождественна с конструкцией красной гвардии».

Вот и все, что сообщали грозненские «Известия» из выступлений рабочих по этому злободневному и чрезвычайно важному вопросу того времени. По-видимому, на гарнизонном собрании были попытки разобщить вооруженные силы Грозного и не допустить слияния и организационного объединения солдат с рабочими-дружинниками, а возможно и вообще упразднить рабочие отряды: пусть они уходят на заводы и промыслы, революцию охранят и солдаты. Эти мысли были высказаны, ибо на них отвечал солдат Певрин, заявивший, «что разницы между солдатом и рабочим нет никакой. Современная жизнь сделала нас всех солдатами, и рабочий является рабочим только у станка, но с винтовкой в руках он тот же солдат, готовый защищать не только себя, но и государство. Буржуазия своим золотым кулаком всеми силами старается вбить клин во взаимоотношение солдат, рабочих и трудового казачества. Но она ошиблась. Для этого кулака у нас есть штыки, справедливость и русская правда, которые непобедимы».

После прений собрание признало необходимым объединить все вооруженные силы Грозного и, по предложению поручика Воронина, постановило сводный отряд из двух боевых рот и рабочей дружины именовать «Первый грозненский боевой батальон». Командиром батальона единогласно был избран поручик Воронин, комиссаром батальона — прапорщик Дзевульский. Так было положено начало Советской армии на Тереке.

Кроме этого объединенного батальона войск, в Грозном были еще вооруженные силы, находившиеся в подчинении городского самоуправления. Это небольшое количество милиции во главе с Б. Миллером и М. Мордовцевым и весьма большое число самооборонцев, своеобразных ополченцев,зываемых по тревоге в момент опасности. Состав этой самообороны был чрезвычайно пестрый: в нее входили обыватели, мещане, служащие, кустари и рабочие-одиночки, не члены боевых дружин. Организационно она была построена по участкам, имела своих участковых начальников и штабы, а также единый городской центральный штаб.

Но члены этой самообороны были очень мало дисциплинированные и очень часто заражались местью, шовинизмом, переходили в наступление тогда, когда власти вели переговоры о мире, а иногда не пропускали делегатов на мирные переговоры, мотивируя это своим неверием в них.

Организацией вооруженных сил самим военно-революционным советом и включением в их состав солидной группы рабочих, составивших в них центральное ядро, создавалась материальная база для его внешней и внутренней политики и для освобождения от влияния неустойчивых сил самооборонцев.

В защите самого города от налетов горцев самооборонцы оказывали большое упорство, проявляли героизм и настойчивость, но в делах внутренней политики они оказывались весьма ненадежными и не смогли даже наводить порядок в городе.

В Грозном весьма часто в зиму 1918 г. возникали погромные настроения, направлявшиеся опытными в этом деле черносотенцами. Погромное движение угрожало то городскому самоуправлению, то чеченскому населению города, то торговцам и их магазинам.

Только что описанное мною торжественное заседание гарнизона, на котором была создана новая армия, было прервано потому, что в городе наблюдались попытки громить магазины. Солдаты вынуждены были идти на улицу для наведения в городе порядка.

Нередко эти действия неорганизованной мешанской толпы, сбитой с толку контрреволюционерами, срывали мирные переговоры и провоцировали переходы солдат или оборонцев в наступление на ближайшие к городу аулы.

Эта провокационная работа контрреволюции находила еще лучшую почву среди казаков Терека и Сунженской линии: противоречия земельных интересов порождали так много конфликтов с малоземельными горцами, что вызвать вооруженное столкновение было очень легко.

В середине января вооруженные нападения на Грозный и расположенные около него станицы сократились. Но в то же время усилились набеги в Дагестане на Петровск и из Ингушетии на Владикавказ.

В Дагестане велась усиленная пропаганда за отторжение от России и в пользу образования самостоятельного государства. Центром этого движения был город Темир-Хан-Шура, а наиболее активным деятелем сепаратистского движения был муфтий Нажмуддин Гоцинский.

Этот духовный контрреволюционер был одним из вдохновителей массовых нападений дагестанцев на Петровск-Юрт.

В конце января из Андийского округа Дагестана прибыла в Чечню делегация, которая предлагала свое посредничество в переговорах по урегулированию взаимоотношений казаков с чеченцами. Делегация остановилась в контрреволюционном ауле Новые Алды и оттуда передала в Грозненский военно-революционный совет нижеследующее письмо:

«Мы, делегаты от населения Андийского округа: председатель Андийского окружного исполнительного комитета Магомед Саадуев, члены: Абдул Меджид Хаджи Амар Дибиров, Курбан Магомаев, Магомед Эмил Абдумеджидах и Халил Каратанский, командированы для мирных переговоров между соседями: казаками и чеченцами и выяснения причин возникновения гражданской войны на предмет предотвращения таковой вмешательством всего населения Дагестанской области.

Просим прислать делегатов, как от казаков, так и от городских организаций города Грозного, на курган между Грозным и аулом Новые Алды, то есть на то место, откуда будет принято настоящее обращение наше. Просим прислать завтра же, ибо мы ждем уже десятый день ваших делегатов и было передано таковое пять дней назад. Ждем в селении Новые Алды, и на кургане стоит проводник наш, урядник Дагестанского конного полка, которому просим передать уведомление в получении сего.

Председатель Андийского окружного исполнительного комитета Дагестанской области М. Саадуев.

Делегаты: Курбан Магомаев, Абдул Меджидов» (остальные подписи на арабском языке).

Из этого письма видно, что за борьбой чеченцев с русским населением следили все соседние с Чечней горские народы. Ингуши часто имели своих представителей при переговорах чеченских аулов с Грозным. Появление дагестанских представителей, прибывших из далеких горных районов, свидетельствовало о том, что известие о борьбе докатилось уже до самых дальних аулов, находившихся почти у главного хребта Кавказа.

На этот запрос военно-революционный совет дал письменный ответ следующего содержания:

«Председателю делегации от населения Андийского округа. Настоящим подтверждаем получение от Вас двух писем, датированных 29 и 30 января с.г. По существу этих писем ответ будет дан делегацией от областного съезда, которая со дня на день ожидается в Грозном. О времени ее пребывания, а также о встрече с Вами поставим Вас в известность. Для сведения сообщаем, что, кроме последних двух писем, мы никаких других не получали, а следовательно, и не могли знать не только о цели, но и самом Вашем приезде.

Просим воздействовать на чеченский народ в смысле недопущения их разъездов на наши территории, ибо они провоцируют дело улажения конфликта, вызывая в народных массах убеждение в возможности открытого столкновения.

Поверьте, нам трудно уверить народ, измученный постоянными грабежами и убийствами мирного населения. Удовлетворяя вашу просьбу, сообщаем, что тавлины у нас совершенно свободно живут и пользуются всеми правами гражданства.

Тов. председателя Борцов.

Секретарь Филимонов».

В конце января на съезде Кизлярского отдела обсуждался вопрос о созыве специального русско-чеченского съезда по вопросу о мире и восстановлении железнодорожного сообщения. Представители казаков выступали против такого съезда и предлагали действовать «око за око и зуб за зуб» и таким путем разрешить вопрос о войне и мире.

Даже левосоциалистическая часть делегатов в лице т. Альтона теряла надежды на мирный исход переговоров с так называвшими себя представителями чеченского народа, в большинстве муллами или подставными лицами буржуазного Горского комитета.

А. Мутушев слал письма. Те, которые доходили до военно-революционного совета, печатались в «Известиях», обсуждались. Его предложения в первое время встречались грозненцами с доверием и надеждой, но время показывало, что ни «Ахметхан Первый», ни его призывы положения изменить не могут. В письме от 22 января А. Мутушев полемизирует с т. Альтоном и предлагает созвать на 25 января мирную конференцию. Его письмо показывает отношение горцев к политике военно-революционного совета, а также дает оценку положения с «чеченской» точки зрения. Вот содержание этого письма:

«Мне трудно работать при такой обстановке. С одной стороны, мне говорят, что я имею дело с большевиками, а с другой стороны, поступки, будто, утверждают другое. Я занят организацией силы, но не для того, чтобы громить мирных жителей, а для их защиты. Я и в первой моей бумаге писал вам и теперь повторяю, что я не могу гарантировать прочного мира, пока я не буду достаточно силен для подавления шаек.

Организовать Чечню для войны дело легкое, потому что тогда не нужно делать выбора, а организовать для мира — это труднее, потому что необходимо, чтобы в части попал элемент нравственный. Я сегодня узнал, что по ночам разбирают путь, и сделал распоряжение, чтобы этого не допускать впредь.

Задержанные в Старо-Сунженском артиллеристы, по сведениям, находятся в целости, на положении пленных. Сегодня лично проверю.

Прошу Вас не допускать больше артиллерийской стрельбы — это подымает настроение.

Я прошу Вас понять, что казаки и чеченцы не должны забывать интересов элементов меньшинства: русских, армян, грузин и т.д. Ведь всякий эксцесс прежде всего отразится на них. Всякий приличный политический деятель всякое дело должен начинать с защиты меньшинства.

Я не писал вам и не говорил, что меня каждый раз, когда я появляюсь на кургане, обстреливают. Это, конечно, неприлично, но я знаю, что оно делается без ведома и согласия совета бесчинствующими хулиганами. Мне думается, что среди вас (не в совете, а в населении) и среди нас действуют люди по подкупу. Я очень удивляюсь речи т. Альтона, с коей познакомился вчера из газеты. Такое озлобление т. Альтона на чеченцев я мог объяснить только тем, что он служит у Нахимова. В дни погрома в Грозном какие-то хулиганы-чеченцы пытались похитить г. Нахимова, а другие чеченцы нагнали и отбили его. Больше никаких, а тем более социалистических оснований не было для т. Альтона так неистово требовать войны, то есть требовать жертв невинных за вину отдельных людей. Я не диктатор Чечни, а человек, около которого

совершился переворот, которому трудовой народ всей Чечни поручил устроить его жизнь. Я опираюсь на совет старейшин, а на днях созывается национальный чеченский совет. Вся моя работа направлена теперь к тому, чтобы не дать ни нашим и ни вашим шайкам разгромить Грозный, этот культурный центр с населением, состоящим из иногороднего меньшинства, каковая задача затрудняется и даже может быть неосуществима, если будут производиться вызывающие артиллерийские выстрелы и другие выступления со стороны ваших. Думаю, что я почти закончил организацию защиты мира, и 25 января доложу мирной конференции по этому поводу. Если я ошибся, пусть простит меня т. Альтон, но, право, меня удивила его речь, его недемократичность.

Прошу сообщить, рассчитываете ли вы, что ваши успеют съехаться на мирную конференцию к 25 января с.г.

А. Мутушев.

22 января 1918 г. № 6».

Это письмо А. Мутушева на этот раз военно-революционный совет оставил без ответа, но опубликовал его. Руководители организации были в Моздоке на съезде и там решали вопросы мира и войны, а поэтому никто не явился на призыв Ахметхана Мутушева. Он прислал еще письмо, в котором писал, что «я просил не один раз, чтобы вы имели дежурного с флагом для передачи писем. Вы, однако, не исполнили. Я просил вас 25 января быть на мирной конференции и протокол по сему поводу подписал с вашими делегатами. Вы не явились на мирную конференцию; мои два сношения посланы вам через военную женщину, но вы говорите, что они не получены. Кто виноват?

Вы капризничаете, отказываетесь вести переговоры и вновь их возбуждаете. В то же время народ волнуется и требует от меня ясности, определенного положения. Я писал в двух не дошедших до вас сношениях очень многое. Я не имею времени так засиживаться на Кургане, тем более что вы два раза не явились. Прошу объяснить, для какой цели задерживаете вопрос о Дени Арсанове? Этот вопрос стоит очень остро, и его необходимо разрешить немедленно. Все пленные чеченцы, в том числе Магомед-Мирза Токаев, знают правду, но мы думаем, что вы не разрешите им написать правду. 18 января я говорил с вашими делегатами о мире, а 19 января вы обстреливали артиллерией наши аулы. Если меня не слушаются абреки и портят путь, то вас не слушаются строевые части, если они стреляли без вашего согласия. Сейчас положение такое: выяснить, кто жив из наших пленных у вас, в том числе выяснить судьбу Дени Арсанова, спешно закончить вопрос о войне и мире. Прошу экстренно ответить, а сведения о Дени Арсанове прошу скрепить подписью Магомед-Мирза Токаева, так как он был с ним и должен знать его судьбу. В дальнейшем, если желаете вести переговоры, прошу быть точными и аккуратными. Я болен и потому местом свидания с делегацией не могу выбирать открытое место; а домик у мельницы, где я имел встречу с вашими делегатами 18 января. Делегация должна быть правомочной, и ее протокол вы не должны отменять. Как социалист, требую от социалистов чистоты и искренности и надеюсь их в вас найти. Прошу ответить точно: приступим ли мы и когда к мирным переговорам трудовых народов и какова судьба наших пленных?

Ахметхан Мутушев. 27 января 1918 года».

Как будто в ответ на это письмо в «Известиях» было напечатано заявление Магомеда Мирзы Токаева, сидевшего в тюрьме, следующего содержания:

«Для ускорения мирных переговоров и дабы убедить чеченский народ о невиновности казаков при столкновении в станице Грозненской 29 декабря, я прошу взять меня с первой делегацией в сел. Новые Алды с условием приехать обратно в этот же день.

Также присовокупляю, что масса поклонников Дени Арсанова страшно настроена по случаю его убийства, я нахожу нужным их убедить в виновности Арсанова, как очевидец, а главное, убедить чеченский народ в совершен-

ной бесполезности оттягивания мира, [добиваться] скорейшего искоренения разбойничьих банд.

Могу смело уверить, что мое настоящее предложение есть истинное желание убедить во всем чеченский народ.

Совместно со мною находящиеся плененные чеченцы готовы дать подписку о безотлагательном моем возвращении совместно же с делегацией.

К сему Токаев.

14—1.1918 г. Ст. Грозненская».

Постановление Моздокского народного съезда о прекращении военных действий между русскими и горцами дошло до Чеченского народного совещания и обсуждалось на нем 3 февраля. По каждому пункту условий, предложенных съездом, Народное совещание дало свой письменный ответ.

На предложение съезда прекратить военные действия и разбой совещание выражало согласие. Предложение не препятствовать восстановлению железнодорожной линии, телеграфа и телефона принимали с оговоркой: «если будет обеспечено прекращение военных действий со стороны казаков. Это условие вызвано видимым неподчинением казаков Моздокскому съезду».

По вопросу о выдаче чеченцами и ингушами всех порочных элементов, разбойников, контрреволюционеров, натравливающих темные массы на мирное население, для предания их народному суду, Совещанием «выражено единогласное согласие, однако чеченский народ полагает, что практическое осуществление выдачи воров и разбойников может состояться только после установления трудовыми народами Терской области твердой власти». В части же, касавшейся предания суду контрреволюционных групп, Совещание сообщало, «что чеченский народ полагает, что контрреволюционеры должны быть судимы со всей строгостью, и, настаивая на этом, предлагает немедленно создать смешанную следственную комиссию для всей территории Терской области».

На предложение съезда вернуть органам власти оружие и арсеналы Ведено, Хасав-Юрта Совещание отвечало, что «чеченский народ выражает на это полное согласие, признает вооружение и крепость Ведено общегосударственным достоянием. Вместе с тем чеченский народ полагает справедливым требовать, чтобы все артиллерийское и иное огнестрельное вооружение, состоящее у казаков, как общегосударственное достояние, было бы одновременно сдано в склады под смешанной охраной, состоящей из всех народов Терской области, так как все вооружение казаков казенного происхождения».

Решение съезда о том, что обмен пленными должен состояться после соглашения, Совещание считало неправильным и заявляло, что чеченский народ по соображениям религиозного характера требует, чтобы обмены пленными и выдача трупов состоялись немедленно».

Ответы были даны за подписями председателя Чеченского народного совещания А. Мутушева и секретаря Арсункаева.

Этот ответ чеченцев мог бы служить базой для установления мирного сожительства русского населения с горцами, если бы наши товарищи внимательнее отнеслись к ответу и удовлетворили бы без колебаний последнее, вполне справедливое требование чеченцев о выдаче пленными и трупов.

Но в эти дни среди казаков велась также «работа» и подготовка к борьбе с горцами, которая вскоре вспыхнула с большой силой и с вовлечением крупных вооруженных сил.

21. Второй съезд народов Терской области

Подготовка ко второму народному съезду Терской области, намеченному Моздокским съездом на 15 февраля, велась на этот раз не только среди казаков, иногородних и городских жителей области, но и среди горских народов. Некоторые сведения о том, что по аулам Чечни и Ингушетии происходили выборы делегатов, доходили до Народного совета.

Главными вопросами съезда являлись земельный, военный, национальный и организация власти. По всем этим вопросам выносились решения, вырабатывались наказания. Но особенно готовились к съезду казаки. За много дней до съезда станицы вырабатывали наказания, в которых красной чертой огораживали свой быт и свои «исторические права» на землю и ее недра. Вот один из наказов, принятых казаками Грозненской станицы:

«Земельный вопрос»

1) Все земли сельскохозяйственного пользования в Терской области должны принадлежать трудовому земледельческому народу.

2) Земли монастырские, церковные, удельные, кабинетские и казенные отчуждаются безвозмездно для распределения между трудовым земледельческим населением при помощи местных законодательных органов.

Примечание: Перечисленные земли, находящиеся на территории области, то есть вне пределов казачьего войска, поступают в пользование прочего коренного трудового земледельческого населения.

3) Частновладельческие земли, превышающие земли трудовых хозяйств, отчуждаются на основании правил, выработанных областным законодательным собранием.

Примечание: Размер трудовых хозяйств устанавливается также областным законодательным органом.

4) Распределение земельного фонда между трудовым сельским населением, порядок и основание пользования устанавливаются областным законодательным органом. -

[5)] Все войсковые, юртовые, станичные земли с их недрами и лесами, как историческое достояние, составляют собственность Терского казачьего войска.

(Слова «Терского казачьего войска» на круге 6 февраля по предложению Ковалевского заменены: всего населения Терской области.)

Примечание: Вопрос об иногородних в станице Грозненской резко разнится от такого вопроса других станиц и проч.

6) Земли крестьянские, колониальных наделов, крестьянских товариществ и мелких собственников, расположенные на территории казачьего войска Терской области, должны оставаться за их владельцами в пределах установленной нормы данной местности.

7) Частновладельческие земли различных наименований в пределах области, превышающие размер трудовых хозяйств, подлежат принудительному отчуждению на основаниях, выработанных высшим законодательным органом области.

8) Отчуждаемые земли передаются в пользование областного законодательного органа и распределяются между трудовым земледельческим населением.

9) Порядок землепользования и распределения земельных угодий определяется областным законодательным органом.

О власти

1) Должна быть в Терской области организована твердая власть, выдвинутая всем населением области, как русским, так и туземным населением.

2) Чтобы такая власть была твердая, крепкая и авторитетная и чтобы она могла властно диктовать всем и каждому, эта власть должна быть избрана съездом из всех слоев населения области, причем избираемыми могут быть и лица, не входящие в состав съезда.

Рабочий вопрос

1) Для защиты интересов рабочего класса должно быть: свобода профессиональных организаций, экономических стачек, установление коллективных договоров, утверждение примирительных камер, выборы промысловых судов, установление рабочего дня в зависимости от существующих различных условий в условиях промышленности, 8-часовой рабочий день в горной и фабрично-заводской промышленности, установление праздников или иного периодического отдыха во всех видах наемного труда, регулирование

условий труда и найма сельскохозяйственных рабочих, государственное страхование рабочих на случай безработицы, болезни, увечья, инвалидности, старости и смерти, действительная охрана здоровья рабочего, охрана материнства, регламентация детского труда, развитие трудовых артелей и предприятий с участием трудящихся в прибыли».

Из наказа по земельному вопросу видно, что казаки не хотели расставаться со своими земельными привилегиями, возводя их в «историческое достояние» своего военного сословия. Казаки и их руководители не понимали сущности переворота, который не только разрушил все сословные привилегии, но уничтожил и национальное угнетение, орудием которого они являлись на Кавказе. Вместе с уничтожением национального гнета отпадала и нужда в существовании привилегированного и обособленного казачьего сословия.

Наказы по национальному вопросу, по труду и о власти не выходили за пределы буржуазной программы «трудовых» социалистов. Весь национальный вопрос они сводят к суду и школе, а по труду предлагали рабочим артели да участие в прибылях. Власти хотели выборной «из всех слоев населения». С такими, примерно, наказами шли представители казачества от всех станиц.

Такое отношение казачества к решению аграрного вопроса в Терской области угрожало продолжением и еще большим обострением происходившей борьбы между горцами и населением станиц. Численный перевес был на стороне горских народов. На 250 тыс. казачьего населения приходилось: кабардинцев 180 тыс. (сами кабардинцы утверждали, что их 300 тыс.), осетин — 200 тыс., балкарцев — 60 тыс., кумыков — 85 тыс., чеченцев 350 тыс., ингушей — 70 тысяч. Кроме того, в станицах, поселках и хуторах на территории казаков жило 370 тыс. «иногородних», также бесправных крестьян, арендовавших казачьи земли или служивших работниками у зажиточных казаков.

Горцы Дагестана также не были равнодушны к положению и борьбе за землю чеченского и ингушского народов. Их представители принимали участие в переговорах Грозного и казаков Сунженской линии с чеченцами и ингушами. Эти представители служили информаторами для своих народностей и горской буржуазии, стоявшей в то время у кормила власти в Дагестане. Населения в Дагестане насчитывалось тогда до миллиона человек.

Казаки превосходно понимали, что они сильны на Кавказе постольку, поскольку за ними стоит вся страна, и поэтому их наиболее дальновидные демократические вожди из числа фронтовиков были застрельщиками признания власти Совета народных комиссаров еще на Моздокском съезде. Но когда увидели, что Советская власть не намерена оберегать их привилегии, а требует отказа от них, тогда начали «разочаровываться» в ней.

Второй народный съезд Терской области открылся в назначенный срок в Пятигорске, в 12 часов 20 минут 16 февраля 1918 года. Перед открытием велись переговоры между большевиками, социал-революционерами и социал-демократами-меньшевиками по вопросу о создании единого социалистического блока. Блок был организован при условии, что по вопросу о признании власти Совета народных комиссаров все фракции оставляют за собой свободу действий. Таким образом, характер соглашения был прежний, то есть практиковавшийся на Моздокском съезде, касавшийся «только» местных дел и местной власти.

На съезд прибыло 567 депутатов, из них 54 депутата имели сомнительные мандаты, преимущественно от земельных управ, земельных комитетов и самоуправлений. Отделы и группы населения были представлены следующим образом:

Моздокский отдел: казаков 29, в том числе один с совещательным голосом, иногородних 24, осетин 1, кабардинцев 2, калмыков 3, а всего 59 депутатов.

Пятигорский отдел: казаков 25, в том числе 5 с совещательным голосом, кабардинцев 5, из них двое с совещательным голосом, иногородних 34, в том числе один с совещательным голосом, а всего 84 депутата.

Сунженский отдел: казаков 35 с решающим и 8 с совещательным голосом, иногородних 9 с решающим и 2 с совещательным голосом, а всего 54 депутата.

Кизлярский отдел: казаков 26, в том числе один с совещательным голосом, иногородних 13, а всего 39 депутатов.

Нальчикский округ: горцев 1, осетин 7, кабардинцев 72 с решающим и 8 с совещательным голосом, балкарцев с решающим — 14 и с совещательным — 4, иногородних с решающим — 19 и с совещательным — 6, а всего 130 депутатов.

Грозненский отдел: от слободы Воздвиженской — 2.

Хасав-Юртовский округ: 5 с решающими голосами русских и 5 — с совещательными, 2 немца, а всего 12 депутатов.

Г. Владикавказ: с решающим голосом 17, с совещательным 5, а всего 22 депутата.

Г. Кисловодск: 12 с решающим и 6 с совещательным, а всего 18 депутатов.

Г. Грозный: 25 депутатов с решающим голосом.

Г. Пятигорск: 21 с решающим и 5 с совещательным, а всего 26 депутатов.

Г. Георгиевск: 13 с решающим и 4 с совещательным, а всего 17 депутатов.

Г. Кизляр: 3 с решающим голосом.

Г. Моздок: 5 с решающим голосом.

От краевого центра: 3 с решающим голосом.

Кроме того, одно место было дано представителю 2-й Терской батареи. Представителю совета Всероссийского съезда крестьянских депутатов был дан решающий голос.

Программа работы съезда была утверждена только на 4-й день после открытия и включала следующие вопросы: 1) Политический момент, переживаемый Терской областью. 2) Аграрный (земельный) вопрос. 3) Национальный вопрос. 4) Рабочий вопрос. 5) Продовольственный вопрос. 6) Организация областной власти. 7) Вопрос о транспорте (железнодорожном и гужевом). 8) Развитие производительных сил края. 9) Финансовый вопрос. 10) Правовой вопрос. 11) Вопросы народного просвещения. 12) Вопрос медико-санитарный. 13) Вопросы, могущие назреть ко дню съезда.

Первые три дня съезда были посвящены выборам президиума, приветствиям и внеочередным заявлениям. Председателем съезда был избран осетин Симон Такоев, товарищем председателя Г. Анджиевский, и от каждой группы были выдвинуты товарищи председателя и утверждены съездом следующие лица: от иногородних и социалистического блока — Андреев; от казаков — Портаев; от осетин — Хаджимат Сауханов, от кабардинцев и балкарцев — Калмыков. В секретари избрали: Ратнера, Маршака, Шмиргельда (все от иногородних), Бутаева (осетин) и Белячкова (казак).

Съездом были образованы 13 секций, соответствующих порядку дня съезда, за исключением 1-го, 9-го и 13-го вопросов, но с добавлением секций: 1) военной, 2) по городскому и земельному хозяйствам и 3) по наказам.

Каждая организованная группа делегатов съезда выделила для работы в секциях своих представителей, утвержденных съездом, как обязательных членов секций.

В порядке второго дня заседаний съезда, после обсуждения вопросов, связанных с образованием секций, в президиум поступило заявление казачьей фракции, в котором сообщалось, что «наряду с Терским народным съездом во Владикавказе заседает неправомочный круг. Казачья фракция на вечернем заседании 16 февраля вынесла самое отрицательное отношение к кучке корниловцев, и считает дальнейшую работу ее незаконной и вредной. Вношу предложение послать во Владикавказ телеграмму: “Делегатам круга, имеющим полномочия работать вместе с нами, немедленно приехать в Пятигорск; депутатам, не имеющим таких полномочий, немедленно разъехаться по домам; бывшему войсковому правительству быть на своих местах до принятия от него власти и войскового имуществу законными избранниками от Терского казачества”. Делегат от Наура сотник Данилов»⁶.

Это предложение казачьей фракции вызвало весьма странные возражения президиума, который предлагал послать эту телеграмму самим казакам. Г. Анджиевский, выступавший против предложения казаков, мотивировал его тем, что «президиум считает, что это (то есть телеграмма от имени казаков. — *А.Ш.*) произведет гораздо более сильное моральное воздействие на так называемый круг и войсковое правительство».

Такое предложение президиума вызвало возмущение делегатов и части казаков, ожидавших иного отношения к своему предложению.

Консервативная часть казаков, защищавшая свою самобытную обособленность, воспользовалась предложением президиума, и ее представитель выступил в защиту невмешательства в «чисто казачьи» дела. Другая часть казаков протестовала против предложения президиума и своих сочленов и вполне резонно полагала, что борьба с контрреволюционными корниловцами является делом всей демократии, а не только казачьей.

Сотник Данилов, внесший заявление, протестовал против такого оборота, при котором его предложение рассматривается как выступление против казачьего круга, а он говорит в нем прямо против кучки корниловцев, и настаивал на принятии его предложения. Делегаты приветствовали предложения казаков, очевидно, понимая, что почин революционной части казачества следует поддержать и телеграмму послать от имени съезда. Но президиум был непреклонен. На его же сторону стал и социалистический блок.

От имени президиума выступил т. Г. Анджиевский и сказал: «Пусть не кажется странным, что я защищаю предложение президиума. Те, которые настаивают на посылке телеграммы от всего съезда, боятся, что в казачьей фракции победят те, кто не хочет вовсе послать такой телеграммы. Но я думаю, что если есть такой дружный почин казачьей фракции, значит казачьи силы проснулись и сумеют отстоять свое решение, поэтому я предлагаю предоставить самой казачьей фракции справиться с теми, кто сидит во Владикавказе».

От имени социалистического блока предложение президиума поддерживал Бутырин, мотивируя его тем, что «если мы пошлем такую телеграмму от имени всего съезда, то на круге она будет использована с провокационными целями. Скажут, что мы покушаемся на казачье имущество, что мы покушаемся на последнюю тень казачьей самостоятельности. Сейчас, когда происходит расслоение казаков, когда авторитет членов войскового правительства падает, не надо нам делать неосторожных шагов, которые могли бы оттолкнуть от нас колеблющиеся слои казаков. Несомненно, что телеграмма будет иметь гораздо большее моральное значение, если она будет послана только казаками».

Предложение президиума, поддержанное социалистическим блоком, принимается всеми против 65 при 48 воздержавшихся. Так победила чересчур осторожная дипломатия блока над революционным требованием момента. И революционные казаки были правы, когда кричали, что «мы хотели соединиться со всеми вами, а вы заставляете нас отделяться».

На третий день съезда, 18 февраля, с внеочередным заявлением выступил представитель казаков Хитров, депутат станицы Романовской, сообщивший о том, что на его станицу и Ермоловскую напали чеченцы, и от имени казачьей фракции требовал от съезда: «1. Организовать часть войск в составе двух батальонов из всех национальностей для заслона всей Сунженской линии, а также, где понадобится, от разбоев и грабежей чеченского и ингушского абречества и для подавления контрреволюции. 2. Командировать делегацию для агитирования среди ингушского и чеченского народа для внимания мирной делегации».

Вслед за этим заявлением председатель С. Такоев зачитал телеграммы: одну — извещавшую съезд, что во время выезда ингушской делегации на съезд в Пятигорск произошел инцидент между ингушами и осетинами, жертвою которого пали три ингуша и одна женщина. Вторую — из Грозного, в которой сообщалось, что чеченский народ горячо откликнулся на приглашение народного совета. На пятигорский съезд идут выборы по аулам.

Первые два сообщения показывали, что контрреволюция принимала свои провокационные меры, чтобы помешать съезду и его работе по сплочению трудящихся всех национальностей, которая являлась его целью.

По вопросу о мерах борьбы с абречеством и урегулированию взаимоотношений на Сунженской линии слово было дано Сомову. Вот что сказал он ⁷ в ответ на предложение казачьей фракции:

«Товарищи казаки! К великому сожалению, я не мог слышать речей предыдущих ораторов, которые были направлены главным образом ко мне как заведующему военным отделом в Народном совете. Действительно, телеграммы, о которых говорил один казак, имеются, и положение около Романовской и Ермоловской очень тревожно. Но Народный совет принял меры к охране указанных станиц. Детально о них я не буду говорить, ибо они все-таки военная тайна, но вообще скажу, что охрана станиц, прилегающих к Чечне, усилена.

Теперь я обращаюсь ко всему съезду от имени казаков, что последних надо понять. Казаки три года гибли под гнетом империалистической войны и, наконец, вернулись домой. А здесь они попали сразу в не менее тяжелую атмосферу гражданской войны. Но блеснул луч, трудовые народы поняли, что единственный способ локализовать гражданскую войну, это есть единение трудящегося народа. Был созван Моздокский съезд. Казаки, имея строгий наказ не вступать уже ни в какие мирные переговоры, все-таки согласились еще раз принять в них участие, убежденные голосом демократии всей области. Казаки отступили от наказа и сделали это в силу единения со всей демократией.

Результат мирных переговоров с Чечнею вам известен — в общем они ни к чему не привели. Но сейчас получены телеграммы, что приезд ингушей задерживается только благодаря работе провокационных сил, а что в Чечне идет горячая работа по выборам делегатов на народный съезд.

Казаки говорят, что наступил решительный шаг. Да, но пусть это не будет понято вами так, что казаки решили бесповоротно начать войну. Они знают, что не весь чеченский народ, а только темные силы повинны в нападениях и грабежах. Но казаки волнуются, они требуют, чтобы были приняты решительные меры к безопасности их станиц, чтобы они могли здесь спокойно работать. Необходимо поставить заслон из смешанного отряда. Пока этого не будет, пока против вооруженных шаек, или, вернее, контрреволюционных сил, не будет поставлен заслон — казаки не успокоятся. Казаки знают, что среди чеченцев есть искренние сторонники мира. Но они также знают, что темные силы до тех пор будут успешно работать в темных массах Чечни, пока не будут поставлены силы. Казаки требуют немедленной организации смешанного отряда на границе с Чечней, стены, о которую разобьются шайки абреков и темные силы...» «Упомянув слегка о мирных переговорах, я подробно не касался их потому, что вам это должно быть известно из газет и пр. Я сообщу вам только о краеугольном камне, который помешал успеху переговоров с чеченцами. У нас был наказ, где последним пунктом был обмен пленными. Чеченцы же просили этот пункт поставить первым, говоря, что остальные пункты для них не имеют значения и на них они всегда сойдутся. Но мы не имели полномочий изменить наказ, а потому ничего из переговоров и не вышло.

Вопрос: С кем вы говорили?

Сомов: Прямо с чеченскими передовыми массами мы не могли говорить, нам пришлось говорить с муллами».

Заявление казачьей фракции было передано в военную секцию съезда как срочное и требующее решения в первую очередь.

Из оперативных донесений станичных атаманов и начальников гарнизона видно, что положение на Сунженской линии было следующее. В 5 часов утра 16 февраля отряд чеченцев повел наступление со стороны Самашкинской на станицу Романовскую. По приближении к станице нападавшие зажгли гумна и этим осветили район наступления. Сидевшие в окопах строевые казаки

воспользовались пожаром, освещавшим наступавших, и ружейным огнем отбили наступление с большим уроном для чеченцев. Последние на месте оставили 103 убитых. Одновременно чеченский отряд прервал связь ст. Романовской со ст. Ермоловской и повел наступление на последнюю, заняв Широкую балку, обстреливая станицу из пулеметов и орудий.

Отбив нападение чеченцев на Романовскую, казаки соединенными силами станиц Самашкинской и Асинской повели наступление на аулы Ачхой, Шамы-Юрт. Чеченцы разобрали железнодорожный путь между станцией Ермоловской и Грозным.

О военных действиях в районе станицы Ермоловской начальник гарнизона последней капитан Загородный докладывал военно-революционному совету, что «с 1 февраля с.г. из села Кулары систематически обстреливались наши разъезды, посылаемые для связи с Романовской. 15 февраля утром казаки выпустили 3 бомбы из бомбомета в тот окоп, из которого в этот день обстреливались наши разъезды. В ответ на это чеченцы открыли огонь по всему берегу Сунжи. К Куларам и Алхан-Юрту стали съезжаться чеченцы со всех аулов. Я употребил все средства для того, чтобы не вызвать настоящего боя.

Артиллерия в этот день с нашей стороны не стреляла. В 4 часа утра мне со станицы дали знать, что с Романовской прервано телеграфное и телефонное сообщение.

Я приготовился... В 5 часов утра чеченцы в количестве 300 конных неслись в атаку на станицу. В 1000 шагов от станицы чеченцы были встречены артиллерийским и ружейным огнем и отхлынули за полотно железной дороги, а затем под натиском казаков переправились за Сунжу. Артиллерия наша начала обстреливать селение Кулары.

Со стороны Грозного в 5 часов утра мне стало известно, что чеченцы разобрали путь у 23 будки. В 7 часов утра чеченцами из селения Алхан-Юрт был открыт пулеметный огонь по нашим окопам. Я приказал тогда открыть артиллерийский огонь по селению Алхан-Юрт.

В 9 часов утра чеченцы стали обстреливать из орудий станицу. Снаряды ложились в самой станице. Судя по осколкам, у чеченцев старые клиновые или поршневые орудия. Бой разгорелся по всей линии. Чеченцы со всех аулов стекаются к Алхан-Юрту и Кулары. Ранено в станице 3 человека. Чеченцы выпустили 16 снарядов по станице из селения Алхан-Юрт.

17 февраля в 7 часов утра чеченцы обстреливали скот, бывший на водопое.

Начальник Ермоловского гарнизона капитан Загородный».

Обо всех этих событиях военно-революционный совет Сунженской линии послал Второму областному съезду нижеследующее обращение:

«Военно-революционный совет Сунженской линии в дополнение своих донесений о происшествиях, имевших место в районе Сунженской линии, считает своим долгом довести до сведения всех народов Терской области о происшествиях, случившихся по Сунженской линии с 14 по 17 февраля с.г., а именно:

1) 14 февраля казаки ст. Троицкой поехали в свой лес за дровами, в котором подверглись нападению со стороны ингушей, причем последние, поранив казака В. Душина и взяв две казачьи лошади, скрылись.

2) 14 февраля казак ст. Троицкой С. Лушенко, ехавший за сеном, пленен чеченцами с фургоном и тремя лошадьми.

3) 15 февраля ингуши напали на сторожевое охранение ст. Нестеровской. Завязалась перестрелка, во время которой убиты два казака, В. Деркачев и К. Ховалкин.

4) 15 февраля разъезд ст. Карабулакской, охраняющий в степи сено, подвергся обстрелу со стороны ингушей; во время перестрелки ранено два казака, Ф. Буравлев и Н. Ерош.

5) 16 февраля несколько подвод от ст. Карабулакской поехали за сеном для отряда Сунженской линии, имея прикрытие в составе одной конной сотни. Последняя, ввиду натиска ингушей, вступила с ними в бой, во время которого ранено было два казака, А. Батманов и И. Трушкин.

6) 16 февраля на рассвете чеченцы сделали наступление на ст. Романовскую, причем они приблизились настолько близко, что подожгли базки. Завязался бой. Романовцам помогли самашкинцы и ермоловцы, и чеченцы были отбиты с большими для них потерями. С нашей стороны потери незначительны. Чеченцы разобрали железнодорожный путь между Романовской, Ермоловской и Грозным, который 17 февраля был восстановлен.

16 февраля на территории ст. Ассиновская появился чеченский разъезд, который вступил в перестрелку с казаками ст. Ассиновской; в результате стычки убиты 3 казака, М. Каличев, И. Подорожнов и Я. Зубков. Ранено 5 человек. Того же числа казаками ст. Ассиновской был взят в плен один ингуш.

7) 16 февраля чеченцы и ингуши подожгли все сено и солому, находящиеся в Карабулакской, Троицкой и Слепцовской степях.

8) 16 февраля со стороны аулов Андырского и Плиевского с 4 часов дня открыли по станице Карабулакской артиллерийский огонь, причем снаряды попадают в центр станицы.

Совет Сунженской линии, исполняя волю народа, просит все народы, населяющие Терскую область, которым дорога жизнь, интересы и имущество трудового класса, прийти на помощь малочисленному населению, окруженному со всех сторон дикими разбойничьими племенами.

Совет заявляет, что близок тот час, когда вся Сунженская линия, с женщинами и детьми, ни в чем не повинными, или погибнет, или же начнет эвакуироваться, и тем самым последнее ляжет тяжким бременем на средства и достояние народов Терской области, которые не помогли ей в такой тяжелый момент. Совет будет надеяться, что просьбы и мольбы его не останутся гласом вопиющего в пустыне.

Председатель Чернобровкин. Секретарь Свиридов».

Призывая народы области на помощь, казаки в то же время не соглашались оказать этим же народам законную помощь — простым отказом от своих земельных привилегий. Наоборот, как мы видели из предсъездовских документов, казаки не хотели делиться завоеванными и отнятыми у местных горцев землями с беднотой аулов и станиц. Наказы по земельному вопросу, опубликованные станичными властями перед пятигорским съездом, дали горской буржуазии прекрасный материал для разжигания вражды и провокации вооруженных набегов. Но казаки, ослепленные собственническими вожделениями, не понимали или не хотели понять, что своей неуступчивостью в земельном вопросе они помогают врагам трудового населения всех народов области.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Имелся в виду краевой съезд в Тифлисе. — *Примеч. А. Г. Шляпникова.*
2. Полный текст наказа см. в кн.: Съезды народов Терка. Т. 1. Орджоникидзе. 1977, с. 39.
3. Последнего абзаца в тексте, приведенном в книге «Съезды народов Терка» (т. 1), не имеется.
4. Это извещение в книге не указано.
5. Декреты Терского народного совета, кроме № 1, в книге «Съезды народов Терка» не приведены.
6. См. также: Съезды народов Терка. Т. 1, с. 77—78.
7. См. там же, с. 84—85. Сомов — казак, зав. военным отделом Терского народного совета.

Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929—1941 годы)

М.А.Фельдман

Первый пятилетний план развития народного хозяйства отразил противоречивость положения, создавшегося на последнем этапе нэпа. На фоне хозяйственного восстановления, казалось, впервые открывалась возможность достигнуть заметного повышения уровня жизни городского населения. Руководство партии не могло не осознавать, что десятилетие после Октябрьской революции не принесло обещанных кардинальных перемен в жизни рабочих на производстве и в быту. В то же время расхождение целей и мировоззренческих позиций управленческого слоя и рабочего класса диктовало такой курс государственной политики, при котором интересы рабочих ставились в подчинение другим задачам.

Обширные разделы плана были посвящены условиям жизни рабочих, где с большой долей открытости анализировались динамика заработной платы за 1913—1928 гг. в СССР и за рубежом, в промышленности в целом и по отраслям; статистические данные о распределении рабочих цензовой промышленности по величине заработка; изменение структуры бюджетов и душевого потребления рабочих. Социальное планирование выдвигало конкретную цель: рост реальной зарплаты должен был позволить рабочим увеличить расходы на культурно-бытовые нужды, а расширение душевой нормы жилья — создать условия для «культурного быта, укрепления здоровья и прочной оседлости пролетариата»¹. В уральском регионе выполнение производственных программ облегчалось, по плану, относительно невысоким темпом роста рабочих коллективов — при росте удельного веса квалифицированной рабочей силы, то есть в основном обитателей городских поселений. В плане были заметны уравнильские мотивы, в частности, курс на приближение оплаты труда инженеров к зарплате рабочих², однако в целом установки пятилетнего плана создавали предпосылки для развития рабочих крупной промышленности.

В литературе освещены главным образом его экономические разделы³. Вопросы условий труда и быта рабочих в период пятилетки рассматривались по отдельным направлениям (жилье, зарплата, соцстрах и т.п.), как второстепенные, с позиций апологетики, но не как единое целое, позволяющее дать оценку политики государства в рабочем вопросе. В последние годы освещены причины свертывания нэпа, отказа от важнейших положений пятилетнего плана и перехода к «штурмовым» методам, ужесточению тоталитарного режима⁴.

Фельдман Михаил Аркадьевич — кандидат исторических наук. Уральский государственный университет.

К выявленному комплексу причин свертывания нэпа следует, однако, добавить еще одну. Речь идет об окончательном прозрении, постигшем руководство ВКП(б) к концу 20-х годов, в отношении подлинной природы, материальных и культурных интересов, политического поведения рабочего класса. Для лидеров СССР явилось неожиданностью, во-первых, наличие внутри «самого передового класса» неоднородных социальных слоев, нередко с противоположными приоритетами ценностей. Об этом свидетельствуют отчеты инструкторов ЦК ВКП(б), обследовавших крупнейшие предприятия военной промышленности (Сормовский, Тульский оружейный, Мотовилихинский, Ижевский и др.)⁵.

Во-вторых, квалифицированные рабочие, вопреки марксистской теории, неохотно пополняли ряды правящей партии, редко участвовали в идеологических мероприятиях. В двух постановлениях ЦК ВКП(б) — «О регулировании роста партии» (декабрь 1926 г.) и «О партийной работе на крупных предприятиях» (август 1927 г.) — говорилось, что партийная прослойка среди рабочих на крупных предприятиях меньше, чем на мелких и средних. В числе наиболее «отстающих» были названы бывшие казенные предприятия — Ижевский и Златоустовский, Мотовилихинский заводы. Показателен пример Ижевского и Мотовилихинского заводов, где в партийных организациях преобладали малоквалифицированные рабочие, люди с небольшим производственным стажем⁶. Документы партийных комитетов всех уровней в 20-е годы полны сетований на политическую индифферентность рабочих средних и старших возрастов⁷, а положение, создавшееся в партийной организации Мотовилихинского завода, в 1929 г. обсуждалось в орготделе ЦК ВКП(б). В последующих документах ЦК вопрос о привлечении в партию квалифицированных рабочих отходит на второй план, уступив место привлечению рабочих вообще⁸.

В-третьих, «мелкобуржуазные» огород, личное хозяйство оставались для значительной части рабочих надежной опорой, позволявшей в определенной степени ощущать собственную самостоятельность. На Урале подавляющее большинство рабочих имело собственное хозяйство, и местное руководство, не говоря уже о специалистах, понимало значение этого⁹.

В-четвертых, вопреки массивированному давлению на церковь, рабочие в своей массе не желали отказываться от соблюдения тех религиозных обычаев, порядков, от тех представлений, которые давно стали частью традиционной культуры¹⁰.

К началу 30-х годов партия действительно выдвинула на руководящую работу в народном хозяйстве значительное число рабочих: около 240 тыс. человек в СССР и 21,5 тыс. в Уральской области. Однако 3/5 рабочих-выдвиженцев на Урале заняли должности на самых нижних ступенях административной лестницы. В 1933 г. из 14 261 рабочего-выдвиженца в промышленности Уральской области 44% оставались на должностях мастера и бригадира (десятника); 13% занимали низшие конторские должности. Получается, что только 43% рабочих-выдвиженцев действительно исполнили управленческий корпус. Руководителями предприятий стали 1617 рабочих, в том числе 635 в промышленности¹¹.

Приведенные данные свидетельствуют: «оробочивание» госаппарата в 20-е — начале 30-х годов являлось важным компонентом государственной политики. Обратим внимание, однако, на следующие моменты. Рабочие составляли 1/3 всего управленческого аппарата, но только 1/6 верхнего слоя управленцев (уровня трестов и объединений союзного значения) и 1/6 от лиц, имевших образовательную подготовку семь классов и выше; 32,4% — от состава управленцев районного и 21,2% — областного звена¹². Как видно, удельный вес рабочих снижался по мере продвижения по управленческой лестнице. Кроме того, в числе руководителей промышленных предприятий на рабочих-выдвиженцев приходилось 4,5%, тогда как в административном аппарате их насчитывалось 30%. В административном аппарате 87,4% бывших рабочих (выдвиженцы) осели на уровне районных органов управления.

Таким образом, в наибольшей степени «рабочивание» коснулось низового звена административного аппарата.

Десять тысяч рабочих, ставших действительно руководителями в Уральской области, в 1933 г. составляли примерно 1,5% всех рабочих 1928—1929 гг. (времени массового выдвижения), а в 1932 г. — 0,75%. Это само по себе суживало возможность рабочим влиять на принятие каких-либо решений, подталкивало к растворению рабочего пополнения в уже сформировавшемся чиновничьем аппарате и к постоянному отсеву как слабых администраторов, так и «идейно незрелых» рабочих.

Выдвиженцы на Урале, судя по обилию критических выступлений в печати и на собраниях всех уровней¹³, слишком серьезно воспринимали официальные заявления о приоритете задач по улучшению условий жизни рабочих, а на общегородском слете профсоюзного актива Свердловска в сентябре 1932 г. рабочие-выдвиженцы осудили практику увольнения за один прогул, возведенную хозяйственными органами в ранг закона¹⁴.

Едва окрепло экономическое положение, как возобновился процесс милитаризации народного хозяйства. Создание в 1927 г. мобилизационного аппарата в центре и на местах сочеталось с началом практики двойного планирования: открытого, подлежавшего публикации, и закрытого, тайного, связанного с разработкой военных программ¹⁵. В сентябре 1927 г. на основе специального постановления СТО о подготовке страны к обороне начальник сектора обороны Госплана подготовил директивную записку, предлагавшую максимально использовать опыт первой мировой войны в области комплектования рабочих кадров. Особо значимым было политическое резюме документа: «НЭП может быть изменен применительно к нуждам военизированной экономики». Вряд ли даже ответственный работник Госплана мог позволить себе подобные выводы без одобрения руководства правящей партии, знакомства с соответствующими документами. Это же следует сказать и об изложенных в записке конкретных мерах: курс на «более жесткие методы регулирования частного сектора, использование опыта первой мировой войны в области трудовых отношений и т.п.»¹⁶

В январе 1929 г. на заседании сектора обороны Госплана положение о необходимости использовать опыт первой мировой войны в комплектовании трудовых коллективов было подтверждено заместителем наркома труда И. Толстопятовым (бывший уральский рабочий, профсоюзный работник на Урале в начале 20-х годов). Симптоматичным было его заявление — о возможности и необходимости использования труда военнопленных, массового привлечения женщин на производство, перевода трудящихся на положение мобилизованных. Правовую базу движения по этому пути создавало постановление ЦИК и СНК от 9 мая 1928 г. «О трудовой мобилизации и трудовой повинности во время войны»¹⁷. Решения сектора обороны Госплана (естественно, выполнявшего волю политбюро), свидетельствуя о происходившем повороте, имели поистине программный характер: увеличение плановых показателей должно было обеспечиваться за счет, во-первых, ускоренного обучения рабочих (68% подготовленных рабочих невысокой квалификации должны были составить кадры массовых профессий — вместо 28% по пятилетнему плану). Во-вторых, ставился в образец опыт трудовых мобилизаций в годы первой мировой войны, использования военнопленных. В-третьих, в жилищном строительстве делалась ставка на ускоренное сооружение бараков¹⁸. Таким образом, тайная программа милитаризации придавала развитию страны односторонний, военный характер и, как следствие, требовала соответствующего сдвига в государственной политике по отношению к рабочему классу.

Положение обострялось тем, что возможность маневра рабочей силой на Урале была затруднена. Подавляющая часть рабочих ценовой промышленности приходилась на отрасли, производящие средства производства. В этой сфере доминировала черная металлургия (89% основных фондов тяжелой промышленности), где изношенность и устарелость оборудования требовала избыточной рабочей силы. Во-вторых, при запланированном росте

основных промышленных фондов Урала в 6 раз, топливный баланс должен был возрасти в 1,8—2,1 раза, причем намечалась лишь фрагментарная механизация топливозаготовительных и добывающих работ¹⁹, хотя как раз опыт первой мировой войны обязывал делать шаги в этом направлении. Наконец, незначительные размеры кооперативного, частного, концессионного секторов в промышленности Урала (в 1927/28 г. в этих секторах было занято в общей сложности 4,5% фабрично-заводских рабочих²⁰) ограничивали возможность привлечения рабочих на государственные предприятия.

Таким образом, поворот экономической политики в 1929 г. в немалой степени был обусловлен возобновлением милитаризации народного хозяйства; логика этого процесса определяла поворот государственной политики в области труда и, как следствие, количественные и качественные изменения в составе рабочего класса.

Перемена политики по отношению к рабочему классу видна и из партийных документов. В материалах съездов в 30-е годы исчезают вопросы, выдвинутые самими рабочими и отражавшие их подлинные интересы. На XVI—XVIII съездах ВКП(б) за рабочими осталось право произносить только дежурные приветствия партийной верхушке. Начиная с XVI съезда отчетные доклады и итоговые материалы съездов содержали заведомую ложь о положении рабочих. Примером может служить резолюция XVI съезда, где сообщались данные о росте заработной платы рабочих за 1926—1930 гг. без учета роста цен, умалчивалось о введении карточной системы²¹.

Второй пятилетний план разительно отличался от первого. Количественно: почти в три раза, с 138 до 50 страниц, сократился материал, посвященный социальному развитию, и качественно: практически отсутствовал анализ выполнения социальных задач, намеченных первым пятилетним планом, исчезли упоминания о бюджетах рабочих, данные о распределении рабочих ценовой промышленности по величине заработка и душевого потребления. В целом, резко сократились материалы, непосредственно относящиеся к положению рабочих. В третьем же пятилетнем плане, на 1938—1942 гг., тема рабочего класса как отдельный аспект политики, по сути, отсутствовала²². Со второй половины 30-х годов редкостью стали законодательные документы, непосредственно посвященные рабочим. Тем самым государство подтверждало, что рабочему классу отказано в праве выступать самостоятельным деятелем модернизации.

В общесоюзных индустриальных планах конца 20-х — 30-х годов внимание, отведенное рабочим Урала, определялось технократическим подходом и увязывалось с местом Урала в экономическом потенциале страны. Несмотря на обилие работ по истории индустриализации края, вопрос об изменении удельного веса Уральского экономического района в промышленном производстве СССР 1928—1940 годов все еще не освещен. Дело в том, что, невзирая на все решения партийных съездов, указания пятилетних планов, специальные постановления ЦК ВКП(б) и СНК, доля Урала в союзном промышленном производстве за 20—30-е годы выросла значительно меньше запланированного. Удельный вес уральского экономического района, составлявший в 1913 г. 5% общероссийского промышленного производства, остался практически тем же и в 1927 году²³. Согласно первому пятилетнему плану, к 1933 г. Урал должен был обогнать Ленинградскую область по производству промышленной продукции отраслей группы «А»²⁴. Однако по выпуску легкой и пищевой промышленности Урал и к концу первой пятилетки должен был более чем в 10 раз уступать Ленинградской области. Третий пятилетний план намечал увеличение доли Урала в союзном промышленном производстве до 9,81% в 1942 году²⁵. Намеченный рост удельного веса Урала в общесоюзном промышленном производстве сочетался с запланированным уменьшением удельного веса Ленинградской области, изменяя соотношение этих регионов в экономике страны.

В реальности в 1940 г. Уральский экономический район (включая Башкирию и Удмуртию) произвел 6,83% промышленной продукции СССР. Для

сравнения скажем, что город Ленинград с числом рабочих в 1,5 раза меньшим, чем на всем Урале, произвел в 1940 г. десятую часть промышленной продукции СССР. Отставала от союзных показателей, а тем более от ленинградских, энерговооруженность и производительность рабочих Урала ²⁶.

Объяснялось это прежде всего тем, что на годы первой пятилетки руководство страны запланировало Уралу наивысшие среди регионов СССР темпы, нереальность и экономическая необоснованность которых была отмечена уже в начале 30-х годов ²⁷. Результатом такого эксперимента на Урале стало не только «замораживание» строительства многих объектов, растянутость сроков ввода новых производств, но и усиление традиционных еще для дореволюционного Урала диспропорций между основным и вспомогательными производствами.

Ни в одном регионе страны не было такого перекоса в соотношении тяжелой и легкой индустрии. На легкую индустрию в 30-е годы на Урале приходилось лишь 3-4% всех вложений в промышленность, а ее удельный вес составлял менее 8% от выпуска всей промышленности края (по СССР этот показатель составлял 28—30%) ²⁸. Отсюда хроническое отставание жизненного уровня уральцев от общесоюзных показателей.

Что же касается состязания с Ленинградом, то следует учесть неравенство исходных позиций. Структура промышленности Ленинграда качественно превосходила уральскую. На Урале ведущей отраслью к началу первой пятилетки оставалась металлургия с большим количеством устаревших предприятий. В Ленинградской области основой промышленности являлось машиностроение. Здесь была сконцентрирована половина рабочих электротехнической отрасли СССР. Выработка на одного рабочего в 1926/27 г. составляла 5015 руб. в Ленинградской области и 2812 руб. на Урале. К тому же, в отличие от уральской, ленинградская промышленность имела более правильную структуру: тяжелая промышленность соседствовала с развитой легкой индустрией (23% рабочих кожевенной промышленности СССР, 22,3% — бумажной, 17,2% — деревообрабатывающей, 15,9% — пищевой) ²⁹. Милитаризация 30-х годов коснулась всех районов СССР, но в силу того, что руководство страны рассматривало Урал лишь как центр тяжелой промышленности, в Уральском экономическом районе сложилась наиболее «антигуманная структура промышленного производства, в котором удовлетворение потребностей человека стояло на последнем месте» ³⁰.

О методах государственной политики в рабочем вопросе в годы «великого перелома» позволяют составить некоторое представление документы партийных съездов, пятилетних планов, специальных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК. В 30-е годы делался упор на быстрый рост трудовых коллективов — в основном за счет жителей деревни и женщин, то есть малоквалифицированных рабочих ³¹. Курс начала 30-х годов на использование женщин во всех отраслях промышленности, а в конце 30-х годов — и во всех профессиях привел к откату назад в области социального страхования. Тот же смысл имело максимальное использование на Урале рабочих — инвалидов труда численностью в 40 тыс. человек ³². Уже из этого ясно, что выполнение индустриальных планов предполагалось обеспечить нажимом на экстенсивные рычаги.

В 1930—1932 гг. рядом законов и постановлений была создана правовая база для развертывания репрессий против рабочих: вводилась уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной продукции; система принудительной переброски трудящихся с предприятия на предприятие; лишение права пользования жильем, полученным от предприятия, — в случае увольнения, продовольственных и промтоварных карточек — в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин. Без каких-либо дополнительных причин лишались пенсий рабочие, служившие в белой армии; руководство оборонных предприятий наделялось правом выселять рабочих из жилищ всех форм собственности. С 1933 г. выселить за прогул могли даже из кооперативной квартиры ³³. К сказанному добавим постановление СНК о

жесткой регламентации премий, зарплат, фондов заработной платы в целом; постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1931 г., ставившее целью удаление с предприятий «социально чуждых элементов»³⁴, перевод с января 1933 г. Свердловска, Перми, Челябинска, Магнитогорска на положение режимных городов, где в связи с введением паспортов фактически было запрещено проживать «лишенцам» и «раскулаченным»³⁵. Очевидно, таким образом, законодательное ужесточение с начала 30-х годов репрессивных мер по отношению к рабочим.

Каскад административных мер воздействия дополнялся решениями политического характера. Постановлением ЦК и СНК за подписями Сталина и Молотова (от 3 марта 1931 г.) запрещалось выдвигать рабочих на советскую работу³⁶. Хотя в тексте документа срок действия запрета определялся в два года, руководство ВКП(б) тем самым дало понять, что закончило эксперименты с массовым выдвиженчеством из рабочей среды: сформировавшейся новой бюрократии важны были уже не классовые, а номенклатурные принципы.

Составной частью курса на ужесточение административного воздействия стала политика налогового давления на личные хозяйства рабочих в ходе сплошной коллективизации. Это привело к заметному сокращению личных хозяйств уральских рабочих, являвшихся весомым подспорьем для большинства. Был если не выбит, то ослаблен один из тех устоев, на которых в суровых климатических условиях держалась промышленность края. Следствием как этого давления, так и общей материально-бытовой неустроенности стала в начале 30-х годов чрезвычайно высокая, даже по союзным меркам, небывалая в истории России текучесть кадров в трудовых коллективах³⁷. Фактически, то была единственная возможная форма протеста рабочих против политики государства.

Другим показателем неблагополучия стал рост заболеваемости рабочих: ежедневно по этой причине не выходили на работу 20 тыс. человек. В среднем, каждый рабочий по болезни пропускал 15 дней, что было выше общесоюзного показателя и вдвое превышало дореволюционный уровень на Урале³⁸.

В литературе последних лет использование труда заключенных в народном хозяйстве 30-х годов обоснованно соотносится с функционированием тоталитарной системы³⁹. Заметим, однако, что такой исторический прецедент, не только в планировании, но и в области сосуществования юридически свободных и несвободных рабочих, имел место в 1915—1917 годах. Можно было бы счесть случайностью совпадение показателей удельного веса использования принудительного труда в годы первой мировой войны и в 30-е годы (примерно 17%). Но у этого совпадения существовала объективная основа: на лесозаготовках — наименее механизированном производстве с низкими заработками, фрагментарной социальной защитой — комплектование рабочих коллективов немислимо было без чрезвычайных мер. Такая чрезвычайная система трудовых отношений зарождалась в наиболее уязвимых сферах экономики Урала как в дореволюционной России во время войны, так и после 1917 г. — в мирное время.

В силу высокого уровня смертности (6% ежегодно в 1932 г. и в 1933 г.), массового бегства спецпереселенцев из колоний (в 1932 г. в бегах в Уральской области числилось более 20% жителей трудпоселков; в Башкирии — 30%), контингент спецпереселенцев — наиболее массовой (700 тыс. человек) категории лиц принудительного труда первой половины 30-х годов — столь стремительно таял, что к середине 30-х годов занятых в экономике осталось не более 150 тыс., а к 1941 г. — до 100 тыс. человек⁴⁰. Таким образом, непривлекательность труда лишала экономику края того количества рабочих рук, на которое рассчитывали руководители государства. Трудовые коллективы Урала наполнялись слоем людей, готовых к жизни в бараках, к работе в наиболее трудоемких производствах — на лесозаготовках, в рудниках.

Государственная политика по отношению к рабочему классу, естественно, не могла опираться только на принудительные рычаги. Продолжался и

расширялся курс на создание привилегированных групп в самом рабочем классе. Наиболее известна в этом смысле организация движения ударников. Ударничество не случайно начиналось с создания молодежных бригад: манипулировать этой частью рабочих было легче, чем людьми, повидавшими жизнь. В движение ударников на рубеже 20—30-х годов вовлекались и представители старших возрастов. Однако определить границы участия в нем рабочих (как в СССР в целом, так и на Урале) не представляется возможным: официальные отчеты о движении ударников имели настолько произвольный характер, что сами вожди, иногда не без издевки, отмечали формализм кампании, когда в объявленных ударными целых цехах и заводах «рабочие даже не знают, что они ударники»⁴¹. Подлинные причины неучастия значительной части рабочих Урала в движении ударников — нежелание выполнять дополнительные нагрузки за минимальное вознаграждение — отражены в информационных сводках ОГПУ, отмечавших также высокую текучесть состава в ударных бригадах.

Примером уступок, которые властям приходилось допускать, служит изданное в январе 1934 г. постановление СНК «О развитии индивидуального рабочего огородничества»: 250 тыс. гектаров отводилось для расширения огородов рабочих Урала. Оговорка постановления — земля передавалась на 5—7 лет⁴² — говорила о предстоявшей проверке рабочих на благонадежность. Тем не менее оно свидетельствует об определенной эволюции государственной политики. Власть вынуждена была строить отношения с реальным, а не «книжным» рабочим.

Одним из методов расширения социальной базы режима являлся планируемый сверху рост прослойки национальных кадров в рабочей среде. Партийные органы видели, что малограмотные башкирские, удмуртские, татарские рабочие, вчерашние крестьяне, стремясь закрепиться в городе, будут мириться со многими недостатками быта, и их можно использовать для давления на кадровых рабочих, мало подверженных пропагандистским кампаниям. В результате не только искусственно увеличивался удельный вес национальных рабочих⁴³, но и вносилась в рабочие коллективы межнациональная рознь⁴⁴.

Из первых лет пятилетки и руководство партии, и различные социальные группы в составе рабочего класса вынесли собственный опыт. К середине 30-х годов был исчерпан эффект ударничества, основанного главным образом на применении моральных стимулов, и тарифных реформ 1928 и 1931 гг., проводивших принцип уравнительности в оплате труда. Систематическая недоплата рабочим лишала труд стимулов, девальвировалось звание ударника, сокращались темпы прироста промышленной продукции и численности рабочих⁴⁵. По отношению к рабочим были испробованы противоречивые меры стимулирования: как непоследовательные экономические, так и жесткие административные методы. Сторонники той и другой практики подошли к 1935 г. со своим набором решений, и это наглядно проявилось в истории стахановского движения.

По материалам печати осени 1935 г. видно, чего ожидали руководители партии и государства от пропаганды рекорда А. Стаханова. Ведущее место на страницах газет занимала подробная информация: сколько зарабатывают Стаханов и его последователи. Примеры десятикратного превышения средней оплаты труда рабочих, разумеется, производили впечатление. В условиях острого жилищного кризиса рабочие с особым вниманием читали сообщения о выделении стахановцам отдельных квартир. «Стахановское движение... открывает перед рабочими дорогу к резкому улучшению материально-бытового положения», — подчеркивала «Правда» 12 октября. Звучали привычные слова о роли рабочего класса в социалистическом строительстве, однако фактически речь шла о допущении оплаты труда без ограничений. Именно с этим, а также с подъемом профессионализма рабочих руководство Наркомтяжпрома связывало смысл стахановского движения⁴⁶.

Но в то же время печать использовалась для давления, запугивания, угроз тем, кто не присоединится к стахановскому движению; этими тонами

окрашивались выступления государственных деятелей⁴⁷. Различные подходы к стахановскому движению нашли отражение в документах декабрьского (1935 г.) пленума ЦК ВКП(б), единственный раз в истории Коммунистической партии рассмотревшего специальным вопросом проблемы организации труда и технической подготовки рабочих. Решения пленума ЦК содержали основы самой серьезной за 20—30-е годы программы повышения культурно-технического уровня рабочих крупной промышленности. Сочетание подготовки рабочих путем обучения в профтехшколах и непосредственно на производстве ставило целью существенно повысить их квалификацию. К позитивным сторонам государственной программы технического обучения рабочих непосредственно на производстве следует отнести прежде всего обязательность и последовательность стадий обучения. Соединение таких принципов с жестким контролем тоталитарного государства (например, увольнение за несданный техэкзамен) позволило пропустить через начальное звено системы технику большую часть рабочих Урала⁴⁸.

По словам И.В. Сталина, стахановское движение должно было произвести революцию в промышленности. Но на первый план (и это вошло в резолюции пленума) он выдвигал борьбу с «врагами стахановского движения». В то же время незадолго до пленума передовая статья «Правды» важнейшей проблемой стахановского движения называла вопросы совершенствования оплаты труда рабочих. Обращало на себя внимание противоречие между высказыванием на пленуме секретаря ЦК А.А. Андреева — «все справочники по нормированию должны быть выброшены как хлам» и словами наркома тяжелой промышленности С.Орджоникидзе о том, что пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учетом мнения самих рабочих⁴⁹. Очевидно, что утверждение О.В. Хлевнюка: «Архивные документы не подтверждают разделения умеренных и радикалов в Политбюро»⁵⁰, нуждается в уточнении. Не вызывает сомнений верность членов партийного руководства делу максимального огосударствления экономики. Но приведенные факты говорят о различных подходах к методам достижения целей.

С первого дня 1936 г. набирала силу кампания за проведение «стахановских суток» на каждом рабочем месте (по официальным данным, число стахановцев среди рабочих крупной промышленности якобы достигало 18,5%⁵¹). Вера в магическую силу агитационной кампании и приказа давала о себе знать. 20 января 1936 г. газеты сообщили о начале «стахановской пятидневки» на всех предприятиях как о свершившемся факте. Анализ материалов позволяет сделать вывод: «штурм рекордов» начался без использования материальных стимулов для основной массы рабочих. Январские газеты, печатая диаграммы ежедневного выпуска промышленной продукции, словно дрожали от напряжения. Но в конце января кривая показателей устремилась вниз. И тут же последовал призыв к «стахановскому гуду»⁵².

Превзойти плановые рубежи предполагалось прежде всего за счет усиления интенсивности труда. На Мотовилихинском (Молотовском) оружейном заводе, например, рабочие в январе 1936 г. вместо положенных 150 часов отработали 250—300. На предприятиях треста «Востоксталь» в 1936 г. сверхурочно было отработано 996 тыс. часов. Это привело к увеличению травматизма металлургов на 20% в сравнении с предыдущим годом. Более чем на треть возрос травматизм на военных заводах Урала; заметно увеличился брак. В январе 1936 г. бракованными оказались 77% снарядов Серовского механического завода⁵³. Итоги января 1936 г. — «месяца рекордов» — ошеломляли: не только не произошло ожидаемого рывка, но, напротив, в ряде отраслей (например, в угледобыче) был зафиксирован спад⁵⁴.

Использование на протяжении короткого времени на самых различных предприятиях региона стандартных мер: щедрого денежного вознаграждения стахановцев, предоставления им квартир с мебелью, свидетельствует о запланированном и проведенном по команде сверху, широко рекламируемом эксперименте. Один из начальников участков на Пермском авиамоторном за-

воде откровенно рассказывал о том, как выбирались стахановцы: администрация отобрала наиболее подготовленных рабочих и создала им соответствующие условия⁵⁵.

Казалось бы, общество нуждалось в анализе происходящего. Но с февраля 1936 г. тема стахановского движения практически, пусть на время, исчезает со страниц газет и журналов. Молчание выдавало неудовольствие руководства ВКП(б): плоды усилий государства оказались отличными от замыслов. Слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев был невелик — и это тоже было естественно в условиях регламентации фондов заработной платы. Если судить по данным Центрального управления народнохозяйственного учета, стахановское движение во второй половине 30-х годов набирало силу. Однако фактическое положение дел обстояло иначе. «На деле идет сокращение числа стахановцев в черной металлургии», — проговорился журнал «Стахановец» в августе 1937 года⁵⁶. То же наблюдалось в других отраслях. Основная масса рабочих, расценив увеличение норм выработки при сохранившихся ставках оплаты как обман, не желала подменять повседневный труд героическим перенапряжением. Система оплаты труда, предусмотренная стахановским движением, оказалась несовместимой с финансовой несамостоятельностью предприятий. Проблема для власти заключалась в том, что стахановское движение (как и движение ударников в более ранний период) не привело к превращению рабочих в покорную массу, готовую к любым манипуляциям.

Весь опыт советской политики в рабочем вопросе подталкивал Сталина и его окружение к сочетанию «кнута и пряника». Лесть и славословие по адресу рабочего класса, усиленные тотальной идеологизацией всех сторон жизни, сочетались с созданием системы инструкторов стахановских методов труда, а потому и действительной передачей опыта новаторов (за 1936—1940 гг. стахановские курсы и школы закончили 1723,6 тыс. рабочих⁵⁷). В мае 1940 г. (без сомнения, с опозданием) был сделан вывод об обязательной оплате труда рабочих — руководителей стахановских школ⁵⁸. Делались попытки реанимировать стахановское движение, превратить его участников в особый привилегированный слой мастеров и бригадиров.

И все-таки главная роль отводилась репрессивным мерам. Постановление «О введении трудовых книжек» (1938 г.) ставило социальное обеспечение в зависимость от непрерывного стажа работы на одном предприятии. Осенью 1938 г. («по просьбе рабочих Уралмаша») было принято постановление об увольнении за прогул⁵⁹. Это только подхлестнуло процессы текучести рабочей силы в 1939 году. Если в 1938 г. с предприятий Главуралмета уволились 85,8% рабочих от годового среднесписочного состава, то в 1939 г. — 123,2%, то есть в среднем рабочие уже не оставались на одном и том же предприятии хотя бы год⁶⁰. В обстановке репрессий рабочих-стахановцев заставляли выступать с «разоблачительными» статьями, которые сегодня неловко читать⁶¹.

И вал репрессий не шадил рабочих. В 1937 г. в СССР было осуждено 272 157 рабочих, 298 184 служащих, 306 548 колхозников⁶². Можно было бы говорить о примерно равной тяжести репрессий, выпавшей на долю основных социальных слоев общества. Однако к тому времени слой служащих подвергся «орабочиванию»⁶³. В числе репрессированных в 30-е гг. в Удмуртии на рабочих приходилось 23,7%. Однако и среди «лиц без определенного места работы» (22,4% репрессированных) насчитывалось большое число рабочих⁶⁴. В Свердловской области, как установлено нами на основе контент-анализа, рабочих крупной промышленности в числе репрессированных в 1937—1938 гг. насчитывалось 24,3%, что близко к показателю по Удмуртии. Из репрессированных в 1937 г. почти треть (30,7%) были расстреляны, причем в числе расстрелянных 32,9% составляли рабочие крупной промышленности⁶⁵. Сопоставление удельного веса рабочих крупной промышленности в самодельном населении Урала (18%), доли в числе репрессированных (24,3%) и числе расстрелянных (32,9%) дает основание судить о подлинном отношении сталинского режима по отношению к «классу-гегемону».

Тоталитарный режим диктовал и особые нормы поведения рабочих. Обращаясь вновь к составу рабочих крупной промышленности Свердловской области, репрессированных в 1937—1938 годах, выделим в этом массиве, как наиболее характерную, группу расстрелянных русских рабочих. Анализ состава этой группы указывает на ряд закономерностей. Во-первых, на 2/3 эти рабочие были старше 40 лет, в том числе 1/4 — старше 50 лет. Во-вторых, подавляющее большинство — рабочие вспомогательных цехов. В-третьих, почти 90% — выходцы из сельской местности. Вывод очевиден: наиболее тяжелые репрессии пришлось на долю тех рабочих, которым труднее всего пришлось приспособиться к городской жизни: обреченным на жизнь в бараках и нищенскую зарплату. Можно также заключить, что квалифицированные рабочие — жители городских поселений (как правило, владельцы огородов и жилья) стремились не совершать поступков, которые можно было бы расценить как противодействие режиму. Правда, и в этом случае гарантии от ареста быть не могло. Выборочное изучение дел репрессированных квалифицированных рабочих показывает: основанием для обвинений могло послужить само наличие у рабочего земельного участка и своей кузни, либо критика качества инструментов, либо участие в прошлом в партии эсеров ⁶⁶.

Приведенные данные основаны на материалах Свердловской области. В районах расположения бывших казенных заводов картина репрессий выглядит иначе: здесь преследованиям подвергались прежде всего местные жители — кадровые рабочие. В 1935 г. были арестованы и осуждены 7 потомственных, квалифицированных рабочих Мотовилихинского завода с большим стажем. Материалы следственного дела показывают, что рабочие критически оценивали советскую действительность. Об этом говорят их характеристики Сталина как диктатора, а положения рабочих — как кабалы. В вину рабочим ставилась и поддержка, оказанная ими в начале 20-х годов лидеру «рабочей оппозиции» на Урале Г.И. Мясникову ⁶⁷. О реальной политике по отношению к кадровым рабочим свидетельствует уникальный документ: приказ наркома оборонной промышленности М. Кагановича от 5 июня 1938 г., в котором говорилось, что «намеренная чистка заводов потребует увольнения 10 260 человек, преимущественно квалифицированных рабочих» ⁶⁸.

В числе спецпереселенцев, занятых перед войной в лесном хозяйстве, рабочие составляли более 30% ⁶⁹. С учетом этого, принимая во внимание гибель массива выдвиненцев-рабочих, представляется возможным сделать следующий вывод: наиболее пострадали от сталинских репрессий рабочие, а среди них, как наиболее сознательный слой — рабочие крупной промышленности. Наиболее суровая участь постигла бывших рабочих казенных заводов. В частности среди советских граждан, занятых на Мотовилихинском заводе и расстрелянных в 1937 г., 3/5 составляли рабочие-оружейники ⁷⁰.

Своеобразный итог «рабочей политики» ВКП(б) подвел указ от 26 июня 1940 г., предусматривавший тюремное заключение за 20-минутное опоздание на работу. К началу войны по этому указу — самому антирабочему закону в истории страны — были осуждены 1264 тыс. человек; узаконены были также репрессии против «летунов», но показатели текучести рабочих оставались высокими ⁷¹.

На протяжении трех предвоенных пятилеток программы экономической модернизации получали все более «усеченный характер» и, как следствие, во все меньшей степени учитывали подлинные интересы рабочих. До революции государство, стремясь найти опору в рабочем классе, выход видело в создании особой социальной группы — рабочих казенных заводов. Тем же путем, но другими методами действовала власть и после 1917 г., что объяснялось однотипностью имперской модели развития, военным характером государства. В качестве опорных слоев в рабочем классе рассматривались выдвиненцы, партийная прослойка в рабочих коллективах, сегменты нерусских рабочих. По завершении формирования управленческого эшелона, новой опорой должны были стать стахановцы, сочетавшие квалифицированный труд

с преданностью правящей партии. Государство выстроило сложную иерархию в рабочей среде, разложив эту массу на социальные группы в зависимости от политической лояльности режиму, социального происхождения, места проживания, рода занятий. Прикрепив рабочих к месту проживания и месту работы, сталинский режим фактически разделил рабочих на ряд сословий. Таким образом происходило становление новой социальной иерархии. Постепенное усиление репрессивных методов во внутренней политике государства на протяжении 30-х годов привело в итоге к своеобразной форме закрепощения рабочих и созданию в рабочем классе Урала растущего слоя лиц подневольного труда.

Вместе с тем в политике по отношению к рабочему классу также традиционно сочетались принципы патернализма и задачи индустриализации. Наиболее полно такое переплетение проявилось в программе технической учебы рабочих, с ее принудительно-обязательным характером, а также в установлении тем или иным категориям рабочих размера заработной платы в зависимости от степени их политической лояльности.

В конструировании своей политики руководству СССР приходилось считаться с жизненными реалиями: государство отказалось от курса на преобладание исключительно моральных стимулов в организации труда. Попытка экспроприировать земельные участки рабочих завершилась компромиссом: власть смирилась с тем, что часть рабочих не являлась «чистыми» пролетариями; рабочие — с тем, что в их владении оставались лишь небольшие участки земли. В целом власть добилась от рабочих СССР смирения, повиновения приказам. Но такой рабочий класс не мог стать носителем модернизации.

Примечания

1. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 2. Социальные проблемы. Проблемы распределения. Труд и культура. М. 1930, с. 20—21, 40—41, 186—190, 203—208, 291, 305.
2. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск. 1927, с. 58—59; Первый пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. М. 1930, с. 165, 185, 244—246.
3. См., напр.: ЛЕЛЬЧУК В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М. 1975, с. 121—145.
4. НЭП: приобретения и потери. М. 1994; Власть и советское общество в 1917—1930 гг. — Отечественная история, 2000, № 1. Неубедительным представляется ряд положений, выдвинутых Ю.Н. Жуковым. Он констатирует факт разногласий между И.В. Сталиным и «ортодоксальными партийными деятелями, отказывающимися поступиться своими принципами». Дальнейший текст приводит к мысли, что для Сталина конституционная реформа предполагала введение альтернативных состязательных выборов, расширение массовой базы избирателей, но этому противилось большинство партийных функционеров (ЖУКОВ Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года. — Вопросы истории, 2002, № 1, с. 8, 9, 10, 12). Нет необходимости доказывать, чем была в действительности для диктатора Конституция 1936 года. Об этом написано немало; упускается лишь иногда, что класс-«гегемон» понес (по данным, относящимся к Уралу) от незаконных репрессий наиболее тяжелые жертвы. Что же касается отмены привилегий для рабочих в избирательном процессе (в этом заключалась одна из существенных черт конституционной реформы), то к этому привело не стремление Сталина и его ближайшего окружения к демократизации общества, а окончательное осознание ими того, что рабочий класс не является верным помощником ВКП(б) и исполнителем партийных решений, о чем говорилось еще в закрытых партийных документах конца 20-х годов (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 11, д. 277, л. 8, 117—135; Государственный архив новейшей истории и общественных движений Пермской области (ГАНИОПДПО), ф. 620, оп. 10, д. 19, л. 24—42). Опыт движения ударников, стахановского движения только подтвердил выводы этих документов: наличие собственных интересов у рабочих СССР, приоритет материального над идеологическим. Во второй половине 30-х годов партийная прослойка среди промышленных рабочих быстро сокращалась. К январю 1941 г. число членов ВКП(б) среди

- рабочих крупной промышленности Урала не превышало 4% (втрое меньше, чем в начале 30-х годов) (подсчитано по: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 4, оп. 33, д. 173, л. 2; оп. 35, д. 186, л. 3; ГАНИОПДПО, ф. 105, оп. 9, д. 3, л. 109; Центр документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО), ф. 288, оп. 2, д. 129, л. 2, 9; д. 346, л. 57; оп. 15, д. 191, л. 2). Для значительной части партийных функционеров формальные положения Конституции 1924 г. о привилегиях для рабочих в избирательном процессе все еще оставались частью марксистской идеологии, романтизированной атрибутикой и, зачастую, данью собственному социальному прошлому. Возможно, конечно, что Сталин яснее других осознал глубину различия интересов бюрократического слоя и рабочих в СССР.
5. РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 277, л. 8, 117—135; ГАНИОПДПО, ф. 620, оп. 10, д. 19, л. 24—42.
 6. Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. М. 1928, с. 504, 506, 514; РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, д. 677, л. 1, 65.
 7. ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 9, л. 206; д. 46, л. 4, 55; ГАНИОПДПО, ф. 557, оп. 4, д. 79, л. 22; д. 91, л. 1; Уральский коммунист, 1928, № 3, с. 43.
 8. РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, д. 677, л. 63—65.
 9. Материалы о культурном строительстве на Урале. К пленуму обкома ВКП(б) 29 октября — 3 ноября 1928 г. Свердловск. 1928, с. 10—11.
 10. ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 100, л. 29; д. 63, л. 51; БУЛАВИН М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917—1927 гг. (на примере Урала). Автореф. канд. дис. Екатеринбург. 2000.
 11. Подсчитано по: XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М. 1930, с. 83; ЦДООСО, ф. 4, оп. 11, д. 438, л. 25.
 12. ЦДООСО, ф. 4, оп. 11, д. 438, л. 32.
 13. Выступления в «Рабочем журнале», органе профсоюзов Урала, на протяжении четырех лет имели столь критический характер, что в 1926 г. журнал был закрыт. С начала 30-х годов фактически перестали выходить журналы «Уральский коммунист» и «Хозяйство Урала».
 14. ЦДООСО, ф. 4, оп. 10, д. 280, л. 62.
 15. СИМОНОВ Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. М. 1996, с. 61—62, 321; Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 4372, оп. 91, д. 258, л. 4—19.
 16. РГАЭ, ф. 4372, оп. 91, д. 24, л. 10—11.
 17. Там же, д. 514, л. 191—201об.; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5674, оп. 3, д. 10, л. 142—144.
 18. РГАЭ, ф. 4372, оп. 91, д. 463, л. 187—191, 278.
 19. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. М. 1930, с. 187—188; Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия, с. 321.
 20. Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930 г. Вып. 2. Свердловск. 1930, с. 94; Пятнадцать лет Советской Башкирии. Сб. ст. Уфа. 1934, с. 106, 110.
 21. XVI съезд ВКП(б), с. 738—739.
 22. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). М. 1934, с. 325—355, 399—416; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР на 1938—1942 гг. М. 1939, с. 153—160, 198.
 23. НЕМЧИНОВ В.С. Народное хозяйство Урала в 1923 г. Екатеринбург. 1923, с. 3; Пятилетний план развития хозяйства СССР. Т. 3. М. 1930, с. 37.
 24. Пятилетний план развития хозяйства СССР. Т. 3, с. 563. Данные по промышленности, планируемой ВСНХ.
 25. РГАЭ, ф. 4372, оп. 37, д. 940, л. 28.
 26. Там же, ф. 1562, оп. 329, д. 811, л. 10—11.
 27. ТАНЯЕВ А.П. Проблема промышленных кадров для «Большого Урала». — Уральский коммунист, 1930, № 3-4, с. 30.
 28. История народного хозяйства Урала (1917—1945). Ч. 1, с. 145.
 29. Плановое хозяйство, 1928, № 4, с. 18.
 30. АНТУФЬЕВ А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. — Отечественная история, 2000, № 2, с. 91.
 31. См. варианты планов первой пятилетки в Уральской области: ГАСО, ф. 241р, оп. 2, д. 3168, л. 113; оп. 1, д. 365, л. 49 и др.
 32. Вопросы страхования, 1930, № 8, с. 4; 1931, № 13, с. 16—17; № 14, с. 17—18; № 19, с. 24.
 33. Собрание узаконений (СУ) СССР, 1930, № 2, ст. 5; № 6, ст. 69; 1932, № 78, ст. 475; 1931, № 60, с. 387; 1933, № 42, с. 244.
 34. Там же, 1931, № 4, ст. 47; № 81, ст. 493; Вопросы труда, 1931, № 1, с. 81.
 35. ПОПОВ В.П. Паспортная система в СССР (1932—1976). — Соисс, 1995, № 8-9, с. 4.
 36. СУ СССР, 1931, № 20, ст. 172.

37. ДАМЭН С. Текущность рабочей силы на Урале. — Вопросы труда, 1930, № 6; ГАСО, ф. 88, оп. 1, д. 47, л. 143об.
38. Вопросы страхования, 1931, № 12, с. 12; № 18, с. 4; Уральское хозяйство в цифрах. 1931—1932 гг. Свердловск. 1933, с. 142.
39. См. например: ХЛЕВНЮК О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929—1941. — Свободная мысль, 1992, № 13, с. 82; КИРИЛЛОВ В.М. История репрессий на Урале (1920 — начало 50-х гг.). Автореф. докт. дис. Нижний Тагил. 1997.
40. ШМАКОВА Н.П. К вопросу о спецпереселенцах на Урале в 30-е гг. В кн.: История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург. 1994, с. 104; ДАВЛЕТШИН Р.А. Условия жизни и судьба спецпереселенцев в Башкирской АССР. Там же, с. 30; КИРИЛЛОВ В.М. История репрессий на Урале (1920 — начало 50-х гг.). Докт. дис. Нижний Тагил. 1997, с. 136—137; ЗЕМСКОВ В. Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954). — Отечественная история, 1994, № 1, с. 127.
41. XVI съезд ВКП (б), с. 61. Доклад Л.М. Кагановича.
42. СУ СССР, 1934, № 1, ст. 8. См. ДЕНИСОВИЧ М.В. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985 гг.). Екатеринбург. 1991, с. 71.
43. За годы первой и второй пятилеток национальная прослойка в составе рабочих на предприятиях государственной промышленности возросла в Удмуртии с 3,7% до 16,4%, в Башкирии — с 6,9% до 12,7% (ВОЛКОВА Н.Б. Деятельность Удмуртской партийной организации по подготовке и воспитанию рабочих республики в годы второй пятилетки. Автореф. канд. дис. Свердловск. 1979, с. 13; Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1. Уфа. 1971; с. 129).
44. Вопросы истории Удмуртии. Вып. 3. Ижевск. 1975, с. 25—30; БЕХТЕРЕВА Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. — Отечественная история, 2000, № 2, с. 175—176.
45. КОЗЛОВ В.А., ХЛЕВНЮК О.В. Начинается с человека. М. 1988, с. 125—126.
46. Правда, 24.X.1935. Выступление Г.Л. Пятакова на совещании работников НКТП.
47. Правда, 10.X.1935; За индустриализацию, 22.XI.1935, 22.III.1936.
48. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М. 1981, с. 202, 203; ВДОВИН А.И., ДРОБИЖЕВ В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. М. 1976, с. 198—200; Борьба партийных организаций Урала за развитие тяжелой промышленности в период строительства социализма. Вып. 1. Челябинск. 1978, с. 84, 91.
49. Правда, 22, 26.XII., 24.XI.1935.
50. ХЛЕВНЮК О.В. Политбюро. М. 1996, с. 8.
51. История советского рабочего класса. Т. 2. М. 1984, с. 29.
52. За индустриализацию, 26.I., 4. II.1936.
53. Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 841, оп. 1, д. 36, л. 123—125; ЦДОСО, ф. 4, оп. 13, л. 329, л. 2—3; оп. 14, д. 445, л. 7, 17—18; оп. 13, д. 329, л. 2—3.
54. Правда, 29.IV., 21.V.1936.
55. ЦДОСО, ф. 4, оп. 13, д. 122, л. 8; д. 533, л. 11, 42.
56. КУЗЬМИНОВ И.И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М. 1940, с. 153; Стахановец, 1937, № 8, с. 34.
57. РГАЭ, ф. 1562, оп. 17, д. 833, л. 3.
58. Правда, 24.V.1940. Редакционная статья «О ложной экономии в стахановских школах».
59. СУ СССР, 1938, № 58, с. 330; 1939, № 1, с. 1.
60. ГАСО, ф. 1814, оп. 1, д. 450, л. 73—74.
61. См., например: Стахановец, 1937, № 10, с. 10—11.
62. КОРОВИН Н.Р. Рабочий класс России в 30-е годы 20 в. Автореф. докт. дис. М. 1996, с. 33.
63. ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность. — Отечественная история, 2000, № 5, с. 38—45.
64. ПОДШИВАЛОВ А.А. Меч без щита. Ижевск. 1991, с. 16.
65. Подсчитано по: Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Т. 1. Екатеринбург. 1999, с. 11—111; т. 2. Екатеринбург. 2000, с. 7—138. Используются данные по 2644 репрессированным, в том числе по 646 рабочим (фамилии на букву А и В.)
66. Государственный архив административных органов Свердловской области, ф. 1, оп. 2, д. 40 953, л. 1—9; д. 17 479, л. 157—160; д. 23 831, л. 176—180.
67. Государственный архив административных органов Пермской области, ф. 2, оп. 1, д. 26 710, л. 1—159.
68. РГАЭ, ф. 7515, оп.1, д.352, л. 121.
69. КУЗНЕЦОВ А.Ф. Репрессии на Урале в 20—30-е гг. В кн.: История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург. 1994, с. 117.
70. ГАНИОПДПО, ф. 90 (коллекция документов), д. Г-75.
71. Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 142; ГАСО, ф. 262, оп. 3, д. 140, л. 18—23; ф. 122, оп. 2, д. 455, л. 1; РГАЭ, ф. 8115, оп. 2, д. 68, л. 30.

К истории создания самолета Ил-2

А.А. Щербаков

Самолет Ил-2 был одним из наиболее эффективных видов оружия Красной армии в Великой Отечественной войне наряду с танком Т-34 и установкой залпового огня Катюшей.

Аналогичных по назначению и эффективности самолетов не было ни в одной армии мира. Ил-2 посвящено немало статей специалистов, и он, несомненно, займет свое место в истории техники. Я же хочу рассказать о том, что говорил о создании самолета Сергей Владимирович Ильюшин, будучи моим консультантом по дипломному проекту в академии им. Жуковского. Сергей Владимирович делился со мной своими соображениями о работе авиационного конструктора и рассказывал о том, как он пришел к идее создания самолета Ил-2. Это я и постараюсь пересказать по памяти, исключая некоторые технические подробности.

Еще во время гражданской войны в Испании на наших самолетах не было никакой защиты от пуль истребителей и осколков зенитных снарядов. Достаточно было попадания одной пули в летчика или в бензиновый бак, и самолет падал или превращался в пылающий факел. Некоторые летчики использовали в качестве бронеспинки лемех плуга из сельской кузнецы. К бронированию самолетов многие конструкторы относились отрицательно, считая, что «нельзя броней утяжелять самолет. Нельзя его превращать в танк».

Сергей Владимирович после долгих размышлений и расчетов определил основные принципы и параметры бронированного самолета. Во-первых, броня не должна быть такой толстой как у наземной техники. Эффективность наземной брони рассчитана на попадание пули или снаряда под прямым углом. Но самолет летит со скоростью 400 км/час., то есть 100 м/сек. Хотя это существенно меньше скорости пули или снаряда, но все же удар будет не прямым, а скользящим, и его выдержит более тонкая броня. Самолет не нужно бронировать целиком. Попадание в крыло или фюзеляж не собьет самолет. Жизненными частями самолета являются экипаж, мотор, масляная и бензиновая системы. Для прикрытия броней нужно собрать их вместе в минимально возможный объем. Тогда площадь и вес брони могут быть приемлемы для самолета. Такая компоновка существенно отличалась от традиционных схем самолетов. Ранее бронеспинка или другая броня имели только защитную функцию. Сергей Владимирович решил включить броню в силовую схему самолета, то есть броня должна будет воспринимать аэродинамические и инерционные нагрузки. В этом случае отпадает необходимость некоторой части силовых элементов конструкции и броня, тем самым, частично снижает вес самолета.

Утяжеленный броней и более мощным оружием, штурмовик будет уступать истребителю в скорости и маневренности. Значит, он должен иметь оборонительное от

истребителей оружие. Он должен защищать себя от атак с задней полусферы. (Огонь штурмовика в переднюю полусферу сильнее огня любого истребителя). Штурмовик должен иметь стрелка и быть двухместным. Новый тип оружия требует новых тактических форм. По мнению Сергея Владимировича применение штурмовиков должно быть массовым, так как при массированном налете зенитная оборона будет рассредоточена по многим целям и не сможет надежно прикрыть объект защиты. Продумав и просчитав все это, Ильюшин обратился к правительству со следующим письмом:

Тов. Сталину И.В. Тов. Молотову В.М, Тов. Ворошилову К.Е. Тов. Кагановичу М.М. Тов. Локтионову (ВВС). Тов. Смушкевичу (ВВС).

При современной глубине обороны и организованности войск, огромной мощности огня (который будет направлен на штурмовую авиацию) — штурмовая авиация будет нести крупные потери.

Наши типы штурмовиков, как строящиеся в серии ВУЛТИ, ХАИ-5 (констр. Нейман), так и опытные «Иванов» (констр. Сухой) и «Иванов» (констр. Нейман) имеют большую уязвимость, так как ни одна жизненная часть этих самолетов: экипаж, мотор, маслосистема, бензосистема и бомбы — не защищены. Это может в сильной степени понизить наступательные способности нашей штурмовой авиации.

Поэтому, сегодня назрела необходимость создания бронированного штурмовика или иначе говоря летающего танка, у которого все жизненные части забронированы.

Сознавая потребность в таком самолете, мною в течение нескольких месяцев велась работа над разрешением этой трудной проблемы, результатом которой явился проект бронированного самолета-штурмовика...

Для осуществления этого выдающегося самолета, который неизмеримо повысит наступательные способности нашей штурмовой авиации, сделав ее могущей наносить сокрушительные удары врагу без потерь или с очень малыми потерями с ее стороны, прошу освободить меня от должности Начальника Главка, поручив мне выпустить самолет на государственные испытания в ноябре 1938 г.

Задача создания бронированного штурмовика исключительно трудна и сопряжена с большим техническим риском, но я с энтузиазмом и полной уверенности за успех берусь за это дело.

27. 1 1938 г.

(Сер. Ильюшин) ¹

Опытный образец был вскоре представлен на государственные испытания, но неожиданно активными противниками самолета выступили командование ВВС и руководство НИИ ВВС, выдвинув такой аргумент: «Нигде в мире такого самолета нет, значит такой самолет никому не нужен». Одним из условий принятия на вооружение было: сделать самолет одноместным, то есть убрать стрелка, защищающего самолет от истребителей. Сергей Владимирович вынужден был согласиться. Чем обосновывали свои требования заказчики, сегодня выяснить невозможно. Самолет был запущен в одноместном варианте в серийное производство на воронежском заводе № 18.

С началом войны завод № 18 был эвакуирован в г. Куйбышев. В тяжелых условиях под открытым небом (корпуса завода еще не были достроены) началось производство самолетов. Уже в 1941 г. в битве за Москву самолет, получивший название Ил-2, показал свои возможности и был по достоинству оценен, о чем говорит известная телеграмма Сталина:

«Телеграмма правительственная.

Два адреса: Куйбышев. Директору завода № 18 Шенкману. Копия директору завода № 1 Третьякову.

ВЫ ПОДВЕЛИ НАШУ СТРАНУ И НАШУ КРАСНУЮ АРМИЮ ТЧК ВЫ НЕ ИЗВОЛИТЕ ДО СИХ ПОР ВЫПУСКАТЬ ИЛ-2 ТЧК САМОЛЕТЫ ИЛ-2 НУЖНЫ НАШЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ КАК ВОЗДУХ КАК ХЛЕБ ТЧК ШЕНКМАН ДАЕТ ПО ОДНОМУ ИЛ-2 В ДЕНЬ А ТРЕТЬЯКОВ ДАЕТ МИГ-3 ПО ОДНОЙ ПО ДВЕ ШТУКИ ТЧК ЭТО НАСМЕШКА НАД СТРАНОЙ ЗПТ НАД КРАСНОЙ АРМИЕЙ ТЧК НАМ НУЖНЫ НЕ МИГИ А ИЛ-2 ТЧК ЕСЛИ 18 ЗАВОД ДУМАЕТ ОТБРЕХАТЬСЯ ОТ СТРАНЫ ДАВАЯ ПО ОДНОМУ ИЛ-2 В ДЕНЬ ТО ЖЕСТОКО ОШИБАЕТСЯ И ПОНЕСЕТ ЗА ЭТО КАРУ ТЧК ПРОШУ ВАС НЕ ВЫВОДИТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЗ ТЕРПЕНИЯ И ТРЕБУЮ ЧТОБЫ ВЫПУСКАЛИ ПОБОЛЬШЕ ИЛОВ ТЧК ПРЕДУПРЕЖДАЮ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ТЧК

№ 1553 СТАЛИН ²»

Разумеется, слова «как воздух, как хлеб» не личное мнение Сталина, а требование фронтового командования.

К сожалению, потери Ил-2 в 1941—1942 гг. были велики. Еще не была отработана тактика боевого применения. Позже, когда стал использоваться противозенитный маневр и выделились самолеты для подавления зенитных средств, потери суще-

ственно снизились. Но главной причиной потерь было отсутствие оборонительного оружия в задней полусфере. Это стало очевидно во время битвы за Москву.

В феврале 1942 г. в ОКБ поступило непосредственное указание Сталина о производстве двухместного штурмовика Ил-2.

— «На Ваших самолетах хорошо воюют. Особенно хвалят Ил-2. Но при запуске в серию мы приняли решение по одноместному варианту не учтя Ваших возражений. Теперь речь идет о том, чтобы как можно скорее перейти на двухместный вариант. Делайте что хотите, но конвейер останавливать не разрешаю. Немедленно дайте фронту двухместный самолет»³.

В марте 1942 г. ОКБ передало конструкторскую документацию на серийный завод, а в сентябре Куйбышев перешел на выпуск двухместных самолетов. Нужно учесть, что в условиях непрерывного производства переделать самолет на двухместный было очень сложно. Пришлось пойти на упрощенный вариант, в котором стрелки не имели бронезащиты, от чего несли большие потери.

Начиная с 1943 г. в боевой комплект Ил-2 были включены кумулятивные малокалиберные бомбы ПТАБ, которые были очень эффективным оружием против танковой брони. Ил-2 стал грозным истребителем танков.

Что касается потерь, то действительно среди штурмовиков их было больше, чем в других видах авиации. Но какой другой самолет мог бы выполнить задачи Ил-2 с меньшими потерями? Ведь условия боевого применения были таковы, что все огневые средства противника от ПВО до оружия танков и пехоты были направлены на Илов, летящих на небольшой высоте. Однако боевая живучесть этого самолета была очень высокой. Вот пример, неоднократно описанный в немецкой литературе:

Командир известной группы асов полковник Храбек, ведя звено мессершмитов 109, увидев одинокий Ил, дал команду его сбить. Первый истребитель зашел Илу в хвост и выпустил по нему весь боекомплект. Никакого видимого эффекта. Ил продолжал лететь. — «Что там у вас происходит?» — спросил по радио Храбек и получил ставший классическим ответ. — «Господин полковник, а как укусить ежа за задницу?»

В конце войны ОКБ Ильюшина создало новый самолет — Ил-10. Это был существенно улучшенный вариант Ил-2. Так, благодаря броневой защите, существенно снизились потери стрелков. Ил-10 имел скорость и маневренность, почти не уступающие истребителям. Сергей Владимирович отмечал, что на Ил-10 мы поставили более скоростное крыло, которое имело профиль НАСА-230. На Ил-2 крыло имело профиль KLARK-YH, оно не теряло несущих свойств даже при значительном разрушении обшивки. Крыло с НАСА-230 этим важным качеством не обладало и даже от небольшого разрушения обшивки самолет терял управляемость. Когда после войны делали Ил-10М, мы вернулись к старому крылу. Нам говорили: профиль НАСА-230 дал бы прибавку скорости 20—30 км/час. Я ответил: прибавка к пуду пуд это прибавка, а прибавка к пуду золотник не стоит внимания. Боевая живучесть стоит дороже.

Далее Сергей Владимирович рассказал, как после войны ему дали задание создать реактивный штурмовик. Однако по его расчету тогда это было сделать невозможно. Двигатели имели большие габариты и большой расход топлива. Защитить броней такие объемы двигателей и топливных баков можно было только перетяжелить самолет. В конце 1940-х годов появились более экономичные двигатели с осевыми компрессорами, имевшие существенно меньший диаметр. И тогда был создан реактивный штурмовик Ил-40. В 1951—1952 годах он успешно прошел государственные испытания. Но, бывший тогда министром обороны, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков сказал, что штурмовик — малоэффективное оружие и приказал все работы по штурмовикам прекратить. Это было далеко не лучшее решение. Последующие годы локальных войн и конфликтов потребовали именно самолет штурмовик. В 1970-е годы возобновилось проектирование штурмовиков примерно по тем же принципам, что и Ил-2. Созданный тогда Су-25 является хорошим тому примером и на сегодняшний день.

В заключение процитирую оценку Ил-2, данную командующим ВВС Красной Армии А.А. Новиковым, из книги маршала авиации И.И. Пстыго «На боевом курсе»:

— «Нужно до земли поклониться создателю такого самолета».

Примечания

1. Экспонат Музея Ильюшина, г. Москва.
2. Там же.
3. Там же.

Записки переводчика

Р.Ш. Кудашев

Ниже речь пойдет о событиях, имевших место в отношениях СССР и Китая, в которых я принимал участие в качестве переводчика.

Руководство СССР неоднократно подчеркивало, что решение спорных вопросов в отношении с Китаем является важнейшей задачей внешней политики, и поэтому проводило активную работу в этом направлении. Наши разногласия касались различных сторон внутренней и внешней политики: вопросов о мирном сосуществовании государств с различным социальным устройством, оценки империализма как источника войн, политики «большого скачка», создания «народных коммун» и т. п. Кроме того, необоснованно острую реакцию китайской стороны вызвали советские предложения о создании совместных экипажей на нескольких советских боевых кораблях, о постройке длинноволновой радиостанции для управления подводными лодками ВМФ СССР в акватории Тихого океана и о выделении базы для отдыха моряков-подводников.

Цель первого предложения состояла в том, чтобы помочь КНР в деле быстрого создания современного военно-морского флота. Однако китайское руководство, толкая советские предложения как стремление создать «совместный флот», утверждало, что это нанесет ущерб суверенитету Китая.

По вопросу о длинноволновой радиостанции также распространялось немало небезлиц о «посягательстве на суверенитет Китая» и т. п. Суть же дела состояла в том, что советская сторона лишь поставила вопрос о том, что наиболее подходящим местом для создания длинноволновой радиостанции является пункт в юго-восточном Китае. И поскольку управление подводными лодками, их передвижение — дело сугубо секретное, на этом объекте должен был быть установлен режим строгой секретности. Когда же у китайской стороны возникли сомнения, то советская сторона не стала настаивать на своем предложении.

Руководство СССР стремилось использовать любые возможности для установления прямых контактов с китайскими деятелями, надеясь, что на высоком уровне будет легче решить многие вопросы. Такая возможность представилась в сентябре 1969 г., когда А.Н. Косыгин должен был лететь в Демократическую Республику Вьетнам на похороны президента Хо Ши Мина. Советское руководство сообщило об этом Китаю и предложило воспользоваться данной возможностью для организации встречи двух премьеров в Пекине.

Советская делегация летела в Демократическую Республику Вьетнам по южному маршруту, минуя Китай. Она пробыла в ДРВ несколько дней и приняла участие в траурных мероприятиях по случаю смерти Хо Ши Мина. А ответа от китайцев по поводу организации встречи на высоком уровне все не было. Косыгин досадовал на то, что никак не удастся пробить стену китайской самоизоляции, и поскольку никаких встреч с китайцами в Ханое не предвиделось, попросил меня съездить в посоль-

ство СССР в ДРВ, побеседовать с послом СССР в ДРВ И.С. Щербakovым, который был моим давним товарищем и наставником. Посол подтвердил, что из Москвы не поступало информации о согласии китайцев на двустороннюю встречу в Пекине и решил лично сообщить об этом Косыгину. Щербakov, приехав в резиденцию Косыгина, которая располагалась около озера Возвращенного меча, имел довольно длительную беседу с председателем Совета министров СССР. После этой беседы Косыгин дал указание на следующий день быть готовыми к отлету в СССР.

Так и не дождавшись в Ханое ответа от китайской стороны с согласием на двустороннюю встречу в Пекине, Косыгин на следующий день вылетел в СССР. Прилетев в Бишкек, мы узнали, что руководство КНР наконец-то согласилось на проведение двусторонней встречи на высоком уровне в Пекине. Немного отдохнув после длительного беспосадочного перелета, делегация во главе с Косыгиным в тот же день вылетела из Бишкека в Иркутск, а утром 11 сентября 1969 г. — в Пекин. Там, в столичном аэропорту, состоялась советско-китайская встреча на высоком уровне.

Главное в высказываниях Косыгина на этой встрече сводилось к тому, что руководство СССР, исходя из высших интересов народов двух стран, считает необходимым принять все возможные меры для преодоления разногласий. Он подчеркнул, что с советской стороны имеется искреннее стремление вести переговоры на любом уровне для решения спорных вопросов. Чжоу Эньлай со своей стороны, не полемизируя прямо по поводу сказанного Косыгиным, всячески подчеркивал важность решения пограничного вопроса между двумя странами. Это, отмечал он, будет способствовать улучшению двусторонних отношений. Чжоу Эньлай неоднократно говорил, что на советско-китайской границе имеются «спорные участки», и что это надо признать. На советских и китайских географических картах линия государственной границы изображается по-разному. Он нарисовал на листе бумаги прохождение линии границы на гипотетическом «спорном участке», согласно китайским и советским географическим картам, и показал этот лист Косыгину. При этом он сказал, что на китайских картах линия государственной границы нередко заходит вглубь территории, которая на советских картах обозначена как территория СССР, а на картах СССР линия государственной границы довольно часто идет вглубь территории, которая на китайских картах обозначена как территория КНР.

У меня мелькнула мысль, что Чжоу Эньлай — тонкий и многоопытный дипломат — неспроста уделил так много внимания вопросу наличия на советско-китайской границе так называемых «спорных участков» и призвал Косыгина признать этот «неоспоримый факт». Советско-китайская граница на всем ее протяжении основывалась на российско-китайских договорах. В китайской печати имели место публикации о том, что эти договоры для Китая неравноправные. К тому же Мао Цзэдун в свое время заявил, что Россия захватила 1,5 млн кв. км китайской территории. И это заявление не было дезавуировано китайской стороной. Если к этому еще прибавится заявление председателя Совета министров СССР о том, что на советско-китайской границе действительно имеются «спорные участки», то будут созданы предпосылки для «размывания» юридической основы линии государственной границы между СССР и КНР на всем ее протяжении. Я поделился этой мыслью с секретарем ЦК КПСС К.Ф. Катушевым, который принимал участие во встрече. Видимо, наши мысли совпали. Катушев написал записку и передал ее Косыгину.

Косыгин был достаточно осмотрителен, и Чжоу Эньлаю так и не удалось добиться от него желаемого заявления. Однако, сам факт, что Косыгин дал Чжоу Эньлаю возможность втянуть себя в обсуждение наличия «спорных участков», при желании можно было выдать за его согласие с китайской постановкой вопроса о проблемах на советско-китайской границе. Тем более, что Косыгин не отрицал, что линия государственной границы на отдельных участках по-разному изображается сторонами на географических картах. Однако, председатель Совета министров СССР подчеркнул, что такой конкретный вопрос должен обсуждаться на уровне экспертов после всестороннего и тщательного изучения всех документов, касающихся того или иного участка государственной границы между СССР и КНР.

После завершения переговоров Косыгин уже в самолете пригласил меня к себе и поинтересовался моим мнением об итогах переговоров. Я ответил, что, по-моему, встреча была нужной и полезной. В результате состоявшегося обмена мнениями возобновятся переговоры по границе. Можно полагать, что несколько снидет напряженность в двусторонних отношениях. Вместе с тем, сказал я, у меня сложилось мнение, что китайская сторона не столько хотела добиться ослабления напряженности в двусторонних отношениях, сколько стремилась добиться от Косыгина заявления о признании наличия на линии советско-китайской границы «спорных участков». Это позволило бы ей повести дело в направлении «размыва» юридической

договорной основы линии прохождения государственной советско-китайской границы на всем ее протяжении. Тем более, что Пекин уже объявил российско-китайские договоры о границе неравноправными для Китая.

Косыгин, как мне показалось, был явно недоволен второй частью ответа и сказал, что многие специалисты по Китаю смотрят на внешнюю и внутреннюю политику КНР как бы через «темные очки». Затем, немного помолчав, сказал, что скоро конкретные действия китайцев покажут, каковы их подлинные цели.

Встреча Косыгина с Чжоу Эньлаем привела к ряду положительных результатов. В соответствии с достигнутой договоренностью 19 октября 1969 г. возобновились советско-китайские переговоры по пограничному вопросу. Советская сторона приняла меры для нормализации обстановки на советско-китайской границе. Китайцы заявили, что приняли аналогичные меры. Однако последующие шаги китайской стороны позволяют усомниться в искренности ее заявлений. Накануне начала переговоров по пограничным вопросам в Китае были опубликованы материалы, утверждающие, что пограничные договоры между Россией и Китаем являются неравноправными для Китая, допущались выпады в адрес СССР, а позднее усилилась и антисоветская пропаганда.

Довольно длительное общение с некоторыми советскими и китайскими деятелями позволило мне составить о них определенное мнение.

Многочисленные публичные заявления Н.С. Хрущева, а также высказывания, сделанные им в узком кругу, свидетельствуют о том, что он хорошо понимал важность преодоления разногласий между СССР и КНР и нормализации двусторонних отношений. Как мне кажется, он стремился сделать все от него зависящее, чтобы решить эту проблему. При этом он исходил из того, что отношения между двумя странами должны быть нормализованы на принципиальной основе путем достижения взаимоприемлемых компромиссов, а не за счет чьих-то односторонних уступок. Об этом свидетельствует, в частности, то, что он дважды лично выезжал в Китай (в 1958 и 1959 гг.) во главе представительных советских делегаций для встреч и переговоров с высшими китайскими руководителями. Об этом же говорят многочисленные шаги советской стороны, имеющие целью добиться прекращения открытой полемики и направить решение спорных вопросов в русло нормальной дискуссии. Советская сторона неоднократно прекращала в одностороннем порядке публичные выступления с критикой линии китайского руководства, надеясь на то, что и оно последует этому примеру и также прекратит публичную полемику.

Хрущев вначале был настроен очень дружелюбно к китайским деятелям и не позволял себе даже в узком кругу, по крайней мере в тех случаях, когда я был очевидцем, никаких резких высказываний в их адрес. Однако в ходе переговоров 1958 и 1959 гг. вполне определенно выявились подлинные цели руководителей КНР. Эти цели состояли в том, чтобы подчинить СССР руководству КНР, оттеснить КПСС с позиций ведущей партии в мировом коммунистическом движении, в том числе среди коммунистических и рабочих партий социалистических стран, и добиться того, чтобы КПК заняла позиции ведущей партии мирового коммунистического движения. В результате личные отношения между Хрущевым и Мао Цзэдуном испортились. Никиту Сергеевича задевали нападки китайских руководителей на СССР, КПСС и на него лично как руководителя. И в пылу полемики он порой стал публично допускать резкие высказывания в отношении лично Мао Цзэдуна, что, конечно, лишь подливало масла в огонь их взаимной неприязни. Помню, например, что Никита Сергеевич, в 1960 г. на пресс-конференции в Бухаресте во время работы Совещания коммунистических и рабочих партий уподобил Мао Цзэдуна «старым галошам», которые надо поставить в дальний угол. Разумеется, это само по себе создавало дополнительные трудности на пути нормализации двусторонних отношений.

Должен признаться, что я, будучи профессиональным дипломатом, не раз пытался осмыслить те или иные высказывания и действия Хрущева в отношении китайской стороны в свете общепризнанных канонов классической дипломатии. И нередко приходил к заключению, что Хрущев в свете этих канонов мог бы быть, как минимум более дипломатичным, гибким и, пожалуй, самое главное, должен был просчитывать на несколько ходов вперед, к каким последствиям могут привести те или другие высказывания и действия или, наоборот, молчание и бездействие. Помню, когда советская делегация после переговоров в 1959 г. возвращалась самолетом из Пекина в Москву, Никита Сергеевич в свободной беседе за столом спросил меня, в каких условиях работают советские дипломаты в Китае. Мне показалось, что Хрущев озабочен итогами состоявшихся в Пекине жестких советско-китайских переговоров. Я ответил, что оперативные сотрудники МИД КНР — люди грамотные и опытные. Работники посольства СССР в КНР внимательно следят за соблюдением, в

частности, дипломатического протокола. Это, в целом, дает положительный результат, позволяет сохранять канал непосредственной связи. Контакты советского посольства с МИД КНР поддерживаются на таком уровне, который позволяет решать немало вопросов. Никита Сергеевич, выслушав, сказал, что так и должно быть, и видимо, скорее отсвечая самому себе на волновавший его вопрос, а может быть, уловив скрытый подтекст в моем ответе, вдруг, внимательно глянув на меня, сказал: но мы, руководители двух стран, вели переговоры как коммунисты, а не как дипломаты. А коммунисты должны говорить друг другу правду без дипломатических околичностей...

История неспроста распорядилась так, что в любом государстве имеются ведомства, которые занимают вопросы внешней политики. Рабочий аппарат этих ведомств, как правило, формируется из дипломатов-профессионалов, хорошо знающих те или иные страны, их обычаи, нравы, историю, культуру, иностранные языки и имеющих навыки дипломатической работы. Задача дипломата состоит в том, чтобы уметь поддерживать деловые отношения даже с врагами, защищать интересы своего государства, знать политику страны пребывания, соответственно информировать о ней свое правительство и вносить предложения о том, какой должна быть политика его правительства в отношении страны пребывания. Мне думается, что выполнять такие задачи невозможно, не прибегая к выработанным в течение многих столетий приемам и методам дипломатической деятельности. Дипломатия — это искусство возможного, прежде всего умение находить взаимоприемлемые решения в самых неблагоприятных, казалось бы, безвыходных условиях и при этом никогда не сжигать за собой мосты, то есть не лишать себя возможности маневра, возможности отхода на запасные позиции.

Решение различных вопросов выносить на высший уровень надо только тогда, когда вопросы проработаны и подготовлены в ходе предыдущих переговоров на более низком уровне. Например, возникшие в 1958 г. недоразумения по поводу создания «совместных экипажей» на ряде советских боевых кораблей и «длинноволновой радиостанции» можно было бы обсудить и подготовить на уровне высокопоставленных представителей министерств иностранных дел двух стран. Это позволило бы обеим сторонам детально ознакомиться с позициями друг друга и только после этого принимать решение о том, что делать дальше. И самое главное, такой образ действия не привел бы двух высших руководителей к необходимости вести острую полемику, что было одной из причин ухудшения личных отношений между ними.

Хрущев был довольно импульсивным человеком. Это его качество особенно четко проявилось в отзыве из Китая советских специалистов. Как представляется, в сложившихся к июлю 1960 г. условиях, советских специалистов, видимо, действительно надо было отозвать из КНР. Однако по тактическим соображениям это можно было сделать в более «мягкой», менее демонстративной форме, например, по мере истечения сроков их командировок, а новых специалистов уже не направлять. Между тем, все советские специалисты выехали из Китая в предельно сжатые сроки, что произвело на многих китайцев буквально шоковое впечатление и дало возможность китайскому руководству утверждать, что СССР хотел де нанести ущерб развитию экономики КНР.

За 12 лет пребывания в Китае мне приходилось встречаться практически со всеми высшими руководителями КНР 1950—1970-х годов, бывать у некоторых из них дома, в рабочих кабинетах, на дачах. Естественно, у меня сложилось свое мнение о многих из них. Должен признаться, наибольшее впечатление на меня произвели Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин.

Мне довелось много раз видеть Мао Цзэдуна, бывать в его личной резиденции в Чжуннаньхае, на даче под городом Ханчжоу (на юге Китая), наблюдать за ним во время его встреч с членом Политбюро ЦК КПСС А.И. Микояном, первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, членом Политбюро ЦК КПСС В.В. Гришиным, послами СССР в КНР П.Ф. Юдиным, С.В. Червоненко, В.С. Толстиком.

Насколько мне известно, Мао Цзэдун не знал ни одного иностранного языка и поэтому был лишен возможности знакомиться в оригинале с произведениями выдающихся мыслителей, политических деятелей, писателей. Мао Цзэдун только дважды, и то лишь на короткий срок, выезжал за границу: в 1949—1950 гг. — в СССР для встреч и переговоров с И.В. Сталиным, и в 1957 г. — опять-таки в СССР для участия в работе Международного совещания коммунистических и рабочих партий мира.

Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы Мао Цзэдун в ходе встреч, на которых я присутствовал, сослался или хотя бы упомянул какого-либо видного не-китайского политического деятеля, писателя, ученого или художника. Справедливости ради, нужно сказать, что иногда Мао Цзэдун, показывая на небо, говорил о своей будущей встрече с Карлом Марксом. Мао Цзэдун любил все китайское, гордился

всем китайским, считал все китайское лучшим в мире. Он отлично знал историю и литературу древнего Китая, любил его героев: объединителя Китая императора Цинь Шихуана, видного государственного и военного деятеля древнего государства Вэй (периода, так называемого, троестарствия древнего Китая) Цао Цао, героев древних романов «Троецарствие», «Речные заводы», «Сон в Красном тереме» Лю Бэя; Сун Цзяна, У Суна и многих других. В каком-то смысле это и понятно. Однако, недостаточное знание положения дел вне пределов Китая приводило к односторонности, национальной ограниченности, недооценке возможностей некитайского зарубежья.

Мао Цзэдун был человеком амбициозным. В первые годы после провозглашения Китайской Народной Республики он еще не утвердился и понимал, что Китай в то время был недостаточно силен политически и экономически, чтобы начинать борьбу за лидерство в социалистическом лагере и мировом коммунистическом движении. Немаловажным фактором, который сдерживал его до 1953 г., был также непререкаемый авторитет Сталина в мировом революционном движении. Однако, смерть Сталина в 1953 г. и первые успехи КНР в развитии промышленности и сельского хозяйства подтолкнули Мао Цзэдуна к поиску путей ускоренного наращивания политической и экономической мощи Китая. В результате в Китае в 1958 г. начали проводить политику «большого скачка» и «народной коммуны». Китайские деятели открыто заявляли, что они рассчитывают благодаря этой политике в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать не только СССР, но и все развитые капиталистические государства. Но политика «большого скачка» и «народной коммуны» обернулась трагедией для китайского народа. По появившимся в средствах массовой информации сведениям, в результате проведения этой политики от голода погибли многие миллионы китайцев.

Мао Цзэдун был вынужден перейти к политике «урегулирования». А в 1966 г. развернул, так называемую, «великую пролетарскую культурную революцию», которая на деле не была ни «великой», ни «пролетарской», ни «культурной», ни тем более «революцией» в точном смысле этих слов. Главная цель этого масштабного политического движения состояла в том, чтобы устранить с политической арены всех, кто не согласен с волюнтаристскими экспериментами Мао Цзэдуна, выдвинуть к власти лояльных ему людей и сделать коммунистическую партию Китая и государственный аппарат послушным инструментом в его руках.

В 1966—1976 гг. Мао Цзэдун, используя все возможности, которые он получил, подчинив себе лично партийный и государственный аппараты, стремился подорвать авторитет СССР и навязать мировой социалистической системе и международному коммунистическому движению свое руководство. Но достигнуть этих целей ему не удалось. Социалистический лагерь и мировое коммунистическое движение отвергли домогательства Мао Цзэдуна.

Рассказ о Мао Цзэдуне, пожалуй, был бы не полным без хотя бы краткой характеристики его жены Цзян Цин, которая была одним из наиболее рьяных проводников политики председателя Мао в годы, так называемой, «великой пролетарской культурной революции» и в первые годы после нее. Если говорить коротко, она была женщиной амбициозной и многоликой. Так случилось, что я впервые познакомился с ней еще будучи студентом 4-го курса Московского института востоковедения. Меня, как успевающего студента, в те годы уже привлекали к работе в качестве переводчика с китайского языка. В частности, мне предложили поработать с Цзян Цин, которая приехала в СССР в конце 1950 г. на обследование и лечение. Тогда она показалась мне очень тактичной и вежливой женщиной без больших претензий. Однако впоследствии, на основании бесед со многими китайскими друзьями, а также после ознакомления с ее выступлениями в период «культурной революции» я пришел к выводу, что эта женщина стремилась к власти, славе и имела непростой характер.

Прежде всего следует отметить, что Цзян Цин и Кан Шэн — одна из самых мрачных фигур среди китайских руководителей — давно и хорошо знали друг друга. Кан Шэн помог ей пробраться из Шанхая в Яньань. Когда Мао Цзэдун решил развестись с прежней женой и жениться на Цзян Цин, политбюро ЦК КПК обсуждало этот вопрос и дало согласие только после того, как Кан Шэн поручился за нее. Однако, политбюро ЦК КПК, давая согласие на женитьбу Мао Цзэдуна, оговорило это условием, что Цзян Цин никогда не будет заниматься политической деятельностью.

После победы революции в 1949 г. Цзян Цин одно время не работала и очень переживала, что не может «проявить себя». Председатель Мао помог ей устроиться на должность заместителя главы Комитета по делам кинематографии КНР. Затем он же перевел ее на работу в общий отдел ЦК КПК. Но Цзян Цин не смогла ужиться с работниками этих организаций. При этом отмечалось, что она пыталась говорить от имени Мао Цзэдуна. В конце концов, председатель Мао назначил ее одним из своих

секретарей и поручил ей обобщать и докладывать ему о самых важных публикациях в печати. Но она не справилась с этой работой, которую за нее выполнял один из политических секретарей председателя.

Фактически до «культурной революции» Цзян Цин не работала. Во время «культурной революции» она стала членом политбюро ЦК КПК, первым заместителем главы Центральной группы по делам «культурной революции». Цзян Цин добилась того, к чему стремилась — власти и почта. Ее поведение резко изменилось. Болезней, лечением которых она ранее очень много занималась, как не бывало. Она прямо излучала энергию и решительность, часто появлялась в военной форме на публике. Цзян Цин курировала вопросы искусства и литературы.

Мне довелось видеть Цзян Цин с довольно близкого расстояния где-то в 1972 году. Тогда в одном из театров Пекина состоялась премьера балета «Красный женский батальон», который был отредактирован Цзян Цин. На премьеру был приглашен дипломатический корпус. Я был в числе приглашенных. Балет производил удручающее впечатление. Балерины, одетые в военную форму, с винтовками наперевес, без конца носились по сцене, демонстрируя виртуозное владение приемами ближнего боя. Надо отдать должное: их высокий профессионализм несколько скрашивал сюжетную скудость и ходульность балета. В зале стояла напряженная тишина. Зрители были в явном смущении, так как слишком уж откровенно восхвалялась война. Когда представление закончилось, аплодисменты зрителей были очень жидкими, явно предназначались артистам за их профессиональное мастерство. Я находился в партере недалеко от Цзян Цин. Было видно, что реакция зрителей ее очень сильно задела...

Но смерть председателя Мао в 1976 г. смешала все дальнейшие планы Цзян Цин. В 1978 г. Дэн Сяопин вновь вернулся к политической деятельности. Это стало началом политического конца «банды четырех» — Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня и Ван Хунвэня. Они были арестованы и преданы суду. По решению суда Цзян Цин оказалась в тюрьме, где покончила жизнь самоубийством...

Говоря о Чжоу Эньлае и Дэн Сяопине, прежде всего, хочется подчеркнуть, что эти два деятеля в моем сознании и памяти неразрывно связаны друг с другом как трезвомыслящие, прагматичные политики. Они познакомились еще в юности, находясь на учебе во Франции. Позже, став видными политическими деятелями КНР, они сохранили между собой хорошие отношения. Помню, что в те годы, когда я работал в Китае, если Чжоу Эньлай куда-нибудь уезжал или уходил в отпуск, его обязанности, как правило, исполнял Дэн Сяопин. В 1950-х годах контакты между правительствами и партиями СССР и КНР были частыми и на высоком уровне. Если посольство получало какое-либо поручение от правительства или МИД СССР, то старшие работники посольства, как правило, посещали Чжоу Эньлая, который вплоть до своей кончины был бессменным премьером Государственного Совета (правительства) и длительное время министром иностранных дел КНР. Если посольство получало поручение от ЦК КПСС, встреча проходила с Дэн Сяопином, который в те годы был заведующим канцелярией ЦК КПК. Когда между нашими странами возникли разногласия, мне по-прежнему приходилось довольно часто встречаться с Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и другими китайскими деятелями, которые активно участвовали практически во всех двухсторонних и многосторонних встречах и переговорах.

Впервые я познакомился с Чжоу Эньлаем еще в 1952 г. в Харбине, где я работал в 1951—1953 гг. на Китайской Чанчуньской железной дороге. Премьер в 1952 г. приезжал туда в связи с подписанием соглашения о безвозмездной передаче Советским Союзом этой дороги и всего ее имущества во владение Китаю. При встречах Чжоу Эньлай всегда находил теплые слова приветствия. Запомнились две встречи с ним в последние годы, так называемой, «великой пролетарской культурной революции». На одном из дипломатических приемов премьер, подойдя ко мне, поздоровался, а затем шутливо сказал, что не понимает, почему я постоянно хожу на приемы без Тамары — моей жены. Не связано ли это с тем, спросил он, что ты татарин и у тебя в семье поддерживается строгий мусульманский порядок? Я ответил, что хожу на дипломатические приемы по долгу службы. Что касается моей жены, то я не хочу подвергать ее потенциальным неприятностям в связи с действиями хунвэйбинов и цзаофаней. Чжоу Эньлай посерьзнул и затем сказал, что как премьер Госсовета КНР гарантирует, что никто не тронет ни меня, ни членов моей семьи.

На следующий прием я пришел вместе с женой. Чжоу Эньлай, увидев нас, подошел, тепло поздоровался и, обращаясь к моей жене по имени, рассказал о нашем разговоре на предыдущем приеме. Смеясь, он добавил, что, видимо, его «критика» помогла. Проявляя свою осведомленность, он спросил мою жену, как дела у наших сыновей, причем также назвав их по именам.

В целом, обещание премьера было выполнено — ни хунвейбины, ни цзаофани ни меня, ни мою жену действительно «не тронули». Однако три неприятных эпизода все-таки имели место, и я о них вспоминаю с тяжелым сердцем. Дважды китайские велосипедисты зимой бросались под мою автомашину. Оба раза это происходило около перекрестков, на которых находились полицейские. Но мне в обоих случаях каким-то образом удалось «увернуться» и не совершить наезда на велосипедистов.

Велосипедисты падали на землю и лежа ждали. Они явно симулировали наезд на них. Однако тут же подходившие полицейские, расстегивая одежду на велосипедистах, не могли обнаружить следов ударов. На машине тоже не было каких-либо вмятин или царапин. Я думаю, что велосипедистов подвела их «предусмотрительность». Как я заметил на них было одето по двое ватных брюк и по две ватные куртки. Полицейскому не оставалось ничего другого, как с миром отпустить нас.

А третий эпизод я до сих пор вспоминаю с откровенным отвращением. Я выехал на машине из посольства по делам. Машина была с дипломатическим номером. Я подъехал к светофору, на котором только что зажегся зеленый свет. Неожиданно полицейский включил красный свет. Я нажал на тормоз, машина со скрипом остановилась и ее тут же окружили хунвейбины и цзаофани. Я немедленно заблокировал все двери машины. Приемник и мотор я не стал выключать. Окружавшие машину люди громко кричали, чтобы я вышел из нее для разговора с «революционными массами». Я проигнорировал их требования и, чтобы заглушить истошные крики бесновавшихся молодых людей, усилил громкость звучания приемника, где передавали пекинскую оперу «Даюй шацзя».

Так прошло минут 10—15. Моя машина перекрыла проезд, в результате довольно много машин не могли проехать и начали сигналить. Собралась большая толпа. Полицейский, видимо, поняв, что дело приобретает скандальный оборот, потребовал, чтобы хунвейбины и цзаофани разошлись, и включил зеленый свет. Воспользовавшись моментом, я быстро развернулся на перекрестке и поехал в посольство, откуда я отправился по своим делам. Проезжая мимо полицейской на перекрестке, где мне устроили «осаду», я помазал ему рукой, а тот в ответ приложил руку к головному убору...

С 1955 г., когда я был переведен на работу в посольство в Пскине, мне приходилось довольно часто встречаться с Дэн Сяопином официально. А в 1959 г. я познакомился с ним уже в неофициальной обстановке. В один из летних дней этого года посол П.Ф. Юдин попросил меня сопроводить его в Пекинский госпиталь с целью навестить находящегося там на лечении Дэн Сяопина, который тогда уже стал генеральным секретарем ЦК КПК. В указанное время мы подъехали к госпиталю. После встретил главный врач и проводил его в палату к Дэн Сяопину. Одноместная палата была довольно большой. В ней стояла широченная кровать и прикроватная тумбочка, на которой были расположены телефонный аппарат и радиоприемник. Дэн Сяопин лежал на кровати и находился в центре хитросплетения из трюсиков и довольно больших гирек. Одна его нога была в гипсе, находилась на растяжке, торча как пушечный ствол. Было такое впечатление, что Дэн Сяопин не лежит на кровати, а как бы парит в невесомости подобно космонавту.

Дэн Сяопин, как я сразу понял и неоднократно убеждался позже, обладал большим чувством юмора и умением стойко переносить трудности. Широко улыбаясь, он пошаривал посла, извинившись, что не может это сделать стоя. Понимаете, товарищ посол, продолжал он, я люблю не только играть в бридж, но и гонять шары по бильярдному столу. На днях выдалось немного свободного времени, и я решил поиграть в бильярд. Игра шла успешно. Я забил несколько шаров. Мой коллега тоже. Шаров на бильярдном столе оставалось все меньше. После нескольких успешно забитых шаров следующие приходилось забивать из все более сложных положений. Так вот, пытаюсь во что бы то ни стало забить хороший, но трудный шар, я распластался всем телом на бильярдном столе, опираясь одной ногой об пол. Шар успешно вогнал в лузу. Но ведь надо было становиться на обе ноги. Я сделал одно, как видно, не очень ловкое движение, стараясь встать на обе ноги. Нога, которой я опирался об пол, подкосилась. Обожгла острая боль в бедре... И вот я здесь на больничной койке в Пекинском госпитале «подвешен на растяжку». Врачи утверждают, что у меня сломалась шейка тазобедренной кости. А я, грешным делом, думаю, — и этим утешаюсь. — проговорил Дэн Сяопин, что врачи исподволь готовят меня к полету в космос. Все находившиеся в палате дружно рассмеялись. В ходе беседы Дэн Сяопин расспросил меня, сколько мне лет, где я изучал китайский язык, давно ли работаю в Китае. В ответ я рассказал о Московском институте востоковедения, о том, что в Китае работаю с 1951 года. Дэн Сяопин, выслушав, сказал, что я говорю на пекинском диалекте и меня легче понимать, чем его, Дэн Сяопина, с его сычуаньским выговором.

Судя по всему, Мао Цзэдун очень ценил высокие деловые качества и, в частности, организаторские способности Дэн Сяопина. Об этом свидетельствует, например, то, что во время одной из первых встреч с Хрущевым осенью 1958 г. Мао Цзэдун считал нужным, представляя Дэн Сяопина, сказать, что он (Дэн Сяопин) хотя и мал ростом, но является восходящей звездой на политическом небосклоне Китая. И тем не менее, в 1966 г. в самом начале, так называемой, «великой пролстарской культурной революции» Дэн Сяопин был объявлен «человеком номер два, идущим по капиталистическому пути» («человеком номер один, идущим по капиталистическому пути», был объявлен председатель Китайской Народной Республики Лю Шаоци). Оба они исчезли с политической арены. Но отношение Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину было лучше, чем к Лю Шаоци. Последний умер в Кайфэнской тюрьме от воспаления легких. Дэн Сяопину были предъявлены более мягкие обвинения. После двух лет почти полной изоляции генеральный секретарь ЦК КПК был сослан в город Наньчан в провинции Цзянсу на юге Китая, где работал слесарем на заводе.

Дэн Сяопин понимал, конечно, что председатель Мао ждет от него заявления о поддержке своего курса и выжидал подходящего момента. И, когда в степях Монголии 13 сентября 1971 г. разбился самолет, на котором Линь Бяо летел в СССР, Дэн Сяопин, узнав об этом, немедленно написал в ЦК КПК письмо, в котором поддержал борьбу против «антипартийной клики Линь Бяо» и просил пересмотреть его дело. В феврале 1973 г. Дэн Сяопин получил письмо из ЦК КПК, в котором ему предлагалось вернуться в Пекин.

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что политическая реабилитация Дэн Сяопина стала возможной благодаря большим усилиям его старого друга — Чжоу Эньлая. Надо думать, что свою роль сыграло и то, что к тому времени стали серьезно болеть и Мао Цзэдун, и Чжоу Эньлай, а Дэн Сяопин, по словам самого председателя Мао, был «восходящей звездой на политическом небосклоне Китая». Определенно можно сказать, что Чжоу Эньлай был за то, чтобы Дэн Сяопин еще при жизни премьера Госсовета КНР стал фактическим руководителем Государственного Совета (правительства) КНР.

Расскажу о своей неожиданной встрече с Дэн Сяопином летом 1973 года. В Доме Народных собраний проводился прием, на который был приглашен посол СССР в КНР Толстиков. Он был занят каким-то срочным делом и поручил мне пойти вместо него (я тогда был советником посольства). Приехав в Дом Народных собраний, я обошел своих китайских знакомых и коллег — иностранных дипломатов. И вдруг вижу среди китайских участников приема человека очень похожего на Дэн Сяопина. Он был одет в выдавший виды френч цвета хаки. На лице лежала печать усталости. К тому же его лицо подергивал сильный нервный тик. Поначалу я не поверил своим глазам и какое-то время внимательно приглядывался к этому человеку. Почувствовав мой внимательный взгляд, он в знак приветствия кивнул мне головой. Тут я понял, что не ошибся: это действительно был Дэн Сяопин. Быстро подойдя к нему, я поздоровался и сказал, что очень рад вновь видеть его в Пекине живым и, как будто, здоровым. Мы обменялись рукопожатием. Дэн Сяопин в свою очередь сказал, что по указанию ЦК КПК он действительно вернулся в Пекин и назначен заместителем премьера Государственного Совета КНР. У меня мелькнула мысль, что уже серьезно больной премьер Чжоу Эньлай (врачи обнаружили у него рак) наконец-то смог добиться политической реабилитации своего давнего друга, вызволить его из ссылки и сделать своим заместителем.

После смерти в 1976 г. Мао Цзэдуна и вслед за ним Чжоу Эньлая к власти в соответствии с завещанием Мао Цзэдуна («если ты будешь заниматься делами, то я буду спокоен») пришел Хуа Гофэн. Однако этот деятель, подражая в большом и малом Мао Цзэдуну, и не помышлял об изменении его ошибочной политики.

Между тем, наиболее авторитетным человеком в партии и государственном аппарате остался Дэн Сяопин, который сумел добиться ухода Хуа Гофэна с поста председателя ЦК КПК. Став фактически высшим руководителем КНР и КПК, Дэн Сяопин начал с 1979 г. осуществлять реформы. Цель их состояла в том, чтобы построить «социализм с китайской спецификой». Это означало создание многоукладной экономики, внедрение рыночных механизмов. Дэн Сяопин при этом, несомненно, использовал опыт СССР, который еще в 1920-х годах проводил «новую экономическую политику». Понимая, что он уже стар, Дэн Сяопин, оставаясь высшим руководителем партии и страны, ушел практически со всех официальных партийных и государственных постов и решил еще при жизни подобрать себе преемника. Сначала на пост председателя ЦК КПК он выдвинул бывшего 1-го секретаря ЦК Коммунистического союза молодежи Китая Ху Яобана, затем бывшего 1-го секретаря парткома крупнейшей в КНР по численности населения провинции Сычуань

Чжао Цзяна, и наконец, остановился на бывшем 1-ом секретаре горкома КПК г. Шанхая Цзян Цзэмине.

Я тогда (в 1977—1984 гг.) работал старшим советником в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посланника в Представительстве СССР при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. В течение довольно длительного времени я собирал по крупицам соответствующую информацию, и на ее основе подготовил несколько информационно-аналитических материалов, которые были отправлены в Москву. В них говорилось, в частности, что уже в конце 1970-х — начале 1980-х годов Дэн Сяопин и его сторонники выступали за нормализацию отношений с СССР. Они высоко ценили успешный опыт и опыт ошибок СССР, настаивали на необходимости изучения Конституции СССР и Устава КПСС с тем, чтобы взять из них все полезное для реформ в КНР. Они подчеркивали, что нужно использовать опыт СССР в решении национального вопроса, демократизировать Компартию Китая путем расширения в Уставе КПК положений о правах членов КПК, так как по действующему Уставу КПК члены партии имели мало прав и много обязанностей. Говоря о внешней политике Китая, Дэн Сяопин отмечал, что КНР очень во многом ориентируется на США и другие западные страны, что наносит ущерб престижу КНР на международной арене и сужает ее возможности маневра. В этой связи он высказывался за отказ от односторонней ориентации на США и другие западные страны и за нормализацию отношений с Советским Союзом.

Проводимая Дэн Сяопином и его сторонниками внутренняя и внешняя политика кардинально отличается от политики Мао Цзэдуна, что лишний раз говорит о том, что он, Дэн Сяопин, не мог искренне поддерживать политику Мао Цзэдуна и особенно, так сказать, ее крайние проявления, — политику «большого скачка» и «народной коммуны», а также, так называемую, «великую пролетарскую культурную революцию».

Особо хочется отметить, что Дэн Сяопин сумел встать выше больших личных обид, нанесенных ему Мао Цзэдуном, и не стал разворачивать кампанию критики ошибок Мао Цзэдуна. Он ограничился констатацией того, что в деятельности Мао Цзэдуна 70% — это заслуги перед партией, страной и народом и 30% — ошибки.

Постепенно в средствах массовой информации прекратились нападки на Советский Союз. Нашу страну в Китае перестали называть «врагом № 1». Были восстановлены традиционно добрососедские отношения между нашими государствами. Одновременно Дэн Сяопин положил конец односторонней ориентации КНР на США, что наносило большой вред авторитету страны на международной арене. В основу внешней политики были положены национальные интересы Китая, что сделало ее более стабильной и предсказуемой.

«Спаситель отечества» Роман Медокс — узник двух императоров

А.А. Орлов

Роман Медокс — личность-исобычная, но в то же время характерная для конца XVIII — начала XIX века. Его можно назвать эпигоном великих авантюристов века Просвещения, активно стремившихся, невзирая на все препятствия, «поправить Форуну»¹. Так же, как они, Медокс стремился скрыть истинные обстоятельства своей жизни и творил из нее красивую легенду. Все свои способности он поставил на службу одной цели — возвыситься любыми способами и занять такое положение, которое, как ему казалось, он достоин занимать.

Прослеживая жизненный путь Медокса, постоянно сталкиваешься с загадками и мистификациями. Даже год его рождения точно неизвестен. Он родился в Москве, но по одному источнику — 18 июля 1789 г., другие же называют 1793 или даже 1795 год². Его родителями были учредитель и многолетний содержатель московского Большого театра англичанин (английский еврей, грек?) М.Е.(Г.) Медокс (Маддокс, Маттокс)³ и Е.Я. Штольц. Роман был третьим (самым младшим) сыном в многодетной семье отца. Он получил прекрасное домашнее образование, знал латинский, греческий, церковнославянский, французский, английский и немецкий языки, обладал навыками литератора и рисовальщика. Но за распутное поведение отец выгнал его из дома и лишил наследства.

Роман Медокс поступил писарем в московскую полицию, откуда был уволен также «за дурное поведение». Определился унтер-офицером в один из армейских полков, из которого во время войны со Швецией 1808—1809 гг. сбежал. До начала войны 1812 г. он жил в Москве, в доме судебного пристава Г.Я. Яковлева, вся свободный образ жизни. Как писал позднее главнокомандующий в Петербурге граф С.К. Вязмитинов своему московскому коллеге графу Ф.В. Ростопчину, в этот период Медокс был хорошо известен московскому обер-полицмейстеру, «будучи не последним из числа всегдашних посетителей московского бульвара и при том хорошим каламбуристом»⁴. Но его звездный час настал с началом Отечественной войны 1812 года.

В июне он вступил добровольцем во 2-й пехотный полк народного ополчения, который формировал в Дмитрове сначала генерал-майор князь И.С. Одосвский, а затем князь Н.А. Касаткин-Ростовский. (Сам Медокс впоследствии утверждал, что имел тогда чин корнета и по ходатайству лейб-хирурга Александра I Я.В. Виллие состоял при атамане донских казаков М.И. Платове.)⁵ Во время пребывания в деревне Тарутино «корнет» похитил у командира полка 2 тыс. руб. и скрылся⁶. Касаткин-Ростовский за все время войны так никогда больше и не увидел своего подчиненного и не имел о нем никаких сведений.

Тем временем Медокс, по его собственным словам⁷, «объятый хаосом отважнейших предприятий», решил отправиться на Кавказ собирать ополчение из горских народов и казаков. Выдавая себя за поручика лейб-гвардии Конного полка Соковнина — флигель-адъютанта императора и адъютанта министра полиции А.Д. Балашова, он по подложным документам получил деньги из Тамбовской, Воронежской и Ярослав-

Орлов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент (Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова).

лавской казенных палат. 13 декабря 1812 г. ⁸ Медокс прибыл в тогдашний административный центр Кавказа город Георгиевск. Здесь, предъявив подложную инструкцию управляющего Военным министерством князя А.И. Горчакова, он сумел заручиться поддержкой гражданского вице-губернатора барона П.К. Врангеля и командующего войсками на Кавказской линии генерал-майора С.А. Портнягина.

Почему же опытные чиновники и много повидавшие на своем веку люди так легко поверили авантюристу? Здесь, очевидно, сыграли роль несколько обстоятельств. Во-первых, отдаленность Георгиевска от столицы империи и затрудненность коммуникаций. Любые новости доходили от Петербурга до Георгиевска не менее чем за два месяца. Во-вторых, почтительное отношение бюрократов ко всякой бумаге с подписью и печатью вышестоящего начальства. В-третьих, ловкость самого Медокса, умевшего пустить пыль в глаза. Главная же причина — разногласия между Врангелем и Портнягиным. Самозванец наговаривал одному чиновнику на другого, убеждая каждого в том, что в столице не забудут его усердия в важном государственном деле. Таким образом с помощью Врангеля он получил еще 10 тыс. руб. ассигнациями, а Портнягин разослал воззвания на местных языках к горским князьям, сам вызвался сопровождать «Соковнина» в объезде Кавказской линии, показывал ему крепости, устраивал смотры.

При исполнении своего замысла Медокс проявил выдающиеся организаторские способности, а также знание психологии и условий жизни горцев. Например, узнав о том, что закубанские народы испытывают недостаток соли, он послал одному из их князей 200 пудов ее для раздачи неумишим. «Народ, в свирепую зиму бедствовавший, собравшись за солью и подстрекнутой задаренными [людьми], вдруг взволновался идти служить России», — вспоминал позднее Медокс. Горские князья, такие, как султан Арслан-Гирей, генерал-майор Менгли-Гирей, Ф.А. Бекович-Черкасский, Росламбек, Магомет Албуриджев, Мируст Айтеков (Айтек Мисостов) и др. с их дворянами (узденями), также получали от него щедрые подарки вещами и деньгами ⁹. В результате Медоксу удалось собрать значительное (около 400 всадников) кавардино-адыгейское ополчение. Использовать его он предполагал только за границами России для предотвращения возможных грабежей. Самозванец чувствовал себя на Кавказской линии спокойно, так как в течение двух месяцев он ловко перехватывал все донесения кавказских чиновников в столицу.

Однако он понимал, что долго скрывать такой обман невозможно, и в то же время горел желанием во главе собранных им горцев отличиться в войне с Наполеоном. Поэтому он сам отправил портупей-прапорщика Казанского пехотного полка Зверева к А.Д. Балашову и министру финансов графу Д.А. Гурьеву с сообщением об успешном наборе ополчения. Одновременно он испрашивал высочайшего прощения за поступок, побудительные мотивы которого, по его мнению, были сродни чувствам Минина, Пожарского и Жанны д'Арк. Но к тому времени Министерство финансов уже получило сообщения о том, что некий гвардейский поручик, ехавший на Кавказ по важному государственному делу, получил деньги из нескольких казенных палат. Как писал исследователь жизни Медокса С.Я. Штрайх, «в министерстве всполошились, забыли тревогу, дело перешло к главнокомандующему в столице генералу С.К. Вязмитинову, который предписал кавказскому губернатору задержать Соковнина» ¹⁰.

6 февраля 1813 г. самозванец был арестован в Георгиевске. При аресте он сознался, что фамилия Соковнин — вымышленная, и назвался Всеволожским. 14 февраля в сопровождении специально присланного офицера его отправили в Петербург. Собранное им ополчение распустили по домам. Убытки казны по этому делу должны были возместить доверчивые кавказские чиновники. 28 марта Медокса доставили в столицу. На допросе он снова переименовал фамилию и назвался сыном выдуманного им камергера князя Михаила Сергеевича Голицына. Вязмитинов представил обо всем этом подробный доклад царю и одновременно просил Ростопчина провести тайное расследование по выяснению личности Лжеголицына ¹¹. С помощью Г.Я. Яковлева, узнавшего Медокса по описанию ¹², московский главнокомандующий наконец-то внес ясность в это запутанное дело.

Мошенник не получил высочайшего прощения, на которое надеялся. По приказу Александра I его заключили пожизненно в Петропавловскую крепость «для воздержания от подобных поступков» ¹³. Медокс пробыл здесь, а потом в Шлиссельбургской крепости, где познакомился с некоторыми арестованными декабристами, до марта 1827 года. Несколько раз обращался он к новому императору Николаю I и начальнику III Отделения графу А.Х. Бенкендорфу с просьбами о помиловании. Наконец его мольбы были услышаны, и он, по собственному выбору, был выслан в Вятку под надзор полиции. Но деятельная натура авантюриста не могла найти себе достойного занятия в провинции. Поэтому в декабре 1827 г. Медокс по подложному

паспорту на имя мещанина А. Мотанцова скрылся из Вятки. Разгневанный император поручил Бенкендорфу поймать и примерно наказать его.

Пока шли поиски, «мещанин Мотанцов» побывал в Москве, занял у родственников денег и стал пробираться на Кавказ, хорошо знакомый ему по предыдущей аванюре. В марте 1828 г. беглец был задержан в Екатеринодаре и отправлен в распоряжение Бенкендорфа. По высочайшему повелению закоренелый преступник был определен рядовым в линейный Сибирский батальон № 13 в Омске, где должен был содержаться под строжайшим надзором. Однако еще по пути в столицу Медокс бежал из-под стражи. Длительное время он скрывался в Одессе, вращаясь в основном в кругу родственников и друзей декабристов. Возможно, что именно они снабжали его деньгами, считая такой же невинной жертвой царского произвола, какими были их близкие. При этом, конечно, никто не мог знать того, что Медокс дважды (30 мая и 12 июля 1828 г.) писал Николаю I жалостливые письма с просьбами о помиловании.

О периоде жизни авантюриста с 12 июля 1828 по 19 марта 1831 г., когда он уже оказался в Иркутске, нет никаких документальных свидетельств. Штрайх высказал предположение о том, что между правительством (в лице Бенкендорфа) и Медоксом могло быть заключено тайное соглашение, заключавшееся в том, чтобы последний шпионил за иркутским городничим А.Н. Муравьевым, к дочери которого он должен был устроиться преподавателем¹⁴. Вероятно, только на этих условиях Медокс мог получить прощение царя. Но ему совсем не хотелось прозябать в Иркутске, и поэтому новоявленный агент правительства решил выдумать и «раскрыть» крупный антигосударственный заговор, что позволило бы ему вернуться в Москву или Петербург. Богатая фантазия помогла ему оговорить значительное количество невинных людей, условия содержания которых, и без того тяжелые, были ужесточены.

Воспользовавшись близостью ко многим ссыльным декабристам и их родственникам, Медокс донес властям о якобы имевшей место тайной переписке декабристов, оставшихся на свободе, с заключенными в Петровском заводе. В своих доносах он предлагал срочно отправить его в Москву, обещая раскрыть новый декабристский заговор, якобы подготовляемый неким «Союзом великого дела». На этот раз план авантюриста увенчался полным успехом: в Петербурге ничего так не опасались, как возобновления деятельности тайных обществ. К тому же только недавно было подавлено очередное польское восстание, а политическая ситуация в Западной Европе после революции 1830 г. во Франции оставалась крайне тревожной.

«26 августа 1833 г. военный министр А.И. Чернышев послал генерал-губернатору Западной Сибири [И.А.] Вельяминову письмо, в котором сообщал, что царь, якобы по ходатайству родственников Медокса, повелел, уволив его от службы со званием рядового, отпустить на родину», — пишет Штрайх. В октябре 1833 г. «спаситель отечества» был отправлен в Москву — на месте раскрыть заговор декабристов. В 1833 — 1834 гг. он жил в Москве и Петербурге на деньги, получаемые от III Отделения. В Москве Медокс женился на Александре Сергеевне Смирновой, падчерице секретаря городской думы И.И. Смирнова, который дал за невестой богатое приданое. Женильба без разрешения властей вызвала гнев царя и Бенкендорфа. К тому же время шло, а реальных доказательств своих доносов Медокс представить, естественно, не мог. Неизбежный провал авантюры и перспектива сурового наказания вынудили его 3 апреля 1834 г. тайно покинуть Москву и скрываться в различных городах Южной России. Он мог бы бежать за границу, но не сделал этого, по его объяснению, раздумав ехать в дальние края, «где все мне чуждо». Но скорее дело в том, что только в России он мог еще питать призрачную надежду на удачу своих авантур.

Поэтому в июле 1834 г. он вернулся в Москву и поселился на Воробьевых горах, куда пытался вызвать жену, чтобы получить от нее деньги. Но вместо этого семья жены выдала его полиции. Медокс снова попал в кандалы; из камеры губернской тюрьмы он отправил царю очередное прошение о помиловании и обещал открыть новые заговоры, намекая на подозрительную нерадивость царских министров. Царь читал это прошение, но ответа на него Медокс не дождался. Вскоре его отправили в Петербург. По приказу Николая I он был вновь заключен в Петропавловскую крепость, где содержался закованным и под строгим караулом. Узник решил на крайнее средство и потребовал личного свидания с царем. Но это только ухудшило его положение, так как терпению императора пришел конец и он приказал заточить Медокса навечно в крепость. Авантюрист был посажен в Зотовский бастион, в особый арестантский каземат № 5, а потом переведен в Шлиссельбургскую крепость¹⁵.

Освободили его только в июне 1856 г., когда в связи с окончанием Крымской войны новый император Александр II объявил амнистию. Сломленный духовно и физически, Медокс поселился в семье своего брата Павла, который жил в селе При-

тыкине Каширского уезда Тульской губернии. Остаток своей жизни он потратил на то, чтобы хотя бы на бумаге оправдать свое поведение во время Отечественной войны 1812 года. Позже эта записка была опубликована его племянником¹⁶, и она была единственным творением пера Р.М. Медокса. Бурная жизнь авантюриста пришла к концу в Притыкине, по одной версии 5-го, а по другой — 22 декабря 1859 г., после двукратного апоплексического удара.

В кризисные периоды интерес к личностям, подобным Медоксу, обостряется. Недаром в конце XX в. в России дважды переиздали книгу Штрайха об этом человеке¹⁷. Но никто из исследователей еще не задался вопросом о том, почему во время ареста в Георгиевске и допросов в Петербурге в феврале — марте 1813 г. Медокс прикрывался именно фамилиями Всеволожского и Голицына. Такой человек, как он, продумывавший каждый свой шаг заранее, видимо, не зря выбрал именно эти древние русские аристократические роды. Подобно великим авантюристам XVIII в., самозванец хотел показать, что он ценит только аристократию, видит в ней единственно достойное его общество и требует соответственного с собой обращения. На переломе двух веков «Европа подошла к рубежу великих перемен. Ничто не казалось вечным. Все авторитеты пошатнулись, и перед сильной волей и беспокойным характером открывались возможности, казавшиеся безграничными. Время рождало героев бескорыстной самоотверженности и бесшабашных авантюристов. Люди мелкого масштаба становились вторыми — первые появлялись на вершинах культуры эпохи»¹⁸.

Примечания

Автор выражает благодарность за помощь в работе над данным очерком Г.В. Ляпишеву и И.С. Тихонову.

1. См. СТРОЕВ А.Ф. «Те, кто поправляет Фортуна». М. 1998.
2. МЕДОКС К.П. Происхождение русских дворян Медоксов, два опровержения. — Русский архив, 1886, № 10, с. 262—265; ШТРАЙХ С.Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. 2-е изд. М. 1930, с. 12.
3. М.Е. Медокс (1747—1822) также был весьма колоритной фигурой. См.: ЖИХАРЕВ С.П. Записки современника. Т. 2. Л. 1989, с. 338; ВИГЕЛЬ Ф.Ф. Записки. Т. 1. М. 1928, с. 115; ЧАЯНОВА О.Э. Театр Малдокса в Москве. 1776—1805. М. 1927.
4. ДУБРОВИН Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). СПб. 1882, с. 491—492, № 370.
5. МЕДОКС Р.М. Краткая записка о моем предприятии составить кавказско-горское ополчение в 1812 году. — Чтения в обществе истории и древностей российских, 1859, кн. 1, отд. 5, с. 83; Русская старина, 1879, № 12, с. 709—713.
6. В книге Дубровина указывается, что Медокс похитил у Касаткина-Ростовского 200 руб., но Штрайх по архивным документам уточнил, что 2 тыс., и якобы предназначалась эта сумма «для прокормления ополчения» (ШТРАЙХ С.Я. Самозванец Медокс среди декабристов. — Всемирная иллюстрация, 1925, № 7-8, с. 6—9).
7. МЕДОКС Р.М. Ук. соч., с. 83—85.
8. Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.
9. Сохранились подлинные воззвания Медокса к различным горским князьям, а также официальная переписка по этому делу (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 496, ч. 4, л. 409—533; ч. 5, л. 534—562об.). Некоторые документы, касающиеся кавказской авантюры Медокса, опубликованы в кн.: НЕРСИСЯН М.Г. Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа. Ереван. 1965, с. 304—308, 350—367, 370—387.
10. ШТРАЙХ С.Я. Роман Медокс, с. 20.
11. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., с. 476, № 351. Еще раньше Вязмитинова, в феврале 1813 г., царю, находившемуся тогда на театре военных действий, донес об этом происшествии директор канцелярии Министерства полиции Я.И. де Санглен. См.: ДУБРОВИН Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб. 1883, с. 88—89, № 79.
12. Благодаря этому описанию можно представить себе, как он выглядел в 1812 году: «Роман Михайлов сын Медокс, ростом двух аршин семи вершков, лицом бел, худошав, волосы на голове и бровях блондин, нос прямой, посредственной, глаза серые, отроду по-видимому имеет двадцать лет, говорит на иностранных языках французском, немецком и аглицком, и хорошо на российском, заикается, сверх одного умест рисовать и знает арифметику», — говорилось в полицейском рапорте (РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2а, д. 3574, ч. 3, л. 46, 47—47об. См. также: ДУБРОВИН Н.Ф. Отечественная война в письмах, с. 493, № 372).
13. ШТРАЙХ С.Я. Роман Медокс, с. 24; его же. Провокация среди декабристов. М. 1925; его же. Русский Казанова. М. 1932.
14. ШТРАЙХ С.Я. Роман Медокс, с. 40—41.
15. Там же, с. 181, 197, 211, 214—220.
16. Публикация записки Р.М. Медокса вызвала несколько откликов: СУШКОВ Н.В. О [романе] Медоксе. — Русский вестник, 1859, т. 22, № 13; СТОГОВ Э.И. Роман Медокс. — Русская старина, 1880, № 8; ЯРОСЛАВСКИЙ СТАРОЖИЛ. Самозванец Медокс. — Русский архив, 1886, № 6; ЗИССЕРМАН А. Самозванец Медокс. 1812 год. — Русская старина, 1882, № 9; и др.
17. ШТРАЙХ С.Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX в. М. [1991?] (репринт издания 1930 г.); то же. М. 2000.
18. ЛОТМАН Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб. 1994, с. 257—258.

Был ли план объединения Германии?

Б.В. Петелин

В недавно опубликованной книге немецкого журналиста О. Ференбаха «Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века», рассматривается судьба Германии и немцев в XX веке, названным автором — «германским»¹. Так как книга об истории, хотя и без претензий на то, чтобы считаться научной монографией, следует уточнить некоторые суждения автора. Речь идет о воссоединении Германии (в немецкой литературе чаще употребляется термин — «Wiedervereinigung», хотя он не совсем адекватен произошедшему событию). Само «воссоединение» Ференбах изображает как «счастье, свалившееся с неба» для канцлера Г. Коля, возглавлявшего коалиционное правительство ХДС/ХСС. По его мнению, «никаких планов, предусматривающих достижение конкретных целей, не было и быть не могло, поскольку нельзя предугадать, что может произойти даже в ближайшем будущем»². То есть, объединение Германии произошло «случайно» и чуть ли не вопреки политике Коля, который находился в «полном неведении относительно грядущих событий».

Так ли это? Подобный подход к исчезновению ГДР не является исключением. Политолог и историк К.-Р. Корте, автор первого тома в четырехтомной «Истории германского единства»³, также считает, что говорить о каком-либо «плане» по воссоединению Германии, по «крайней мере, наивно». Действительно, такого плана не было, но это вовсе не означает, что объединение не «планировалось» и не появлялись соответствующие разработки и программы. Разве «программа из 10 пунктов» Г. Коля, которую он огласил 28 ноября 1989 г., не была «планом» по объединению ФРГ и ГДР? Ее официальное название: «Программа из десяти пунктов по преодолению раскола Германии и Европы», где предусматривалось создание конфедеративных структур с последующим объединением ФРГ и ГДР (чаще ее именовали коротко — «план Коля»). Да, объединение пошло не по «плану Коля», ситуация оказалась иной, но руководство блока ХДС/ХСС было готово к такому исходу.

К. Кайзер, директор научно-исследовательского института Германского общества по вопросам внешней политики, одного из ведущих «мозговых центров» Германии, писал: «С первых дней существования Федеративной Республики немецкое единство было основной целью нашей внешней политики»⁴. То есть, конкретная цель — преодоление раскола Германии — была выдвинута еще в 1949 г. канцлером К. Аденауэром, председателем ХДС. ХДС и ХСС целеустремленно, последовательно и настойчиво шли к этой цели.

В 1950-х гг. было предложено несколько «планов» по объединению Германии. Наиболее известные из них: советская нота от 10 марта 1952 г. правительству США и «план Идена», выдвинутый на Берлинском Совещании министров иностранных дел четырех держав в январе—феврале 1954 года. И «сталинская нота», и «план Идена»

Петелин Борис Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Вологодского государственного педагогического университета.

вызвали ожесточенные споры, но так и не были приняты из-за отсутствия единогласия между недавними союзниками и отрицательного отношения к этим «планам» Аденауэра. Тем не менее, в этих «планах» содержались положения, которые создавали предпосылки для объединения. Советская сторона первостепенное значение придавала мирному договору с Германией, заключенному с общегерманским правительством. Основным пунктом мирного договора являлось неучастие единой Германии в военных союзах, то есть ее нейтралитет.

В «плане Идена» говорилось о «методе» воссоединения, состоящем из пяти пунктов: проведение свободных выборов во всей Германии; созыв Национального собрания; составление проекта конституции и ее принятие; образование общегерманского правительства; подписание и вступление в силу мирного договора⁵. В дальнейшем советская сторона и западные власти несколько модернизировали свои планы, не меняя их главной сути. Для СССР приоритетными оставались мирный договор и нейтралитет Германии; для Запада — все шаги к воссоединению начинались с проведения свободных выборов.

Аденауэр весьма скептически относился к «планам победителей». Понимая, что в обозримом будущем воссоединение Германии останется недостижимым, Аденауэр сделал ставку на сближение с Францией и интеграцию в Западной Европе. Его обвиняли в «предательстве национальных интересов», называли «канцлером союзников» (в «борцах» за единство страны ходил тогда лидер СДПГ К. Шумахер). Упрекать Аденауэра можно: реальных шагов к воссоединению он не предпринимал. Но им были сформулированы условия достижения этой цели. В начале 1952 г. он сказал: «Я думаю, что мы сможем осуществить воссоединение Германии только с помощью трех западных союзников. Но никак не с помощью Советского Союза... Невозможно вернуть Берлин и Восточную Германию, если не будет единой Европы». В марте 1952 г. Аденауэр продолжил: когда Запад станет сильным в такой степени, что Советский Союз поймет, что «агрессия с его стороны обернется огромным риском для него самого», он пойдет на переговоры, которые принесут «освобождение от порабощения не только советской зоны, но и всей Восточной Европы»⁶. Иными словами, решение германского вопроса произойдет лишь с наступлением перемен в Советском Союзе и его «уходом» из Центральной и Восточной Европы. Разумеется, Аденауэр не мог предвидеть одновременного краха коммунизма в Восточной Европе и последовавшего затем распада СССР, но единая Германия, по его мнению, могла возродиться только в «свободной» Европе⁷. Получается, что в своих прогнозах Аденауэр не ошибся?

Канцлер не оставил плана объединения страны, но в этом он не прелятствовал другим. В 1950-х годах блок ХДС/ХСС выдвинул несколько «планов» воссоединения Германии. Их отличительной сутью было то, что руководство этих партий исходило из собственных трактовок германского вопроса. В него включались не только преодоление раскола между ФРГ и ГДР и решение проблемы Берлина, но и вопрос о «восточных территориях», переданных по окончании войны Польше и СССР, а также проблема Судет, возвращенных Чехословакии с выселением оттуда немецкого населения. Требования о восстановлении Германии в границах 1937 г. выдвигались далеко не всеми христианскими политиками и не фигурировали в официальных «планах».

Один из них был составлен статс-секретарем Г. Глобке, близким к Аденауэру человеком. Первый вариант «плана» появился в 1959 году. В нем предусматривалось, что оба германских государства, признав суверенитет друг друга, начинают свободный обмен людьми и информацией, а через пять лет проводится раздельный референдум по вопросу объединения. Через год «план Глобке» претерпел изменения в сторону ужесточения требований к ГДР. В том же году другой христианский политик Ф. фон Эккардт разработал «план по нейтрализации и демократизации ГДР», что должно было приблизить воссоединение страны. Еще раньше в 1953 г. свой «план» предложил советник канцлера по международно-правовым вопросам Э. Кауфман, о чем поведал журнал «Der Spiegel». По этому «плану» путь к воссоединению лежал через создание конфедерации между ФРГ и ГДР. Предусматривалось, что после общегерманских выборов какое-то время будут существовать оба германских правительства наряду с общегерманским. Также предусматривалась разработка общегерманской конституции и ведение переговоров о заключении мирного договора. Естественно, что за Германией сохранялась принадлежность к западным союзам⁸. Особенностью «планов» ХДС было то, что решающее слово в воссоединении должны были сказать сами немцы, а не державы-победительницы, возложившие на себя ответственность за Германию в целом.

Со своими «планами» не раз выступало руководство ГДР. Наибольшую известность получили предложения В. Ульбрихта о создании конфедерации, с которыми он выступил летом 1958 г. на 5 съезде СЕПГ⁹. На основе конфедерации обоих германс-

ких государств Германия «должна стать миролюбивым, демократическим и независимым государством». Обязательным условием являлся выход из военных союзов: ГДР из Варшавского Договора, ФРГ из НАТО. Территория Германии должна быть определена на основе решений Потсдамской конференции. Германия могла иметь собственные вооруженные силы для обороны, их численность определялась в ходе переговоров между обоими германскими государствами. Руководство СЕПГ предлагало начать сближение между ФРГ и ГДР путем обсуждения практических шагов в области экономики, таможенной и валютной областях, в области транспорта и средств связи. При этом исключалась возможность распространения государственного строя ФРГ на территорию ГДР, как и распространение государственного строя ГДР на территорию ФРГ. В «конфедеративном плане» Ульбрихта было немало привлекательного. Достаточно сказать, что в 1989 г. «план Коля» повторял некоторые его положения. Однако план Ульбрихта был обречен на неудачу. Руководство СЕПГ отбрасывало всякую возможность диалога с блоком ХДС/ХСС, который изображался главным «противником» воссоединения Германии. Более того, Ульбрихт призвал к «ликвидации монополии ХДС в Западной Германии» путем «совместных действий всех свободлюбивых демократических сил», куда включались и «левые» социал-демократы. Некоторые авторы пишут о «секретных» переговорах между представителями Аденауэра и Ульбрихта, но даже если они и происходили, реального значения не имели.

Отметим одну закономерность. Как только возрастал накал дискуссий вокруг планов возможного объединения Германии, так обострялись отношения между ФРГ и ГДР. Причем истоки этой напряженности следует искать не только в ГДР. Так, советские инициативы 1952—1953 гг. были блокированы событиями 17 июня 1953 г. в ГДР, оцениваемые в современной историографии как «народное восстание». Эти события, а также перемены в руководстве СССР и ГДР перечеркнули надежды на объединение. Следующий всплеск инициатив приходится на конец 1950-х годов. В мае—июне 1959 г. в Женеве состоялось совещание министров иностранных дел четырех держав с участием представителей ГДР и ФРГ. Советская сторона вновь делала упор на заключение мирного договора и нейтралитете будущей Германии. Западные державы выдвинули так называемый «план Гертера»¹⁰, предлагая рассматривать в «комплексе» германский вопрос, европейскую безопасность и проблемы разоружения. Итоговые решения должны были приниматься на встрече в верхах в мае 1960 г. в Париже. Но эта встреча усилиями самих участников была сорвана, а события 13 августа 1961 г. в Берлине, как казалось, навсегда похоронили надежды на объединение.

После возведения Берлинской стены в разработке «планов» объединения ФРГ и ГДР фактически была поставлена точка. Оба германских государства продолжили свой путь к приобретению полного суверенитета и собственной национальной идентификации. Однако руководство ХДС/ХСС продолжало настаивать на «открытости» германского вопроса, несмотря на заключение договоров между ФРГ и восточноевропейскими странами, включая и ГДР, и прием ФРГ и ГДР в члены ООН в 1973 году. Многие политики посчитали, что германский вопрос утратил свою актуальность. Многолетний лидер западногерманской социал-демократии и «отец» новой восточной политики В. Брандт заявил о прекращении «бесплодных дискуссий вокруг германского вопроса». Однако национальные чувства не могут быть упразднены по желанию политиков.

Новый поворот в германской политике начался с возвращением в октябре 1982 г. к власти блока ХДС/ХСС. Канцлер Коль, который называл себя «внуком» Аденауэра, не стал копировать его политику. Упор был сделан на национальное сознание и на политико-правовые основы германского вопроса¹¹. Блок ХДС/ХСС и лично Коля обвиняли в «реваншизме» и «милитаризме», что при желании можно было отыскать в выступлениях Штрауса и других руководителей «Союза изгнанных». Однако в официальных документах и выступлениях руководство ХДС/ХСС неизменно подчеркивало приверженность мирным средствам в преодолении раскола страны. В этом отношении исключительное значение придавалось правовой стороне германского вопроса. Так как Потсдамские решения не были выполнены четырьмя державами, то этот пробел блок ХДС/ХСС намеревался ликвидировать собственными силами. Действия руководства блока ХДС/ХСС стали развитием тех «планов» по воссоединению Германии, что выдвигались при Аденауэре. Как показал процесс объединения ФРГ и ГДР, если бы отсутствовали правовые основы, то канцлеру Колю вряд ли удалось бы осуществить присоединение ГДР к ФРГ.

О чем конкретно идет речь? Первое: в преамбуле Основного закона (Конституции) ФРГ, принятого 23 мая 1949 г., провозглашалась идея национального и государственного единства немцев, обосновывалось их право на свободное самоопределение. Второе: ст. 23 и ст. 146 содержали возможности преодоления раскола. В одном

случае (ст. 23), новые земли могли просто присоединиться к ФРГ, если население выскажется в поддержку такого решения. Тем самым экономические, политические, правовые и иные устои ФРГ автоматически распространялись на присоединившиеся территории (так был решен в 1955 г. «саарский вопрос»). В другом, требовалось принятие новой конституции путем свободного волеизъявления немецкого народа, Основной закон утрачивал свою силу, а ФРГ и ГДР прекращали свое существование. Возникло новое германское государство, которое могло заново определить свое местоположение в Европе и мире. Третье: в ст. 116 связывалось воедино понятие «немец» с правовым термином «гражданство». Немцем мог считаться тот (если иное не установлено законом), кто имеет германское гражданство и кто был принят на территории Германского рейха по его состоянию на 31 декабря 1937 г. в качестве беженца, перемещенного лица немецкой национальности, или в качестве супруга или потомка одного из этих лиц. Восстанавливалось также германское гражданство тем лицам, которые утратили его в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г., а также их потомкам. Тем самым, гражданство ФРГ распространялось и на население ГДР, что не могло не остаться без последствий.

Еще одним существенным правовым аргументом стал тезис о сохранении правоспособности за Германским рейхом. Юристы и политики утверждали: несмотря на разгром и безоговорочную капитуляцию Германии в 1945 г. Германский рейх продолжил свое существование и должен рассматриваться в качестве субъекта международного права. ФРГ в этом случае (ГДР от этого «тезиса» отмежевалась) является правопреемником рейха — отечеством для всех немцев. Конституционный суд ФРГ своим решением от 31 июля 1973 г. (запрос был подан баварским ХСС), подтвердил законность данного «тезиса». Правительство использовало его в полном объеме в процессе объединения ФРГ и ГДР.

Этими положениями политико-правовая база германской политики блока ХДС/ХСС не ограничивалась. В перечень основных документов и правовых актов были включены: Договор об отношениях между ФРГ и тремя западными державами (Deutschlandvertrag) от 26 мая 1952 г.; протокол к Парижскому соглашению от 23 октября 1954 г. об окончании оккупационного режима в отношении Западной Германии; письмо правительства ФРГ о немецком единстве от 12 августа 1970 г. в МИД СССР и правительству ГДР от 21 декабря 1972 года. Помимо этих документов использовались также извлечения из решений Конституционного суда ФРГ, постановлений Бундестага, отдельных договоров и соглашений, программ блока ХДС/ХСС, официальных речей и выступлений президента и канцлера ФРГ¹². К.-Р.Корте, отрицая наличие «плана» по воссоединению Германии, в то же время признавал большое значение политико-правовых актов, которыми руководствовалось правительство ФРГ в 1989/90 гг., с началом кризиса в ГДР. Блок ХДС/ХСС апеллировал к международному праву, международно-правовым актам, заявлял о приверженности европейскому процессу, в рамках которого намечалось осуществление воссоединения Германии. Избранная линия поведения позволила канцлеру Колю действовать энергично и наступательно не только в отношении властей ГДР, но и гарантов целостности Германии. Переговоры, как известно, прошли по схеме «2+4», где на первом месте стояла ФРГ.

Еще одним аргументом в обосновании «планирования» может служить организующая деятельность Ведомства федерального канцлера, его подразделений и, прежде всего, «штаба германской политики». Создание «штаба» относится к 1977 г., но настоящая его работа началась с избранием Коля канцлером ФРГ. Подробное освещение деятельности «штаба германской политики», как и других отделов, групп и подразделений Ведомства федерального канцлера дает Корте в своем исследовании¹³. В этой связи можно упомянуть подготовку ежегодных «посланий о положении нации в разделенной Германии». С первым «посланием» в бундестаге выступил 28 июня 1967 г. канцлер К. Кизингер (ХДС). При канцлерах Брандте и Г. Шмидте «послание» утратило свое первоначальное назначение и мало чем отличалось от обычных правительственных заявлений.

С возвращением в 1982 г. блока ХДС/ХСС к власти выступление канцлера с «посланием о положении нации в разделенной Германии» стало своего рода «отчетом» о развитии германо-германских отношений и планировании их на перспективу. Коля семь раз выступал с подобным «посланием». Последний раз 8 ноября 1989 г. — за день до падения Берлинской стены. Однако никаких призывов «разрушить стену» в тексте «послания» нет¹⁴. Эти «послания» предназначались не только для актуализации германского вопроса, но и призваны были облегчить положение восточногерманских граждан, расширить возможности свободного выезда, посещения родственников в ФРГ и Западном Берлине. Германская политика Коля не возводила новых

стен между западными и восточными немцами, а убирала те, что были. Поток немецких переселенцев, и не только в последний год существования ГДР, а все годы, шел только в одном — западном направлении. И переселялись не только из ГДР, но и из стран Восточной Европы, СССР, затем России, СНГ.

Коль отмечает в своих воспоминаниях: «Германское единство, вместе с исчезновением советской империи, является величайшим мировым событием этого столетия». Оно означает «завершение конфликта между Востоком и Западом и вместе с тем окончание послевоенной европейской истории»¹⁵. Должен ли был исчезнуть Советский Союз, чтобы объединилась Германия? Коль ставит эти события рядом. Но близки они не только по хронологии. О значении перестройки М.С. Горбачева и его личном «вкладе» в разрешение германского вопроса сказано немало. Тот же Ференбах называет Горбачева «ключевой фигурой» в произошедших эпохальных событиях¹⁶. В 1994 г. бывший канцлер Шмидт заявил: «Без процесса внутреннего распада Советского Союза в 1990 г. состоявшееся объединение было бы невозможно»¹⁷.

Несмотря на определенные закономерности, обусловившие объединение Германии, мы вовсе не утверждаем, что они были частью некоего «плана». Сомневающимся в том, что рано или поздно раскол Германии будет преодолен, с самого начала было немного. Хотя могла быть и иная альтернатива. Склонялся же Аденауэр в конце 1950-х годов к так называемому «австрийскому решению» для ГДР. Однако советская сторона к перемене статуса ГДР желания не проявила¹⁸. Объединение Германии, распад СССР еще раз подтвердили: в конечном счете, определяющим фактором выступают сами люди, конкретные государственные деятели со своей конкретной политикой. Ференбах пишет, что немцам не приходится стыдиться за своих канцлеров: «Никогда в руководстве ФРГ не было ничтожеств»¹⁹. Но что отличало Коля от Аденауэра, Брандта или Шмидта? В. Мазер²⁰ выделял такую черту в личности Коля: он не просто говорил о германском единстве, он был уверен в его достижении. Вся его политическая деятельность до 1990 г. убеждает в этом. Он не был ни «националистом», ни «реваншистом», он был ответственным государственным деятелем, которому «выпало счастье» стать канцлером германского единства.

Примечания

1. ФЕРЕНБАХ О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М. 2001, с. 16—17.
2. Там же, с. 239.
3. См.: KORTE K.-R. Deutschlandpolitik in Helmut Kohls Kanzlerschaft: Regierungsstil und Entscheidungen 1982—1989. Stuttgart. 1998.
4. KAISER K. Deutschlands Vereinigung: die internationale Aspekte. Mit wichtigen Dokumenten. Lubbe 1991, S. 27.
5. См.: Берлинское Совещание министров иностранных дел четырех держав — СССР, Великобритании, США и Франции (25 января — 18 февраля 1954 г.). Документы и протоколы. М. 1954, с. 10.
6. См. Проблемы истории второй мировой войны. Сб. научн. работ. Вологда. 2000, с. 144.
7. См.: KOHLER H. Adenauer: Eine politische Biographie. Frankfurt am Main. 1994.
8. Der Spiegel, 13.I.1954, S. 5—6.
9. Доклад В.Ульбрихта см.: Коммунист, 1959, № 10.
10. К. Гертер являлся в то время государственным секретарем США.
11. См.: Запад—Восток: традиции, взаимодействие, новации. Материалы III Международной научной конференции (23—25 ноября 2000 г.). Владимир. 2000, с. 125—128.
12. Наиболее полный перечень данных материалов с кратким их изложением см.: Union in Deutschland: CDU-Dokumentation. Bonn. 1988, № 8.
13. KORTE K.-R. Op. cit., S. 39—42.
14. См.: Bericht der Bundesregierung zur Lage der Nation im geteilten Deutschland. — Bulletin. Bonn, 9.XI.1989, S. 1053—1060.
15. KOHL H. „Ich wollte Deutschlands Einheit». Brl. 1996, S. 7.
16. ФЕРЕНБАХ О. Ук. соч., с. 247.
17. Die Zeit, № 5, 28.I.1994.
18. Об этом в частности пишет немецкий юрист Б. Майсснер. См.: МАЙССНЕР Б. На пути к воссоединению Германии и к нормализации германо-российских отношений. Избранные сочинения. М. 2001, с. 25—26.
19. ФЕРЕНБАХ О. Ук. соч., с. 274.
20. См.: МАЗЕР В. Гельмут Коль. М. 1991.

Марксистские и леворадикальные тенденции в современной историографии США

Н.Н. Болховитинов, С.И. Жук

Американская историография всегда отличалась разнообразием мнений, сосуществованием всевозможных подходов, школ и направлений. Характерно, что даже в годы после второй мировой войны, отмеченные почти полным торжеством консервативного консенсуса, наряду с известными трудами Д. Бурстина, Р. Брауна и Л. Харца, появилось фундаментальное исследование профессора Колумбийского университета Ричарда Б. Морриса «Власть и труд в ранней Америке», которое выдержало несколько изданий¹. Моррис никогда не был ни левым радикалом, ни тем более марксистом, но его отличали завидная терпимость и широта взглядов. Под его руководством защитили свои диссертации такие ортодоксальные марксисты как Г. Аптекер и Ф. Фонер, леворадикальный историк Дж. Лемиш, а также Эд. Пессен, которому был присущ оригинальный подход к американскому прошлому. Неслучайно, именно Моррис стал одним из основателей и председателем редакционной коллегии журнала «Labor History» (1960—1976 гг.)².

В последние десятилетия XX в. в изучении ранней американской истории сложилась небольшая, но активная группа молодых историков-радикалов, специализирующихся на изучении колониальных низов. Здесь можно назвать Г. Нэша и его учеников (Б. Смит, Ш. Сэлинджер), Дж. Хэнретту, С. Россвурма, М. Мэррила и др. К этой группе историков принадлежит и автор книги о морях торгового флота и пиратах Атлантики в XVIII в. Маркус Рэдiker³, который, как и его коллеги, изучавшие положение трудящихся в колониальной Америке, не могли не опираться на упомянутую монографию Морриса, стоявшую «в зените ранней американской рабочей политики»⁴.

Пик влияния левого радикализма в американской историографии пришелся на конец 1960-х — начало 1970-х годов. Одно время казалось даже, что радикалы займут ведущее положение в американской исторической науке. Этого, однако, не произошло, а коренное изменение политической обстановки в мире после падения Берлинской стены, краха коммунизма и развала Советского Союза серьезно подорвало влияние леворадикальных и марксистских идей⁵.

Тем не менее, несмотря на смену идеологической моды (рост влияния постмодернизма, феминизма, «глобализма» и т.д.), в американской исторической науке сохранилось завидное разнообразие мнений, а марксистские идеи не утратили своего влияния. Один из лучших примеров этого влияния — последняя книга П. Лайнбау (Университет Толидо в Огайо) и М. Рэдикера (Университет Питтсбурга)⁶. Эта работа о «многоголовой гидре» пролетариата Атлантики в период колониальной экспансии Англии в XVII—XIX веках вызвала бурные дискуссии.

Лайнбау, ученик английского историка-марксиста Эдварда П. Томпсона, исследователь истории криминального мира Англии, и Рэдiker, исследователь пиратства как формы классовой борьбы морского пролетариата Атлантики XVIII в., известны среди своих американских коллег как леворадикальные историки. Их совместная книга — не только попытка реабилитации марксистских идей,

Болховитинов Николай Николаевич — академик, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН; *Жук Сергей Иванович* — доктор исторических наук, Днепропетровский государственный университет.

но и свидетельство удачного применения теорий первоначального накопления и классовой борьбы для объяснения социальных явлений периода колониальной экспансии. Эта книга стала своеобразным идейным ответом на попытки нового исторического синтеза ранней Америки, в которых история колоний рассматривалась как часть прошлого Британской империи и единой истории Атлантики. При этом многие авторитетные историки, в частности, представители школы Б. Бейлина были склонны игнорировать борьбу простых европейских, африканских и американских тружеников, которые собственно и были творцами истории Атлантики в XVII—XIX веках ⁷.

Лайнбау и Рэдiker, с большой симпатией и сочувствием, пишут о взаимосвязи и взаимовлиянии разных этнических, расовых и социальных групп, которых эксплуатировал английский капитал, стремившийся установить свое экономическое и политическое господство в бассейне Атлантического океана. Авторы показывают обоснованность и необходимость социального протеста интернационального пролетариата как неизбежную реакцию на экспансию западноевропейского капитала. Книга Лайнбау и Рэдикера способствует пониманию и нынешней экспансии западного капитала в странах «третьего мира». Это своеобразный ответ передовой американской интеллигенции на «глобализацию» мировой экономики, ведущую к закабалению слаборазвитых стран мира международными корпорациями.

Эти авторы используют образ «многоголовой гидры», которую победил легендарный Геракл. Многие современники и наблюдатели движений обездоленных низов атлантического мира — от Англии до Карибского региона — часто называли «многоголовой гидрой», подлежащей уничтожению, проявления социального протеста и их участников. По мнению Лайнбау и Рэдикера, миф о гидре, «символизировал страх и оправдывал насилие правящих классов» в отношении эксплуатируемых масс Атлантики. Образ гидры стал для этих авторов исторической метафорой, характеризующей экспансию капитализма и сопротивление ей в истории колониальной Атлантики ⁸.

Свое исследование авторы начинают с предыстории Английской революции XVII века. Они подвергают анализу расовый и этнический состав трудящихся масс Британских островов, прослеживают влияние колониальной заморской экспансии Англии, в том числе и на обитателей Африки и Ирландии. Описывая классовую борьбу в период Английской революции, авторы концентрируют внимание на роли радикальных групп, в том числе и религиозных радикалов, добившихся в 1649 г. казни короля и изменения политической системы Англии. В книге прослеживаются связи радикалов, переселявшихся из Европы в колонии, и участвовавших в социальных движениях и в метрополии и в ее колониях, а, зачастую, и на кораблях, пересекавших Атлантический океан. Порой представители разных расовых и этнических групп, от ирландцев до негров, поднимали бунты на кораблях совместно с пиратами. Наивысший уровень атлантических радикальных движений приходится на конец XVIII — начало XIX веков, когда коллективный пролетариат Атлантики принял участие в серии революций в британских, французских и испанских колониях в Америке, приведших к возникновению в Западном полушарии независимых государств с республиканским строем.

Лайнбау и Рэдiker, исследуя происхождение и развитие экспансии английского капитала, выделяют четыре главные явления, определившие формирование «гидры» социального протеста среди людей, населявших мир Атлантического океана: экспроприацию народных масс, их борьбу за собственные интересы, примеры сотрудничества угнетенных и их сопротивления эксплуатации, и, как результат их поражения, подчинение целям господствующих классов ⁹. Рассматривая различные формы экспроприации, лишения собственности и традиционных прав простого люда — от ограничения общинных пастбищ путем огораживаний до запретов пуританами праздников — авторы уделяют особое внимание формированию рабочего класса «капиталистической эпохи» и установлению нового рабства «путем насилия над человеческой личностью со стороны капитала». По мнению Лайнбау и Рэдикера, первыми представителями раннего пролетариата колониальной Атлантики стали рабы, промышленные наемные рабочие, матросы, портовые работники и ирландские переселенцы ¹⁰.

Следуя «классическому» Марксу, Лайнбау и Рэдiker исследуют четыре главных формы эксплуатации человеческого труда капиталистами Атлантики на рубеже XVII—XVIII веков. Первой, и основной, классической формой раннего капитализма было английское имение, ориентированное на рынок и преследующее главную цель — достижение прибыли. Американским эквивалентом английского имения была рабовладельческая плантация в колониях. Вторая форма эксплуатации — мелкое производство фермеров или ремесленников, зависевших от капиталистов, контролировавших рынок Атлантики. Третья форма — рассеянная мануфактура в Европе, которой в Африке и Америке соответствовала система обеспечения европейскими купцами колонистов огнестрельным оружием для захвата рабов и рынков, расширения капиталистической экспансии. Четвертым средством организации эксплуатации труда был особый «способ производства», который объединял все другие

виды эксплуатации периода раннего капитализма: британские морские корабли, господствовавшие в XVII—XVIII веках на просторах Атлантического океана ¹¹.

Исследуя формирование капитализма Атлантики на протяжении более двухсот лет, авторы в хронологической последовательности выделяют четыре основных «участка», на которых сосредотачивалась классовая борьба между капиталистами Атлантики и тружениками, сопротивляющимися экспансии капитала: 1) общинные земли, 2) колониальная плантация в Новом Свете, 3) корабли, и, наконец, 4) капиталистическая фабрика ¹².

Различные формы классовой борьбы соответствуют главным стадиям развития капитализма в среде Атлантики. Первая стадия — 1600—1640 г. — зарождение капиталистических отношений в Англии, и постепенное их распространением через торговлю и колонизацию на просторах Атлантики. В этот период жестокая система классового насилия на суше и система жесткой дисциплины на морских судах, с одной стороны, способствовали экспроприации простого люда в Африке, Ирландии, Англии, Барбадосе и Виргинии, а, с другой стороны, принуждали массы экспроприированных людей работать на капитал.

Вторая стадия развития капитализма — 1640—1680 г. — характеризовалась сопротивлением тружеников Атлантики экспансии английского капитала, сначала в ходе «классовых битв» Английской революции XVII в., а затем во время многочисленных восстаний в американских колониях, таких, к примеру, как Натаниэля Бэкона в Виргинии в 1676 году. Главным содержанием этой стадии была попытка религиозных радикалов (рантеров, ранних квакеров и т.п.) создать «Новый Иерусалим» на месте «развратного Вавилона» Британской империи для того, чтобы осуществить на практике библейские принципы равенства людей и социальной справедливости. Поражение радикалов в борьбе с имперским Вавилоном привело к полному закабалению женщин и началу трансокеанского рабства, связавшего Ирландию, Ямайку и Западную Африку в единый рынок рабского труда. Разбросанные по американским колониям первые очаги сопротивления радикалов капиталистическому рабству были подавлены еще во время антирабовладельческих выступлений на Барбадосе в 1649 г. и Виргинии в 1663—1676 годы, что позволило правящему классу обеспечить функционирование колониальной плантации как экономического фундамента для английского капитала в Атлантике.

Для третьей стадии развития капитализма Атлантики — 1680—1760 г. — были характерны консолидация и стабилизация атлантического капитала при помощи имперского государства, включая его финансовую и морскую системы, которые способствовали захвату и контролю над рынками Атлантики. Морское судно — как главное средство этого периода глобализации капитала — соединяло в себе черты капиталистической фабрики и тюрьмы. Как альтернативу имперскому торговому или военному кораблю и как противовес всей системе эксплуатации морского пролетариата Атлантики пираты создавали свой автономный, демократический, включающий представителей разных рас, социальный порядок на море. Но этот порядок угрожал торговле рабами и поэтому после длительных усилий был ликвидирован правящими классами к 1760-м годам. Волна восстаний пиратов против эксплуатации «плантационного пролетариата» прокатилась по всем атлантическим колониям, достигнув апогея в многонациональном заговоре рабочих и рабов Нью-Йорка в 1741 году.

Во время четвертой стадии, в 1760—1835 г., многонациональный пролетариат Атлантики открыл эпоху революций в бассейне Атлантического океана, начиная с восстания Тэки в 1760 г. на Ямайке и кончая серией успешных политических переворотов в Западном полушарии. Эти политические движения осуществили реальный прорыв в социальной практике атлантической цивилизации. Они привели к формированию новых понятий и общественных действий, идее неотъемлемых прав человека, в том числе на забастовку, принципу верховенства божественного и морального права над любыми законодательными или юридическими правилами, что в итоге способствовало запрету рабства и рабовладения в Атлантике. Социальные движения этой стадии развития капитализма способствовали началу Американской революции XVIII века. «Отцы основатели» США использовали расовые, национальные ограничения и принципы гражданства, чтобы дисциплинировать, разделить, и исключить из числа «законных граждан» американской республики тех самых моряков и рабов, которые, собственно, начали и активизировали революционное движение в американских колониях ¹³.

Подготовка книги Лайнбау и Рэдикера к печати и предварительное обсуждение главных ее идей на различных научных собраниях американских историков вызвали своеобразный леворадикальный эпатаж в «американской академии». Авторы использовали различные формы презентации и дискуссии для того, чтобы привлечь внимание своих коллег к актуальным темам классовой борьбы и солидарности в атлантической истории на заре британской экспансии. Иногда авторы во время презентации идей своей книги разыгрывали настоящие спектакли, инсценировали главные исторические сюжеты с помощью таких необычных средств, как, например, рэп-музыка. Лайнбау и Рэди-

кер вовлекали своих коллег в серьезные дискуссии относительно современных вопросов глобализации и колониальной эксплуатации. Авторы доказывали, что в полной мере понять и объективно оценить различные формы социального протеста, можно только изучая их прежде всего в Атлантическом, или транснациональном контексте. Лайнбау и Рэдiker указывали на то, что предыдущие американские исследователи «атлантической истории» обычно игнорировали проявления социального протеста в Атлантике XVII—XVIII вв., взаимосвязанность и взаимовлияние их участников. В то же время, авторы продемонстрировали, что выступления народных низов Атлантики имели серьезные и драматические последствия и для таких крупных исторических событий этого бассейна, как Английская революция XVII в. и Американская революция XVIII века. Как признались сами авторы на заседании Организации американских историков в апреле 1994 г., их главное желание было открыть дискуссию среди историков США и обратить внимание на взаимосвязь сложных социальных явлений нового времени, которые прежде исследовались как разрозненные события отдельных стран. Лайнбау и Рэдiker доказывали методологическую эффективность классического марксизма в его новых интерпретациях, и тем самым, реабилитировали социальную теорию, которую в США после падения коммунизма и распада СССР считали «теоретически и практически несостоятельной»¹⁴.

Во время дискуссии по поводу книги Лайнбау и Рэдикера выявилось резкое ее неприятие ортодоксально настроенными историками США. Участники семинаров по американской истории в Гарвардском университете, следуя консервативному канону «атлантической» истории отвергли новый марксистский вариант исторического синтеза, предложенный Лайнбау и Рэдикером. Один из молодых представителей школы Б. Бейлина — Д. Армitedж, профессор Колумбийского университета, подверг книгу о «многоголовой гидре» уничижительной критике как «слабофундированную версию» истории «красной Атлантики», основанную на устаревших принципах классовой борьбы¹⁵. Армitedж представил книгу Лайнбау и Рэдикера как неудачную попытку возродить умирающую «рабочую» историю и марксистскую методологию. С некоторыми критическими замечаниями Армitedжа можно согласиться. К примеру, англоцентризм в исследовании Лайнбау и Рэдикера (акцентирование внимания только на британском колониальном опыте) не оставляет места для сравнительного анализа экспансий других колониальных империй в Атлантике. За пределами изучения остались примеры классовой борьбы в Испанской Америке, в колониях Швеции и Нидерландов. Так, материал о восстаниях колонистов Новой Швеции (шведской колонии в низовье реки Делавэр) в 1640—50-х годах, таких как «бунт» «длинного Финна», в которых участвовали представители различных этнических групп Скандинавского полуострова, мог бы усилить главный аргумент авторов о «глобализации» капиталистической экспансии и солидарности различных групп трудящихся Атлантики. Тем не менее, несмотря на очевидный англоцентризм авторов, их аргументация и интерпретация источников представляется достаточно убедительными, а методология вполне уместной.

Критика Армitedжа выглядит как политически пристрастное обвинение Лайнбау и Рэдикера, употребивших «некорректную теорию». Упреки же в отсутствии профессиональной объективности исследования и субъективном «выпячивании» только «марксистской тематики» не умаляют значение новаторского подхода к «новому синтезу» истории Атлантики. Авторы пытались подойти к этому синтезу с позиции трудящегося большинства, реальных участников социальной истории колониальной Атлантики. Критики же «нового марксистского синтеза», такие как Армitedж, по-прежнему продолжают сосредотачиваться на исследовании политических и интеллектуальных элит, теоретически оправдывавших и политически контролировавших колониальную экспансию в Атлантическом океане, игнорируя действительных актеров этой исторической драмы — черных рабов, белых сервентов, моряков и наемных рабочих¹⁶. Армitedж и другие консервативные критики книги Лайнбау и Рэдикера упускают из виду ее гуманистическую настроенность и сочувствие авторов миллионам обездоленных людей. «Многоголовая гидра», с одной стороны, стала напоминанием о необходимости гуманного и добросовестного подхода к истории атлантической цивилизации, а, с другой стороны, свидетельством живучести и гражданственности леворадикальной позиции американской интеллигенции. Без таких книг как «Многоголовая гидра» Лайнбау и Рэдикера блекнет гуманистическое начало в историографии Атлантической цивилизации.

Если до 1976 г. основное внимание историков было приковано к политическим проблемам и идеологии Американской революции XVIII в., то в дальнейшем они стали сосредотачиваться на изучении колониального периода, исследовании отдельных общин, семей, маленьких городов («новая социальная история»). И здесь сказалось влияние историков-радикалов: все более популярными становятся труды, посвященные женщинам, сервентам, рабам, индейцам и другим группам и слоям колониального общества, значение которых ранее либо преуменьшалось, либо они вообще игнорировались.

Еще в конце 1960-х — начале 1970-х гг. молодые радикальные историки, в частности Дж. Лемиш, выдвинули плодотворную идею о необходимости изучения ранней истории США и Американской революции «снизу вверх» и резко критиковали «элитистских» историков за их невосприимчивость к проблемам, которые волновали «молчаливые низы»¹⁷. Лемиш критиковал Бейлина и его школу, и мало кто мог тогда предполагать, что именно этот «элитистский» гарвардский профессор окажется тем исследователем, который с помощью современных вычислительных машин подвергнет всестороннему анализу материалы о трудных судьбах простых людей, переселявшихся накануне революции в Америку. Бейлин и его помощники, в частности Б. Деволф, собрали данные о 9304 (!) эмигрантах — их социальном положении, возрасте, поле, занятии, юридическом статусе, причинах отъезда из Великобритании и т.д. Были выяснены сведения о дальнейшей судьбе каждого из переселенцев, местах их проживания, занятии и другой информации, почерпнутой из газет, генеалогических списков, документов отдельных колоний, местных историй, материалов отдельных поселков и личных коллекций по обе стороны Атлантики¹⁸.

Не приходится сомневаться, что и в будущем американская историческая наука будет развиваться в обстановке терпимости к инакомыслию, уважению к различным взглядам и мнениям.

Примечания

1. MORRIS R.B. *Government and Labor in Early America*. N.Y. 1946, 1965, 1981. О влиянии этой книги на развитие американской историографии см. G.R. HODGES. *Richard B. Morris and Government and Labor in Early America (1946)*. — *Reviews in American History*, 1997, vol. 25, № 2, p. 360—368.
2. См.: Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. Т. 2. М. 1985, с. 242—249.
3. REDIKER M. *Between the Devil and the Deep Blue Sea: Merchant Seamen, Pirates, and the Anglo-American Maritime World 1700-1750*. Cambridge-N. Y. 1987.
4. Eiusd. «Good Hands, Stout Heart, and Fast Feet»: *The History and Culture of Working People in Early America*. — *Labor / Le Travailleur*, v.10, Autumn 1982, p. 124.
5. BOLKHOVITINOV N.N. *Some Problems in the Historiography of the American Revolution of the Eighteenth Century*. — *Russian-American Dialogue on the American Revolution*. Columbia-Lnd. 1995, p. 11—38; Comment by J.P. Greene and Response by N.N. Bolkhovitinov. *Ibid.*, p. 39—48.
6. LINEBAUGH P. and REDIKER M. *The Many-Headed Hydra: Sailors, Slaves, Commoners, and the Hidden History of the Revolutionary Atlantic*. Boston. 2000.
7. BAILYN B. *The Idea of Atlantic History*. — *Itinerario*, 1996, vol. 20, 19—44; COCLANIS P.A. *Drang Nach Osten: Bernard Bailyn, the World-Island, and the Idea of Atlantic History*. — *Journal of World History*, 2002, vol. 13, № 1, 169—182.
8. LINEBAUGH P., REDIKER M. *Op. cit.*, p. 6.
9. *Ibid.*, p. 14—15.
10. *Ibid.*, p. 40, 275.
11. *Ibid.*, p. 149.
12. *Ibid.*, p. 327.
13. *Ibid.*, p. 327—328.
14. См. об этом последние издания популярных университетских учебников по истории Европы, например, MERRIMAN J. *A History of Modern Europe*. Vol. 2: *From the French Revolution to the Present*. N. Y. 1996.
15. ARMITAGE D. *The «Red Atlantic»*. — *Reviews in American History*, 2001, vol. 29, № 4, 479—486.
16. Ярким примером такого узкого «элитарного» подхода является книга самого ARMITAGE D. *The Ideological Origins of the British Empire*. N. Y. 2000.
17. О концепции «молчаливых низов» см. *William and Mary Quarterly*, vol. 29, 1972. № 1, p. 129—134; LEMISCH J. *Jack Tar vs. John Bull: The Role of New York's Seamen in Precipitating the Revolution*. N.Y. 1997.
18. BAILYN B. *Voyagers to the West: Emigration from Britain to America on the Eve of the Revolution*. Lnd. 1987 (см. обзор: *Новая и новейшая история*, 1987. № 4, с. 229—231).

А.Б. СОКОЛОВ. *Введение в современную западную историографию*. Ярославль. Ярославский государственный педагогический университет. 2002. 136 с.

Книга доктора исторических наук, профессора Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского А.Б. Соколова посвящена анализу новейших течений в западной историографии, которая за последние 30—40 лет стала совершенно иной. Сделан огромный рывок во взглядах на исторический процесс, получили развитие новые представления о прошлом. По убеждению автора, традиционная история находится в упадке. В области исторических исследований царят новейшие направления: «новая историческая наука», клиометрия, новая социальная история, психоистория, новая культурная история, микроистория, гендерная история. Отмечаются интеграция наук, методы и концепции одних дисциплин продуктивно используются другими. Происходит ослабление цивилизационного подхода и других «глобальных» интерпретаций истории человечества, да и сама «научная история» воспринимается зарубежными исследователями с большим сомнением (с. 3, 4).

Автор высказывает опасение, способны ли российские историки признать, что «происходящие в западной историографии изменения плодотворны и по сути революционны» (с. 4). В России по-прежнему доминирует политико-дипломатический жанр, хотя, как нам представляется, отечественные исследователи уже сделали определенные шаги в признании «революционных изменений» в исторической науке¹.

Соколов стремится раскрыть самые общие тенденции развития исторических исследований на Западе (с. 5). Цель автора: дать «минимум информации о теоретических спорах вокруг каждого из направлений», но привести «много примеров, позволяющих получить представление о сущности «новой исторической науки» и о конкретных методах, используемых разными учеными» (с. 5—6). Соколов ограничивается англоязычной (и переведенной на английский язык) литературой 80—90-х гг. XX в. и отдает предпочтение книгам и статьям, относящимся к истории нового времени, повествующим об истории Великобритании. О современной историографии политической истории, по его словам, «можно писать отдельную книгу». Автор отстаивает право своего выбора, оставляя за рамками своей книги «труды сторонников «глобальных» подходов к объяснению истории, в том числе «цивилизационного» и микросистемного, современных марксистов» (с. 6).

По мнению автора, на рубеже 60—70-х гг. XX в. ослабла идея «научности» истории, на-

ступила эпоха постмодернизма. Появление вышеперечисленных направлений Соколов обосновано считает откликом на идеи постмодернистской истории, сформулированные французскими философами и социологами Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, Ж.-Ф. Лиотаром. Посвящение отдельной главы характеристике постмодернизма можно считать вполне оправданным. Справедливо заметив, что получивший всеобщее признание термин «постмодернизм» сам по себе звучит довольно неопределенно и иногда используется как своего рода ярлык (с. 7), Соколов сумел доходчиво разъяснить его суть. Он четко показывает, в чем «постмодернизм представляет собой отрицание концепций модернизма» (с. 7—10).

Определяя суть постмодернизма и характер его воздействия на историческую науку, Соколов опирается на выводы видных зарубежных историков — М. Бэнтли, С. Шамы, И. Рюзена. Развивая мысль последнего о четырех направлениях исторического дискурса, связанных с постмодернизмом (с. 11—12), Соколов добавляет: «в постмодернистской историографии присутствует ярко выраженное недоверие к тому, что называют «мета-нарративом», под которым понимаются какие угодно обобщения, например, прогресс капитализма, победа пролетариата, политическое освобождение, триумф Запада, наконец, конец истории и т.д. Они рассматриваются как абстрактные конструкции, возникшие под влиянием современных дискурсов» (с. 12—13). Автор не оставил без внимания и критиков постмодернизма, таких, как П. Загорин, П. О'Брайен, А. Джонс, выделив в ней «мягкие и жесткие оттенки». Уместно и авторское замечание, что, зародившись во французской философии и лингвистике, постмодернистские тенденции «по-разному затронули национальные западные историографии», сильно сказавшись в США, в меньшей степени коснувшись Англии и почти не затронув Германию (с. 14).

Характеристика постмодернизма была бы неполной без упоминания о творческом наследии М. Фуко. Споры вокруг этого имени не утихают. «Для одних он — гуру, учитель, оставивший самый яркий след в философии и истории, для других — шарлатан, деятельность которого не имела ничего общего с историографией». В книге последовательно разбираются главные произведения Фуко. Автор сумел понять и оценить вклад Фуко в изучение истории. Он отмечает, что Фуко «подошел к такому пониманию безумия, при котором оно оказывается производным, по-разному классифицируемым в раз-

ные исторические периоды» (с. 16), а в лечении болезни Фуко видел не изменение практики «исследования пациента, а то, что был способен увидеть доктор», поставив в философском плане проблему сущности связи и восприятия языка. По мнению Соколова, книги Фуко — «Безумие и цивилизация», «Рождение клиники» — «не просто рассказ о возникновении домов для умалишенных и клиник, это отход от традиционной интеллектуальной истории к истории дискурсов, практик и структур» (с. 20). В книге интересно и на конкретных примерах показано, как Фуко связывал природу знания с существующей на данном этапе концепцией языка, с дисциплинарными технологиями, а также с тем, что он понимал под дискурсом и в чем видел значение власти для характера дискурса (с. 21—26). Нельзя не согласиться с главным выводом автора: «Воздействие Фуко на современную историографию огромно. Им подняты темы, которые в последние два десятилетия составляют костяк исторических исследований на Западе» (с. 29).

Характеристику новой культурной истории, как одной «из самых динамично развивающихся областей в современной историографии», Соколов начинает с ее истоков, которые «могут быть найдены в трудах многих известных представителей исторической науки» (с. 75). Он особо выделяет работы Й. Хейзинги «Осень средневековья», Н. Элиаса «Цивилизационный процесс», Э. Ле Руа Лядури «Монтажу», вышедшие в свет соответственно в 1919, 1939 и 1974 годы. Чтобы наглядно показать предмет и методы исследования новой культурной истории, Соколов опирается на творчество американского историка Р. Дарнтон, заявившего о себе публикацией книги «Кошачье побоище и другие эпизоды французской культурной революции» в 1984 году. На примере детального анализа двух глав из этой книги, а также одной из статей Дарнтон автор четко показывает, в чем состояла суть «лингвистического поворота» в культурной истории. Он пишет: «Многие новейшие труды направлены на выяснение того, как культура вписывается в социальный контекст, при этом речь отнюдь не идет о возвращении к экономической и политической логике. Культура рассматривается преимущественно не как инструмент вдохновения; предметом изучения является то, как она «работает» (с. 82).

Соколов принимает во внимание выделение в новой культурной истории двух главных подходов — «формализующего» и «сущностного», предложенных Р. Бирнаски. Он приходит к выводу, что «поворот в современной культурной истории наметился, когда историки осознали, что оба подхода могут сочетаться, поэтому сейчас они воспринимаются как отдельные с трудом.

Раньше культура рассматривалась как набор ценностей и норм, объясняющих изменения как постепенный и длительный продукт социальной эволюции, или, наоборот, ее понимание фокусировалось только на крупных интервенциях (таких, как неожиданный контакт между цивилизациями), либо на творческой гениальности отдельных лиц. «Культурный поворот» привел к тому, что результаты исторических процессов воспринимаются одновременно как глубоко структурированные культурой и зависящие от локальных событий» (с. 83).

Не претендуя на то, чтобы охватить все многообразие направлений новой культурной истории на современном этапе (с. 98), Соколов остановился лишь на изучении народной культуры, политической культуры, «образа других», истории эмоциональной сферы и человеческих чувств (с. 83—98). Раскрывая каждое из направлений, он не только резюмирует значительное количество недавно вышедших работ, но и выбирает представителей различных национальных западных школ.

В тесной связи с новой культурной историей Соколов рассматривает микроисторию (с. 102). Сам он определяет последнюю следующим образом: «Если говорить в самом общем виде, то речь идет об изучении ментальности, о понимании характера ценностных представлений у людей в прошлом. Особенность микроистории в том, что она ориентирована на единичное и казуальное. Микроистория не претендует на глобальные обобщения или на широкий охват материала. Предметом рассмотрения является случай, то, что произошло с конкретным человеком или в небольшой общности людей. В этом смысле можно говорить, что микроистория изучает повседневную жизнь... В методологическом отношении развитие микроистории связано с влиянием концепций постмодернизма» (с. 102). Как на конкретный пример исследований в области микроистории Соколов ссылается на творчество итальянского историка К. Гинзбурга и историка США Н.З. Дэвис. Анализируя их произведение, автор делает справедливый вывод: микроисторический подход, нацеленный на изучение отдельного случая, позволяет историку обнаружить, «что было свойственно культуре большинства» (с. 105).

Не менее интересно изложены Соколовым остальные разделы книги, посвященные клиометрии, новой социальной истории, психоистории, гендерной истории. В заслугу автору следует поставить то, что он попытался привнести в анализ этих, в целом уже неплохо освещенных в отечественной историографии направлений, сильную лепту, дополнив своих предшественников ссылками на новейшие исследования запад-

ных коллег. Конечно, автору следовало бы познакомиться и соотнести рассматриваемые положения психоистории с отечественными подходами², а используемые им заимствования из западной литературы следовало бы сравнить с понятиями в отечественной науке. Например, психоисторию хотелось бы соотнести с термином историческая психология. Вызывает сомнение дискуссионный вывод автора: «если рассматривать историю как результат действия объективных исторических сил,... то личностному фактору в ней остается немного места. Если в истории нет место индивидуумам, то в ней нет места и психологии» (с. 70). Однако, как известно, существуют и массовидные явления психики и их проявления³. Автору следовало бы глубже изучить произведения по вопросу психоанализа и опираться не только на работы З. Фрейда, но учесть и неофрейдистов и современную критическую литературу по психоанализу. Соколов поднимает некоторые вопросы теории психоанализа, которые решаемы, на наш взгляд, в рамках психологической, а не исторической науки. Например, о методах познания психического через сновидения (с. 74).

Подробно проанализировав предмет и историю гендерной истории, автор делает вывод: «для историка гендер может стать ключом для расшифровки природы власти и понимания сложности и многообразия форм социального взаимодействия людей» (с. 116).

Книга Соколова не дает (и не может дать!) исчерпывающего представления обо всех новей-

ших веяниях в современной зарубежной историографии. Да и сам автор признает гипотетичность и субъективизм характеристики тенденций ее развития. На наш взгляд, Соколов напрасно уклонился от критического взгляда на разбираемые им направления исторической мысли, ограничившись во введении замечанием, что не все они ему одинаково интересны.

Думается, что эта работа существенно восполняет лакуны имеющихся учебных пособий по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки и может быть рекомендована как студентам, изучающим этот курс, так и всем тем, кто интересуется современным состоянием исторической науки за рубежом.

М.Е. ЕРИН, Г.Н. КАНИНСКАЯ

Примечания

1. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М. 2000; Политическая история на пороге XXI века. Традиции и новации. М. 1995; РЕПИНА Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории. — Одиссей. 1996; БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Как же писать Историю? Методологические веяния во французской историографии 1994—1997 гг. — Новая и новейшая история, 1998, № 4, с. 30.
2. ПОРШНЕВ Б.Ф. Социальная психология и история. М. 1979; История и психология. М. 1971.
3. Психология масс. Самара. 1998.

С.С. ХРОМОВ. *Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920—1926.* М. Институт российской истории РАН. 2001. 212 с.

Монография доктора исторических наук, профессора С.С. Хромова посвящена последним годам жизни Леонида Красина. Эта работа — результат многолетних архивных поисков, изучения всех доступных материалов о жизни и деятельности Красина, его полемики с руководителями советского правительства и Коммунистической партии. Автор вводит в научный оборот большое число новых фактов, документов, предлагает свой взгляд на многие проблемы, делает выводы, уточняющие понимание многих политико-экономических процессов тех лет.

В предисловии к книге дочь Л.Б. Красина Т.Л. Тарасова-Красина пишет: «Можно смело сказать, что из всего, что написано о Красине (включая публицистику, научные исследования, художественную прозу и кинодраматургию) перед нами самое глубокое исследование жизненной

позиции, его поступков, мыслей и стремлений. И хотя со времени событий, о которых пишет автор, прошло почти восемь десятков лет, читатель не сможет не испытать волнения: так остро, так актуально звучат они в наши дни» (с. 3).

В книге содержатся отрывки из писем Л.Б. Красина жене — Т.В. Миклашевской-Красиной, написанных в 1923—1926 гг., а также некоторые, никогда не публиковавшиеся деловые письма Красина, выявленные исследователем в ряде архивов России. Приведены редкие фотографии Л.Б. Красина и его семьи. Книга снабжена хорошим справочным аппаратом.

Являясь в течение 7 лет (с 1918 по 1925 гг.) наркомом внешней торговли, Красин уделял очень большое внимание развитию внешнеполитических связей советского государства, будучи убежден, что для восстановления и развития эконо-

мики страны зарубежные кредиты жизненно необходимы. Взгляды Красина уже тогда, в первой половине 1920-х гг., не только отвергались некоторыми деятелями партии, но и, в пылу полемики, существенно искажались, причем несправедливые оценки идей оппонентами затем воспроизводились в советской историографии. Хромов доказательно подчеркивает, что Красин выступал за получение таких кредитов, которые бы реально стимулировали экономику советской страны: «мы не умрем без кредитов, только наше развитие замедлится» (с. 14).

Автор показывает, что Красин иногда преувеличивал значение западных кредитов, но никогда не проявлял готовности удовлетворять претензии бывших собственников национализированных предприятий, в чем его упрекали не только оппоненты-современники, но и некоторые историки.

Хромов напоминает, что Красин стоял у истоков советской концессионной политики, а при рассмотрении вопросов о предоставлении той или иной концессии, будучи членом Главконцесскома, проявлял необходимую гибкость, руководствуясь прежде всего общегосударственными интересами. Как показывает автор, далеко не всегда Красин советовал идти на заключение концессионного договора, и никакой «пораженческой концессионной политики» (в чем иногда обвиняли наркома внешней торговли), разумеется, не проводил. Так, он был против предоставления концессии на добычу чиагурского марганца американскому предпринимателю Гарриману. Красин доказывал, что договор с Гарриманом невыгоден политически (в том числе и потому, что Гарриман настаивал на подписании договора не только правительством СССР, но и руководителями Грузии), не оправдан технически (добыча марганцевой руды не требовала использования заграничной техники); невыгоден экономически (с. 22—24). Позиция Красина оспаривалась Г.Л. Пятаковым, и вопреки мнению наркома внешней торговли, договор все-таки был заключен.

Хромов обнаружил в архивах весьма любопытные записки грузинского правительства руководству СССР с просьбами о внесении на его счет одного миллиона рублей авансового платежа и предоставлении права подписания договора от имени Грузии (с. 27). Просьбы эти удовлетворены не были, но интересно, что Красин предвидел возможное разжигание противоречий между Москвой и Тифлисом с помощью этого концессионного договора. Уже в 1928 г. этот концессионный договор был расторгнут — всего через три года после заключения и через два года после смерти Красина.

В книге разбирается «дело Уркарта» и «Лена-Голдфилдс». Хромов убедительно показывает решимость и способность Красина «противостоять вождям», отстаивать свою позицию. О «деле Уркарта» написано немало, его имя многократно упоминалось Лениным, чья позиция неизменно оценивалась советскими историками как единственно правильная. Хромов показывает сложность и неоднозначность этого вопроса. Он проанализировал все аргументы основных участников дискуссий о «деле Уркарта», использовал новые архивные материалы, проследил, как шли переговоры с английским предпринимателем вплоть до 1929 года. Вывод, к которому автор подводит читателя: в «деле Уркарта» прав был Красин, а не Ленин, позиция наркома внешней торговли в наибольшей мере соответствовала интересам страны, концессия могла дать достаточно сильный импульс развитию производительных сил.

Если по концессии Уркарту оппонентом Красина выступил Ленин, то по вопросу о концессии «Лена — Голдфилдс» — Сталин. В феврале 1924 г. он выразил свое отрицательное отношение к этой предполагаемой концессии, а в марте 1924 г. Красин, фактически полемизируя с генсеком, рекомендовал этот концессионный договор заключить. Хромов приводит интересную мысль Красина: «Конечно, в известном смысле было бы спокойнее изгнать всех концессионеров и капиталистов из пределов Союза и вовсе устранить какую-либо опасность с их стороны. Но это несомненно с другой необходимостью — во что бы то ни стало ускорить возрождение и развитие нашей промышленности» (с. 71).

Пленум ЦК, обсуждавший этот вопрос, поддержал Красина. В конце 1925 г. договор с компанией «Лена — Голдфилдс» был подписан. В книге рассматривается, как выполнялся этот концессионный договор вплоть до момента его расторжения в 1934 году. В конце 1920-х гг. концессия «Лена — Голдфилдс» давала 30% добычи в СССР золота, 80% серебра, 50% меди, свинца и цинка (с. 80).

Автор анализирует противоречивое положение, в котором постоянно оказывался Красин: «Находясь... в системе советских координат, Леонид Красин должен был последовательно выполнять директивы партии и советского правительства, а с другой стороны, он не мог это делать, не сообразуясь со своей системой взглядов и убеждений. И поэтому он нередко приходил в противоречие с официальной точкой зрения властей» (с. 126).

Хромов рассказывает еще об одной полемике Красина с Лениным по весьма важному вопросу — о роли контрольных функций. Как изве-

стно, Ленин придавал большое значение усилению контроля за всей жизнью страны, для чего в своих последних статьях предлагал реорганизовать и укрепить Рабкрин (Наркомат рабоче-крестьянской инспекции) и ЦКК партии. Посвященная этой проблематике статья Ленина «Лучше меньше, да лучше» была опубликована в «Правде» 4 марта 1923 года. 24 марта в той же «Правде» появляется публикация Красина под красноречивым заголовком «Контроль или производство (по поводу статьи тов. Ленина «Лучше меньше, да лучше»)». Нарком пишет: «предложение Ленина о превращении Рабкрин в «Сверхрабкрин, в своего рода мозг и сердце всего государственного аппарата, возбуждает у меня большие сомнения и даже опасения» (с. 88). Аргументация Красина такова: «Главная наша беда заключается в том, что мы не можем, не умеем организовать именно производство... контроль есть вспомогательная функция». И далее: «Раздутая, преувеличенная система контроля и вообще обилие всяких инспектирующих и наблюдающих органов есть главная причина невыносимого бюрократизма наших государственных учреждений» (с. 89). Свои тезисы Красин развивал в «Правде» 15 апреля 1923 года.

Хромов приводит и такой, актуальный и по сей день, текст Красина, извлеченный им из документов, хранящихся в Российском государственном архиве экономики. Красин информировал руководство о готовности крупных зарубежных предпринимателей сделать инвестиционные вложения в России, но указывал, что осуществить это намерение мешает ряд факторов: «Главнейшими препятствиями является неуверенность в достаточной деловитости советского правительства, боязнь наших чрезвычайек и полного бесправия, неуверенность в прочности режима и отсутствие уверенности, что затраченный капитал пойдет действительно на производительные цели, а не будет просто расхищен» (с. 97).

Еще один сюжет — отношения Красина с высшими партийными органами. В книге, в час-

тности, приводится отрывок из отправленной в 1924 г. записки Красина в политбюро, где нарком решительно не соглашается с практикой партийных «чисток», в результате чего, по его мнению, «поднимают голову элементы шкурничества, наушники, лентяи и неудачники, не способные выдвинуться в работе, но получившие теперь надежду выдвинуться вперед за счет доносов, сведения счетов с другими, спецсредства, показного демократизма и самого, иногда наглого, прислуживания ко взявшему теперь в партии силу течению» (с. 107). В таком же духе, одновременно с Красиным, направил в ЦК письмо Г.В. Чичерин. Политбюро рассмотрело эти документы и признало письма Чичерина и Красина ошибочными (с. 107).

Чрезвычайно интересны отрывки из деловых писем Красина. Так, в 1921 г. глава «Азнефти» А.П. Серебровский самостоятельно продал в Константинополе некоторое количество нефти, а на выручку тут же закупил все, на его взгляд, самое необходимое для бакинских нефтяников. В этой связи Красин пишет своему заместителю из Лондона: «Прошу немедленно по получении этого письма разъяснить мне по телеграфу, как будет обстоять дело с продажей бакинских нефтепродуктов. Остается ли это дело исключительно в руках Серебровского, который время от времени будет производить лихие наезды на Царьград или уважаемые товарищи поймут, наконец, что нефтью сколько-нибудь правильно и выгодно торговать можно только через Лондон и Берлин, да и тут после предварительного осторожного обследования рынка. Совершенное мальчишество вывозить нефть и сбывать ее в иностранных портах по тем ценам, которые дадут из милости» (с. 153).

Хромов проделал нужную и полезную работу, его монография — беспристрастное исследование важных аспектов истории первых лет Советской власти.

А.А. ИГОЛКИН

Л.Б. БРУСИЛОВСКАЯ. *Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля*. М. Изд-во УРАО. 2001. 188 с.

Культуролог Лилия Брусиловская опубликовала новое учебное пособие. Междисциплинарный метод используется ею для характеристики «повседневности» как исходная и базовая категория при изучении эпохи «оттепели» (с. 21). Автор сочетает историко-антропологический подход «Школы Анналов», социальную феноменологию А.

Шюца и культурно-семиотический подход Ю. Лотмана.

Категории «повседневность» трактуется в книге как «переживание объективного существования вещей» (с. 11), как «деструктурные и до-типологические формы социального существования» (с. 13), наконец, как «система опреде-

ленных практик, выражающих основные наши предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей» (с. 31). Впрочем на конкретном материале данное понятие раскрывается убедительно. Вряд ли, например, можно всерьез воспринимать утверждения автора о том, что военные трофеи вошли в 1945—1946 гг. в быт и образ жизни советских людей как одна «из главных внешних причин» (с. 34) перехода к новой эпохе, традиционно датируемой 1955—1968 годами.

В начале работы автор заявляет о своем стремлении прочесть тексты культуры в контексте повседневной практики. Однако это намерение не получило развития в дальнейшем изложении сюжетов, относящихся к «новой публичности» или «новой повседневности».

Автор хочет зафиксировать резонанс, который получало искусство в повседневной жизни, каким образом результаты художественной практики включались в «поле повседневности», иначе говоря, зафиксировать траекторию, по которой шло внедрение искусства в повседневную жизнь, в «стиль жизни» людей. Но при этом, очевидно, надо было бы учитывать, что сам этот стиль различен для разных социальных групп, как и общее изменение социокультурной ситуации в СССР в 50—60-ые годы, связанное в числе прочего с формированием общества массовой культуры. Последняя же не может быть зафиксирована ни через анализ повседневности, ни через анализ сферы искусства, поскольку возникает она не в поле художественных практики, а в публичном пространстве, наращивает свою культурную емкость, когда произведения искусства поступают в публичное обращение и предлагаются публике не творческими сообществами, как это обычно происходит в сфере культуры, а пропагандируются представителями именно «публики». Так собственно и возникает ситуация публичной значимости данного представления искусства и творчества, его связь с современным ему публичным сообществом.

Но исходная категория Брусиловской — категория повседневности — применяется, как уже отмечалось, именно как базовая для понимания связи между «сферой искусства и внехудожественной реальностью». Часто используемый термин «оттепель» так и не получает в книге своего понятийного объяснения. Автор лишь сообщает, что «данная эпоха ... продемонстрировала свой законченный индивидуальный культурный стиль и четкую систему ценностей и понятий» (с. 3). Именно эту систему ценностей и понятий автор и пытается зафиксировать, повествуя о новых формах досуга, расхожих словечках и культовых фигурах из области искусства, характерных для того времени. Очевидно, эти

соображения недостаточны для подлинного понимания глубинных процессов, развивавшихся в советском обществе рубежа 50—60-ых годов.

Каково же рода трансформации произошли в социальной сфере, повлекшие за собой новый этап в развитии художественной практики? На этот вопрос автор не дает ответа, предпочитая ссылаться на действие или бездействие власти в отношении различных социокультурных явлений. Но сам материал рецензируемой книги (архивными разысканиями и полевыми исследованиями автор не занимался) позволяет сделать ряд заключений о характере происходивших процессов.

Одним из признаков наступившей «оттепели», по мнению автора, является повсеместное увлечение поэзией. «Показательно, что этот процесс начинался в 1952—1953 гг. на факультете журналистики МГУ. Студенты тех времен вспоминают, как весь факультет охватило тогда общее поветрие: все начали писать стихи» (с. 60). Люди, задававшие поэтический дискурс эпохе, «вводят новое понятие, отражающее характер эпохи — его можно условно обозначить как публичный поэт» (с. 63). Таким образом, автор сама непроизвольно вводит категорию альтернативную категории повседневности — публичность, но не останавливается на этом.

На наш взгляд, именно возникновение сферы публичности, публичной жизни, публичного пространства и составляет характерную особенность новой эпохи. Поэтому и поэты того периода предлагали себя как публичных авторов, независимо от своих творческих предпочтений. Предлагаемая типология поэтических лидеров — энтровертов (Е. Евтушенко, А. Вознесенский) и интровертов (Б. Ахмадулина, И. Бродский) ничего не объясняет в различии их творческих стратегий. Дело не в том, что Евтушенко «создал новое представление о том, каким должен быть поэт современности», а Бродский жил «в монастыре собственного духа» (с. 64 и с. 84). Они по-разному относились к проблеме публичности: первый принял эстетику и правила поведения советской школы искусства, а второй и институционально, и эстетически был вне ее. Представители творческих кругов советского общества разделились на приверженцев Школы и тех, кто формировал свою собственную Мастерскую, заведомо маргинальную. Объединяет же Бродского, Евтушенко, Ахмадулину, Вознесенского их восприятие себя как фигур публичных. Для Бродского выход в публичность в СССР был закрыт — он не был членом Союза писателей, а остальные перечисленные поэты были. Во всяком случае на то, что и для Бродского была крайне важна публичность, указывает американский период его жизни.

Говоря об эпохе «оттепели», автор обращается к представителям сферы искусства. Однако здесь необходимо заметить, что обильно упоминаемые Брусиловской события художественной жизни создают впечатление их тотальности. Но это явная иллюзия. Вопрос можно сформулировать так: для всех ли была «оттепель»? Можно ли говорить о тотальности этого явления? Само это слово появилось в 1954 г., но термином стало гораздо позже и участников «оттепели» было гораздо меньше, чем полагает автор. Что же касается повседневности, то на ее изменение повлияли не военные трофеи и спектакли, а новый виток социальной мобильности. Последняя в разных средах проявлялась по-разному. В разных средах люди избирали разные стратегии, одни слушали стихи современных поэтов в Политехническом музее, другие ехали на целину. И, вероятно среди последних были не те, кто внимал поэтам на многоярусных стадионах, а те, кто прерывался курсом на экономическую инициативу. Показательно, что автор, говоря об «оттепели», не упоминает целины. А ведь это тоже была «оттепель», только в экономической сфере, а не в сфере публичности. Во всяком случае на целину ехали со всех концов страны, а поэзии с эстрады внимали немногие и далеко не везде.

Автор неоднократно упоминает, что то или иное событие художественной жизни «облетело всю Москву». Автор локализует новые феномены досуга, сленга, стиля одежды, акты творческого самовыражения двумя городами — Москвой и Ленинградом (с. 40, 46, 51, 54, 119, 164). Но почему не упоминается Ташкент, Киев, Новосибирск? Очевидно, что в Москве (хотя не очевидно — в Ленинграде) существовало более сложно организовано городское сообщество. В конце 50-ых годов в Москве (точнее в московском сообществе) стало формироваться новое публичное коммуникационное пространство. Это обусловило появление нового стиля публичнос-

ти. Возникает особая публика, которой не было ни до, ни после «оттепели», особое состояние публичного сообщества, причем, вероятнее всего, именно в Москве. Ибо, повторяем, «оттепель» не была тотальным феноменом и требовала для своего формирования специфического публичного сообщества, а не нового поколения или новой страны. Такое сообщество возникло далеко не всегда и не везде: для этого требовалась достаточно развитая урбанистическая структура — развитой индустриальный мегаполис. Москва этого периода уже имела в своем социальном пространстве поле массовой культуры, здесь функционировал капитал признания, символический капитал, обладание которым было возможно только через выход в публичное пространство. Отсюда и возникновение различных стратегий доступа к публичности. Можно предположить, что только в Москве публичное пространство было тогда полноценно всеобъемлющим, стирающим и вбирающим в себя различия сред, страт и корпораций.

С учетом сказанного становится понятным «застой» — то есть прежде всего, свертывание публичной активности городского сообщества Москвы, а не перемена политического климата, как пишет Брусиловская (с. 172). «Застой» — это ситуация примата частных бесед («на кухне») над публичными выступлениями (на собраниях), это эпоха приватизации публичного пространства, за счет формирования локальных культурных сред.

Апелляция к междисциплинарности оправдана лишь тогда, когда исчерпаны все исследовательские возможности той или иной отраслевой дисциплины. В противном случае может возникнуть терминологическая эклектика, а одновременно и проблемы с корректностью самой исследовательской процедуры, что подтверждает и пример рецензируемой книги.

С.В. ДАМБЕРГ, В.Е. СЕМЕНКОВ

Scrittura di Storia (Napoli). Ottobre, 2001, № 2.

Исторические записки

Заглавие периодического издания отделения философии и политики Неаполитанского восточного института воспроизведено на обложке по-итальянски, по-английски, по-русски, по-китайски. Это прямое предуведомление относительно широты историко-географического диапазона публикуемых изысканий.

Рецензируемый выпуск открывается статьей профессора Ван Мин (Институт истории Академии общественных наук КНР) «Представления об Италии в Китае в XVIII в.». Она делает

акцент на том, что необходимо различать сведения китайцев, которым посчастливилось побывать в Италии и представлениями высшего чиновного сословия, которые сложились исключительно на основе свидетельств итальянских миссионеров. Как явствует из изложения Ван Мин, хотя четко и не сформулировано автором, политическая философия представителей китайского истеблишмента XVIII в. обусловила скептическое отношение последних к христианской культуре Запада. Итальянский миссионер Дж.

Алени в своем описании Италии (изданном в 1623 г. в Ханчжоу на китайском языке) дал, по словам Ван Мин, очень привлекательное и наставительное представление об Италии, утверждая, что обстановка спокойствия и социального мира в Италии была следствием христианства. Китайское образованное сословие с большим скептицизмом восприняло описания Италии и ее городов, обычаев, а также политических, юридических и социальных институтов. Возникает вопрос, в какой степени изменилось скептическое отношение к христианству как доминанте социально-политического состояния Италии у представителей научной общественности современного Китая по сравнению с их предшественниками?

Тематически к этой публикации примыкает статья М. Фатики и Дж. Санны «Заметки о поездке Петра Го (Го Лянчэна) в Италию (1859—1860)». Его «Краткий отчет о путешествии на Запад» созвучен уже упоминавшемуся сочинению Алени, хотя сказываются, конечно, хронологические рамки описания. Заслуживает внимания рассказ о встрече Петра Го с папой Пием IX. Авторы статьи удивляются, что Го не удостоил вниманием политическую ситуацию в Италии, но в то же время описывает положение в Китае, сложившееся в результате тайпинской революции и нападения Великобритании и Франции во время двух опиумных войн. Го по-видимому не занимала политическая обстановка в тогдашней Италии, которая не оказывала, в отличие от Великобритании и Франции, сколько-нибудь заметного воздействия на события в Поднебесной.

Святой престол в лице его рядовых эмиссаров и самого первосвященника всемерно стремились к распространению католицизма в Китае. Об этом свидетельствует содержание статьи М. Фатики «Неаполитанский восточный институт как центр культурного обмена с Китаем в XVIII и XIX вв.». С одобрения папы Климента XII (1732 г.) священник Маттео Рипа учредил в Неаполе китайский колледж. Он был призван стать не столько центром культурных контактов с Китаем, но прозелитизма. Целью Рипы, пишет Фатика, было подготовить молодых китайцев, прибывших с ним из Китая, к священнической службе, посвятить их в духовный сан и вернуть в Китай с тем, чтобы они обращали в католичество своих соотечественников (с. 120).

К научно-практической деятельности Рипы как картографа обращается Дж. Стари в статье об обнаруженном недавно в Санкт-Петербурге, в рукописном отделе Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН его «Атласе» — копии карты Китая, составленной иезуитами и выгравированной Рипой на медных пластинах в 1719 году. Он передал ее в дар царю через члена миссии Л.В. Измайлова (1720—1721 гг.).

Разносторонние духовные контакты Италии и России персонализируются, в частности, в

личности М. Бакунина. С. Муззурпаппа в статье об анархистском движении в Матезе (1877 г.) критически рассматривает историографию итальянского социалистического движения и деятельность I-го Интернационала в Италии, уделяя особое внимание Михаилу Бакунину.

Малоприметна по масштабам, но весьма показательна роль русской женщины-эмигрантки Анны Кулишовой в распространении марксизма в Италии. Дружба с ней подвигла видного политического деятеля Ф. Турати к восприятию марксизма (с. 337). В настоящем издании публикуется письмо-сообщение последнего «О социально-санитарных условиях в провинции Неаполь» (1885), адресованное радикалу, сподвижнику Д. Бертани Дж. Гарibaldi. В Неаполе Турати встретился с А. Кулишовой, с которой в течение 40 лет делил жизнь и борьбу.

Изыскания в области истории России представлены Л. Сестано «Автократия, дворянство и государственная служба при Александре I», в которой рассматриваются последствия «Табели о рангах», оппозиция среди помещиков-землевладельцев.

Л. Санта Мария показал на примере Индонезии XX в. роль религии в политической жизни. Первая половина XX в. характеризуется в основном относительно большим влиянием протестанства, а за ним католицизма. Ислам же набирал силу в умах подавляющего большинства обитателей Голландской Вест-Индии и стал политической силой, которая схлестнулась с нарождающимся паниндонезийским национализмом. Автор избегает ангажированных трафаретных установок и диалектически подходит к анализу ситуации. «Японская оккупация Индонезийского архипелага во время второй мировой войны означает разрыв между старым колониальным миром и эрой независимости» (с. 172).

Политическим последствиям второй мировой войны, ее влиянию на формирование нового мирового порядка посвящена статья С. Минольфи «Воссоединение Германии. Дипломатия и политика силы в конце холодной войны». Здесь рассматриваются события конца 80-х гг. XX в., которые привели к окончанию холодной войны и вызвали общую трансформацию в системе международных отношений. Обострение «германского вопроса» в 1989 г., отмечает Минольфи, вызвало общую негативную оппозицию в основных европейских странах, в особенности у оккупировавших Германию Франции, Великобритании и Советского Союза. После непродолжительного колебания США решили в одностороннем порядке ускорить воссоединение Германии на «западных условиях», чтобы не было предубеждения насчет принятия Атлантическим союзом новой объединенной Германии.

В целом же сборник оставляет положительное впечатление.

В.С. КУЗНЕЦОВ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О переговорах П.А. Столыпина с кадетами в апреле — июне 1907 года

Столыпин несколько раз вел политические переговоры с членами партии кадетов. Последний раз такого рода беседы имели место в период существования II Государственной думы. Краткая характеристика этих встреч содержится в воспоминаниях В.А. Маклакова, П.Б. Струве, И.В. Гессена, А.В. Тырковой-Вильямс, Ф.А. Голловина, П.Н. Милюкова¹, подвергнутых анализу в работах А.В. Островского и В.В. Шелохаева².

Однако многие подробности этих попыток контакта главы правительства с представителями оппозиции до сих пор не были известны. В частности, неизвестно, как далеко и по каким конкретно вопросам он готов был идти на уступки партии народной свободы. Свет на эту проблему проливают находящиеся в Государственном архиве Нижегородской области письма организатора и основного участника переговоров, видного московского кадета М.В. Челнокова.

Письма адресованы московской общественной деятельнице Е.А. Уваровой (внучке министра просвещения С.С. Уварова). Имя Столыпина начинает регулярно упоминаться в них после февраля 1907 г., когда Челноков стал секретарем II Государственной думы и в этом качестве познакомился с председателем Совета министров. Уже в письме от 1 апреля 1907 г. Челноков отмечал, что его личные отношения со Столыпиным «более или менее хороши».

В этом же письме Челноков выражал тревогу в связи с возможным роспуском Государственной думы. Однако в отличие от большинства своих товарищей по партии он считал, что в создавшейся конфликтной ситуации виновато не только правительство, но и оппозиция. При этом свою роль он видел в том, чтобы рассеять взаимные предубеждения и недоразумения: «Всеми средствами, где только могу, сглаживаю и смягчаю обострения»³, — писал он. Для этого в апреле Челноков организовал встречу Столыпина с товарищем председателя кадетской фракции Гессеном.

Встреча проходила ночью, в обстановке секретности. О визите Гессена в Зимний дворец знал только И.И. Петрункевич. Судя по воспоминаниям Гессена, закончилась она ничем⁴. Не дало результата и рандеву Столыпина с Милюковым⁵. После этого Столыпин имел дело только с представителями правого крыла партии — Чел-

ноковым, Струве, Маклаковым, С.Н. Булгаковым. Чаще других с премьером встречались Струве и Челноков. Струве вспоминал: «Иногда мы ездили к Столыпину вместе с Челноковым, иногда — порознь»⁶. Их визиты всегда совершались скрытно, ночью.

Содержание одной из таких бесед подробно изложено Челноковым в письме Уваровой, составленном в ночь на 23 мая.

«Третьего дня, "яко тать в нощи", был я у С[толыпина], — сообщал он ей, — и имел с ним очень большой разговор (с 12 до 3-4 ночи). Здесь это считается предосудительным, но я жертвую своей репутацией и делаю все возможное, чтобы выяснить дело и сблизить враждующие стороны.

Сущность положения рисуется так: С[толыпин] хочет нас разогнать, опасаясь, что мы отменим законы [изданные] по 87 ст[атье]; мы хотим спешно отменить эти законы, опасаясь, что он нас разгонит.

Получается замкнутый круг недоразумения. Его нужно устранить. Это первое и самое главное. Правительство не может допустить аграрной реформы, основанной на отчуждении [помещичьих земель], не может допустить укрепления общины. Во всем остальном можно хорошо столкнуться — раз аграрный вопрос будет решен. Тогда можно сговориться и на амнистии, и на самоуправлении, даже на автономии. На мелких столкновениях нас не распустят, если не вмешаются высшие силы.

Необходимо образовать в Думе сильный центр, с которым можно было бы торговаться. Принимаем меры к выяснению возможности сплотить такой центр»⁷.

Судя по этому письму, важнейшим предварительным условием соглашения Столыпин считал гарантию того, что Дума не отклонит правительственные законопроекты, изданные до ее созыва по 87 статье Основных законов и теперь внесенные на рассмотрение депутатов. Сильнее всего он опасался за судьбу законопроекта о праве крестьян на выход из общины. Если бы Дума его отвергла, указ от 9 ноября 1906 г. должен был утратить силу.

Важны сведения Челнокова о том, что за признание своей аграрной программы Столыпин был готов заплатить кадетам серьезными уступ-

ками: амнистией для политических преступников, расширением прав органов местного самоуправления, предоставлением некоторой автономии окраинам империи. Интересно также упоминание о попытках Челнокова «сплотить» в Думе «сильный центр».

Впрочем, Челноков вел переговоры отнюдь не как представитель конституционных демократов, а наоборот, в тайне от партии. Более того, делегаты V съезда партии народной свободы в октябре 1907 г. осудили сам факт визита к Столыпину⁸. Ход переговоров председателя Совета министров с отдельными либералами в апреле—июне 1907 г. и реакция партийного большинства на появившуюся информацию об этом в прессе (скандал вокруг «Столыпинской чашки чаю») свидетельствовали, что партия кадетов настроена на противоборство, а отнюдь не на соглашение с правительством.

*Ф.А. Селезнев,
кандидат исторических наук,
доцент Нижегородского
государственного университета
имени Н.И. Лобачевского*

Примечания

1. ГЕССЕН И.В. В двух веках: жизненный отчет. — Архив русской революции. Т. 22. Берлин. 1937 (М. 1993); ГОЛОВИН Ф.А. Записки. — Красный архив, 1926, т. 6; МАКЛАКОВ В.А. Вторая Государственная дума. Париж. 1942; МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. Т. 1. М. 1990; СТРУВЕ П.Б. М.В. Челноков и Д.Н. Шипов (глава из моих воспоминаний). — Новый журнал, 1949, кн. 22; ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. То, чего больше не будет. М. 1998.
2. ОСТРОВСКИЙ А.В. Царизм, кадеты и II Государственная дума. — Проблемы отечественной истории, 1977. Ч.2; ШЕЛОХАЕВ В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М. 1983.
3. Государственный архив Нижегородской области (ГАО), ф. 1834, оп. 825, д. 1, л. 162, 162об.
4. ГЕССЕН И.В. Ук. соч., с. 245.
5. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 423.
6. СТРУВЕ П.Б. Ук. соч., с. 244.
7. ГАО, ф. 1834, оп. 825, д. 1, л. 113об.—114.
8. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. М. 1997, с. 613—617.

Возвращаясь к напечатанному

Несколько возражений М.В. Дмитриеву

В № 8 «Вопросов истории» за 2002 г. напечатана статья М.В. Дмитриева «Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований». Автор подробно разбирает мою книгу «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)». СПб. 2000).

Разногласия между мною и М.В. Дмитриевым сводятся, если говорить по большому счету, к двум важным тезисам. Во-первых, Дмитриев считает «очень уязвимым» мнение, что «через 200 лет после присоединения Левобережной Украины к России «большая русская нация» существовала по-прежнему лишь «в проекте». Как следствие, он сомневается в правомочности постановки в один ряд украинского и общерусского проектов национального строительства, полагая, что последний к середине XIX в. был уже во многом воплощен в жизнь. Во-вторых, он убежден, что соревнование украинского и общерусского проектов национального строительства не было предreshено до революции 1917 г. и большевистской политики коренизации, которая приобрела в УССР характер украинизации. Именно тогда проигрыш общерусского проекта и стал, по мнению Дмитриева, необратимым.

По первому вопросу я имею возразить сле-

дующее. На страницах 32—33 и 51—53 моей книги достаточно подробно говорится о сращивании великорусской и малорусской элит и их совместном творчестве в формировании общерусской культуры в XVII и XVIII веках. Споры нет, это была важная предпосылка для реализации общерусского проекта. Но не более того. Строительство нации — процесс, охватывающий массу населения, а не только привилегированный слой. Вряд ли сам Дмитриев согласится с вполне соответствующим его логике утверждением, что полонизация значительной части русинского дворянства в Речи Посполитой была реализацией «общепольского» проекта национального строительства. Дмитриев применительно к XVI в. очень удачно воспользовался термином «протонациональный проект» (с. 157), понимая, что для того времени, а по моему мнению, и для XVII и большей части XVIII века, говорить о национализме не приходится. Потому-то и так важен рассмотренный в книге период после отмены крепостного права, когда все ключевые процессы национального строительства — гражданская и политическая включенность крестьянства, обучение крестьян грамоте (проблема языка обучения!) — встали в полный рост. Если подавляющее большинство населения неграмотно,

говорит на местных диалектах и не включено к какой бы то ни было националистический дискурс, то только о проектах национального строительства и можно говорить.

Что же касается идейного развития в XVI—XVIII веках, то тут мне остается только согласиться с Дмитриевым как специалистом по этому периоду, в том, что «какими путями шло развитие этнического самосознания на правобережной Украине, в Галичине и Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в., мы практически не знаем» (с. 157). Также согласен и с тем, что для Левобережья переломными стали годы Руины, когда отраженная (пусть отраженная, а не сформулированная!) Гизелем в его сочинении концепция общерусскости утвердилась среди элит, сделав периферийными другие имевшиеся проекты. А это значит, что все то, что сказано Дмитриевым о существовании идеи «общерусскости» в более раннее время, вовсе не значит, что эта концепция занимала тогда доминирующее положение вне пределов Московского царства. Особое же внимание к «Синопису» у меня связано с тем, что именно эта книга оказывала мощное влияние на широкий круг читателей, в том числе и из простонародья, вплоть до начала XIX в., и в этом смысле более важна, чем другие, заметно менее распространенные тексты.

Второй пункт наших разногласий отчасти порожден недоразумением. Суть его в том, что, как мне кажется, мой тезис о поражении проекта общерусской нации уже до первой мировой войны Дмитриев понимает как признание неизбежности уже в то время победы «украинского» проекта в смысле полного вытеснения малорусскости и создания независимого украинского государства. На самом деле, между этими утверждениями дистанция огромного размера. Тот проект общерусской нации, о котором идет речь в моей книге, предполагал предотвращение утверждения украинской идентичности как национальной, а украинского языка как альтернативного русскому в сфере высокой культуры, образования и публичной сферы. И вопрос здесь не в том, как много людей на Украине оставались в первые десятилетия XX века сторонниками малорусского варианта региональной идентичности, как не противоречащего общерусской национальной идентичности. Их было много. Вопрос в том, насколько многочисленными были сторонники украинского варианта национальной идентичности. Достаточно перечитать протоколы дебатов в Думе о запрете празднований юбилея Т.Г. Шевченко в 1914 г., чтобы получить ясный ответ на этот вопрос. Основная полемика развернулась тогда между П.Н. Милюковым, который однозначно признавал существование особого украинского народа и призывал договариваться

с М.С. Грушевским, пока верх в движении не взяли люди типа Донцова, и А.И. Савенко, который с позиций малоросса отрицал украинский национальный проект. Но даже он говорил, что «украинское движение это серьезное политическое движение, представляющее собой серьезную, реальную угрозу единству и целостности Российской империи»¹.

О том, как ошибался каждый из полемистов в предлагаемых рецептах, нужен особый разговор. Но ясно одно — даже если вообразить, что рецепт Савенко, то есть репрессии властей против украинского движения, был реализуем, то какие-либо шансы на успех он мог иметь лишь в случае внешнеполитической и внутривнутриполитической стабильности империи. Уже Савенко понимал, что «раз народ самостоятелен, то в силу господствующей идеи века он должен иметь самостоятельное и культурно-национальное, и политическое существование»². Не нужно быть «пророком, предсказывающим назад», чтобы сказать, как я и сделал в «Заключении» своей книги (с. 236), что если тот катастрофический сценарий, кульминацией которого стал октябрь 1917 г., и не был неизбежен, то вступления России в войну и серьезного внутривнутриполитического кризиса избежать было невозможно. А уже через год после начала войны, в августе 1915 г., даже Николай II понял, что придется признать украинцев как самостоятельный народ, хотя бы из тактических соображений (об этом писал от имени царя министр двора граф Фредерикс в Швейцарию графу М. Тышкевичу)³.

Значит, вопрос уже был не в том, удастся ли предотвратить формирование особой украинской национальной идентичности, но о том, на каких условиях (автономия, федерация) Украина может остаться в составе России. Это было вполне возможно. Но все эти возможные варианты, так или иначе концептуализируя идею близости и родства русских и украинцев, принципиально отличались бы от того проекта общерусской нации, который, повторюсь, исключал формирование отдельной украинской национальной идентичности. Именно о поражении этого проекта я писал в своей книге на страницах 231—239, в чем заинтересованный читатель может легко убедиться.

А.И. Миллер

Примечания

1. Государственная Дума. 4-й созыв. Стенографический отчет. 1914. Сессия 2, Часть 2. Заседание 12 февраля 1914 г., с. 915, 927.
2. Там же, с.930.
3. Архив внешней политики Российской империи, ф. 135, оп. 474, д. 27, л. 12.

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2002 году

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Докладные записки в ЦК ВКП(б) о состоянии идеологической работы в Казахстане (1945 г.). Публикация Р.М. Жумашева № 5
- Мамед Эмин Расул-Заде. Национальное движение в Азербайджане. (Вступительная статья С.М. Исхакова) № 2
- Сталин И.В. — «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» — и идеологическая подготовка к мировой войне (Вступительная статья М.В. Зеленова) № 7
- Сталин И.В. в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» (Вступительная статья М.В. Зеленова) №№ 11, 12
- Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936 года. Публикация Ю.Г. Мурина №№ 3, 4
- Тарле Е.В. 1944 год: не перегибать палку патриотизма. Вступление Ю.Н. Амиантова № 6

СТАТЬИ

- Андреева Н.С. — Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века № 2
- Богданов В.П., Рукавишников А.В. — Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII — первой трети XIII века № 10
- Жуков Ю.Н. — Репрессии и Конституция СССР 1936 года № 1
- Каминский В. В. — Русские генштабисты в 1917—1920 годах. Итоги изучения № 12
- Кива А.В. — Китайская модель реформ № 5
- Кошкин А.А. — Дипломатическая прелюдия войны на Тихом океане № 4
- Куренышев А.А. — На пути к частной собственности на землю. Союз земельных собственников России ... № 6
- Лабутина Т.Л. — Восприятие англий-

- ской культуры в России в эпоху Петра I № 9
- Любин В.П. — Итало-советские торгово-экономические отношения в 1920-е годы № 11
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А. — План «Барбаросса» № 6
- Миндлин А.Б. — Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу» № 4
- Нефедов С.А. — Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние ... № 11
- Павлова И.В. — Понимание сталинской эпохи и позиция историка ... № 10
- Поликарпов В.В. — Стратегия процветания крупного бизнеса (к истории Путиловского общества) № 1
- Пыжиков А.В. — Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ № 2
- Сагомоян А.А. — Испанский вопрос в ООН в 1946 году № 3
- Сахаров А.Н. — О новых подходах к истории России № 8
- Симонян Р.Х. — Страны Балтии и распад СССР (о некоторых мифах и стереотипах массового сознания) № 12
- Соловьев К.А. — Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI — начала XII века № 5
- Стефанович П.С. — Боярство и церковь в домонгольской Руси № 7
- Субботин В.А. — Колониальные войска в конце XVIII — начале XX века № 8
- Чапкевич Е.И. — Русская гвардия в Февральской революции № 9

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Арзаканян М.Ц. — Мишель Дебре ... № 1
- Генис В.Л. — Павел Петрович Венденский № 7
- Гетманский А.Э. — Петр Александрович Валуев № 6
- Головко А.Б. — Князь Роман Мстиславич № 12
- Зайцев В.П. — Бертран Рассел № 5
- Кузнецов В.С. — Юань Шикай № 8

Леонова Л.С. — Владимир Иванович Вернадский	№ 4
Сацкий А.Г. — Федор Федорович Ушаков	№ 3
— Дмитрий Николаевич Сенявин ...	№ 11
Цветков В.Ж. — Николай Николаевич Юденич	№ 9
Чиняков М.К. — Луи Александр Бертье	№ 10
Шемякин А.Л. — Никола Пашич	№ 2

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СССР

Искендеров А.А. — Очерки истории советского общества	№ 5
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Айрапетов О.Р. — Русская армия на сопках Маньчжурии	№ 1
Илизаров Б.С. — Душа Кобы подлинного	№ 7
Шахназаров О.Л. — Старообрядчество и большевизм	№ 4

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

Велидов А.С. — На пути к террору. Вступление И.В. Чуркиной	№ 6
--	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения (Вступительная статья Дж. Дейли и З.И. Перегудовой)	№№ 7—10
Глобачева С.Н. — Прелюдия происходящих в мире событий	№№ 11, 12

ПУБЛИКАЦИИ

Красин Л.Б. Письма жене и детям. 1917—1926. Вступительная статья Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского	№№ 1—5
Шляпников А.Г. — За хлебом и нефтью	№№ 7—12

СООБЩЕНИЯ

Абакумов О.Ю. — У истоков грабнической политической провокации	№ 5
Адибеков Г.М. — Первый опыт совместной российско-японской публикации исторических документов	№ 3
Анохин Г.И. — Исторические судьбы Исландии	№ 7
Асиновская М.Ю. — Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века	№ 11
Васильев А.Ф. — Некоторые аспекты хода и последствий битвы под Москвой	№ 1
Дегоев В.В. — Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса	№ 2
Казачков М.М. — «Обращение» Константина I и миланский эдикт	№ 9
Карпи Г. — Были ли славянофилы либералами?	№ 9
Каштанова Е.В. — Римская колония русских художников в записках графа Ф.П. Толстого	№ 3
Кикнадзе А. — Грузия и Британия: двусторонние отношения	№ 8
Кононова М.М. — Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в 1917—1938 годах ...	№ 3
Костин А.А. — Позиция США в отношении Югославии в январе—марте 1941 года	№ 1
Курилла И.И. — Споры о внешней политике США в начале 40-х годов XIX в. Дж. Тайлер и Д. Уэбстер	№ 10
Петров П.В., Степаков В.Н., Фролов Д.Д. — Война в Заполярье (1939—1940 гг.)	№ 8
Ранчин А.М., Лаушкин А.В. — К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании	№ 1
Соколовский А.В. — Сельская кредитная кооперация в России в 90-е годы XIX в.: выбор пути	№ 3
Тевлина В.В. — Социальная работа в России в конце XIX—начале XX века	№ 1
Фельдман М.А. — Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929—1941 годы)	№ 12
Юренева Т.Ю. — Коллекции и коллекционеры античного мира	№ 9

Яманов В.Е. — Рорик Ютландский и летописный Рюрик № 4

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Баканов С.А., Жумашев Р.М. — О темпах ликвидации неграмотности в Казахстане в 1926—1939 годах № 8
- Борисёнок Ю.А., Лобач В.А. — Формирование белорусско-российского порубежья № 4
- Ганичев И.А. — Новые данные о судьбе сына Шамиля в России № 3
- Гвоздева Т.Б. — Атлетизм в Древней Греции: любители и профессионалы № 11
- Гольденберг Л.И. — Альбертусталер 1753 года № 5
- Горелова С.И. — Александр Густавович Брикнер — историк и педагог № 7
- Духин Я.К. — Русское окружение Чокана Валиханова № 1
- Емельянов М.А. — Кавалер четырех орденов Славы И.Г. Меркулов № 8
- Ефимов Н.А. — Каким был подлинный С.М. Киров № 5
- Зимин И.П. — «Забытый» великий князь № 10
- Зырянов П.Н. — Молодые годы А.В. Колчака № 6
- Илич С. — Религиозные брожения в Османской Боснии во второй половине XVI в. № 2
- Кретинин Г.В. — О возвращении прусской провинции Фридриху II в 1762 году № 6
- Кудашев Р.Ш. — Записки переводчика № 12
- Мустафазаде Т. — Взаимоотношения Кубинского ханства с Россией (вторая половина XVIII — начало XIX века) № 10
- Мухамедина Ш. — Конфискация байских хозяйств в Казахстане № 4
- Набока В.П. — Советские летчики-истребители в Китае в 1950 году ... № 3
- Нахапетов Б.А. — Придворная медицинская часть в России. XIX век ... № 8
- Орлов А.А. — «Спаситель отечества» Роман Медокс — узник двух императоров № 12
- Петелин Б.В. — Был ли план объединения Германии?..... № 12

- Прохоров В.Л. — Предприниматели Прохоровы: традиции и проблемы благотворения № 9
- Собко Е.М. — Анна Павловна — королева Нидерландов № 9
- Солнцева С.А. — Военнопленные в России в 1917 г. (март—октябрь) ... № 1
- Сулаберидзе З. — Обстоятельства заключения российско-грузинского трактата 1783 года № 1
- Третьякова С.Н. — Английский писатель-путешественник Стефан Грэхем о России начала XX века ... № 11
- Чиняков М.К. — К вопросу о Бургундских войнах (1473—1477) № 2
- Шамин С.М. — В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) № 6
- Щербаков А.А. — К истории создания самолета ИЛ-2 № 12

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Бовыкин Д.Ю. — Революционный террор во Франции XVIII века: новейшие интерпретации № 6
- Болховитинов Н.Н., Жук С.И. — Марксистские и леворадикальные тенденции в современной историографии США № 12
- Буховец О.Г. — Клио на пороге XXI века: искушение национализмом ... № 3
- Володина Т.А. — «Русская история» С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. ... № 4
- Дмитриев М.В. — Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований № 8
- Иволина Л.И. — Роль внешнего фактора в политической жизни Англии XVII века № 2
- Мезин С.А. — Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века № 10
- Погодин С.Н. — Творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского № 5
- Сили Ш. — Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева № 6
- Шейн И.А. — О контрнаступлении М.И. Кутузова в 1812 году № 9
- * * *
- Айрапетов О.Р. — Д. Схиммелпен-

- ник ван дер Ойе. Навстречу Восходящему Солнцу. Русская имперская идеология на пути к войне с Японией № 5
- Арзаканян М.Ц. — В.П. Смирнов. Франция в XX веке № 8
- Богданов А.П. — Персональная история. Исповедь судьбы № 7
- Борозняк А.И. — «Вершить суд над самими собой...» История и значение Франкфуртского процесса над палачами Освенцима № 5
- Васильев Б. — А.В. Лубков. Война. Революция. Кооперация № 2
- Володихин Д.М. — О.И. Елисеева. Геополитические проекты Г.А. Потемкина № 3
- Воробьева И.В. — Н.Я. Эйдельман. Свободное слово Герцена № 6
- Генис В.Л., Исхаков С.М. — А. Халид. Политика мусульманской культурной реформы: джадидизм в Средней Азии № 10
- Гинцберг Л.И. — Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм № 2
- Глебов А.Г. — В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов № 4
- Горелов И.Е. — Е.В. Пчелов. Рюриковичи. История династии; Е.В. Пчелов. Романовы. История династии № 11
- Григорьев В.К. — Т.В. Осипова. Российские крестьяне в революции и гражданской войне № 6
- Гросул В.Я. — Роль религии в формировании южнославянских наций № 4
- Дамберг С.В., Семенов В.Е. — Л.Б. Брусиловская. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля № 12
- Денисов В.В. — А.Г. Сизенко. История Черноморского флота. 1778—1999 № 3
- Долбилов М.Д., Минаков А.Ю. — В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацилло, Р.Г. Эймонтова. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика № 3
- Ерин М.Е. — С.Г. Сидоров. Труд военнопленных в СССР 1939—1956 гг. № 5
- Ерин М.Е., Канинская Г.Н. — А.Б. Соколов. Введение в современную западную историографию № 12
- Ефременко Д.В. — А.В. Тырсенко. Фельяны. У истоков французского либерализма № 7
- Зевелев А.И., Смирнова М.И. — И.Х. Урилов. История российской социал-демократии (меньшевизма) № 11
- Зимулина Л.А. — Т.Л. Лабутина. Воспитание и образование англичанки в XVII веке № 8
- Зубкова Е.Ю. — Б. Пистров-Эннкер. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции № 1
- Игнатьев А.В. — Россия в Святой Земле. Документы и материалы № 5
- Иголкин А.А. — С.С. Хромов. Леопид Красин. Низвестные страницы биографии. 1920—1926 № 12
- Ирошников М.П., Кулегин А.М. — В.И. Ленин. Низвестные документы. 1891—1922 гг. № 8
- Исупов Л. — В.Б. Жиромская. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное № 7
- Канинская Г.Н. — Политика и власть в Западной Европе XX века № 2
- Кантор Р.Е. — Д.М. Гланц. Барбаросса. Гитлеровское вторжение в Россию в 1941 году № 2
- Н.И. Басовская. Цель истории — история № 6
- Е.Ф. Язьков. История стран Европы и Америки в новейшее время. 1918—1945 годы № 10
- Козлов В.Ф. — Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. Исторические очерки № 4
- Кузнецов В.С. — Исторические записки № 12
- Лавров А.С. — А. Берелович. Иерархия равных. Русское дворянство при старом порядке (XVI—XVII вв.) № 4
- Ланда Р.Г. — А.М. Васильев. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.) № 9
- Лачаева М.Ю. — А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. Источниковедение отечественной истории № 9
- Леонов С.В. — В.И. Голдин. Россия в гражданской войне. Очерки новей-

- шей историографии (вторая половина 1980-х—90-е годы) № 6
- Леонтьева Т.Г. — М.В. Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах) № 10
- Мадиевский С.А. — А. Кухенбекер. Сионизм без Сиона. Биробиджан: идея и история еврейского государства на Советском Дальнем Востоке № 7
- Мазуров А.Б. — С.Н. Богатырев. Государь и его советники. Ритуализированные консультации в политической культуре Московской Руси. 1350-е — 1370 годы № 8
- Макаренкова Е.М. — М.Ц. Арзаканян. Генерал де Голль на пути к власти № 4
- Мининков Н.А. — В.М. Соловьев. История Отечества. Популярная энциклопедия № 9
- Михайлович Д. — И.В. Поздеева, В.П. Пушков, А.В. Дадькин. Московский Печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652 гг.: от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона № 11
- Молок Ф.А. — Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах. 1939—1945 № 6
- Моряков В.И. — А.Б. Каменский. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа № 2
- Нарезный А.И., Мамитов А.К., Щербина А.В. — Российские либералы № 8
- Новиков А.В. — Рабочее движение в России. 1895—февраль 1917 г. Хроника. Вып. VII. 1901 год № 1
- Орлов Б.С. — Д. Хайнциг. Советский Союз и коммунистический Китай в 1945—1950 гг. Трудный путь к союзу № 1
- Пушкарев Л.Н. — Н. Бошковска. Русская женщина в XVII столетии № 3
- Рыбаченок И.С. — Россия в XVIII—XX веках. Страницы истории № 5
- Сафрончук В.С., Филатов Л.Ф. — История внешней политики России. Конец XV—XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны (I); XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона (II); Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) (III); Вторая половина XIX века (IV); Конец XIX— начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции) (V) № 5
- Селезнева Л.В. — А. Ашер. П.А. Столыпин. Поиск стабильности в позднимперской России № 9
- Семенов В.Е., Рабжаева М.В. — Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны № 9
- Сенявская Е.С. — Е.Н. Кульков, М.Ю. Мягков, О.А. Ржешевский. Война 1941—1945. Факты и документы № 4
- Серебрянников В.В. — Е.С. Сенявская. Психология войны в XX веке: исторический опыт России № 2
- Смолин А.В. — В.И. Гурко. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника № 3
- Соболева Н.А. — Г.А. Леонтьева, П.А. Шорин, В.Б. Кобрин. Вспомогательные исторические дисциплины; Г.А. Леонтьева. Палеография, хронология, археография, геральдика № 1
- Солодкин Я.Г. — Л.Е. Морозова. Смута начала XVII века глазами современников № 3
- Суставов В.П. — Персональная история № 1
- Тюрикова Н.Е. — Н.М. Муравьев. Сочинения и письма. Т. I. Письма № 11
- Уколова В.И. — И.С. Филиппов. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма № 9
- Улунян Ар.А. — Французский либерализм в прошлом и настоящем ... № 10
- Фарсобин В.В. — Б. Раушенбах. Пристрастие; Посткриптум № 10
- Федтке Г. — В.Л. Генис, «С Бухарой надо кончать...» К истории буффорских революций № 3

Филиппова С. — С.В. Сопленков. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века)	№ 7	Крючкова М.Н. — Когда родился Александр Андреевич Баранов	№ 10
Чураков Д.О. — О.И. Горелов. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету	№ 1	Миллер А.И. — Несколько возражений М.В. Дмитриеву	№ 12
Шмелев Г.И., Ястребинская Г.А. — Трагедия советской деревни. Т. 2. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, ноябрь 1929— декабрь 1939	№ 2	Потапов Е.Д. — Изображение казни декабристов в «Воспоминаниях петербургского старожилы»	№ 1
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ		Селезнев Ф.А. — О переговорах П.А. Столыпина с кадетами в апреле-июне 1907 года	№ 12
Александров Г.А. — К биографии эсера Архангельского	№ 6	Солодкин Я.Г. — «Градоделец» В.В. Кольцов-Мосальский	№ 10
Валькович А.М. и др. — Осторожно — плагиат!	№ 8	Суслов А.Ю. — О публикации документов по истории партии эсеров	№ 10
Гольдфаин И.И. — Двусмысленные числа	№ 6	Сюбарева И.Ф. — Обучение немецких детей на территории Калининградской области в 1946—1947 учебном году	№ 6
Карасев А.В., Чуркина И.В., Шемякин А.Л. — О статье Т.М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению»	№ 1	Чалая Т.П. — О дате рождения и родителях Н.И. Костомарова	№ 3
		Шавелев С.П. — В защиту Д.Я. Самоквасова	№ 2
		Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2002 году	№ 12